

5.
6.
7.

[Faded handwritten text on a rectangular paper fragment]

[Faded handwritten text on a rectangular paper fragment]

169

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ II.

V.

М А Н И Л Л А.

Отъ Лю-чу до Маниллы.

Манильскій заливъ. — Островки *Коррехидоръ*, *Конь* и *Монахиня*. — Входъ на рейдъ. — Рѣка *Пассигъ*. — Улицы, лавки, отель. — Предмѣстье *Бинондо* и старый городъ. — Тагалы, китайцы, метисы и испанцы. — Окрестности. — Растительность. — *Плантаціи*. — *Кальсадо*. — Французскіе миссіонеры. — Издѣлія изъ соломы и ананасныхъ волоконъ. — Церкви *Санта-Круцъ* и *Мигель*. — Ученье солдатъ. — Женщины. — Ящерицы въ домахъ. — Ванны. — Визиты къ испанцамъ. — Табачная фабрика. — Французскій епископъ. — Испанскій монастырь. — Соборъ. — Богомольцы и проповѣдники. — Пѣтушья бой. — Породы деревьевъ. — Канатная фабрика. — Запасъ сигаръ. — Дамы на фрегатѣ. — Происхожденіе словъ *Люсонъ* и *Манилла*. — Красота природы. — Географическая, историческая и статистическая замѣтка о Филиппинскихъ островахъ.

9-го февраля, рано утромъ, оставили мы напакіанскій рейдъ и лавировали, за противнымъ вѣтромъ, между большимъ Лю-чу и другими, мелкими Ликейскими островами, изъ которыхъ одинъ путешественники назвали Амакерима, а миссіонеръ *Беттельгеймъ* говоритъ, что Ама-Керима на

языкъ лисейцевъ значитъ: *вонъ тамъ дальше — Керима*. Сколько по бѣлу свѣту ходить переводовъ и догадокъ, похожихъ на это!

Транспортъ «Князь Меншиковъ» и корветъ «Оливуца» получили приказаніе идти впередъ, а шкуна «Востокъ» послана осмотрѣть и, по возможности, описать островокъ, открытый лейтенантомъ Панафидинымъ подь 25° широты. 10-е число мы все лавировали день и ночь противъ S вѣтра и подались впередъ не болѣе сорока миль; зато 11-го, въ 8 часовъ утра, подулъ черезчуръ свѣжій NO. Началась качка. У марселей взяли три рифа и спустили брамстенъги. Неслись по одиннадцати узловъ на фордевиндѣ. Не люблю я фордевинда или *фордака*, какъ Гаадеевъ называетъ этотъ вѣтеръ: онъ дуетъ съ кормы, слѣдовательно реи и паруса ставятся тогда прямо. Судно, держась на одномъ килѣ, падаетъ то на правую, то на лѣвую сторону.

11-го числа, часовъ въ 9 вечера, мы пересѣкли сѣверный тропикъ. Становилось темно. Ночью ни зги не видать; небо заволокло тучами; вѣтеръ реветъ; а часа въ два ночи надо было проходить сквозь группу острововъ Баши, ту самую, у которой, 9-го и 10-го іюля прошлаго года, насъ встрѣтилъ ураганъ. Хотя проливъ, черезъ который слѣдовало идти, имѣетъ въ ширину 19 миль, но въ темнотѣ поневолѣ въ голову приходятъ разныя сомнѣнія, напримѣръ, что могла быть погрѣшность въ картѣ, или теченіемъ отнесло отъ курса, тогда можно наткнуться... Къ счастью, утромъ погода была ясная и позволила сдѣлать вѣрную обсервацію. Въ сказанный часъ, даже въ темнотѣ, увидѣли берегъ, промчались черезъ проливъ благополучно — и вотъ мы опять въ Китайскомъ морѣ.

Сегодня, 12-го, какая погода! Море еще у Лю-чу было синее, а теперь, въ тропикахъ, и по давню. Солнце печетъ иногда до утомленія, какъ у насъ бываетъ передъ грозой. Теплота здѣсь напитана разными запахами; солнце прони-

каетъ всюду. Появились летучія рыбы, съ сельдь величиною, онѣ летаютъ во множествѣ, стаями и поодиночкѣ.

Ночью нѣсколько стихло; мы отдохнули отъ качки и спали хорошо. Шли узловъ по девяти, при мягкомъ и тепломъ вѣтрѣ, который нѣжитъ нервы, какъ купанье. Послѣ обѣда вдругъ, откуда ни возмись, задулъ крѣпкій, но попутный вѣтеръ съ берега, который былъ виденъ влѣво: это берегъ Люсона. Островъ этотъ очень великъ; отъ сѣверной его оконечности до Маниллы считаютъ слишкомъ триста миль, а еще сколько отъ Маниллы до южной оконечности. У кого ни посмотришь, описаніе Маниллы въ рукахъ. Всѣ заранѣе обольщаютъ себя мечтами, кто—увидѣть природу, еще роскошнѣ видѣнной, кто—новыхъ жителей, новые нравы, кто льститися встрѣтиться съ крокодиломъ, кто съ креолкой, иной разсчитываетъ на сигары; тотъ хочетъ заказать бѣлье изъ травяного холста; у всѣхъ различныя желанія. Б. К. заглядываетъ во всѣ путешествія и мучится, что ничего нѣтъ объ отеляхъ: чего добраго, пожалуй, ихъ нѣтъ совсѣмъ!

Звѣзды великолѣпны; море блещетъ фосфоромъ. На небѣ первый бросился мнѣ въ глаза Южный Крестъ, почти на горизонтѣ. Давно я не видалъ его. Вотъ и наша Медвѣдица; подалше Оріонъ. Небо не вездѣ такъ богато: здѣсь собрались аристократы обоихъ полушарій.

Часовъ съ шести вечера вдругъ заштилѣло, и мы, вмѣсто 11 и 12 узловъ, тащимся по 1½ узла. Здѣсь мудренныя мѣста: то буря, даже ураганъ, то штиль. Почти всѣ мореплаватели испытывали остановку на этомъ пути, а кто-то изъ нашихъ, отъ Баши до Маниллы, шелъ девять сутокъ: это какихъ-нибудь четыреста пятьдесятъ миль. Намъ остается миль триста. Мы думали-было послѣзавтра придти, а вотъ...

Вамъ, конечно, случилось осматривать картинную галерею какого-нибудь любителя: онъ передъ нѣкоторыми сво-

ими дорогими картинами оставаиваетъ васъ такъ долго, что картина даже... надоѣдаетъ. Вотъ этакъ, подчасъ, казалось и намъ въ штиль, при тишинѣ моря и синевѣ неба. А вѣдь какъ хорошо, красиво это безукоризненно-чистое и голубое небо, синяя, безпредѣльная гладь моря, влажно-теплый, береговой воздухъ! Но и морская поэзія надоѣсть, и тропическое небо, и яркія звѣзды: помянешь и майскія петербургскія ночи, когда, къ полупочи, небо захочетъ будто бы стемнѣть, да вдругъ опять засвѣтлѣетъ, точно ребенокъ нахмурится: того и гляди заплачетъ, а онъ вдругъ засмѣялся и пошелъ опять играть!..

Вдали, видишь, качаются три судна, какъ мы же, обезвѣтренныя, да синѣетъ, какъ туча, берегъ Лусона. На палубѣ бездѣйствіе; паруса стоятъ неподвижно; ученье дѣлать нѣтъ возможности отъ жара. Сегодня воскресенье; послѣ обѣда мы стояли на ютѣ и смотрѣли въ даль. Вотъ мимо пронеслось стадо дельфиновъ: сначала плылъ одинъ — наружу видно было только острое черное перо. Вскорѣ появились они во множествѣ, переваливаясь съ волны на волну. Еще большая акула долго слѣдила за фрегатомъ. Ей два раза бросали крюкъ съ наживой; два раза она хватала его, и одинъ разъ уже потащили-было ее вверхъ, но крюкъ сломался. Среди бездѣйствія и эти мелочи кажутся занимательныя! Завтра новолуніе: ожидаютъ переменъ, крѣпкихъ вѣтровъ. Сегодня началась масленица; всѣ жалуютъ, что не поспѣютъ на карнавалъ въ Маниллу.

16-го мы, наконецъ, были у входа въ Манильскій заливъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ въ мірѣ. Посрединѣ входа лежитъ островокъ *Коррехидоръ*, съ мамкомъ. Слѣва подлѣ него торчатъ въ нѣкоторомъ отъ него и другъ отъ друга разстояніи, голые камни *Конь* и *Монахиня*; справа сплошная гряда мелкихъ камней. Мы, лавировкой, часовъ въ шесть вечера, пошли въ заливъ. Отъ Коррехидора отдѣлилась было шлюпка и пошла на насъ, чтобъ, вѣроятно, «узнать

о здоровьѣ». Но гдѣ ей за нами! Мы шли по 9-ти узловъ обогнали какое-то странное, не то китайское, не то индійское судно, и часу въ десятомъ бросили якорь на манильскомъ рейдѣ, верстахъ въ пяти отъ берега.

Мы подбирались къ рейду тихо, осторожно, и вѣтеръ притихъ; настала ночь. Вы не знаете тропическихъ ночей, свѣтлыхъ безъ свѣта, теплыхъ, кроткихъ и безмолвныхъ. Ни вѣтерка, ни звука. Дрожать только звѣзды. Между Южнымъ Крестомъ, Конопусомъ, нашей Медвѣдией и Ориономъ, точно золотая пуговица, желтымъ свѣтомъ горитъ Юпитеръ. Конопусъ блеститъ какъ брильянтъ, и въ его блескѣ тонуть другія блѣдныя звѣзды корабля Арго, а все вмѣстѣ тонетъ въ пучинѣ млечнаго пути. Чтò это за роскошь!.. Но, чу! колоколь! Давно я не слыхалъ благовѣста. Густые и протяжные звуки разнеслись по рейду и смолкли. Я смотрѣлъ на городскіе огни: все кругомъ ихъ таилось въ сумракѣ. У меня на душѣ зашевелилось пріятное чувство любопытства; въ воображеніи поднялись изъ праха забвенія картины и образы католическаго юга. Мнѣ захотѣлось вдругъ побывать въ древнемъ монастырѣ, побродить въ сумракѣ церквей, поглядѣть на развалины, рядомъ съ свѣжей зеленью, на нищету въ золотыхъ лохмотьяхъ, на лѣнь испанца, на красоту испанки—чувства и картины, отъ которыхъ я-было сталъ уставать и отвыкать.

Но говорятъ и пишутъ, между прочимъ американецъ Вильксъ, французъ Малля (Mallat), что здѣсь нѣтъ отелей; что иностранцы, послѣ 11-ти часовъ, удаляются изъ города, который на ночь запирается, что остановиться негдѣ, но что зато всѣ гостепріимны и всякій домъ къ вашимъ услугамъ. Это заставляетъ задумываться: гдѣ же остановиться, чтобъ не быть обязаннымъ никому? есть ли необходимыя для путешественника удобства?

Усталъ я. До свиданія; авось завтра увижу и узнаю, чтò такое Манила. Мы сдѣлали отъ Лю-чу тысячу шестьсотъ

верстѣ отъ 9-го до 16-го февраля... Манилла! добрались и до нея, а какъ кажется это недосыгаемо изъ Петербурга! точно такъ же, какъ отсюда теперь кажется недосыгаемъ Петербургъ—ни больше, ни меньше. До свиданія. Расскажу вамъ, что увижу въ Маниллѣ.

Февраль, 1854 г.

Лишь только встали мы утромъ 16-го февраля, я вышелъ на ютъ смотрѣть Маниллу. «Гдѣ же она?» думалъ я, поглядѣвъ вокругъ себя: пусто! Мы, по-вчерашнему, въ морѣ; вдали синѣютъ берега; это мы видѣли всякій день, идучи подъ берегомъ Люсона. «Да гдѣ же Манилла?» спрашиваю.—«А вонъ, вонъ», говоритъ дѣдъ, показывая пальцемъ въ даль. «Да вы не туда смотрите; вонъ гдѣ!» прибавляетъ онъ, повертывая меня за плечо. Вижу едва замѣтную кайму берега; на немъ что-то бѣлѣетъ: не то дома, не то церкви; сзади, вдаль, горы. «Такъ это Манилла?»—«Да; а вонъ Кавита», говоритъ дѣдъ, повертывая меня опять плечомъ вправо, почти назадъ отъ Маниллы. Но тамъ ужъ ничего не видать: ни домовъ, ни церквей. Снится какъ будто во снѣ полоса берега, да между этой полосой и нашимъ фрегатомъ виденъ трепещущій парусъ рыбацкѣй лодки. Недалеко отъ насъ стоялъ французскій военный пароходъ «Colbert» и нѣсколько купеческихъ судовъ. «А Маниллы все-таки не видать!» сказалъ я.—«Еще бы видѣть!» возразилъ дѣдъ: «мы въ двухъ съ половиною миляхъ отъ нея».—«А ближе развѣ нельзя стать?» спросилъ я.—«Съ нашимъ фрегатомъ... что вы! тутъ глубина пойдетъ шесть да пять сажень. Другое дѣло купеческія суда—тѣ и въ рѣку входятъ».

«На берегъ кому угодно!» говорятъ часу во второмъ: «сейчасъ шлюпка идетъ». Насъ нѣсколько человѣкъ сѣло въ катеръ, всѣ въ бѣломъ—иначе подъ этимъ солнцемъ показаться нельзя—и поѣхали, прикрывшись холстиннымъ тен-

томъ; но и то жарко: выставишь нечаянно руку, ногу, плечо — жжетъ. Голубая вода не струится нисколько; суда, мимо которыхъ мы ѣхали, будто спятъ: ни малѣйшаго движенія на нихъ; на палубѣ ни души. По огромному заливу кое-гдѣ ползаютъ лодки, какъ сонныя мухи.

По мѣрѣ нашего приближенія, берегъ сталъ обрисовываться: обозначилась сѣрая, длинная стѣна, за ней колокольни, потомъ тѣсная куча домовъ. Открылся входъ въ рѣку, одѣтую каменной набережной. На правомъ берегу, у самаго устья, стоитъ высокая башня маяка.

Рѣка Пассигъ — славная, быстрая рѣка; на ней много движенія. Берега заставлены, въ два-три ряда, судами, джонками, лодками, такъ что мы съ трудомъ пробирались и не разъ принуждены были класть весла по борту. На судахъ дѣятельность: выгрузка, нагрузка: сейчасъ видно, что это большой портъ. Нѣкоторые корабли лежатъ почти на боку и чинятся. Всюду гомозятся за работой красносмуглыя, голыя тѣла: все индійцы. На лѣвомъ берегу крѣпость. «Вотъ Манилла и есть!» сказалъ, указывая на крѣпость, Б. К., который ужъ былъ у губернатора: «это испанскій городъ; тутъ всѣ власти». — «А это что жъ?» спросили мы, указывая на противоположный берегъ. — «Это предмѣстье Бинондо; тутъ торговля, иностранцы». Вотъ пока все, что я узналъ.

«Куда жъ пристать?» — «Вотъ одна пристапъ, а другая тамъ, дальше гдѣ-то, у моста». — «Такъ пристанемъ къ ближайшей!» сказалъ кто-то. — «Отчего жъ къ ближайшей?» возразилъ другой: «ужъ заберемъ подальше». — «И здѣсь хорошо». Стали спорить; большинство рѣшило пристать немедленно; но тутъ теченіемъ потащило насъ на мель, на праздно валявшіеся въ тинѣ якоря. «Клади лѣво руля! лѣво руля!» говорилъ одинъ. — «Отталкивайся, бери правый!»... командовалъ другой: «вотъ такъ! теперь пристанемъ». — «Да чѣтъ, поѣдемте туда, къ той пристани!» рѣшили многіе —

и поѣхали. А пристать слѣдовало тутъ, какъ мы послѣ увидѣли.

Мы продолжали плыть по рѣкѣ. На одномъ берегу рядъ грязноватыхъ пакгаузовъ, домовъ, длинныхъ заборовъ; зелени нигдѣ не видать; изрѣдка выбѣгаютъ на солнце изъ-за каменной ограды два-три банановые листа. Направо, у крѣпости, растетъ мелкая трава; тамъ бѣгаютъ съ крикомъ ребяташки: въ тѣни лежатъ буйволы, съ ужаснѣйшими, закинутыми на спину рогами, или стоятъ по горло въ водѣ. На стѣнѣ ходятъ часовые, съ большими эполетами изъ красной бахромы, въ уланскихъ киверахъ и въ суконныхъ мундирахъ, съ перевязью. «Крѣпость славно укрѣплена», говорили наши, разсматривая артиллерию и толщину стѣнъ.

Но вотъ и мостъ. Насилу продрались мы, между судовъ и лодокъ, къ каменнымъ ступенямъ пристани, и вышли на улицу. Ухъ, какъ душно! Насъ охватилъ горячій и удушливый воздухъ: точно въ пекарню вошли. «Ужели это Манилла?» говорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, помоложе, привыкшій, съ именемъ Маниллы, соединять что-то цвѣтущее: «да гдѣ же роскошь, поэзія?.. Ахъ, какъ не хорошо пахнетъ!» вдругъ прибавилъ онъ. Пахло въ самомъ дѣлѣ не хорошо. Мы вошли въ улицу, состоящую изъ сплошного ряда лавокъ, и вдругъ угадали причину запаха: изъ лавокъ выглядывали бритыя до-синя, китайскія головы и лукавыя фізіономіи. Прямые азіатскіе жида: гдѣ ихъ нѣтъ? И всюду разносятъ они запахъ чесноку, сандалнаго дерева и растительнаго масла. Здѣсь они, однакожь, почище, нежели въ Сингапурѣ и Гон-Конгѣ, и лавки у нихъ поопрятнѣе, похожи на наши гостинные дворы, только съ жильемъ вверху. Здѣсь меньше кузнецовъ, столяровъ; не видать, чтобъ жарили и пекли на улицѣ. Но голыхъ много. Непріятно видѣть эти бѣлыя и дряблыя тѣла: точно провизія какая-нибудь выставлена напоказъ, между частью баранины и окорокомъ ветчины.

Мы искали, кого бы спросить о французской отели, о которой слышали утромъ, о томъ, можно ли поселиться въ ней, имѣть экипажъ и т. п. На улицѣ никого; рѣдко пробѣжитъ индеецъ, или китаецъ съ ношей, и опять улица опустѣетъ. Только собаки, да свиньи, лежатъ кое-гдѣ у забора, въ тѣни. Мы обращались и къ китайцамъ, и къ индѣйцамъ, съ вопросомъ по-англійски и по-французски: — «гдѣ отель?» Встрѣчные тупо глядѣли на насъ, или отвѣчали вопросомъ же—«signor?» Мы стали ухитряться, какъ бы, не зная ни слова по-испански, сочинить испанскую фразу. Послѣ довольно продолжительной конференціи, наконецъ сочинили пять словъ, которыя должны были заключать въ себѣ вопросъ: — «гдѣ здѣсь французская отель?» Съ этимъ обратились мы къ солдату, праздно стоявшему въ тѣни какого-то желтаго зданія, похожаго на казармы. Другой солдатъ стоялъ на часахъ. Первый поглядѣлъ на насъ, подумалъ и повелъ по китайскимъ рядамъ. Изъ лавокъ на насъ несло попеременно, мыломъ, сапожнымъ товаромъ, пряностями, чаемъ, и т. п. Наконецъ солдатъ привелъ насъ на какой-то дворъ, на которомъ было множество колясокъ и лошадей. Кучера, чистившіе ихъ, посмотрѣли вопросительно на насъ, а мы на нихъ, потомъ всѣ вмѣстѣ на солдата: — «Что это мы сказали ему?» спросилъ одинъ изъ насъ въ тоскѣ отъ жара, духоты и дурного запаха на улицахъ. — «Вѣрно что-нибудь хорошее, что онъ насъ въ конюшню привелъ!» — «А все же вышло что-нибудь да по-испански: не даромъ же онъ привелъ сюда», прибавилъ кто-то въ утѣшеніе. — «Франческа, франческа», повторили мы солдату. Одинъ изъ кучеровъ тоже что-то сказалъ ему, и тотъ повелъ насъ опять по рядамъ. Улица была прекрасная; лавки, чѣмъ дальше шли, тѣмъ лучше. Наконецъ проводникъ остановился передъ одной дверью и указалъ намъ войти туда.

Мы очутились въ европейскомъ магазинѣ, но въ немъ царствовалъ такой эклектизмъ, что ни за что не скажешь

сразу, чѣмъ торгуетъ хозяинъ. Тутъ стояло двое-трое столовыхъ часовъ, коробка съ перчатками, нѣсколько ящичковъ съ виномъ, фортепiano; лежали матеріи, висѣли золотыя цѣпочки, тѣснились въ кучѣ этажерки, красивые столики, шкапы и диваны, на окнахъ вазы, на столѣ какая-то машина, потомъ бумага, духи. Мы имѣли время разсмотрѣть все, потому что въ магазинѣ никого не было и никто не шелъ къ намъ. Минуть черезъ пять уже появился молодой, высокій, блѣлокурый, очень красивый французъ, по обыкновенію, изысканно-одѣтый, и удивился, найдя насъ тутъ. За нимъ вышла немолодая, невысокая, очень некрасивая французженка, одѣтая еще изысканнѣе. Она тоже съ удивленіемъ посмотрѣла на насъ. Мы заговорили всѣ вмѣстѣ, и хозяева тоже. Мы стали горько жаловаться на жаръ, на духоту, на пустоту на улицахъ, на то, что никто, кромѣ испанскаго, другого языка не разумѣеть, и что мы никакъ не можемъ найти отеля. Они усердно утѣшали насъ тѣмъ, что теперь время съесты—всѣ спать, оттого никто по улицамъ, кромѣ простого народа, не ходитъ, а простой народъ, ни по-французски, ни по-англійски не говоритъ, но зато говоритъ по-испански, по-китайски и по-португальски, что, передъ съестой и послѣ съесты, по улицамъ, кромѣ простого народа, опять-таки никто не ходитъ, а непростой народъ все ѣздитъ въ экипажахъ и говоритъ только по-испански. — «Отель», прибавили они въ послѣднее утѣшеніе намъ: «точно есть: содержитъ ее французъ m-г Демьенъ, очень хорошій человѣкъ, но это предалеко отсюда. Вотъ, не угодно ли, васъ проводить туда кули, а вы заплатите ему за это реалъ, или пожалуй, больше».

Французженка, въ видѣ украшенія, прибавила къ этимъ практическимъ свѣдѣніямъ, что въ Маниллѣ всего человѣкъ шесть французовъ, да очень мало американскихъ и англійскихъ негоціантовъ, а то все испанцы; что они все спятъ да ѣдятъ; что сама она католичка, но терпитъ и другія

религии, даже лютеранскую, и что хотѣла бы очень побывать въ испанскихъ монастыряхъ, но туда женщинъ не пускаютъ — и при этомъ вздохнула изъ глубины души. — «А много монаховъ въ Маниллѣ?» спросилъ я. — «On ne voit que ça, m-r», отвѣчала она. На прощанье хозяева просили удостоить ихъ посѣщеніемъ, если понадобится намъ — мѣбель.

Опять пошли мы кочевать, подъ предводительствомъ индѣйца или, какъ называетъ Фаддеевъ, цыгана, въ бѣлой рубашкѣ, выпущенной на синія панталоны, въ соломенной шляпѣ, босикомъ, по пустымъ улицамъ, стараясь отворачиваться отъ многихъ лавочекъ, отъуда ужъ слингомъ пахло китайцами.

Пока мы шли подъ каменными сводами лавокъ, было сносно, но лавки кончились; началась другая улица, пошли перекрестки, площади; надо было проходить по открытымъ мѣстамъ. Зонтикъ оказался слабою защитой; ноги горѣли въ ботинкахъ. Мы прошли мимо моста, у котораго пристали; за нимъ видна большая церковь; впереди, по новой улицѣ, опять ряды лавокъ, гораздо хуже, чѣмъ въ той, гдѣ мы были. Попадались все тѣ же индѣйцы и китайцы, изрѣдка метисы, и одна метиска, съ распущенной по спинѣ мокрой косой, которую она подставляетъ подъ солнце посушить послѣ купанья.

Метисы — это пересаженные на манильскую почву, съ разныхъ другихъ мѣстъ, цвѣтки, то-есть, смѣсь китайцевъ, испанцевъ, и другихъ племенъ, съ индѣйцами. Испанскіе метисы одержимы желаніемъ прослыть, гдѣ есть случай, испанцами — но это невозможно: черезчуръ смуглыя лица черезчуръ черные волосы, обличаютъ неиспанскую кровь на каждомъ шагѣ. Они и сами понимаютъ это и смиряются. Женщины присвоили себѣ и особенный костюмъ: ярко-полосатую, и даже пеструю юбку, и бѣлую головную мантилью, въ отличіе отъ черной, исключительнаго головного убора

испанокъ *pur sang*. Испанцы такъ дорожатъ привилегіей родиться и получить воспитаніе на своемъ полуостровѣ, что уже родившіяся здѣсь, отъ испанскихъ же родителей, дѣти на нѣсколько процентовъ цѣнятся ниже противъ европейскихъ испанцевъ въ здѣшнемъ обществѣ. Одна молодая испанка... Но вѣдь это я все узналъ, не дорогою къ трактиру, а послѣ: зачѣмъ же забѣгать? Расскажу, когда дойдетъ очередь, если не... забуду.

Улицы, дома, лавки — все это провинціально и похоже на всѣ въ мірѣ, какъ я теперь погляжу, провинціально города, въ томъ числѣ и на наши: такіе же длинные заборы, длинные переулки безъ домовъ, заросшіе травой, пустота, эклектизмъ въ торговлѣ и отсутствіе движенія.

У одного переулка нашъ вожатый остановился, давъ догнать себя, и пошелъ между двумя заборами, изъ-за которыхъ выглядывали жарившіеся на солнцѣ бананы. Въ этомъ переулкѣ совсѣмъ не видно было домовъ, зато росло гораздо больше травы, въ тѣни лежало гораздо болѣе свиней и собакъ, нежели въ другихъ улицахъ. Наконецъ вотъ и домъ, одинъ, вдали, ужъ на загибѣ, другой—и только.— «Да скоро ли кончится этотъ путь?» говорили мы, до-нельзя утомленные жаромъ. Тагаль остановился у перваго изъ домовъ, у довольно грязныхъ воротъ.—«Fonda!» сказала онъ, указывая рукой во дворъ. Мы недоувѣрчиво заглянули туда—и чтò же: опять коляски и лошади.—«Что жъ это значитъ: смѣются, что ли, надъ нами?» ворчали мы.—«Fonda!» твердилъ упрямо тагаль.—«Такъ что жъ, что fonda? веди насъ въ отель!» кричали мы, кто по-французски, кто по-англійски. Къ счастью, вышелъ какой-то молодой человекъ и объявилъ по-англійски, что это фунда, то-есть отель и есть.—«А лошади, коляски—чтò это значитъ?» сердито спрашивали мы.—«Хозяинъ содержитъ и экипажи», отвѣчалъ онъ.

Мы успокоились и спрятались подъ спасительную тѣнь; пробѣжавъ дворъ, наполненный колясками и лошадьми, взо-

шли на лестницу и очутились въ огромной столовой залѣ, изъ которой открытая со всѣхъ сторонъ галлерей вела въ другія комнаты; далѣе слѣдовали коридоры, съ номерами. О роскош! солнца нѣтъ; вездѣ сквозной вѣтеръ, но, къ сожалѣнію, онъ не всегда здѣсь къ вашимъ услугамъ. У насъ, на сѣверѣ, велятъ избѣгать его, а здѣсь искать. Отель напоминала намъ Сингапуръ: такія же длинныя залы, длинный столъ и огромный вѣтеръ, прикрѣпленный къ потолку. Вездѣ задвижныя рамы во всю величину окна. Есть и балконъ, или просто крыша надъ сараями, огороженная бортами, какъ на корабляхъ, или, лучше сказать, какъ на... балконахъ.

На насъ съ любопытствомъ поглядывала толпа слугъ, индійцевъ, большею частью мальчишекъ. Впрочемъ тагалы вообще невысоки ростомъ и моложавы на видъ. — «Лимонаду!» спросили мы, и вся толпа слугъ разомъ бросилась вонъ, такъ что полъ, столы, стулья—все заходило въ залъ. Тутъ я разглядѣлъ, что полы, потолки — все это выстроено черезчуръ на живую нитку. Я сквозь щели досокъ на полу видѣлъ, что дѣлается на дворѣ; каждое слово, сказанное внизу, слышно въ комнатѣ, и обратно. Разглядѣлъ я еще, что въ рамахъ нѣтъ ни одного стекла, а вмѣсто ихъ что-то другое. — «Слюда», сказалъ одинъ изъ насъ. — «Нѣтъ, это жестъ, рѣшили другой: «посмотрите, какая крѣпкая!»

Слуги вѣбжали, какъ лошади, съ такимъ же шумомъ, съ какимъ ушли, и принесли нѣсколько бутылокъ лимонаду. Мы жадно напали на лимонадъ и потомъ уже спросили, гдѣ хозяинъ и можно ли его видѣть. Опять они съ оглушительнымъ топотомъ шарахнулись вонъ. Явился хозяинъ, m-r Demien, лѣтъ 35-ти, пріятной наружности, съ добрымъ лицомъ, въ бѣлой курткѣ и соломенной шляпѣ, вѣжливый, но не суетливый, держитъ себя очень просто, но съ достоинствомъ, не болтунъ и не хвастунъ, чѣмъ рѣдко встрѣтишь въ французѣ. Онъ объявилъ, что за полтора піастра

въ сутки даетъ комнату, со столомъ, то-есть съ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ; что онъ содержитъ также и экипажи; что коляска и пара лошадей стѣяютъ въ день два піастра съ половиной, а за полдня піастръ съ четвертью; что завтракаютъ у него въ десять часовъ, обѣдаютъ въ четыре, а чай пьютъ и ужинаютъ въ восемь.—«Впрочемъ, у меня когда хотите, тогда и дадутъ ѣсть, comme chez tous les mauvais gargotiers», прибавилъ онъ.—«Excellent m-r Demien!» сказалъ Б. К. въ умиленіи.

—«Скажите, пожалуйста», начали мы спрашивать хозяина: «какъ бы посмотрѣть городъ?»—«Можно», отвѣчалъ онъ: «вы что хотите видѣть?» — «Прежде всего испанскій городъ, достопримѣчательности». — «Можно». — «Церкви, на примѣръ?» — «Можно». — «Такъ велите же дать лошадей, мы бы поѣхали»... — «Церкви видѣть нельзя: онѣ заперты», сказалъ Демьень. — «Когда жъ служить въ нихъ?» — «До восьми часовъ утра; позже—жарко». — «Ну, фабрику сигаръ можно видѣть?» — «Нѣтъ, надо до одиннадцати часовъ утра; къ полудню всѣ расходятся отдыхать: жарко. Да у васъ есть позволеніе отъ губернатора?» — «Позволеніе?» спросили мы. — «Да?» — «Нѣтъ». — «Впрочемъ, если у васъ есть кто-нибудь знакомый въ городѣ, то васъ проведутъ, по знакомству съ директоромъ».

Мы призадумались передъ этими неожиданными помѣхами. — «Еще намъ хотѣлось бы съѣздить внутрь острова: посмотрѣть, на примѣръ, гротъ св. Маттео, лагуны... можно ли у васъ достать лошадей?» спрашивали мы далѣе. — «Можно, сколько хотите; только здѣшнее начальство неохотно пускаетъ иностранцевъ внутрь... Впрочемъ, для васъ, можетъ-быть, губернаторъ разрѣшитъ: вы рѣдкіе гости». — «Чѣмъ же это лучше Японіи?» съ досадой сказалъ я: «нечего дѣлать, велите мнѣ заложить коляску», прибавилъ я; «я проѣдусь по городу, кстати куплю сигаръ»... — «Коляски дать теперь нельзя»... — «Вы шутите, г. Демьень?» — «Ни-

мало: здѣсь ѣздятъ съ ранняго утра до полудня, потомъ съ пяти часовъ до десяти и одиннадцати вечера; иначе заморшишь лошадей». — «Гдѣ жъ магазинъ съ сигарами? покажите, мы пѣшкомъ пойдѣмъ». — «Есть одинъ магазинъ казенный, да тамъ не всегда бываютъ сигары... надо на фабрику»... — «Это изъ рукъ вонъ! вѣдь на фабрику попасть нельзя?» — «Трудно». — «Гдѣ жъ берутъ сигары? мы на улицѣ видѣли, всѣ курятъ». — «Въ частныхъ лавкахъ есть, да дрянныя». — «Нѣтъ ли у васъ?» — «Нѣтъ, я не держу, потому что здѣсь всякій самъ запасаетъ себѣ».

Мы пожали плечами, а Демьенъ улыбался: онъ наслаждался нашимъ положеніемъ. — «Что жъ намъ дѣлать теперь — научите». — «А вотъ отдохните здѣсь, теперь три часа, въ четыре подадутъ обѣдъ: обѣдайте, если хотите, а послѣ я тотчасъ велю закладывать экипажи, порашные, для васъ, и вы поѣдете кататься. Сигаръ я поню купить сейчасъ же». — «Мы обѣдали», отвѣчали мы. — «Завтракали», посиѣшно добавилъ В.: «почему же не отобѣдать? Надо же изучать нравы, обычаи...» — «А что это у васъ вставлено въ рамы вмѣсто стеколъ?» спросилъ я хозяина. — «Перламутровыя раковины». — «Зачѣмъ же?» — «Онѣ мало свѣта пропускаютъ въ комнаты и не принимаютъ въ себя жара. Да стекло здѣсь не напасешься отъ однихъ землетрясеній», прибавилъ онъ.

Мы сѣли у окна, на самомъ сквозномъ вѣтру, и смотрѣли на огороженный заборомъ плацъ, съ аллею большихъ тѣнистыхъ деревьевъ, назначенный, повидимому, для ученья солдатъ. Дальше видѣлись крыши домовъ, съ рѣдкою, выглядывавшею изъ-за нихъ зеленью. Съ другой стороны, съ балкона, видъ былъ лучше. Балконъ выходилъ на Пассижъ, съ движущейся по ней живой панорамой судовъ, странныхъ лодокъ индійцевъ. Изъ-за крѣпостной стѣны глядѣли куполы и кресты церквей. Въ трактиръ приходили и уходили разныя лица, все въ бѣлыхъ курткахъ, индійцы въ гряз-

ныхъ рубашкахъ, китайцы безъ того и безъ другого. Мимо везли на буйволахъ разныя клады; видно, буйволы, насчетъ ѣзды по жарѣ, не входили въ одну категорію съ лошадьми.

Въ трактирѣ къ обѣду стало поживѣе: изъ номеровъ показались сонныя лица жильцовъ: какой-то очень благообразный, высокій, сѣдой старикъ, въ свѣтло-зеленомъ сюртукѣ, ирландецъ, какъ намъ сказали, полковникъ испанской службы, французъ, блѣдный, до-нѣльзя съ черными волосами, до-нѣльзя въ бѣлой курткѣ и панталонахъ, какъ будто завернутый въ хлончатую бумагу, съ нѣжнымъ фальцетто, безъ грудныхъ нотъ. Потомъ, несмотря на жаръ, пришло съ улицы нѣсколько англійскихъ шкиперовъ: что за широкоплечесты! что за приземистость! ноги, согнутыя внутрь или дугой наружу. Они вчетверомъ, какъ толпа буйволовъ, прошли по галлерей мѣрно, основательно, такъ что полъ заходилъ ходенемъ. Посмотришь ли на индивидуума этой породы спереди, только и увидишь синюю, толстую, суконную куртку, такія же панталоны, шляпу и подъ ней, вмѣсто лица, кругъ краснаго мяса, съ каймой рыжихъ, жесткихъ волосъ, да огромные, жесткіе, почти неразжимающіеся кулаки: горе, кому этакій кулакъ окажетъ знакъ вражды или дружбы! Взглянешь сзади — то же самое, только шляпа вплоть приходится къ плечамъ. Онъ неизмѣнимъ всегда и вездѣ: ни бѣлыхъ куртокъ, ни соломенныхъ шляпъ, никакихъ этихъ нѣжностей не знаетъ. Явилось еще нѣсколько лицъ, всего человѣкъ двадцать. Слуги проявляли необыкновенную дѣятельность: они продолжали бросаться вонъ и возвращаться бѣгомъ, каждый съ какимъ-нибудь блюдомъ, и скоро заставили весь столъ, такъ что скатерти стало не видно.

Чего не было за столомъ! Мяса рѣшительно всё и во всѣхъ видахъ, живность тоже; зелени цѣлый огородъ, между прочимъ кукуруза съ масломъ. Но фруктовъ мало: не сезонъ имъ.

Столъ — смѣсь англійскаго съ французскимъ: зелень, на-примѣръ, вся приготовлена по-французски, а мясо и рыба поданы по-англійски, неразрѣзанными: къ нимъ особо опять французскіе рагу, тутъ же и соп, пикули. Хотя всѣ кушанья разомъ поставлены на столъ, но собесѣдники другъ друга не безокоили просьбою отрѣзать того, другого, какъ принято у англичанъ. — «Зачѣмъ такъ много всего этого?» скажешь невольно, глядя на эти двадцать, тридцать блюдъ: «не лучше ли два-три блюда, какъ у насъ?..» Впрочемъ, я не знаю, что лучше: попробовать ли понемногу отъ двадцати блюдъ, или наѣсться двухъ такъ, что человекъ послѣ обѣда часа два томится сомнѣніемъ, будетъ ли онъ живъ къ вечеру, какъ это дѣлаютъ иные...

Слуги и за обѣдомъ суются, какъ угорѣлые, сталкиваютъ другъ друга съ ногъ, бѣснуются и вдругъ становятся неподвижно и глядятъ на васъ, прося глазами приказать что-нибудь еще.

Послѣ обѣда стало посвѣжѣе: всѣ разѣхались. Мнѣ подали прекрасную небольшую коляску, запряженную парой мелкихъ, но прехорошенькихъ, круглыхъ и рѣзвыхъ лошадей. — «Велите кучеру ѣхать сначала въ Манилу», сказалъ я хозяину: «потомъ въ окрестности, только подальше и по-занимательнѣе». — «А на кальясадо хотите ѣхать?» спросилъ онъ. — «Что это такое кальясадо?» — «Это гулянье около крѣпости и по взморью: туда по вечерамъ собираются всѣ кататься». — «Ужо, попозднѣе», сказалъ я. Онъ долго что-то говорилъ кучеру, и тотъ погналъ лошадей еще по горячимъ уллицамъ, по которымъ мы утромъ танцились пѣинкомъ до отели. Я прилежно глядѣлъ кругомъ, чтобъ скорѣе освоиться въ городѣ.

Мы промчались по предмѣстью, теперь уже наполненному толпами народа, бѣльшею частью тагалами и китайцами, отчасти также метисами: весь этотъ людъ шелъ на работу или съ работы; другіе, казалось, просто обрадовались

наступавшей прохладѣ, и вышли изъ домовъ гулять, ходили по лавкамъ, стояли толпами и разговаривали.

Тагалы нехороши собой: лица большею частью плоскія, овальныя, носъ довольно широкій, глаза небольшие, цвѣтъ кожи нечисто-смуглый. Они стригутся по-европейски, одѣваются въ бумажныя панталоны, сверху выпущена бумажная же рубанка; у франтовъ кисейная, съ вышитою на европейскій фасонъ манишкой. Въ шляхахъ большое разнообразіе: много соломенныхъ, но еще больше европейскихъ, шелковыхъ, особенно сѣрыхъ. Метисы ходятъ въ такомъ же, или уже совершенно въ европейскомъ платьѣ.

Женщины, т.-е. тагалки, гораздо лучше мужчинъ: лица у нихъ правильнѣе, глаза смотрятъ живѣе, въ чертахъ больше смысленности, лукавства, игры, какъ оно и должно быть. Онѣ большія кокетки: это видно сейчасъ по взглядамъ, которыми онѣ отвѣчаютъ на взгляды любопытныхъ, и по подавляемымъ улыбкамъ. Какъ хорошъ смуглый цвѣтъ, при живыхъ, страстныхъ глазахъ и густой черной косѣ, которая плотнымъ узломъ громоздится на маленькой головѣ, напоказъ всѣмъ, безъ всякаго убора! Васъ поразила бы еще стройность этихъ женщинъ: онѣ не высоки ростомъ, но сложены прекрасно, тѣмъ прекраснѣе, что никто, кромѣ природы, не трудился надъ этимъ станомъ. Нѣтъ ни пояса, ни тесемки около поясницы, ничего, что намекало бы на шнуровку и корсетъ. Весь костюмъ состоитъ изъ бумажной, плотно обвитой около тѣла юбки, безъ рубанки; юбка прикрыта еще большимъ платкомъ—это нижняя часть одежды; верхняя состоитъ изъ одного только спенсера, большею частью кисейнаго, безъ всякой подкладки, ничѣмъ не соединяющагося съ юбкою: отъ этого, при скорой походкѣ, отъ граціозныхъ движеній тагалки, часто бросается въ глаза полоса смуглага тѣла, внезапно открывающаяся между спенсеромъ и юбкой.

У многихъ, особенно у старухъ, на шеѣ, на мѣдной цѣ-

почкъ, сверхъ платья, висять мѣдные же, или серебряные кресты, или медальоны, съ изображеніемъ святыхъ. Нѣчего прибавлять, что всѣ здѣшніе индійцы—католики. Въ дальнихъ мѣстахъ, внутри острова, есть еще малочисленные племена или, лучше сказать, толпы необращенныхъ дикарей; ихъ называютъ негритами (negritos). Испанское правительство иногда посылаетъ за ними небольшіе отряды солдатъ, какъ на охоту за звѣрями.

Между этими стройными женскими фигурами толкались, кромѣ тагаловъ, китайцы въ своихъ кофтахъ, съ длинною путавшеюся въ ногахъ косою, или пробирались монахи. И мужчины, и женщины почти всѣ курили сигары.

Мы выѣхали изъ предмѣстья, и по длинному, но довольно узкому мосту черезъ Пассигъ, потомъ мимо казармъ, въѣхали въ крѣпость, окруженную широкимъ, наполненнымъ водою, ровомъ, и сѣрой, массивной стѣной изъ дикаго камня. Проѣхали еще черезъ ворота за внутреннюю, выбѣленную кирпичную стѣну и очутились въ длинной, узенькой, мрачной улицѣ испанскаго города. Дома шли сплошной массой въ два этажа, съ непрерывной каймой всякихъ балконовъ, похожихъ на шкапы съ плотно-затворенными дверцами. Нижніе этажи первой улицы заняты китайскими лавками, все почти съ европейскими товарами.

Мы мчались изъ улицы въ улицу, такъ что предметы рябили въ глазахъ: то выскочимъ на какую-нибудь открытую площадку—и все обольется лучами свѣта: церковь, мостовая, садъ передъ церковью, съ яркою и нѣжною зеленью на деревьяхъ, и мы сами, то погрузимся опять во тьму кромѣшную длиннаго переулка. Въ глазахъ мелькнетъ вывѣска лавки, отворенное жалюзи и заспанное лицо стараго испанца; тамъ арфа у окна; тамъ дѣтская головка, солдатъ на часахъ. Сказалъ бы кучеру: *стой, тише!* да какъ ему скажешь? Выйдетъ такая же исторія, пожалуй, какъ давеча съ *фондой*. Мы доскакали до большой площади, съ

скверомъ посредияѣ и бронзовымъ монументомъ. — «Stop, halt», говорить я. Кучеръ все мчалъ дальше. Я потерялъ терпѣніе и тростью тронулъ его въ спину. Онъ быстро обернулся ко мнѣ и смотрѣлъ на меня вопросительно, а лошади все ѣхали. Насилу я знаками объяснилъ ему, что хочу выйти.

Я пошелъ по площади кругомъ; она образуетъ параллелограммъ: съ одной стороны дворецъ генераль-губернатора—большое двухъэтажное каменное зданіе повѣйшей постройки; внизу, въ окнахъ, вмѣсто рамъ, большія желѣзныя рѣшетки. Здѣсь все дома въ два этажа; въ нижнихъ этажахъ помѣщаются лавки и кладовыя, но не жилые покои, по причинѣ землетрясеній. Зданія строятся по двумъ способамъ: или чрезвычайно массивно, какъ строятся монастыри, казармы, казенные дома, такъ что надо необыкновенное землетрясеніе, чтобъ поколебать громадныя стѣны этихъ зданій, или же сколачиваются на живую нитку, въ родѣ балагановъ, какъ выстроена фонда, и почти все другіе частныя дома. Въ нихъ потолки и полы такъ легки и эластичны, что покоряются движенію почвы и, пошатавшись немного, остаются на своемъ мѣстѣ. Здѣсь, говорятъ, все привыкли къ землетрясеніямъ: и дома, и люди. Напротивъ дворца—ратуша съ башенкой наверху. Съ третьей стороны соборъ, на четвертой—рядъ большихъ, выстроенныхъ въ линію, частныхъ домовъ.

Площадь вся такъ и горѣла жаромъ—нужды нѣтъ, что было уже въ исходѣ пятый часъ. Дома стоятъ точно необитаемые, съ закрытыми жалюзи. Церкви, съ сѣрыми, обросшими мохомъ стѣнами, покоятся мертво и нѣмо. Нигдѣ ни звука, ни движенія; птичка даже не пролетитъ, и солдатъ у воротъ дворца точно приросъ къ землѣ, какъ эта статуя Карла IV. Около монумента, на скверѣ, только что посажены, не сегодня такъ вчера, кустики съ голыми прутьями—будущія деревья; они смотрѣли такъ жалко и

сухо, какъ будто отчаивались вырасти подъ этимъ солнцемъ.

Я хотѣлъ обойти кругомъ сквера, но подвигъ былъ не по силамъ: сдѣлавъ шаговъ тридцать, я сѣлъ въ коляску, и кучеръ опять безпощадно погналъ лошадей, опять замелькали предметы. Но городъ уже понемногу оживлялъ: кое-гдѣ отодвигались жалюзи; появлялись люди. На одномъ балконѣ, опершись локтями о рѣшетку, сидѣла молодая женщина, съ матовымъ лицомъ, съ черными глазами; она смотрѣла бойко: видно, что не спала совсѣмъ. Вотъ вечеромъ тутъ, пожалуй, явится кто-нибудь съ *отвагой* и *шпалой*, а, можетъ-быть, и съ *шелковыми петлями*. Я сталъ вглядываться попристальнѣе въ нее, и она скрылась. Кое-гдѣ отворяли рѣшетчатые желѣзные ворота въ домахъ; слышался стукъ колесъ; тамъ, на балконѣ, собралось цѣлое семейство наслаждаться чуть-чуть повѣявшею прохладой.

Проѣхавъ множество улицъ, замковъ, домовъ, я выѣхалъ въ другія ворота крѣпости, ко взморью, и успѣлъ составить только пока заключеніе, что испанскій городъ — городъ большой, городъ сонный и городъ очень пріятный. Ѣдучи туда, я думалъ, правду сказать, что на меня повѣсть духъ падшей, обдѣнѣвшей державы, что я увижу заустѣніе, отсутствіе строгости, порядка, словомъ, поэзію разоренія, но меня удивилъ видъ благоустроенности, чистоты: вездѣ видны слѣды заботливости, даже обилія.

За городомъ дорога пошла берегомъ. Я смотрѣлъ на необозримый заливъ, на наши суда, на озаряемая солнцемъ горы, однѣ, поближе, пурпуровыя, подальше — лиловыя; самыя дальнія синѣли въ туманѣ небосклона. Картина впереди—еще лучше: мы мчались по большому зеленому луку, съ декорацией индійскихъ деревень, прячущихся въ тѣни банановъ и пальмъ. Это одна безконечная шпалера зелени — на бананахъ нѣжной, яркой до желтизны, на пальмахъ темной и жесткой.

Кучеръ мчитъ неистово; я только успѣваю кидать бы-

стрые взгляды направо и налево. Тутъ стѣна бамбуковъ; и нигдѣ не видалъ такихъ большихъ и стройныхъ деревьевъ: они растутъ исполинскими кустами или букетами, устремляясь, какъ пучки стрѣль, вверхъ, и тамъ разбѣгаются вѣтвями въ разные стороны. Дальше густая, непроницаемая масса смѣшанной зелени, въ которой мѣстами прячутся кисти хлѣбныхъ плодовъ, фигъ, или гранатъ, какъ мнѣ казалось при такой быстрой ѣздѣ. Изъ чащи зелени мы вдругъ вторгались въ тагальскую деревню, проскакивали мимо хижины безъ стѣнъ, съ однѣми рѣшетками, сплетенными изъ растущаго тутъ же рядомъ бамбука, крытыхъ банановыми листьями, и безъ того, впрочемъ, осѣняющими круглый годъ всю хижину. Деревня замѣнилась опять сплошнымъ лѣсомъ-садомъ, который тянется долго, цѣлыя мили. Потомъ зеленая шпалера внезапно раздвинется, открывая поля съ грядами, покосами, фермами, стадами, съ пестрыми нивами, какъ заплатами, которые стелются далеко, вплоть до синѣющаго на горизонтѣ лѣса. Мѣстами декорация лѣса прячетъ за собой табачную, кофейную или, наконецъ, сахарную плантацію. Одно цвѣтетъ, съ другого уже собраны плоды, третье едва восходитъ. Но бананы превозмогаютъ все: вездѣ, изъ всѣхъ угловъ и щелей, торчатъ ихъ нескромные, ярко-свѣжіе листья, осѣняющіе крупными и тяжелыми кистями плодовъ. Все здѣсь заросло, все зеленъ, все садъ, какъ на Явѣ; нѣтъ пустого клочка голой земли.

Сколько мостиковъ и рѣчекъ перемахнули мы! Вездѣ на нихъ жильѣ, затинья, углубленія въ сторону: тамъ, въ сонныя воды заблудившейся въ лѣсу и ставшей неподвижно рѣчки, смотрятся дачи, во всемъ убранствѣ зелени и цвѣтовъ; черезъ воды переброшенъ мостъ, игрушечной постройки, какихъ много видишь на театрѣ, отчасти на Черной рѣчкѣ тоже.

На балконахъ ужъ сидятъ, въ праздномъ созерцаніи чудеса природы, заспанная, худощавая фигуры испанцевъ

de la vielle roche, напоминающихъ Дон-Кихота: лицо овальное, книзу уже, съ усами и бородой, похожей тоже на усъ, въ ермолкахъ, съ известными крупными морщинами, съ выражающимъ одно и то же взглядомъ тупого, даже отчасти болѣзненнаго раздумья, какъ будто печати страданія, котораго, кажется, не умѣетъ эта голова высказать, за немѣльемъ грамотѣ. На всѣхъ картинкахъ испанской школы увидите такія лица. Другія еще почиваютъ, или, проснувшись, кушаютъ. Быстроглазыя тагалки, занятія чѣмъ-нибудь въ хижинахъ или около, вдругъ поднимаютъ на прѣзжихъ глаза, и непременно что-нибудь высказываютъ ими: или вопросъ, или насмѣшку, или другое, но во всякомъ случаѣ краснорѣчиво. Мужчины — тѣ ничего не говорятъ: смотрятъ на васъ съ равнодушнымъ любопытствомъ, медленно, почесывая грудь, спину, или что-нибудь другое, какъ дѣлаютъ и у насъ мужчины въ поляхъ, отрываясь на минуту отъ плуга или косы, чтобъ поглядѣть на проѣзжаго. Одни изъ нихъ возятся около воловъ, другіе работаютъ по полямъ и огородамъ, третьи сидятъ въ лавочкѣ и продаютъ какую-нибудь дрянь; прочіе покупаютъ ее, ѣдятъ, курятъ, наконецъ, многіе большею частью сидятъ кучками всюду на улицѣ, въ садахъ, въ переулкахъ, въ полѣ, и почти всѣ съ пѣтухомъ подъ-мышкой.

Это вѣчный товарищъ тагала: онъ съ нимъ всюду. Я видѣлъ пѣтуховъ, привязанныхъ къ дверямъ лавокъ: хозяинъ торгуетъ — пѣтухъ долженъ быть тутъ же. Я оставившись, выходилъ изъ коляски посмотрѣть, что они тутъ дѣлаютъ; думалъ, что увижу знаменитые манильскіе пѣтушья бои, но видѣлъ только боевыя экзерциціи; пѣтуховъ раздражали, спуская другъ на друга, но тотчасъ же и удерживали за хвостъ, какъ только рыцари слишкомъ оцѣтятся. Тутъ лишь пробовали ихъ силу, цѣнили качества и готовили къ настоящимъ сраженіямъ. А сраженія происходятъ въ особыхъ циркахъ, по праздникамъ. Странно

видѣть взрослыхъ людей, съ задумчивыми, иногда съ такими дѣловыми фюзіонсіями, за ребяческой забавой. Мнѣ невольно пришла на память Европа, карты, и дѣловыя фюзіонсіи тоже...

Когда я выѣзжалъ изъ города въ окрестности, откуда-то взялась и поѣхала, то обгоняя насъ, то отставая, коляска; въ ней на первыхъ мѣстахъ сидѣлъ августинецъ, съ умнымъ лицомъ, черными, очень выразительными глазами, съ выбритой маковкой, безъ шляпы, въ бѣлой полотняной, или коленкоровой широкой одеждѣ; это бы ничего: *on ne voit que ça*, говоритъ французенка; но рядомъ съ монахомъ сидѣлъ китаецъ — и это не рѣдкость въ Маниллѣ. У этого китайца были свѣтлорусые волосы, голубые, или, по крайней мѣрѣ, сѣрые глаза, бѣлое, или, скорѣе, красноватое лицо, начиная съ носа, совершенно какъ у европейца. Подумавъ хорошенько, я снизошелъ и къ этому явленію. «Почему жь», думалъ я: «не быть у китайца русымъ волосамъ и красному носу, какъ у европейца? вѣдь англичане давно ужъ распространяютъ въ Китаѣ просвѣщеніе и завели много своего. Между прочимъ и носы, и русые волосы...» Но зачѣмъ у этого китайца большой золотой крестъ на груди? Если онъ христіанинъ, какъ надо полагать, зачѣмъ онъ въ китайскомъ платьѣ? — бонсея своихъ, прячется? не думаю: тогда бы онъ боялся носить крестъ. Наконецъ, зачѣмъ онъ сидитъ съ католическимъ монахомъ? Кто это противъ нихъ, весь въ черномъ, свѣтскомъ платьѣ, худошавый мужчина, который не надѣваетъ шляпы, а держитъ ее въ рукахъ? Потомъ, отчего они всѣ молчатъ и смотрятъ въ разныя стороны?

Это очень интриговало меня; я поминутно обращалъ взгляды на коляску, до-того, что августинскій монахъ вышелъ изъ терпѣнія и поклонился мнѣ, полагая, вѣроятно, по моимъ вопросительнымъ и настойчивымъ взглядамъ, что я добивался поклона. Мнѣ стало совѣстно, и я ужъ не

взглянулъ ни разу на коляску, и не знаю, гдѣ и какъ она отстала отъ насъ.

Солнце ужъ скрывалось; мертвый полуденный сонъ миновалъ; бездѣйствіе кончилось. По деревьямъ, по дорогѣ и по водѣ заигралъ вѣтерокъ, подушій съ моря, но такъ мягко, нѣжно, осторожно, какъ развѣ только мать дуетъ въ лицо спящему ребенку, чтобъ согнать докучливую муху. Почти не слышать его, а прохладно, тепло и покойно; вѣтви не качаются взадъ и впередъ и не хлещутъ одна другую, какъ въ нашихъ сѣверныхъ дѣбравахъ; онѣ не движутся, только листья шепчутъ, и то не всѣ:шой съ подошву толщиной — гдѣ ему шептать! зефиры не скоро раскачаютъ его.

А кучерь все мчалъ да мчалъ меня, то по глухимъ переулкамъ, съ бѣдными, но чистыми хижинами, по улицамъ, то опять по полянамъ, по плантаціямъ. Изъ-за деревьевъ продолжали выглядывать идилліи въ такихъ краскахъ, какія конечно не снились самому отцу Теоокриту. Вездѣ толпы; на балконахъ множество головъ.

Мы проѣзжали мимо развалинъ массивнаго зданія, упавшаго отъ землетрясенія, какъ надо полагать. Я вышелъ изъ экипажа, заглянулъ за каменную ограду и видѣлъ стѣну съ двумя-тремя окнами, да кучу щебня и кирпичей, заросшихъ травой.

Въ тагальскихъ деревняхъ между хижинами много красивыхъ домовъ легкой постройки — это дачи горожанъ, которые бѣгутъ сюда, между прочимъ, тотчасъ послѣ первыхъ приступовъ землетрясенія, какъ сказалъ мнѣ утромъ мсьѣ Демьенъ. Здѣсь нѣчему раздавить человѣка: все изъ жердочекъ, изъ прутьевъ; стѣны нѣтъ: мѣсто ихъ занимаютъ окна, задвигаемыя посредствомъ жалюзи. Жалюзи открывались къ вечеру и обнаруживали внутренность домовъ. У тагаловъ нѣчего смотрѣть: нѣсколько посуды для приготовления пищи, лавки и семейство, сидящее на полу. Хижины строятся на

подставкахъ, для защиты отъ періодически-разливающихся рѣкъ, отъ дождей; подъ хижиной помѣщаются свиньи, куры, все домашнее хозяйство. Побогаче хижины окружены двориками, огороженными бамбукомъ, а чаще кустами банановъ. Во многихъ хижинахъ я видѣлъ висящія мундиры, а иногда и самъ смуглый воинъ изъ тагаловъ, въ родѣ Отелло, сидѣлъ тутъ же, среди семейства.

Да, прекрасны окрестности Манилы, особенно при вечернемъ солнцѣ: днемъ, въ полдень, онѣ ослѣпительны и знойны, какъ степь. Если бѣ не онѣ, не эта растительность и не веселый, всегда праздничный видъ природы, не стоило бы, кажется, и ѣздить въ Манилу, развѣ только за сигарами.

Мы вѣхали въ городъ съ другой стороны; тамъ ужъ кое-гдѣ зажигали фонари: начинались сумерки. Китайскія лавки сіяли цвѣтными огнями. Въ полумракѣ двигалась по тротуарамъ толпа гуляющихъ; по мостовой мчались коляски. Мы опять черезъ мостъ поѣхали къ крѣпости, но на мосту была такая тѣснота отъ экипажей, такая толкотня между пѣшеходами, что я ждалъ минутъ пять въ линіи колясокъ, пока можно было проѣхать. Наконецъ, мы высвободились изъ толпы и мимо крѣпостной стѣны пріѣхали на гласисъ и вмѣшались въ ряды экипажей.

Гдѣ это я? Подъ Новинскимъ, или въ Екаторингофѣ 1-го мая? По гласису тянутся двѣ аллеи большихъ широколиственныхъ деревьевъ; между аллеями, по широкой дорогѣ, движется безконечная пѣть двумѣстныхъ и четверомѣстныхъ колясокъ, съ синьорами и синьоринами, съ джентльменами, джентльменками, и огибаетъ огромное пространство отъ предмѣстій, мимо крѣпости, до самаго взморья. На берегу залпа собралось до сотни экипажей: гуляющіе любовались моремъ и слушали прекрасную музыку. Играли полковые музыканты. Я остановился послушать знакомые мотивы изъ оперъ и незнакомыя польки, мазурки. Многіе мужчины—въ

бѣломъ, исключая львовъ: тѣ—въ суконномъ платьѣ и черныхъ шелковыхъ шляпахъ. Весь шикъ заключается въ томъ, чтобъ—хоть задохнуться, да казаться европейцемъ, не измѣнять европейскаго костюма и обычаевъ. Женщины—испанки—всѣ съ открытой головой, и даже безъ мантильи; англичанки и американки въ шляпкахъ. Лицъ не видать: темно. Мѣстами разставлены жандармы, въ треугольных шляпахъ, темныхъ мундирахъ съ бѣлою перевязью, верхомъ на небольшихъ, но крѣпкихъ, коренастыхъ лошадяхъ. Порядокъ строгій; ни одна коляска не смѣетъ обогнать другую, ни остановиться въ рядахъ.

Это и есть знаменитое кальсадо или гулянье, о которомъ говорилъ М-г Demien.

Проѣхавъ раза два по немъ взадъ и впередъ, я отправился въ отель. Кальсадо не уйдетъ: да хоть бы и ушло—не бѣда: это та же Москва, Петербургъ, Берлинъ, Парижъ и т. д. Въ «фондѣ» ужъ опять накрытъ длинный столъ, опять заставили его двадцатью блюдами, все почти тѣми же, что и за обѣдомъ, кромѣ супа. Это называется *пить чай*, а чаю не видать. Вскорѣ, одинъ за другимъ, собрались всѣ—и наши, и чужіе. Завязался живой и шумный разговоръ, рассказъ, кто что видѣлъ, слышалъ. Я ушелъ на балконъ и велѣлъ туда принести себѣ чай. Боже мой, какая микстура! Полухолодный, темный и мутный настой, мутный отъ грязнаго сахарнаго песку. Въ Манилѣ родится прекрасный сахаръ и нѣтъ ни одного завода для рафинировки. Все идетъ отсюда вонъ, больше въ Америку, на мысъ Доброй Надежды, по китайскимъ берегамъ, и оттого не доставнешь куска бѣлаго сахара. Нужды нѣтъ, что въ двухъ шагахъ отъ Китая, но не доставнешь и чашки хорошаго чаю. Я убѣждаюсь болѣе и болѣе, что иностранцы не знаютъ, что такое чай, и что одни русскіе знаютъ въ немъ толкъ.

Ночь была лунная. Я смотрѣлъ на Пассингъ, который текъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ балкона, на темные си-

луэты монастырей, на чуть-чуть качающіяся суда, слушалъ звуки долетавшей какой-то музыки, кажется, арфы, только не фортепьянъ, и женскій голосъ. Глядя на все окружающее, не умѣешь представить себѣ, какъ хмурится это небо, какъ блѣднѣютъ и пропадаютъ эти краски, какъ природа разстается съ своимъ праздничнымъ уборомъ.

— «Ваше высокоблагородіе!» прервалъ голосъ мое раздумье: передо мной матросъ.— «Катеръ отваливаетъ сейчасъ; меня послали за вами». На рейдѣ было совсѣмъ не такъ тихо и спокойно, какъ въ городѣ. Катеръ мчался стрѣлой подъ парусами. Изъ-подъ него фонтанами вырывалась золотая пѣна и далеко озаряла воду. Черезъ полчаса мы были дома.

24-го февраля. Я ужъ давно живу у Демьена въ отели. Наши пріѣзжаютъ утромъ и къ вечеру возвращаются на фрегатъ. На другой день прихода нашего хотѣлъ-было я перебраться въ городъ, но къ намъ пріѣхали съ визитомъ испанцы. Дома были только вахтенный офицеръ, да еще очень немногіе, кого удерживала служба. Я съ Оаддеевымъ укладывался у себя въ каютѣ, чтобъ ѣхать на берегъ; вдругъ К. просунулъ ко мнѣ голову въ дверь. «Испанцы ѣдутъ», сказалъ онъ.— «Богъ съ ними!» отвѣчалъ я. «Примите ихъ, сдѣлайте одолженіе», просилъ онъ. «Чтò я съ ними буду дѣлать?»— «А я еще меньше васъ». Но разговаривать было некогда: на палубу вошло человѣкъ шесть гидальго, но не такихъ, какихъ я видѣлъ на балконахъ и еще на портретахъ Веласкеца и другихъ; они были столько же гидальго, сколько и джентльмены: всѣ во фракахъ, пальто и сюртукахъ, нѣкоторые въ бѣлыхъ курткахъ.— «Commendante de bahia!» сказалъ мнѣ одинъ изъ гидальго, показывая на высокаго и красиваго мужчину съ усами. Но commendante de bahia ни по-французски, ни по-англійски не говорилъ, по-русски ни слова, а я зналъ по-испански одно: fonda, да, пожалуй, еще другое—muchacho, которое узналъ въ отели

И которое значить «мальчикъ». Теперь къ моему лексикону прибавились еще два слова: fuego—огонь, anda—пошелъ! Къ счастью, съ нимъ были между прочимъ два молодые человека, которые, хотя очень дурно, но зато очень скоро говорили по-французски. Одинъ Vincento d'Abello, сынъ редактора здѣшней газеты, сборщика податей тожъ, другой Carmena; оба они служили и по редакціи, и по сбору податей.

Я до сихъ поръ имѣю темное понятіе о томъ, что такое «commendante de bahia» — начальникъ залива, въ переводѣ. Вчера утромъ ужъ былъ у насъ какой-то капитанъ надъ портомъ, только не этотъ. Что жъ это еще? Имъ показали фрегатъ, вызвали музыку, угощали чаемъ, только не микстурой, а нашимъ, благовоннымъ чаемъ. Они заговорили о туркахъ, объ англичанахъ, о синопскомъ дѣлѣ, о которомъ только-что получено было извѣстіе. А я имъ о Коррехидорѣ, островѣ, лежащемъ у входа въ заливъ, потомъ о сигарахъ. Они обѣщали мнѣ полное покровительство для осмотра фабрики и для покупки сигаръ.

Только на другой день утромъ могъ я переселиться въ городъ. Приѣхалъ баронъ К. съ берега, съ какимъ-то китаецемъ. Но какой молодецъ этотъ китаецъ! большіе каріе глаза такъ и горятъ, лицо румяное, носъ большой, нѣсколько съ горбомъ. Они проходятъ по палубѣ и говорятъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ. «Вотъ французскій миссіонеръ, живущій въ Китаѣ», сказалъ баронъ, знакомя насъ. Мнѣ объяснилось вчерашнее явленіе за городомъ. — «Вы здѣсь не одни», сказалъ я французу: «я видѣлъ вчера кого-нибудь изъ вашихъ, тоже въ китайскомъ платьѣ, съ золотымъ наперснымъ крестомъ»... — «Круглолицый, съ красноватымъ лицомъ и отчасти носомъ... figure rubiconde?» спросилъ французъ. — «Да! да!» — «Это нашъ епископъ, monseigneur Dinacourt: онъ завѣдываетъ христіанами провинціи Джеджианъ (или Чечіанъ, или Шешіанъ) въ Китаѣ; те-

перь пріѣхаль сюда отдохнуть въ здѣшнемъ климатѣ: онъ страдаетъ приливами къ головѣ. Хотите побывать у него? Онъ будетъ очень радъ и самъ явится къ вамъ».—«Очень рады».—«И къ испанскому епископу».—«Мы бы очень желали... особенно интересно посмотрѣть здѣшніе монастыри».—«И прекрасно: monseigneur Dinacourt живетъ самъ въ испанскомъ монастырѣ. Завтра, или—нѣтъ, завтра мнѣ надо съѣздить въ окрестности, въ rueblo — послѣзавтра пріѣзжайте ко мнѣ, въ домъ португальскаго епископа; я живу тамъ, и мы отправимся».

Отель былъ единственное сборное мѣсто въ Маниллѣ для путешественниковъ, купцовъ, инкиперовъ. Безпрестанно по комнатамъ проходятъ испанцы, американцы, французскіе офицеры, объ одномъ эплетѣ, и наши. Французы, по обыкновенію, кланяются всѣмъ и каждому; англичане, по такому же обыкновенію, стараются ни на кого не смотрѣть; наши дѣлаютъ и то, и другое, смотря по надобности, и въ этомъ случаѣ они лучше всѣхъ.

Мнѣ не разъ случалось слышать упреки, что мы не очень разговорчивы въ публичныхъ мѣстахъ съ незнакомыми, что вотъ французы любезнѣе всѣхъ и т. п. Справедливы ли такіе упреки? Для чего навязывать какому-нибудь народу черту, какой у него нѣтъ въ нравахъ? Англичане вовсе не говорятъ въ публичныхъ мѣстахъ между собою. «Оттого у нихъ и скучно, въ ихъ собраніяхъ», скажете вы. Совершенно справедливо: ѣдешь ли по желѣзной дорогѣ, сидишь ли въ тавернѣ, за обѣдомъ, въ театрѣ—молчаніе. Но зато англичане не безнокоятъ другъ друга въ публичныхъ мѣстахъ. Уваженіе къ общественному спокойствію простерто до тонкости и... дѣйствительно до скуки. А вотъ мой пріятель, Б. К., воротясь изъ Парижа, рассказывалъ, что ему на парижской дорогѣ, въ одномъ вагонѣ, было до крайности весело, а въ другомъ до крайности странно. Въ послѣдній забралось нѣсколько, черезчуръ разговорчивыхъ и

«любезныхъ» людей: одни пѣли, другіе хохотали, третьи курили; но были и такіе, которые не пѣли, не хохотали и не курили. Безпрестанно слышалось: «Laissez-moi tranquille, je veux dormir». — «Dormez, si vous pouvez. Quant à moi, j'ai payé mon argent aussi bien que vous, je veux chanter». — «Au diable les fumeurs!» — «Tenez-vous tranquille ou bien je vous dirai deux mots»...

Ужъ не знаю, что хуже: молчать, или разговаривать вотъ этакъ? Впрочемъ, если заговоришь вотъ хоть съ этимъ американскимъ кэнгеномъ, въ синей курткѣ, который наступаетъ на васъ съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами и съ звѣрскимъ взглядомъ своихъ глазъ, цвѣта морской воды, онъ сейчасъ разожметъ кулаки, и начнетъ говорить, разумѣется, о томъ, откуда идетъ, куда, чѣмъ торгуетъ, что выгодноѣ, привозить или вывозить и т. п. Болтовни, остроты, отъ него не ждите. Отъ француза вы не требуете же, чтобъ онъ такъ же занимался своими лошадьми, такъ же скакалъ по полямъ и лѣсамъ, какъ англичане, ѣздилъ куда-нибудь въ Америку бить медвѣдей, или сидѣлъ цѣлый день съ удочкою надъ рѣкой... словомъ, чтобъ былъ преданъ страстно спорту. «Этотъ спортъ», замѣтили мнѣ баронъ К., которому я все это говорилъ: «служить только маской скудоумія, или, по крайней мѣрѣ, неспособности употребить себя какъ-нибудь лучше»... Можетъ-быть, это правда: но зато какъ англичане здоровы отъ этихъ упражненій спорта, который входитъ у нихъ въ систему воспитанія юношества!

Мы пошли ходить по лавкамъ, закупили топкихъ соломенныхъ шляпъ и сигарочницъ. Замѣтивъ большое требованіе, купцы, особенно китайцы, набивали цѣну на свой товаръ. Дюжину посредственныхъ сигарочницъ они продавали за три доллара — это еще дешево; но за другія, побольше, мягкія, тонкія и изящныя, просили по три доллара за штуку и едва соглашались брать по полтора. Что мо-

жетъ быть лучше манильской соломенной шляпы? Она тонка и гладка, какъ листъ атласной почтовой бумаги — на головѣ не слышать — и плотна, солнце не пропекаетъ черезъ нее: между тѣмъ ея ни на комъ не увидишь, кромѣ тагаловъ да ремесленниковъ, потому что шляпы эти — *свое*, туземное издѣлье и стоить всего долларъ, много полтора. Львы носятъ черныя шелковыя, какъ я сказалъ; просто джентльмены — низенькія некрасивыя шляпы, грубой китайской соломы, которыя продаются по три доллара. Манила знаменита еще издѣльями изъ волоконъ *пины*, ананасовыхъ кореньевъ. Изъ этихъ волоконъ дѣлаютъ матеріи, въ родѣ кисеи, легкія, прозрачныя, и потомъ носовыя платки, тѣ дорогіе лоскутки, которые барыни возятъ въ вечернія собранія напоказъ и въ которые сморкаться не положено. Я долго не догадывался, что это за товаръ продаетъ всякій день индѣянка на полу, въ галлерей нашей отели. Около нея всегда толпились нѣкоторые изъ женатыхъ моихъ спутниковъ.

Мы ходили изъ лавки въ лавку, купили нѣсколько пачекъ сигаръ — оказались дрянныя. Спрашивали, по порученію одного изъ товарищей, оставшихся на фрегатѣ, нюхательнаго табаку — намъ сказали, что во всей Манилѣ нельзя найти ни одного фунта. Насъ все потчивали европейскими издѣльями: сукнами, шелковыми и другими матеріями, часами, цѣпочками; особенно французъ въ мебельномъ магазинѣ такъ приставалъ, чтобъ купили у него цѣпочку, какъ будто отъ этого зависѣло все его благополучіе

Измученные, мы воротились домой. Было еще рано, я ушелъ въ свою комнату и сѣлъ писать письма. Невозможно мною овладѣло утомленіе; меня гнетло; перо падало изъ рукъ; мысли не связывались однѣ съ другими; я засыпалъ надъ бумагою, и поневолѣ послѣдовалъ полуденному обычаю: легъ и заснулъ крѣпко до обѣда.

Послѣ обѣда мы съ барономъ К. отправились въ окрестности. По дорогѣ мы останавливались въ двухъ церквахъ. Въ одной—въ предмѣстїи Бинондо, за мостомъ, да въ другой—уже за городомъ, при вѣздѣ въ индїйскія деревни. У ограды первой встрѣтился намъ іезуитъ, въ черной рясѣ, въ черной шляпѣ, съ длинными-предлинными полями—вы знаете эту шляпу. Іезуитъ поклонился намъ. «Don Basilio!» протяжно прогвѣль мой спутникъ, отдавая поклонъ. Церковь совсѣмъ новаго стilia, чисто-итальянскаго, безъ всякой примѣси готическаго и мавританскаго. Внутренность расположена крестомъ. Образовъ меньше, нежели скульптурныхъ изображеній. Иисусъ Христосъ, въ фіолетовой бархатной рясѣ, несущій крестъ, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Божія Матерь съ Младенцемъ— всѣ эти изображенія сдѣланы изъ воска, иныя, кажется, изъ дерева. Я не скажу, чтобъ это возбуждало благоговѣніе... напротивъ. Вечерняя молитва кончилась, но въ церкви было довольно молящихся. Нѣсколько испанокъ, въ черныхъ, метиски въ бѣлыхъ мантильяхъ и полосатыхъ юбкахъ; онѣ стояли на колѣняхъ по двѣ, по три, уткнувшись носами въ книгу и совсѣмъ закрывшись мантильями. Напрасно мы ждали, не взглянуть ли онѣ кругомъ себя, но ни одна не шевельнулась, и мы не могли прочесть благоговѣнія, или чего-нибудь другого, на лицахъ ихъ. Мальчишки стояли на колѣняхъ по трое въ рядъ; одинъ читалъ молитвы, другіе повторяли нараспѣвъ, да тутъ же кстатѣ и шалили—все тагалы; взрослыхъ мужчинъ не было ни одного. Священникъ исповѣдывалъ мальчика лѣтъ десяти, который, стоя на колѣняхъ, шепталъ ему на ухо. Священникъ задумчиво слушалъ, и какъ долго: все время, пока мы были въ церкви! Въ другой церкви то же самое, только побѣднѣе. Ни одной испанки, или метиски, все тагалки. Также много деревянныхъ фигуръ, работы очень грубой.

Мы вышли... Какое богатство, какое творчество и вели-

чіе кругомъ въ природѣ! Мы вѣхали черезъ предмѣстье Санта-Круцъ, Мигель, и выѣхали черезъ каналъ, на который выходятъ балконы и крыльца домовъ, черезъ маленькій мостикъ, черезъ глухія улицы и переулки, на Пассишъ.

Тутъ только увидать я, какъ великъ городъ, какая съѣтъ кварталовъ и улицъ лежитъ по берегамъ Пассиша, пересѣкая его нѣсколько разъ! Послѣ этого не удивишься, что здѣсь до ста пятидесяти тысячъ жителей. Мы остановились на минуту въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога направо идетъ черезъ цѣпной мостъ къ крѣпости, мимо обелиска Магеллану, а налево... Ахъ, какъ хорошо налево! Когда будете въ Маниллѣ, велите везти себя черезъ Санта-Круцъ въ Мигель: тутъ рѣка образуетъ островокъ, одинъ изъ тѣхъ, которые сняты только во снѣ, да изображаются на картинахъ; на немъ какая-то миниатюрная хижина въ кустахъ; съ одной стороны берега смотрятся въ рѣку ряды домовъ, лачужекъ, дачъ; съ другой—зеленѣетъ лугъ, за нимъ плантаціи. Что за картины! что за вечеръ! «А у насъ-то теперь», сказалъ я Б.: «шубы, сани, визгъ полозьевъ...» — «И опера», договорилъ онъ. «Нѣтъ, Великій постъ и война!»

Мы помчались вдаль, но мѣста были такъ хороши, что спутникъ мой остановилъ кучера и какъ-то ухитрился растолковать ему, что мы не держали ни съ кѣмъ пари объѣхать окрестности какъ можно скорѣе, а хотимъ гулять. Мы поѣхали тихой рысью; кучеръ былъ, кажется, не совѣмъ доволенъ, но зато лошади и мы съ Б. совершенно счастливы. Мѣста—что дальше, то лучше. Мальчишки бѣжали за коляской, прося милостыни: видно было, что они дѣлали это изъ баловства. Взрослые стояли тутъ же, у своихъ хижинъ, и не просили ничего. Мнѣ напомнило дѣтство и наши провинціи множество бумажныхъ змѣй, которые мальчишки спускали за городомъ на каждомъ шагу. Только у насъ, отъ одного конца Россіи до другого, змѣи все одни и тѣ

же, съ знаменитымъ мочальнымъ хвостомъ и трещоткой, а здѣсь они въ видѣ бабочекъ, птицъ и т. п. Нѣкоторыя хижины едва походили на человѣческое жильё. У иной подставки покривились такъ, что нельзя и угадать, какъ она держится. Изъ нея выльзетъ ребенокъ, выскочитъ курица, или прыгнетъ туда же собака и сидитъ тамъ, рядомъ съ цыпленкомъ и съ самимъ хозяиномъ. Въ другомъ мѣстѣ все жилище состоитъ изъ очага, который даже нельзя назвать *домашнимъ*, за отсутствіемъ самого дома; на очагѣ жарится что-нибудь; около возится старуха; вблизи есть всегда готовый бананъ, или гряда таро, картофелю. Здѣсь больше и не нужно.

Возвращаясь въ городъ, мы, между деревень, наткнулись на казармы и на плацъ. Большія желтыя зданія, въ которыхъ помѣстится до тысячи человѣкъ, шли по обѣимъ сторонамъ дороги. Полковникъ сидѣлъ въ креслахъ на открытомъ воздухѣ, на большой, расчищенной луговинѣ, у гауптвахты; молодые офицеры учили солдатъ. Ученье дѣлаютъ здѣсь съ десяти часовъ до двѣнадцати утра и съ пяти до восьми вечера.

Солдаты все тагалы. Ихъ, кто говорить, до шести, кто—до девяти тысячъ. Офицеры и унтеръ-офицеры—испанцы. По всему плацу босые индійскіе рекруты маршировали по взводу; ихъ велъ унтеръ-офицеръ, а офицеръ, съ бамбуковой палкой, какъ коршунъ, вился около. Палка дѣйствовала неутомимо, удары сыпались то на голыя пятки, то на плечи, иногда на затылокъ провинившагося... Я поскорѣй уѣхалъ.

На кальясадо гулянье было въ полномъ разгарѣ. Весь городъ пріѣхалъ туда, а деревни приплыли. Есть много хорошихъ лицъ, блѣдныхъ, черноглазыхъ синьоръ, съ открытой головой и волшебнымъ вѣромъ въ рукахъ. Онѣ отличаются отъ всѣхъ гордостью во взглядѣ, во всей позѣ, держать себя аристократически-строго. Вотъ метиски—дру-

гое дѣло: онѣ бойко врываются, въ наемной коляскѣ, въ ряды экипажей, смѣло глядятъ по сторонамъ, на взгляды отвѣчаютъ повторительными взглядами, пересмѣиваются съ знакомыми, а, можетъ-быть, и съ незнакомыми... Среди круга многіе катались верхомъ, а по обѣимъ сторонамъ экипажей, по аллеѣ и по полю, шли непрерывной толпой тагалы и тагалки домой изъ гавани, съ фабрикъ, съ работы. Нѣкоторыя женщины ѣхали на волахъ.

Вдругъ раздался съ колокольни ближайшаго монастыря благовѣсть, и все — экипажи, пѣшеходы — мгновенно стало и оцѣпенѣло. Мужчины сняли шляпы, женщины стали креститься, многія тагалки преклонили колѣни. Только два англичанина, или американца, промчались въ коляскѣ въ кругу, не снимая шляпъ. Черезъ минуту все двинулось опять. Это Angelus. Мы объѣхали разъ пять площадь. Стало темно; многіе развѣзжались. Мы поѣхали на Эскольту, ѣсть сорбетто, то-есть мороженое.

Въ длинной-предлинной залѣ нижняго этажа съ каменнымъ поломъ, за длиннымъ столомъ и маленькими круглыми столиками, сидѣли наши и не наши, англичане, испанцы, американцы, метисы, и ѣли мороженое, пили лимонадъ. Человѣкъ десять тагаловъ и одинъ негръ бросились на насъ, какъ будто съ намѣреніемъ сбить съ ногъ, а они хотѣли только узнать, чего мы хотимъ. Я спросилъ того-другого, попробоваль — нѣтъ, развѣ только тагаламъ впору ѣсть такое мороженое. Кто пріѣхалъ изъ Европы, тому трудно глотать этотъ подслащенный снѣгъ. Я закурилъ сигару и пошелъ по Эскольтѣ. Это лучшая улица здѣсь; она по вечерамъ ярко освѣщена и оживлена гуляющими высшаго класса; они только вечеромъ и посѣщаютъ лавки.

Дома, послѣ чаю, послѣ долгаго сидѣнья на верандѣ, я заперся въ свою комнату и хотѣлъ писать; но мнѣ, какъ и всѣмъ, дали ночникъ изъ кокосоваго масла. Онъ горѣлъ тускло и наконецъ сталъ мерцать такъ слабо, что я почти

ощущью добрался до кровати и залѣзъ подъ синій кисейный занавѣсъ. Онъ опускается подъ тюфякъ и не раздвигается. Несмотря на эти предосторожности, москиты пробираются за кисею, и если заберутся два-три, они такъ отдѣлають, что на другой день встанешь съ десяткомъ красныхъ пятенъ, которыя не сходятъ по нѣскольку дней. Я какъ-то па-дняхъ увидѣлъ, что изъ коридора вечеромъ ко мнѣ въ комнату проползла ящерица, вершка въ два длины, и скрылась, лишь только я зашевелился, чтобъ поймать ее. На другой день я пожаловался на нее м-сьѣ Демьену и просилъ велѣть отыскать и извлечь ее вонъ. «Pourquoi?» спросилъ онъ своимъ отрывистымъ голосомъ: «il ne mord pas». — «Такъ, да все-таки вѣдь это ящерица, гадина, такъ-сказать, заползетъ на постель—не хорошо». — «Напротивъ, очень хорошо», сказалъ онъ: «у меня въ постели семь мѣсяцевъ жила ящерица, и я не зналъ, что такое укушеніе комара—такъ она ловко ловить ихъ. И васъ не укуситъ, когда она тамъ, ни одинъ комаръ»... — «Куда жъ она дѣлась потомъ?» спросилъ я, заинтересованный исторіей ящерицы. — «Околѣла». — «Какъ, сама собой?» — «Нѣтъ, я во снѣ задавилъ ее». Меня въ самомъ дѣлѣ почти не кусали комары, но я все-таки лучше бы, ужъ такъ и быть, допустилъ двухъ-трехъ комаровъ въ постель, нежели ящерицу. Однакожъ, я ни разу не видалъ ее. «Вотъ скорпионы—другое дѣло», говорилъ Демьентъ: «c'est très mauvais; я часто находилъ ихъ у себя въ кухнѣ: съ дровами привозили. А съ тѣхъ поръ, какъ топлю каменнымъ углемъ, не видалъ ни одного».

Какое наслажденіе, послѣ долгаго странствованія по морю, лечь спать на берегу, въ постель, которая не качается, гдѣ со столика ничего не упадетъ, гдѣ надъ вашей головой не загремитъ ни бизань-шкотъ, ни гротъ-брассъ, гдѣ ничто не шелохнется!.. думалъ я... и вдругъ вспомнилъ, что здѣсь землетрясенія — обыкновенное, ежегодное явленіе. Избави Боже отъ такой качки!

Утромъ вамъ приносятъ чай, или кофе, или шоколадъ, когда вы еще въ постели. Потомъ вы можете завтракать раза три, потому что иные завтракають, по положенію, въ десять часовъ, а другіе въ это время еще гуляютъ и завтракають позже, и все это за полтора доллара. Вдобавокъ ко всему, вы можете взять ванну, какую хотите. За теплую платите четыре реала, за холодную ничего—такъ написано въ объявленіи, выставленномъ въ залъ, на стѣнѣ. Вода прямо изъ Пассига. Ванны устроены на верандѣ, выходящей на дворъ. Въ первый разъ меня привелъ michacho, мальчикъ. «Гдѣ жъ вода, агна?» спросилъ я. Онъ показавъ шнурокъ, сдѣлавъ знакъ, что надо дернуть, и ушелъ. Я сталъ въ ванну, подъ дождь, дернулъ за шнурокъ—воды нѣтъ; еще—все нѣтъ; я дернулъ изъ всей мѹчи, на меня упало пять капель счетомъ, четыре скоро, одна за другой, пятая немного погодя, шестая показалась и повисла. Какъ я ни дергалъ, не могъ добыть больше. Досадно. Я одѣлся и пошелъ вонъ. Рядомъ, вижу, другая дверь; отворяю—точно такое же маленькое помѣщеніе для ванны, но ванны нѣтъ, а шнурокъ есть, и лейка вверху для дождя. Есть ли только дождь? «Дай-ко я попробую здѣсь», подумалъ я: «что за нужда, что ванны нѣтъ: тѣмъ лучше, полъ каменный!» И точно такъ же сталъ подъ дождь. Когда я дотронулся до шнурка, на меня посыпался сначала частый, крупный дождь и въ минуту освѣжилъ меня. Я дернулъ сильнѣе, и дождь обратился въ силюнной каскадъ. «Славно, чудесно!» твердилъ я вслухъ, а самъ все подергивалъ шнурокъ. На меня низвергались потоки; вверху, надъ потолкомъ, раздавался ревъ и клокотанье, какъ будто вся рѣка притекла къ этому мѣсту. «Ну, теперь довольно». Я пересталъ дергать, но вода не переставала течь, напротивъ, все неистовѣе и неистовѣе вторгалась ко мнѣ и обдавала облакомъ брызгъ и меня, и стѣны, и кресло, а на креслѣ мое бѣлье и платье. «Что жъ это такое будетъ?» думалъ

я, отыскивая съ безнокойствомъ, пѣтъ ли какой пружины остановить это наводненіе. Ничего нѣтъ. Я дернулъ шнурокъ въ противную сторону, думая, что остановится; нѣтъ, нуще хлещеть, только дотронешься. Я не зналъ, что дѣлать одѣться нельзя; выйти—да какъ безъ платья? Мнѣ ужъ приходило въ голову забрать бѣлье и платье, да удариться бѣгомъ до своего номера. Но все это можно сдѣлать въ крайности, въ случаѣ пожара, землетрясенія или когда вода дойдетъ развѣ до горла, а она еще и до колѣнь не дошла. Я подумалъ, что мнѣ дѣлать, да потомъ наконецъ рѣшилъ, что мнѣ не о чемъ слишкомъ тревожиться: утонуть нельзя, простудиться еще меньше—на заказъ не простудиться; завтракать рано, да и послѣ дадутъ; пусть себѣ льетъ: кто-нибудь да придетъ же. Я скрестилъ руки на груди, предоставивъ водѣ литься, сколько она хочетъ.

Минуты черезъ три вдругъ дверь начала потихоньку отворяться. «Muchacho!» закричалъ я сердито. Въмѣсто индійца, показалось лицо Оаддеева. Какъ я обрадовался ему! «Ты какъ?» — «Бѣлье и платье принеси вашему высокоблагородію». — «Уйми, братецъ, воду какъ-нибудь», жаловался я ему: «смотри, вѣдь я тону». Оаддеевъ тутъ только вникнулъ въ мое положеніе и, вѣрный своему характеру, предался необузданной радости. Напрасно онъ кусалъ губы—подавленный смѣхъ вырывался наружу, и онъ, два раза, подъ предлогомъ остановить машину, дернулъ шнурокъ. «Нѣтъ, стой, ваше высокоблагородіе, я цыгана приведу», сказалъ онъ послѣ тщетныхъ усилій остановить воду. «Цыганъ» подергалъ какъ-то шнурокъ, сбѣгалъ въ другую ванну, рядомъ, влѣзалъ зачѣмъ-то наверхъ, и вода остановилась.

Черезъ часъ я, сквозь полъ своей комнаты, слышалъ, какъ Оаддеевъ на дворѣ рассказывалъ анекдотъ о купаньѣ двумъ своимъ товарищамъ. Я сказалъ Демьену, и онъ засмѣялся.—«Испортились жолобы у обѣихъ ваннъ; надо по-

править», сказалъ онъ вскользь. — «А давно испортились?» спросилъ я. — «Нѣтъ, нынѣшней зимой»... Опять мнѣ пришло въ голову, какъ въ Welch's hotel, въ Капштадтѣ, по поводу разбитаго стекла, что на насъ сваливаютъ вотъ этикія неисправности и говорятъ, что безпечность въ характерѣ русскаго человѣка: полноте, она въ характерѣ— просто человѣка.

Наконецъ мы собрались пораньше утромъ, то-есть часу въ девятомъ, отдать визитъ молодымъ людямъ, Авелло и Кармена. Подъ этой учтивостью крылся умыселъ осмотрѣть королевскую сигарную фабрику и купить сигаръ. Кучеръ привезъ насъ въ испанскій городъ, на квартиру отца Авелло, редактора здѣшней газеты. Мы вошли подъ ворота, на крытый дворъ, и очутились въ редакціи. Въ углу подъ навѣсомъ, у самыхъ воротъ, сидѣли двое или трое молодыхъ людей, должно-быть, сотрудники, одинъ за особымъ пюпитромъ, повидимому, главный, и писали. Тутъ же неподалеку тагалы складывали листы только что отпечатанной газеты. Старшій сотрудникъ говорилъ по-французски. Мы спросили Авелло и Кармена; онъ сказалъ, что они ужъ должны быть на службѣ, въ администраціи сборовъ, и послалъ за ними тагала, а насъ попросили войти вверхъ, въ комнаты, и подождать минуту.

Мы вошли по деревянной, чистой, лощеной лѣстницѣ темнаго дерева, прямо въ безконечную галерею-залу, убранную очень хорошо, съ прекрасными драпри, затѣливою новѣйшею мебелью. Вездѣ уголки съ диванами, пате, столики, уставленные бездѣлками, какъ у редактора хорошаго журнала. Тагалка встала изъ-за работы и пошла сказать о насъ господамъ. Черезъ минуту появилась высокая, полная старушка, съ сѣдой головой, безъ чепца, съ блѣднымъ лицомъ, черными, кротко-мерцавшими глазами, съ ласковой улыбкой, вся въ бѣломъ: совершенно старинный портретъ, бѣжавшій со стѣны картинной галереи—это редакторша. Мы раскла-

нялись и заговорили, она по-испански, мы сначала по-французски, потомъ по-англійски, но это ровно ни къ чему насъ не повело, или, пожалуй, повело къ креслу только, которое указала старуха, прося сѣсть. Мы повторили опытъ объясниться, но также безуспѣшно. Старушка наконецъ ушла, сказавъ намъ что-то, вѣроятно прося подождать. Мы подождали минутъ пять, употребивъ это время на разсматриваніе залы. Между прочимъ мы видѣли и тутъ въ полу такія же щели, какъ и въ фондѣ; потолокъ тоже весь собранъ изъ небольшихъ дощечекъ, выѣбленныхъ мѣломъ. Видно, землетрясенія не шутятъ здѣсь и всѣхъ держатъ въ постоянномъ страхѣ. Но эти наблюденія наскучили намъ, и мы рѣшились уйти.

На цыпочкахъ благополучно выбрались мы изъ залы, сошли съ лѣстницы и въ дверяхъ наткнулись на Авелло и Кармена. Они воротили насъ, усадили, подали сигарь, предлагая позавтракать, освѣжиться, и потомъ показали вчерашнюю газету, въ которой былъ сдѣланъ пріятный отзывъ о нашемъ фрегатѣ, о приѣмѣ, сдѣланномъ тамъ испанцамъ, и проч. Мы напомнили имъ обѣщаніе показать намъ фабрику и помочь купить сигарь. Авелло пошелъ къ своему отцу и, воротясь, велѣлъ закладывать карету. Онъ почти насильно усадилъ насъ туда, вмѣстѣ съ собой и Кармена, а нашему кучеру велѣлъ ѣхать за нами.

Фабрика — огромное квадратное зданіе въ предмѣстіи Бинондо, въ два этажа, съ нѣсколькими флигелями, пристройками, со многими воротами и дверями, съ большимъ дворомъ внутри. У главныхъ воротъ Авелло поговорилъ съ караульными, и тѣ насъ — не пустили. Тутъ подъѣхалъ таможенный офицеръ верхомъ: Авелло обратился къ нему — и тотъ не пустилъ. — «Этого можно бы добиться и безъ протекціи», замѣтилъ я барону. Всѣ говорили, что надо имѣть билетъ отъ фабричной дирекціи. Мы отправились туда, къ счастью, недалеко, и, послѣ хожденія по разнымъ

комнатамъ и отдѣленіямъ, наконецъ получили записку и отправилсь. Тутъ еще караульные стали передавать ее изъ рукъ въ руки, оглядывать со всѣхъ сторонъ, понесли вверхъ, и минутъ черезъ пять какой-то старый тагаль принесъ назадъ, а мы пока жарились на солнцѣ. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство относилось болѣе къ кучеру и лошадямъ, потому что сами мы сидѣли въ каретѣ. Тагаль пригласилъ насъ идти; съ нами пошелъ еще одинъ изъ караульныхъ.

По мѣрѣ того, какъ мы шли черезъ ворота, дворомъ и по лѣстницѣ, изъ дома все сильнѣе и чаще раздавался стукъ, какъ будто множества молотковъ. Мы прошли нѣсколько сѣней, заваленныхъ кшами табаку, пустыми ящиками, обрѣзками табачныхъ листьевъ и т. п. Потомъ поднялись вверхъ и вошли въ длинную залу, съ такимъ же жиденькимъ потолкомъ какъ вездѣ, поддерживаемымъ рядомъ деревянныхъ столбовъ.

Въ залѣ, на полу, передъ низенькими, длинными, деревянными скамьями, сидѣло рядами до шести или семисотъ женщинъ, тагалокъ, отъ пятнадцатилѣтняго возраста до зрѣлыхъ лѣтъ: у каждой было по круглому, гладкому камню въ рукахъ, а рядомъ, на полу, лежало по кучѣ листового табаку. Эти дамы выбирали изъ кучи по листу, раскладывали его передъ собой на скамьѣ и колотили камнями такъ неистово, что нельзя было не только слышать другъ друга, даже мигнуть. Сколько головъ повернулось къ намъ, сколько черныхъ, лукавыхъ глазъ обратилось на насъ! Всѣ молчали, никто ни слова, но глазами дѣйствовали сильно, а руками еще сильнѣе. Вѣроятно онѣ замѣтили, по нашимъ гримасамъ, что непривычнымъ ушамъ неловко отъ этого стука, и пріударили, что было силъ; большая часть едва удерживали смѣхъ, видя, что вмѣстѣ съ усиленнымъ стукомъ усилились и страдальческія гримасы на нашихъ лицахъ. Это для нихъ было неожиданнымъ развлеченіемъ, кокетствомъ въ своемъ родѣ.

Молодые мои спутники не очень однакожь смущались шумомъ; они останавливались передъ нѣкоторыми работницами и ухитрялись какъ-то, не только говорить между собою, но и слышать другъ друга. Я хотѣлъ-было что-то спросить у Кармена, но не слышалъ и самъ, что сказалъ. Къ этому еще вдобавокъ въ залѣ разливался запахъ какого-то масла, конечно, табачнаго, довольно неприятный.

Но вотъ ужъ мы выходимъ изъ залы. «Сейчасъ это кончится», утѣшалъ я себя: мы въ самомъ дѣлѣ вышли, но опять въ другую, точно такую же залу, за ней, въ дальней перспективѣ, видна была еще зала; съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ открывались еще и еще. — «Да сколько же тутъ женщинъ?» спросилъ я, остановившись въ маленькомъ пустомъ промежуткѣ между двухъ залъ. — «Отъ восьми до девяти тысячъ», сказалъ Авелю. — «Что вы!» — «Да. Нынешній губерваторъ хочетъ увеличить и улучшить фабрику: очень выгодно». — «Восемь-девять тысячъ!» повторилъ я въ изумленіи, глядя на эти, болѣею частью недурныя головки и коричневые лица, сидѣвшія плотными рядами, какъ на смотру.

Во всѣхъ залахъ повторялся тотъ же маневръ при нашемъ появленіи: то-есть со стороны индіянокъ—сначала взгляды любопытства, потомъ усиленный стукъ и подавляемая улыбка, съ нашей—разсѣянные взгляды, страдальческія гримасы и нетерпѣніе выйти. Впрочемъ на фабрикѣ соблюдается строгое приличіе. Индіянки не смѣются, не разговариваютъ: имъ предоставлено только право стучать. Говорятъ, онѣ тутъ очень скромно ведутъ себя: для этого приняты всѣ мѣры. Кромѣ двухъ-трехъ старыхъ тагаловъ, да двухъ-трехъ чиновниковъ-надзирателей, тутъ нѣтъ ни одного мужчины.

Въ другихъ комнатахъ, однѣ старухи скатывали сигары, другія обрѣзывали ихъ, третьи взвѣшивали, считали и т. д. Мы не ходили по всѣмъ отдѣленіямъ: довольно и этого образчика.

Въ послѣдней комнатѣ, передъ выходомъ, за бюро, сидѣлъ *альфорадоръ*, завѣдывающій однимъ изъ отдѣленій. Онъ говорилъ по-англійски, и прежде всего узнавъ, что мы русскіе, сказалъ, что есть много заказовъ изъ Петербурга, потомъ объяснилъ, что онъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, выписанъ изъ Гаванны, чтобъ ввести гаванскій способъ свертывать сигары, вмѣсто манильскаго, который оказывается по многимъ причинамъ неудобенъ. Онъ сказалъ, что табакъ манильскій отнюдь не хуже гаванскаго и что здѣсь только недостаетъ многихъ приемовъ приготовленія и, между прочимъ, свертка не хороша. Онъ много важности придавалъ сверткѣ, говорилъ даже, что она измѣняетъ до нѣкоторой степени вкусъ самаго табаку. — «Вотъ двѣ сигары одного табаку и разныхъ свертокъ, попробуйте», сказалъ онъ, сунувъ намъ въ руки по два полѣна изъ табаку: «это лучшіе сорта, одна свернута по-гавански, круче и косѣе, другая по-здѣшнему, прямо. Одна сдѣлана сегодня, другая вчера», заключилъ онъ, какъ будто для болѣе похвалы Сигарамъ.

Я вертѣлъ въ рукахъ обѣ сигары съ крайнею недовѣрчивостью:—«сдѣланы вчера, сегодня», говорилъ я: «нашелъ чѣмъ угостить!» и готовъ былъ бросить за окно, но изъ учтивости спряталъ въ карманъ, съ намѣреніемъ бросить, лишь только сяду въ карету.—«Нѣтъ, нѣтъ, покурите», настаивалъ альфорадоръ. Нечего дѣлать, я закурилъ—и вдругъ заструился легкій благовонный дымъ. Сигара, къ удивленію моему, закурилась легко, табакъ былъ прекрасный, хотя пепель и не совсѣмъ бѣлъ. — «Да это прекрасная сигара!» сказалъ я: «нельзя ли купить такихъ?»—«Нѣтъ, это гаванской свертки: готовыхъ нѣтъ, недѣли черезъ двѣ можно», прибавилъ онъ тише, оборачиваясь спиной къ нѣсколькимъ старухамъ, которыя въ этой же комнатѣ, на полу, свертывали сигары: «я могу вамъ приготовить нѣсколько тысячъ»...— «Мы едва ли столько времени останемся здѣсь. Отчего жъ

ихъ въ магазинѣ нѣтъ?» сказалъ я. — «Здѣшнія женщины привыкли къ своей сверткѣ, и оттого по гаванскому способу работаютъ медленно. Вотъ теперь покурите другую сигару, здѣшной свертки». Я закурилъ, и та хороша, хотя въ самомъ дѣлѣ не такъ, какъ первая: или это такъ показалось, потому что альфорадоръ подсказалъ. — «Ну, нельзя ли хоть такихъ?» спросилъ я. — «Такихъ, и гораздо меньше, второго сорта, вы найдете въ магазинѣ». — «А обрѣзанныхъ съ обѣихъ сторонъ сигаръ можно найти тамъ?» — «*Чируть? Plenty, o plenty*» (много!) отвѣчалъ онъ: «тò третій и четвертый сортъ, обыкновенныя, которыя всѣ курятъ, начиная отъ Индiи до Америки, по всему Индiйскому и Восточному океанамъ».

Въ самомъ дѣлѣ, мы въ Сингапурѣ, въ Китаѣ, другихъ сигаръ, кромѣ чируть, не видали. Альфорадоръ обѣщалъ постараться приготовить сигары ранѣе двухъ недѣль и далъ намъ записку для предъявленiя при входѣ, когда захотимъ его видѣть. Мы ушли, поблагодаривъ его, потомъ гг. Авелло и Кармена, и поѣхали домой, очень довольные осмотромъ фабрики, любезными испанцами, но безъ сигаръ.

Дома мы узнали, что генераль-губернаторъ приглашаетъ насъ къ обѣду. Парадное платье мое было на фрегатѣ, и я не поѣхалъ. Я сначала пожалѣлъ, что не попалъ на обѣдъ въ испанскомъ вкусѣ, но мнѣ сказали, что обѣдъ былъ длиненъ, дуренъ, скученъ, что испанскаго на этомъ обѣдѣ только и было, что самъ губернаторъ, да хересь. Губернатора я видѣлъ на прогулкѣ, съ жокеями, въ коляскѣ, со взводомъ уланъ; хересь пивалъ, и потому я пересталъ жалѣть.

Вечеромъ я предложилъ въ своей коляскѣ мѣсто французу, живущему въ отели, и мы отправились далеко въ поле, черезъ С. Мигель, оттуда заѣхали на Эскольту, въ наше вечернее собранiе, а потомъ къ губернаторскому дому, на музыку. На площади, кругомъ сквера, стояли экипажи. Въ

нихъ сидѣли гуляющіе. Здѣсь большею частью гуляютъ сид. Я не послѣдовалъ этому примѣру, вышелъ изъ коляски и пошелъ бродить по площади.

Какой вечеръ! что за видъ! Церковь и ратуша облиты были луннымъ свѣтомъ, а дворецъ прятался въ тѣни; бронзовая статуя стояла, какъ привидѣніе, въ блескѣ лунныхъ лучей. Какъ кротокъ и мягокъ этотъ свѣтъ, какая нѣга въ тепломъ воздухѣ—и вдобавокъ ко всему—прекрасная музыка. Здѣсь восемь полковыхъ оркестровъ и, кромѣ того, множество частныхъ—до трехъ сотъ, сказалъ кто-то: пошутить вѣрно. А кто знаетъ, можетъ-быть и правда. Говорятъ, здѣсь только и дѣлаютъ, что танцуютъ, и намъ бы предстояло множество вечеровъ и собраній, если бѣ мы пришли не постомъ. Танцуютъ, здѣсь! Вотъ, говорятъ, съ инквизиціей уничтожились всѣ попытки въ Испаніи! Нѣтъ, не всѣ! Даже музыкой заниматься—и то жарко, а они танцуютъ!

Музыканты всѣ тагалы; они очень способны къ искусствамъ вообще. У нихъ отличный слухъ: въ полкахъ ихъ учатъ будто бы безъ нотъ. Не знаю, сколько правды во всемъ этомъ, но знаю только, что игра ихъ сдѣлала бы честь любому оркестру гдѣ бы то ни было — чистотой, отчетливостью и выразительностью.

Оркестры, одинъ за другимъ, становились у дворца, играли двѣ-три пьесы и потомъ шли въ казармы.

Играли много, между прочимъ, изъ Верди, котораго здѣсь предпочитаютъ всѣмъ, я не успѣлъ разобрать почему: за его оригинальность, смѣлость, или только потому, что онъ новѣе всѣхъ.

Послѣдній оркестръ, оглашая звуками торжественнаго марша узкія, прятаніяся въ тѣни улицы, шель домой. Экипажи зашевелились и помчались по разнымъ направленіямъ. Мы съ французомъ выѣхали изъ крѣпости опять на взморье, промчались по опустѣвшему кальясадо и вернулись

въ городъ. Онъ просилъ у одного дома выпустить его: — «J'ai une petite visite à faire», пропѣлъ онъ своимъ фальцетто и скрылся въ дверь. Въ это же время вверху, у окна, мелькнулъ очеркъ женской головы и захлопнулось жалюзи... Я никого не засталъ въ отели: одни уѣхали на рейдъ, другіе на вечеръ, на который Кармена насъ звалъ съ утра, третьи залегли спать. Я сѣлъ за письма.

Наконецъ мы собрались къ миссіонерамъ и поѣхали въ домъ португальскаго епископа. Тамъ, у молодого миссіонера, застали и монсиньора Динакура, епископа въ китайскомъ платьѣ, и еще монаха, съ знакомымъ мнѣ лицомъ. — «Пастоятель августинскаго монастыря, — по-французски не говоритъ, но все разумѣеть», такъ рекомендовалъ намъ его епископъ. Я вспомнилъ, что это тотъ самый монахъ, котораго я видѣлъ въ коляскѣ, на прогулкѣ за городомъ.

Намъ подали сигаръ, и епископъ, привѣтливо и весело, какъ настоящій французъ, началъ, послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, которые сдѣлалъ намъ о нашемъ путешествіи, рассказывать о себѣ. Онъ сказалъ, что живетъ двадцать лѣтъ въ Китаѣ, завѣдываетъ христіанскою паствою въ провинціи Дзедзіань. въ которой считается до пятнадцати миліоновъ жителей. Онъ говоритъ, что цифра триста миліоновъ, которою опредѣляютъ народонаселеніе Китая, не преувеличена: въ его провинціи есть нѣсколько городовъ, гдѣ считаютъ отъ двухъ до трехъ миліоновъ жителей, и, между прочимъ, знаменитый городъ Сучеу. — «А сколько христіанъ?» спросилъ я. — «До пятисотъ тысячъ во всемъ Китаѣ». — «Мало», сказалъ я. — «Да, немного; но теперь обращеніе пошло скорѣе», отвѣчалъ епископъ: «особенно въ среднемъ и низшемъ классахъ. Главное препятствіе встрѣчается въ буддійскихъ бонзахъ и въ ученыхъ. На нихъ ничто не дѣйствуетъ: одни — слѣпые фанатики, другіе — педанты, схоластики: они въ мертвой буквѣ видятъ ученость и свѣтъ. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить ихъ, что мы пришли и

живемъ тутъ для ихъ пользы, а не для выгодъ. Они представить себѣ этого не могутъ и не вѣрятъ». — «Вотъ христіанскимъ миссіонерамъ, можетъ-быть, скоро предстоятъ новые подвиги», сказала я: «возобновить подавленное христіанство въ Японіи, которая, не сегодня, такъ завтра, непременно откроется для европейцевъ...» — «*A coups des canons, monsieur, à coups des canons!*» прибавилъ епископъ.

Въ это время прервали насъ два монаха, іезуиты, кажется. Они вошли, преклонили передъ епископомъ колѣни, приняли благословеніе и сѣли. Епископъ пригласилъ насъ къ себѣ на квартиру, въ монастырь св. Августина. Монастырь занимаетъ большой уголъ въ испанскомъ городѣ и одной стороною обращенъ къ морю. Это настоящее аббатство, обширное, съ галлереями, безконечными коридорами, кельями, въ которомъ можно потеряться. Мы отдохнули въ квартирѣ епископа, а настоятель ушелъ на короткую молитву въ церковь, по звону колокола. Намъ предложили-было завтракъ, но мы отказались.

Вскорѣ настоятель воротился и принесъ только-что присланное къ нему официальное объявленіе отъ губернатора, что испанская королева разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Онъ скрылся опять, а мы пошли по сводамъ и галлереямъ монастыря. Въ галлереяхъ вездѣ плохая живопись на стѣнахъ: изображенія святыхъ и портреты испанскихъ епископовъ, жившихъ и умершихъ въ Манилѣ. Въ церковныхъ преддверіяхъ видны большія картины какой-то старой живописи. — «Откуда эта живопись здѣсь?» спросилъ я, показывая на картину, изображающую *Обращеніе св. Павла*. Ни епископъ, ни нашъ пріятель, молодой миссіонеръ, не знали: они были только гости здѣсь.

По узенькой, извилистой лѣстницѣ, вошли мы прямо на хоры главной церкви и были поражены тонкостью и изяществомъ деревянной рѣзьбы, которая покрывала всѣ стѣны на хорахъ, каеэдру, органъ, — все. Дерево темное, съ нѣж-

ными оттѣнками. — «Кто это работаль? спросиль я съ изумленіемъ: «ужели изъ Европы привезли? въ Европѣ это буазери стоило бы неимовѣрныхъ цѣнъ». — «Все индійцы, тагалы», сказали они. — «Вонъ смотрите: они работаютъ и теперь. Церковь пострадала отъ землетрясенія въ прошедшемъ году и ее теперь поправляютъ, и живопись здѣсь — все тагаловъ же». Я бросилъ бѣглый взглядъ на образъ — нѣтъ, живопись еще въ младенческомъ состояніи у тагаловъ. Въ музыкѣ, лѣсныхъ и рѣзныхъ работахъ, они далеко впереди. Что касается до картинъ, то онѣ мало чѣмъ лучше тѣхъ, что у насъ иногда продають на тротуарѣ, на улицахъ». — «Но вѣдь это въ Манилѣ», сказалъ молодой миссіонеръ, прочитавшій, должно-быть, у меня на лицѣ впечатлѣніе отъ этихъ картинъ: «между дикими индійцами, которые триста лѣтъ назадъ были почти звѣри...» — «Да, но триста лѣтъ назадъ!» сказалъ я. — «И этотъ храмъ — ровесникъ стѣнамъ города: можно бы, кажется, украсить его живописью соотечественникамъ Мурильо».

Мы пошли внизъ. Епископъ показывалъ мѣстами трещины по стѣнамъ, мѣстами обвалившуюся штукатурку, раздвинувшіеся столбы — все слѣды землетрясенія. — «Да развѣ часто бывають они?» спросиль я. — «Каждый годъ что-нибудь да бываетъ, хоть немного, слегка», сказалъ онъ. — «Вотъ іезуитская церковь лежитъ теперь вся въ развалинахъ». Войдя въ большую церковь, епископъ, а за нимъ и молодой миссіонеръ, преклонили колѣни, сложили на груди руки, поникли головами и на минуту задумались. Потомъ встали и начали опять живо разговаривать. Это была лучшая церковь въ Манилѣ, по ихъ словамъ. Она въ самомъ дѣлѣ хороша: прекрасные размѣры главнаго и побочнаго придѣловъ кажутъ ее больше, нежели она есть. Она очень хорошо освѣщена сверху: свѣтъ отъ алтаря разливается ровно до самыхъ дальнихъ угловъ. Если бъ не тагалская живопись, то можно было бы увлечься этими стройными, высокими

арками, легкимъ куполомъ. Но живопись мѣшаетъ, колеть глаза; такъ и преслѣдуютъ васъ эти яркія, то красныя, то синія пятна; скульптура еще больше. Является какое-то артистически-болѣзненное раздраженіе нервъ, нужды нѣтъ, что вамъ говорятъ, чье это произведеніе. Никакой терпимости, никакого снисхожденія нѣтъ въ человѣкѣ, когда оскорблено его эстетическое чувство. Вдобавокъ къ этому, еще всѣ стѣны и столбы арокъ были заставлены тяжелыми и мрачными иконостасами, съ позолотой, тогда какъ стиль требуетъ бѣлыхъ, чистыхъ пространствъ, съ рѣдкимъ и строго обдуманномъ размѣщеніемъ картинъ высокаго достоинства. Бываютъ примѣры, что архитектура зданія подавляетъ или поглощаетъ живопись; а здѣсь наоборотъ. Я старался не смотрѣть на живопись и не спускалъ глазъ съ буазери.

Потомъ насъ повели въ ризницу. Предъ ней, въ комнатѣ, стояли лавки, пошитры—это что-то въ родѣ класса для тагаловъ. Нѣсколько ихъ сидѣло тутъ, съ флейтами и кларнетами. Они бросились къ рукѣ епископа, какъ всѣ тагалы, которые встрѣчались намъ на дворѣ, на дорогѣ къ монастырю. Нѣкоторые становились на колѣни. Епископъ велѣлъ музыкантамъ сыграть что-нибудь. Они заиграли что-то въ родѣ марша, но не совсѣмъ стройно, не совсѣмъ чисто, особенно послѣ того, что мы слышали у дворца. «Видно, этихъ учатъ по нотамъ: не они ли расписывали церковь?» подумалъ я. Мы съ Б. дали артистамъ денегъ и ушли, сначала въ ризницу, всю заставленную шкапами съ церковною утварью—вездѣ золото, куда ни поглядишь; потомъ пошли опять въ коридоры, по кельямъ. Вездѣ до насъ долетали звуки флейтъ и кларнетовъ: артисты, отъ избытка благодарности, не могли перестать сами собою, какъ испорченная шарманка.

Мы проходили мимо дверей, съ надписями: *экономъ, ризничій*, и остановились у эконома. — «C'est un bon enfant»,

сказалъ епископъ: «entrons chez lui pour nous reposer un moment». — «Il a une excellente bière, monseigneur», прибавилъ молодой миссіонеръ нѣжнымъ голосомъ.

Они постучались, и намъ отперъ дверь пожилой монахъ, весь въ бѣломъ, волоса съ просѣдью, все лицо въ изломанныхъ чертахъ, но не безъ доброты. Келья была темна, завалена всякой всячиной, узлами, ящичками; въздѣ пыль; мебель разнохарактерная; въ углу, изъ-за нестраго занавѣса, выглядывала постель. На большомъ кругломъ столѣ лежали счеты, реестры, за которыми мы и застали эконома. Онъ черезъ епископа спросилъ насъ кое-что о путешествіи, надолго ли пріѣхали, а потомъ, не хотимъ ли мы чего-нибудь. «Пива», сказали оба француза. Монахъ засуетился и велѣлъ тагалу вскрыть бывшіе тутъ же гдѣ-то въ углу два ящика и подать нѣсколько бутылокъ англійскаго элю и портера. Но прежде всего подать огромный подносъ съ сигарами. Какихъ тутъ не было! всякихъ размѣровъ и сортовъ, и гаванской, и манильской свертки... Вотъ гдѣ водятся хорошія-то сигары въ Маниллѣ!

Мы сидѣли съ полчаса; говорилъ все епископъ. Онъ рассказывалъ о чусанскомъ архинелагѣ и называлъ его перломъ Китая. — «Климать, почва, какъ въ раю», выразился онъ. «Я жилъ тамъ восемь лѣтъ», продолжалъ онъ: «тамъ есть колонія прландскихъ католиковъ: они имѣютъ значительное вліяніе на китайцевъ, ввели много европейскихъ обычаевъ и живутъ прекрасно. Чусанскіе китайцы снабжаютъ почти всѣ берега Китая рыбою, за которою выѣзжаютъ на нѣсколькихъ тысячахъ лодокъ далеко въ море». При этой цифрѣ меня взяло сомнѣніе; я хотѣлъ выразить его В. К—у, и вдругъ выразилъ, въ разсѣянности, по-французски. Эта разсѣянность произошла оттого, что епископъ, не знаю почему, ни съ того, ни съ сего, принялся рассказывать о Чусанѣ по-англійски. — «Да, нѣсколько тысячъ», подтвердилъ настойчиво епископъ по-французски.

Отъ эконома повели насъ на самый верхъ, въ рекреационную залу. — «Я вамъ покажу прекрасный видъ», сказалъ епископъ. Мы зашли къ монаху, у котораго хранился ключъ отъ залы — это самый полный и красивый монахъ, какого я только видѣлъ гдѣ-нибудь, съ постоянной улыбкой, съ румянцемъ. Я увидѣлъ у него на стѣнѣ прекрасную небольшую картину: «Снятіе со креста» и «Божію Матерь». Я отдохнулъ на этой живописи отъ всѣхъ видѣнныхъ картинъ. Напрасно я старался прочесть имя живописца: едва видно было нѣсколько бѣлыхъ точекъ на темномъ фонѣ. — «Откуда эта картина?» — «Изъ Италіи, изъ монастыря». Вотъ все, что я узналъ о ней.

Опять по извилистой лѣстницѣ поднялись мы и въ рекреационную залу. Это была длинная, крытая галерея, съ окошками на три стороны. Полъ простой, деревянный; половицы такъ и ходили подъ ногами. Все въ запустѣніи. Видно, что никто не бываетъ здѣсь. Ни на одно кресло сѣсть нельзя: пыль лежала густыми слоями. Можно подумать, что августинцы совсѣмъ не любятъ отдыхать, а проводятъ все время въ трудахъ и богомысліи. Посрединѣ стоялъ бильярдъ, для моціона; у оконъ, на треножникѣ, поставлена большая зрительная труба. Видъ изъ окошекъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасный: съ одной стороны весь заливъ передъ глазами, съ другой — испанскій городъ, съ третьей — лѣса и деревни. И они не сидятъ здѣсь день и ночь, не наслаждаются ничѣмъ этимъ! Мы едва оторвались отъ окошекъ. Епископъ по очереди сыгралъ съ нами обоими на бильярдѣ и оказался не слабымъ игрокомъ.

Обратясь спиной къ дверямъ, я вдругъ услышалъ шелестъ женскаго платья, мягкую походку — живо оборачиваюсь — бѣлая кисейная блуза... Толпа августинцевъ, челоуѣкъ двѣнадцать, все молодые, съ сигарами. Одни, немного заспанные, съ горячими щеками, другіе, съ живымъ взглядомъ, съ любопытствомъ смотрѣли на часть, пришед-

цевъ издалека, и были очень внимательны. Къ сожалѣнью, никто изъ нихъ не зналъ никакого другого языка, кромѣ испанскаго. — «Мы виноваты, что не можемъ говорить съ вами», сказали они черезъ молодого француза: «русскіе говорятъ по-французски, по-англійски и по-нѣмецки; намъ слѣдовало бы знать одинъ изъ этихъ языковъ». — «Мы говорили бы и по-испански, если бѣ Испанія была поближе къ намъ», отвѣчалъ я.

Вдругъ послышались пушечные выстрѣлы. Это суда на рейдѣ салютуютъ въ честь новорожденной принцессы. Мы поблагодарили епископа и простились съ нимъ. Онъ проводилъ насъ на крыльцо и сказалъ, что непременно побываетъ на рейдѣ. — «Не хотите ли къ испанскому епископу?» спросилъ миссіонеръ; но былъ уже часъ утра, и мы отложили до другого дня.

«Что они здѣсь дѣлаютъ, эти французы?» думалъ я, идучи въ отель: «епископъ говоритъ, что пріѣхалъ лѣчиться отъ приливовъ крови въ головѣ: «въ Нинно, говоритъ, жарко»; какъ будто въ Манилтѣ холоднѣе! А молодой все ѣздитъ по окрестнымъ *пуэбло*, по какимъ-то дѣламъ...»

Мы рано поднялись на другой день, въ воскресенье, чтобъ побывать въ церквахъ. Заѣхали въ три церкви, между прочимъ, въ манильскій соборъ, старое зданіе, постройки XVI столѣтія. Онъ только величиной отличается отъ другихъ приходскихъ церквей. Украшенія въ немъ такъ же безвкусны, живопись такъ же дурна, какъ и въ церкви предмѣстья и въ монастыряхъ. Органъ плохъ, а въ другихъ церквахъ онъ замѣняется віолончелью и флейтой.

Одна церковь, впрочемъ, лучше другихъ, побогаче, чище, свѣтлѣе. Въ ней мало живописи и тусклой позолоты; она не обременена украшениями; и прихожане въ ней полнее, чище одѣты и приличнѣе на видъ, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Испанцевъ въ церквахъ совсѣмъ нѣтъ; испанокъ немного

больше. Все метисы, тагалы, да заѣзжіе европейцы разныхъ націй. Мы вездѣ застали проповѣдь. Проповѣдники говорили съ жаромъ, но этотъ жаръ мнѣ показался поддѣльнымъ; манеры и интонація, голоса у всѣхъ заученныя.

Послѣ обѣдни мы отиравились въ циркъ, смотрѣть пѣтушій бой. Намъ взялся показать его французъ РІ., жившій въ трактирѣ, очень любезный и обязательный человекъ. Мы заѣхали за нимъ въ отель. Цирковъ много. Мы отиравились сначала въ предмѣстье Бинондо, но тамъ не было никого, не знаю почему; мы — въ другой, въ предмѣстье Тондо. Съ полчаса колесили мы по городу и наконецъ пріѣхали въ предмѣстье. Оно все застроено избушками на курьихъ ножкахъ и заселено тагалами.

Французъ дорогой подтвердилъ намъ, что тагалы самый счастливый народъ въ свѣтѣ. — «Они ни въ чемъ не нуждаются», сказалъ онъ: «работаютъ мало и если выработаютъ какой-нибудь реалъ въ сутки, то-есть восьмую часть талера (около 14 коп. сер.), то имъ слишкомъ довольно на цѣлый день. Индіецъ купить себѣ рису; бананъ у него есть, сладкій картофель, или таро тоже — и обѣдъ готовъ. Еще останется ему на что куинтъ кокосовой водки. Испанцы обходятся съ ними хорошо, кротко и тагалы благословляютъ свою участь. Конечно, они могли бы быть еще дѣятельнѣе, слѣдовательно, жить въ бдльшемъ довольствѣ, не витать въ этихъ хижинахъ, какъ птицы; но для этого надобно, чтобъ и повелители ихъ, т. е. испанцы, были подѣятельнѣе; а они стоятъ другъ друга: *«tel maître, tel valet»*.

То же подтвердилъ наканунѣ и епископъ. «Ахъ, если бы Филиппинскіе острова были въ другихъ рукахъ!» сказалъ онъ: «какія сокровища можно было бы извлекать изъ нихъ! *Mais les espagnols sont indolents, paresseux, très paresseux!*» прибавилъ онъ со вздохомъ.

Отъ новаго губернатора, маркиза Новичелиса, ждуть много добраго. Онъ затѣваетъ разныя реформы; ему дано

больше правъ и власти, нежели его предшественникамъ: онъ нѣчто въ родѣ вице-короля. Поводъ къ увеличенію его власти подали нѣкоторые опасенія насчетъ духовенства, вліяніе котораго стало слишкомъ ощутительно въ этой колоніи. Слухи объ этомъ дошли до метрополи; притомъ индійцы на прочихъ островахъ стали пошаливать. Незадолго передъ нашимъ прибытіемъ, они, на островѣ Минданао, умертвили человѣкъ двадцать солдатъ. Потребовались строгія мѣры, и то судно, которое мы встрѣтили въ Айжерѣ, везло новыя войска. На томъ же суднѣ былъ и Кармена, съ которымъ мы увидѣлись, какъ со старымъ знакомымъ. Въ губернаторѣ находятъ пока одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ исполненъ своего достоинства, гордится древностью рода и тѣмъ, что жена его—первая статсъ-дама при королевѣ, отъ этого онъ важничаетъ, какъ пѣтухъ...

Но вотъ и циркъ, вотъ и пѣтухи. Циркъ—это исполнинская бамбуковая клѣтка, въ какую сажаютъ попугаевъ, вся сквозная: снаружи издалека можно видѣть, что въ ней дѣлается. Въ ней три яруса галлерей для зрителей, а посрединѣ круглая арена для бойцовъ. Крыша коническая, сплетена тоже изъ бамбуковыхъ жердей, и потому сквозная, но въ ней сверхъ того есть нѣсколько люковъ для воздуха. Мы съ трудомъ пробрались сквозь густую толпу народа ко входу, заплатили по реалу и вошли въ клѣтку. Зрителей было человѣкъ до пятисотъ въ самой клѣткѣ, да человѣкъ тысяча около. Послѣдніе не зрители, а участники. У всякаго подъ мышкой былъ пѣтухъ. Публика вся состояла изъ тагаловъ, китайцевъ и метисовъ. Мы пробрались въ верхнюю галлею и съ трудомъ отыскали три свободныя мѣста. Женщинамъ нельзя сидѣть въ этихъ сквозныхъ галлереяхъ, особенно въ верхнихъ этажахъ: поэтому въ циркѣ были только мужчины да пѣтухи—ни женщинъ, ни куръ ни одной. Но зато какое множество пѣтуховъ! какое свирѣпое, непрерывное пѣніе раздавалось въ клѣткѣ и около нея!

На аренѣ ничего еще не было. Тамъ ходилъ какой-то распорядитель изъ тагаловъ, въ розовой кисейной рубашкѣ, и собиралъ деньги на ставку и за пари. Я удивился, съ какой небрежностью индѣйцы бросали пригоршни долларовъ, между которыми были и золотые дублоны. Распорядитель раскладывалъ деньги по кучкамъ на полу, на пескѣ арены. На ней, въ одномъ углу, на корточкахъ, сидѣли тагалы съ пѣтухами, которымъ предстояло драться.

Вотъ явились двое тагаловъ и стали стравливать пѣтуховъ, сталкивая ихъ между собою, чтобъ показать публикѣ степень силы и воинственного духа бойцовъ. Пѣтухи немного-было надулись, но потомъ равнодушно отвернулись другъ отъ друга. Ихъ унесли, и арена опустѣла. «Что это значитъ?» спросилъ я француза. — «Пѣтухи не внушаютъ публикѣ довѣрія, и оттого никто не держитъ за нихъ пари».

Изъ угла отдѣлились двое другихъ состязателей и стали также стравливать бойцовъ, держа ихъ за хвостъ, чтобъ они не подрались преждевременно. Пѣтухи надулись, гребни у нихъ побагровѣли, они только-что бросились одинъ на другого, какъ хозяева растащили ихъ за хвосты. Пѣтухи были надежны; между зрителями обнаружилось сильное волненіе. Толпа заколебалась; поднялся говоръ, какъ внезапный шумъ волнъ, и шель *crescendo*. Всѣ протягивали другъ къ другу руки съ долларами, перекликались, переговаривались, предлагали пари, кто за желтаго, кто за бѣлаго пѣтуха. И къ намъ протянулось нѣсколько рукъ; насъ трогали со всѣхъ сторонъ за плечи, за спину, предлагая пари.

Между тѣмъ хозяева пѣтуховъ сняли съ стальной шпоры, прикрѣпленной къ одной ногѣ бойца, кожаныя ножны. Распорядитель подалъ знакъ — все умолкло. Пѣтуховъ бросили другъ на друга. Одинъ изъ нихъ воспользовался первой минутой свободы, хлопнулъ раза три крыльями и прошѣлъ, какъ будто хотѣлъ душу отвести; другіе, менѣе терпѣливые, поютъ, сидя у хозяевъ подъ мышками. Прошѣвъ, онъ обра-

тился-было къ своимъ мирнымъ занятіямъ, началъ искать около себя на полу, чего бы поклевать, и поскребъ раза два землю ногой. Но хозяинъ схватилъ его, погладилъ, дернулъ за подбородокъ и бросилъ на другого, который рвался изъ рукъ хозяина. Тогда у обоихъ бойцовъ образовались изъ перьевъ около шеи манжеты, оба нагнули головы и стали мѣтить другъ въ друга. Долго щетинились они, наконецъ, оба вспрыгнули вдругъ, и одинъ перескочилъ черезъ другого, и тотчасъ же опять построились въ боевую позицію, и опять нагнулись. Потомъ раза три сильно сшиблись; полетѣло нѣсколько перьевъ по сторонамъ. Опять одинъ перескочилъ черезъ другого, царапнулъ того шпорой, другой тоже перескочилъ и царапнулъ противника такъ, что онъ упалъ на бокъ, но въ ту же минуту всталъ и съ новой яростью бросился на врага. Тутъ ужъ ничего больше разобрать было нельзя: рыцари дрались въ общей свалкѣ, сшибались часто и сильно впивались другъ другу въ гребень, то одинъ повалить другого, то другой первого.

«Это все и у насъ увидишь каждый день въ любой деревнѣ», сказала я Б—ну: «только у насъ, при такомъ побойцѣ, обыкновенно баба побѣжитъ съ кочергой, или кучеръ съ кнутомъ, разнимать драку, или мальчишка броситъ камешкомъ». Вскорѣ бѣлый пѣтухъ упалъ на одно крыло, вскочилъ, побѣжалъ хромая, упалъ опять, и, наконецъ, поползъ по аренѣ. Крыло волочилось по землѣ, оставляя дорожку крови.

Всякій разъ, при сильномъ ударѣ того или другого пѣтуха, раздавались отрывистыя восклицанія зрителей; но когда побѣжденный побѣжалъ, толпа завывала дико, неистово, продолжительно, такъ что стало страшно. Всѣ приветали съ мѣстъ, всѣ кричали. Какія лица, какія страсти на нихъ! и все это по поводу пѣтушьей драки! «Нѣтъ, этого у насъ не увидите», сказалъ Б. Дѣйствительно, этотъ моментъ былъ самый замѣчательный для посторонняго зрителя.

Хозяинъ побѣдителя схватилъ своего пѣтуха и взялъ деньги; противникъ его молча удалился въ толпу. Зрители тоже молча передавали другъ другу проигранные доллары. Явились двое другихъ и повторили тѣ же продѣлки, то-есть др зинли пѣтуховъ, вооружили ихъ шпорами: то же волненіе, тотъ же говоръ повторились между зрителями, что ваша жидовская синагога! Пѣтухи рванулись — и черезъ минуту большой красный пѣтухъ разорвалъ шпорами ноги сѣрому, такъ что тотъ упалъ на спину, а ноги протянулъ кверху. Кругомъ кровь и перья. Побѣжденнаго пѣтуха бралъ какой-то запачканный тагаль, сдиралъ у него съ груди горсть перьевъ и клалъ ихъ въ большой мѣшокъ, а пѣтуха отдавалъ хозяину. «Что они дѣлають со своими пѣтухами потомъ?» спросилъ я француза: «лѣчать, что ли?» — «Нѣтъ, ѣдятъ съ салатомъ», отвѣчалъ онъ. — «А перья зачѣмъ?» — «Не знаю», сказалъ французъ. Я обратился съ этимъ вопросомъ къ своему сосѣду съ лѣвой стороны, къ китайцу. «Signor?» отвѣчалъ онъ мнѣ вопросомъ же. Я забылъ, что я не въ Гон-Конгѣ, не въ Спшганурѣ, наконецъ, не въ Китаѣ, гдѣ китайцы говорятъ по-англійски.

Иногда хозяинъ побѣжденнаго пѣтуха бралъ его на руки, доказывалъ, что онъ можетъ еще драться и требовалъ продолженія боя. Такъ и случилось, что одинъ побѣжденный выигралъ ставку. Пѣтухъ его, оправившись отъ удара, свалилъ съ ногъ противника, забилъ его подъ загородку и такъ разсвирѣбѣлъ, что тотъ уже лежалъ и едва шевелилъ крыльями, а онъ все продолжалъ бить его и клѣвомъ, и шпорами.

Мы ушли, просидѣвъ съ часъ. Говорять, забава продолжается до солнечнаго заката. Правительство отдаетъ цирки на откупъ и беретъ огромныя деньги. И выше, кажется, сказали, какія суммы получаютъ отъ боя пѣтуховъ. Въ провинціи Тондо казна получаетъ до 80,000 долларовъ подати, въ другихъ—гдѣ 20, гдѣ 15,000. Тагалы иногда ста-

вять до тысячи долларовъ на пари. «Я слышалъ, что здѣсь есть бои быковъ», спросилъ я французъ: «нельзя ли посмотреть?» — «Не стоить», отвѣчалъ онъ: «это пародія на испанскіе бои. Здѣсь торреадоры—унгерь-офицеры, дерутся съ дрянными, измученными быками»...

Въ гостиницу пришли обѣдать Кармена, Авелло, адъютантъ губернатора и много другихъ. Авелло, отъ имени своей матери, изъявилъ сожалѣніе, что она, по незнанію никакого другого языка, кромѣ испанскаго, не могла принять насъ, какъ слѣдуетъ. Онъ сказалъ, что она ожидаетъ насъ опять, просить считать ея домъ своимъ, и т. д.

Послѣ обѣда мы всѣ разъѣхались. Я опять ударился въ окрестности одинъ, останавливался, гдѣ мнѣ нравилось, заглядывалъ въ рощи, уходилъ по дорожкамъ въ плантаціи кофе и табаку. Дорога прекрасная; синій, туманный цвѣтъ дальнихъ горъ опредѣлялся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ нимъ. Въ одной деревенькѣ я пошелъ вдоль по ручью, въ кусты, между деревьевъ; я любовался ими, хотя не умѣлъ назвать почти ни одного по имени. Французъ показывалъ мнѣ въ своемъ магазинѣ до десяти изящнѣйшихъ породъ дерева, начиная отъ самаго краснаго до самаго чернаго. Коричневая, розовая, желтая, темная: съ какими нѣжными струями и оттѣнками и какія массивныя! Онъ показывалъ круглые столы, аршина полтора въ діаметрѣ, сдѣланные изъ одного куска. Говорятъ, въ Манилѣ до тысячи породъ деревьевъ.

Кучеръ мой, по обыкновенію всѣхъ кучеровъ въ мірѣ, побѣжалъ въ деревенскую лавочку съѣсть или выпить чего-нибудь, пока я бродилъ по ручью. Я воротился—его нѣтъ; около коляски собрались мальчишки, нищие, и такъ себѣ тагалы, съ пѣтухами подъ мышкой. Я доѣхалъ до рѣчки и воротился въ Маниллу, къ дворцу, на музыку.

Шкуна пришла 23-го февраля (7-го марта), и наше об-

щество нѣсколько увеличилось. П—ть уѣхалъ на озеро, Г. въ мѣстечко С. Маттео, смотрѣть тамошній гротъ.

Говорить, на озерахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ глуши, на вершинѣ одной горы, есть, образовавшійся въ кратерѣ потухшаго вулкана, бассейнъ стоячей воды, наполненной кайманами. Кругомъ бассейна, по лѣсу, гнѣздятся на деревьяхъ летучія мыши, величиной съ ястреба и больше. Туда проникаютъ смѣлые охотники. Животныхъ изъ породъ ящерицъ здѣсь множество; недавно будто бы поймали каймана въ 21 футъ длиной. Мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ жителей совѣтовалъ остерегаться, не подходить близко къ развалинамъ, говоря, что тамъ гнѣздятся ящерицы, около фута величиной, которыя кидаются на грудь человѣку и вцѣпляются когтями такъ сильно, что скорѣе готовы оставить на мѣстѣ лапы, чѣмъ отстать. Есть одно средство отцѣпить ихъ, это подставить имъ зеркало: тогда онѣ бросаются на свое отраженіе. Онъ сказывалъ, что, вдвоемъ съ товарищемъ, они убили изъ ружья двухъ такихъ ящерицъ.

Однако, намъ объявили, что мы скоро снимаемся съ якоря, дня черезъ четыре. «Да какъ же это? да что жъ это такъ скоро?..» говорилъ я, не зная, зачѣмъ бы я оставался долѣе въ Луконіи. Мы почти все видѣли; ѣхать дальше внутрь — надо употребить, по крайней мѣрѣ, недѣлю, да и здѣшнее начальство неохотно пускаетъ туда. А все жаль было покидать Маниллу!

Утромъ, дня за три до отъѣзда, пришелъ ко мнѣ П—ть. «Не хотите ли осмотрѣть канатный заводъ нашего банкира?» сказалъ онъ мнѣ: «насъ повезетъ одинъ изъ хозяевъ банкирскаго дома, американецъ Мегфоръ». Мнѣ нѣсколько неловко было ѣхать на фабрику банкира: я не былъ у него самого даже съ визитомъ, несмотря на его желаніе видѣть всѣхъ насъ, какъ можно чаще у себя; а не былъ потому, что за визитомъ неминуемо слѣдуютъ приглашенія къ обѣду, за который садятся въ пять часовъ, именно тогда, когда

настаетъ въ Маниллѣ лучшая пора глотать не мясо, не дичь, а здѣшній воздухъ, когда надо ѣхать въ поля, на взморье, гулять по цвѣтущимъ зеленымъ окрестностямъ, словомъ, жить. А тутъ сиди за обѣдомъ!

Однакожь, я поѣхалъ съ П—мъ и Мегфоромъ, особенно когда узналъ, что до фабрики надо ѣхать по незнакомой мнѣ дорогѣ. Дорога эта довольно глуха и уединенна, и оттого еще болѣе понравилась мнѣ. Я удивился, что по близости Маниллы еще такъ много лежитъ нетронутыхъ полей, мѣсть, повидимому, совсѣмъ забытыхъ. «Или они *подъ паромъ*, эти поля», думалъ я, глядя на пустыя, большія пространства: «здѣшняя почва такъ же ли нуждается въ отдыхѣ, какъ и наши сѣверныя нивы, или это нерадѣніе, лѣнь?» Некого было спросить; съ нами ѣхалъ К. И. Л., хорошій агрономъ и практическій хозяинъ, много лѣтъ завѣдывавшій большимъ имѣніемъ въ Россіи, но званія его останавливались на пшеницѣ, клеверѣ, и далѣе не шли. О тропической почвѣ онъ зналъ не болѣе меня.

Мы пріѣхали на фабрику, занимающую большое пространство и нѣсколько строеній. Самое замѣчательное на этой фабрикѣ то, что веревки на ней дѣлаются не изъ того, изъ чего дѣлаютъ ихъ въ цѣломъ мірѣ, не изъ пеньки, а изъ волоконъ дерева, похожаго нѣсколько на банановое. Мегфоръ называетъ его *plantin*. Мочала или волокна—цвѣта... какъ бы назвать его? да свѣтло-мочального—доставляются изнутри острова, въ тюкахъ, и идутъ прежде всего въ расческу. При расческѣ матеріаль чуть-чуть смазываютъ кокосовымъ масломъ. Мы едва шагали между кучами мочалъ, отъ которыхъ припахивало постнымъ масломъ. Расчесываютъ ихъ раза три, сначала грубыми, большими зубцами, потомъ тонкими, на длинныя пряди, и тогда уже машинами вьютъ веревки.

Машины привезены изъ Америки: вы видали на фабрикахъ эти стальные станки, колеса; знаете, какъ они отдѣ-

ланы, выполированы, какъ красивы—и тутъ тоже: взялъ бы да и поставилъ гдѣ-нибудь въ залѣ, какъ украшеніе. Сараи, гдѣ по рельсамъ ходитъ машина, вьющая канаты, имѣютъ до пятисотъ шаговъ длины; рабочіе всѣ—тагалы, мастера—американцы. Мальчикамъ платятъ по полуреалу въ день (около семи коп. сереб.), а работать надо отъ шести часовъ утра до шести вечера; взрослымъ по реалу; когда понадобится, такъ за особую плату работаютъ и ночью. — «Дешево, конечно», говоритъ агрономъ Л.: «но вѣдь зато имъ не надо ни полушубковъ, ни сапогъ, ни рукавицъ круглый годъ, притомъ ихъ кормятъ на фабрикѣ». Мастера, трое, получаютъ тысячу-восемьсотъ, тысячу-пятьсотъ и тысячу долларовъ въ годъ. Отправляютъ товаръ больше въ Америку, частью въ канатахъ, частью тюками, въ волокнахъ. Тамъ эти веревки изъ «пьянтина» предпочитаютъ на судахъ пеньковымъ, но только въ бѣгучемъ такелажѣ, то-есть для подвижныхъ снастей, а стоячій такелажъ или смоленыя неподвижныя снасти дѣлаются изъ пеньковыхъ.

Въ Маниллѣ, какъ и въ Сингапурѣ, въ магазинѣ корабельныхъ запасовъ, продаются *русскія* пеньковыя снасти, предпочитаемыя всякимъ другимъ на свѣтѣ; но онѣ дороже древесныхъ. У насъ на суда взяли нѣсколько манильскихъ снастей: при постановкѣ парусовъ, отъ нихъ раздавалась такая музыка, что всѣ зажимали уши: точно тысяча саней скрипѣли по морозу. Говорятъ, что пройдетъ со временемъ, обшаркается. Фабрика производитъ на 130,000 долларовъ въ годъ. Она принадлежитъ Старджису, представителю въ настоящее время американскаго дома Russel и С^о въ Маниллѣ, еще Мерфору, который насъ возилъ, и вдовѣ его брата. Братъ этотъ, года два назадъ, былъ убитъ индійцами, которые напали на фабрику и хотѣли ограбить. Испанское правительство до сихъ поръ не можетъ найти виновныхъ. Говорятъ, американскій коммо-

дору Перри придетъ сюда съ своей эскадрой помогать отъ-искивать ихъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, на фабрикѣ случился пожаръ, и отчего? Тамъ запрещено работникамъ курить сигары: одинъ мальчикъ, которому, вѣроятно, неестественно казалось не курить сигаръ въ Манильѣ, потихоньку закурилъ. Пришелъ смотритель: тагалъ, не зная, какъ скрыть свой грѣхъ, сунулъ сигару въ кину мочалъ.

Черезъ предмѣстье Санта-Круцъ мы воротились въ городъ. Мои товарищи поѣхали къ какой-то Маргаритѣ, покупать платки и матерію изъ ананасовыхъ волоконъ, а я домой.

Насъ торошили собраться къ отплытію; надо было подумать о сигарахъ. Я съ запиской отправился на фабрику къ альфорадору. У воротъ мнѣ встрѣтился какой-то молодой чиновникъ, какіе есть, кажется, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ цѣлаго міра: безъ дѣла, скучающій, не знающій куда дѣваться, словомъ, лишній. Онъ шелъ было вонъ; а когда я показалъ ему записку, онъ воротился—и такъ, отъ вѣчего же дѣлать,—повелъ меня къ альфорадору. Опять я, идучи по заламъ, наслушался адекаго стука, нанюхался табачнаго масла и достигъ наконецъ до альфорадора.

Онъ прежде всего предложилъ мнѣ сигару гаванской свертки, потомъ на мой вопросъ отвѣчалъ, что сигары не готовы: «дни черезъ четыре приготовимъ».—«Я черезъ день ѣду», замѣтилъ я. Онъ пожалъ плечами.—«Возьмите въ магазинъ, какія найдете», прибавилъ онъ: «или обратитесь къ инспектору».

Праздникъ чиновникъ повелъ меня къ инспектору. Тотъ посоветовалъ обратиться въ магазинъ. Мы пошли (все съ чиновникомъ) туда. Магазинъ помѣщался въ домѣ фабричной администраціи. Мы зашли прежде въ администрацію. Одинъ изъ администраторовъ, толстый испанецъ, столько

же похожій на испанца, сколько на нѣмца, на итальянца, на шведа, на кого хотите, всталъ съ своего мѣста, поднявъ очки на лобъ, долго говорилъ съ чиновникомъ, не спуская съ меня глазъ, потомъ поклонился и сѣлъ опять за бумаги. Около него толпились тагалы и тагалки, ожидавшіеся платы. — «Ну, что?» спросилъ я своего провожатаго. Онъ началъ мнѣ длинную какую-то рѣчь по-французски, и хотя говорилъ очень сносно на этомъ языкѣ, но я почти ничего не понималъ, можетъ-быть, оттого, что онъ къ каждому слову прибавлялъ: «je vous parle franchement, vous comprenez?»

Хотѣлъ ли онъ подарка себѣ, или кому другому—не похоже, кажется: но онъ говорилъ о злоупотребленіяхъ, да тутъ же кстаги и о строгости. Между прочимъ, смыслъ одной фразы былъ тотъ, что офиціально, обыкновеннымъ путемъ, чрезъ начальство, трудно сдѣлать что-нибудь, что надо «просто придти», такъ все и получишь за ту же самую цѣну. — «Je vous parle franchement, vous comprenez?» заключилъ онъ.

— «Сигарь?» спросилъ я въ магазинѣ. — «Сигарь нѣтъ», отвѣчала индеецъ-приказчикъ. — «Новаго приготовленія, гаванской свертки, первый сортъ», говорилъ я. Чиновникъ переводилъ мой вопросъ и отвѣтъ тагала—*нѣтъ*. — «Ихъ такъ немного дѣлаютъ, что въ магазинъ онѣ и не поступаютъ», сказалъ онъ. — «Ну, перваго сорта здѣшней свертки, крупныхъ». — «Всѣ вышли», былъ отвѣтъ. «Сегодня пришлютъ», прибавилъ онъ. — «Ну, втораго сорта?» спросилъ я. Тагалъ порылся въ ящикахъ, вынулъ одну пачку въ бумагѣ, 125 штукъ, и положилъ передо мной. — «Una peso» (одинъ піастръ), сказалъ онъ. — «Да мнѣ надо по крайней мѣрѣ пачекъ двадцать одного этого сорта», замѣтилъ я. Тагалъ опять заглянулъ въ ящикъ. — «Больше нѣтъ», сказалъ онъ: «всѣ вышли; сегодня будутъ».

Тутъ слѣдовало бы пожать плечами, но я былъ очень

сердить, не до того было, чтобъ прибѣгать къ этимъ общимъ мѣстамъ, для выраженія досады. Вотъ подите же: гдѣ послѣ этого доставать сигары? Я думаю, на Невскомъ проспектѣ, у Тенкате: это всего вѣрнѣе. Кто-то искалъ счастья по всему міру и нашель же его, воротясь, у своего изголовья. Не былъ ли въ Маниллѣ этотъ путешественникъ и не охотникъ ли онъ курить сигары? Видно ужъ такъ заведено въ мірѣ, что на Волгѣ и Уралѣ не купишь на рынкахъ хорошей икры; въ Эпернѣ не удастся выпить бутылки хорошаго шампанскаго, а въ Торжкѣ не найдешь теперь и знаменитыхъ пожарскихъ котлетъ: ихъ лучше дѣлаютъ въ Петербургѣ.

«Что жъ у васъ есть въ магазинѣ?» спросилъ я наконецъ: «вѣдь эти ящики не пустые же: тамъ сигары?»—«Чируты», сказалъ мнѣ приказчикъ, то-есть, обрѣзанныя съ обѣихъ сторонъ (которыя, кажется, только и привозятся изъ Маниллы къ намъ, въ Петербургъ): этихъ сколько угодно! Есть изъ нихъ третій и четвертый сорты, то-есть, однѣ большія, другія меньше.

А провожатый мой все шепталъ мнѣ, отворотясь въ сторону, что надо придти «прямо и просто», а куда—все не говорилъ, прибавилъ только свое: «je vous parle franchement, vous comprenez?»—«Да не надо ли подарить кого-нибудь?» сказалъ я ему наконецъ, выведенный изъ терпѣнія.—«Non, non!» сильно заговорилъ онъ; «но вы знаете сами, злоупотребленія, строгости... но это ничего; вы можете все достать... васъ принималъ у себя губернаторъ— оно такъ, я видѣлъ васъ тамъ: но все-таки надо придти... просто: «vous comprenez?» — «Я приду сюда вечеромъ», сказалъ я рѣшительно, уставъ слушать эту болтовню: «и надѣюсь найти сигары всѣхъ сортовъ...» — «Кромѣ перваго сорта гаванской свертки», прибавилъ чиновникъ и сказалъ что-то тагалу по-испански... Я довезъ его до фабрики и вернулся домой.

Смысль этих таинственных рѣчей былъ, кажется, тотъ, что все количество заготавливаемыхъ на фабрикѣ сигаръ быстро расходуется официальнымъ путемъ по купеческимъ конторамъ, оптомъ, и въ магазинъ почти не поступаетъ; что туземцы курятъ чируты, и потому трудно достать готовые сигары высшихъ сортовъ. Но если кто пожелаетъ непременно имѣть хорошія сигары не въ большомъ количествѣ, тотъ, безъ всякихъ фактуръ и заказовъ, обращается къ кому-нибудь изъ служащихъ на фабрикѣ, или *приходитъ прямо и просто*, какъ говорилъ мой провожатый, заказываетъ сколько ему нужно, и получаетъ за ту же цѣну, мимо администраціи, мимо магазина, куда деньги за эти сигары, конечно, уже не поступаютъ.

По крайней мѣрѣ я такъ понялъ загадочныя рѣчи моего провожатаго. Et vous, mes amis, vous comprenez? je vous parle franchement.

Наслу-го, наконецъ, вечеромъ я запасся, для себя и для нѣкоторыхъ товарищей, нѣсколькими тысячами сигаръ, почти всѣхъ сортовъ, всѣхъ величинъ, и притомъ самыми *свѣжими*. На ящикахъ было вездѣ клеймо: *Febrero* (февраль), то-есть мѣсяцъ нашего тамъ пребыванія. Запросъ такъ великъ, что не успѣваютъ дѣлать. Другіе мои спутники запаслись чрезъ нашего банкира, но только одними чирутами. За *тысячу* сигаръ лучшаго сорта платятъ здѣсь четырнадцать долларовъ (около 19 р. сер.), а за чируты восемь долларовъ. Въ Петербургѣ первыхъ совсѣмъ нѣтъ, а вторыя продаются, если не ошибаюсь, по шести, и никакъ не менѣе пяти р. сер. за *сотню*. Каковъ пролетъ! Табакъ не въ сигарахъ не продается въ Манилѣ; онъ дозволенъ только къ вывозу. Говорятъ, есть еще нѣсколько меньшихъ фабрикъ, но я тѣхъ не видалъ, такъ же какъ и фабрики сигаретокъ или папирозъ.

Наконецъ объявлено, что не сегодня, такъ завтра снимаемся съ якоря. Надо было перебраться на фрегатъ. Я

последніе два дня еще разъ объѣхалъ окрестности, былъ на кальсадо, на Эскольтъ, на Розарио, въ лавкахъ. Вчера отправилъ свои чемоданы *домой*, а сегодня, послѣ обѣда, на катерѣ отправился и самъ. Съ нами поѣхалъ французъ Рі. и еще испанецъ, нѣкогда морякъ, а теперь *commandant des troupes*, какъ онъ называлъ себя. Въ этотъ день общали быть на фрегатѣ нѣсколько испанскихъ семействъ, въ которыхъ были приняты наши молодые люди.

Когда мы сѣли въ катеръ, вдругъ пришли сказать намъ, что гости ужь ѣдутъ, что часть общества опередила насъ. А мы еще не отвалили! Какъ засуетились наши молодые люди! Только что мы выгребли изъ Пассага, велѣли поставить паруса и понеслись. Подъ берегомъ было довольно тихо и катеръ шелъ покойно, но мы видѣли вдали, какъ кувыркалась въ волнахъ крытая барка съ гостями.

Часовъ съ трехъ пополудни до шести, на неизмѣримомъ манильскомъ рейдѣ, почти всегда дуетъ вѣтеръ свѣжѣе, нежели въ другіе часы сутокъ; а въ этотъ день онъ дулъ свѣжѣе всѣхъ прочихъ дней и развелъ волненіе. «Мы ихъ догонимъ», говорилъ Б., «тяги шкотъ! тяги шкотъ!» командовалъ онъ безпрестанно. Паруса надулись такъ, что плюшка однимъ бортомъ лежала совершенно въ водѣ; нельзя было сидѣть въ катерѣ, не держась за противоположный бортъ. Мы ногами упирались то въ кадку съ мороженымъ, то въ корзины съ конфетами, апельсинами и мангу, назначенными для гостей и стоявшими въ безпорядкѣ на двѣхъ плюшкахъ, а насъ такъ и тащило съ лавою долой. «Не взять ли рифы?» спросилъ Б. К. — «Надо бы; да тогда тише пойдѣмъ, не поспѣемъ прежде гостей», сказалъ Б.: «вотъ ужь они гдѣ, за французскимъ пароходомъ: экъ ихъ валяетъ!»

Нашъ катеръ вставалъ на дыбы, билъ носомъ ѓ-воду, загребалъ ее, какъ ковшомъ, и разбрасывалъ по сторонамъ, съ брызгами и пѣной. Мы-таки перегнали, хотя и риско-

вали, если не перевернуться совсѣмъ, такъ *чертнуть* порядкомъ. А послѣднее чуть ли не страшнѣе было перваго для Б.: чѣмъ было бы тогда потчивать испанокъ, если бѣ въ мороженое, или конфеты, вкатилась соленая вода?

Приставать въ качку къ борту — тоже задача. Шлюпку приподнимаетъ чуть не до борта, тутъ сейчасъ и пользуйтесь мгновениемъ: прыгайте на трапъ, а прозѣвали, волна отступитъ и утащитъ шлюпку опять въ преисподнюю.

Мы только что вскочили на палубу, какъ и гости пристали вслѣдъ за нами. Ихъ всего было человекъ семь испанцевъ, да три дамы, двѣ испанки, мать съ дочерью, и одна англичанка. Прочія приглашенные не поѣхали, побоявшись качки. Гостей угощали чаемъ, мороженымъ и фруктами, которые были, кажется, не безъ соли, какъ замѣтилъ я, потому что одинъ изъ гостей доврчиво запустилъ зубы въ мангу, но вдругъ остановился и сталъ разсматривать плодъ, потомъ поглядывалъ на насъ. Хотя мы не черпнули, но все-таки нельзя было запретить морской водѣ брызгать въ шлюпку.

Съ англичанкой кое-какъ разговоръ вязался, но съ испанками — плохо. Дѣвица была недурна собой, очень любезна; она играла на фортепiano плохо, а англичанка пѣла нехорошо. Я сказалъ дѣвицѣ что-то о погодѣ, наполовину по-французски, наполовину по-англійски, въ надеждѣ, что она что-нибудь пойметъ, если не на одномъ, такъ на другомъ языкѣ, а она мнѣ отвѣтила, кажется, о музыкѣ, вполнину по-испански, вполнину... по-тагальски, а думаю.

Наконецъ, мы простились съ Манилой, да вотъ теперь и заштилѣли въ виду Люсона. Я вошелъ въ свою каюту, въ которой не былъ ни разу съ тѣхъ поръ, какъ переѣхалъ на берегъ. Въ ней горой громоздились ящики съ сигарами, кучи бѣлья, платя. Кое-какъ мы съ Фаддеевымъ разобрали все по угламъ, но каюта моя уменьшилась наполовину. «А гдѣ соломенные шляпы?» спросилъ я.—«А вотъ онѣ», ска-

заль Оаддеевъ, показывая на потолокъ.—«Да какъ ты ихъ укрѣпилъ?» спросилъ я, недоумѣвая, какъ онѣ тамъ держались. А очень просто: онѣ вставилъ три или четыре шляпы одну въ другую и поля гвоздиками прибилъ къ потолку: прочно, не правда ли?

«Только-то?» скажете вы: «Тутъ и все о Маниллѣ!» Вы недовольны? И я тоже. Я самъ ожидалъ чего-то больше. А чего? Можетъ-быть, ярче и жарче колорита, болѣе грѣзь поэзіи и побольше жизни, незнакомой намъ всёмъ, европейцамъ, жизни своеобразной: и нашелъ, что здѣсь танцуютъ, и много танцуютъ, снятъ тоже много, и краснѣютъ всего, что похоже на свое. Выше я уже сказалъ, что, вопреки климату, здѣсь на обѣды ѣздятъ въ суконномъ платьѣ, бѣлое надѣваютъ только по утрамъ, ходятъ въ черныхъ шляпахъ, предпочитаютъ нѣжнымъ издѣліямъ манильской соломы грубыя издѣлія Китая, что даже индѣецъ рядится въ суконное пальто, вмѣсто своей воздушной ткани, сдѣланной изъ растенія, которое выросло на его родной почвѣ, и старается походить на метиса, метисъ на испанца, испанецъ на англичанина.

Люди измѣняются до конца, до своей плоти и крови: и на этомъ благодѣтельномъ островѣ, какъ и вездѣ, они перерождаются и мѣняютъ нравы, сбрасываютъ указанный природою костюмъ, забываютъ свой языкъ, забыли измѣнить только названіе острова и города. Васъ, можетъ-быть, вводятъ въ заблужденіе звучныя имена Маниллы, Люсона; они напоминаютъ Испанію. Разочаруйтесь: эти имена не испанскія, а индѣйскія. Слово Манилла, или, правильнѣе, Манила, выработано изъ двухъ тагальскихъ словъ: *mayron nila*, что слово-въ-слово значитъ: *тамъ есть нила*, а *нилой* называется какая-то трава, которая растетъ по берегамъ Пассига. *Майронъ-нила* называлось индѣйское мѣстечко, бывшее на мѣстѣ нынѣшней Маниллы. Люсонъ взято отъ тагальскаго слова *лосонгъ*: такъ назывались ступки, въ ко-

торыхъ жители этого острова толкли рисъ, когда пришли туда первые испанцы, а эти послѣдніе и назвали островъ Люсонгъ. Почему нѣтъ? вѣдь наши матросы называютъ же англичанъ *асси*, отъ слова *J say*, то-есть, «ей, послунай!» которое безпрестанно слышится въ англійскомъ разговорѣ. *Тагалъ* или *тагаилогъ*, значитъ *житель рѣкъ*.

Зато природа на Люсонѣ неизмѣнна, какъ вездѣ, и богата, какъ нигдѣ. Какъ прекрасенъ этотъ союзъ сѣвернаго и южнаго неба, будто встрѣча и объятія двухъ красавицъ! Крестъ и Медвѣдница, Оріонъ и Конопусъ такъ близко кажутся другъ отъ друга... Необыкновенны переливы вечерняго свѣта на небѣ — ишмовые, фіолетовые, лазурные, наконецъ, такіе странные, темные и прекрасные тоны, подъ какіе ни за что не поддаваться человѣку! Гдѣ онъ возьметъ цвѣта для этого пронзительно-бѣлаго луча здѣшнихъ звѣздъ? какъ нарисуетъ это мѣлкое вечерняго, только что покину-таго солнцемъ и отдыхающаго неба, эту теплоту и кротость лунной ночи? Чудесенъ и голубой заливъ, и зеленый берегъ, дальнія горы, и всѣ эти пальмы, бананы, кедры, бамбуки, черное, красное, коричневое деревья, эти ручьи, островки, дачи — все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически прекрасно!..

И при всемъ томъ ни за что не остался бы я жить среди этой природы! Есть отрадныя мгновенія — утромъ, напримѣръ, когда, вставши рано, отворишь окно и вступишь прохладу въ комнату; но не надолго оживить она: едва сдунетъ только дремоту, возбудитъ въ организмѣ игру силъ и расположитъ къ дѣятельности, какъ вслѣдъ за ней, изъ того же окна дохнетъ на васъ теплый паръ раскаленной атмосферы. Въ даль посмотрѣть нельзя: волны сверкаютъ какъ горячіе угли, стѣны зданій ослѣпительно-бѣлы, воздухъ какъ пламя — больно глазамъ. Часовъ въ 10—11, не говоря уже о полуднѣ, сидите ли вы дома, поѣдете ли въ каретѣ, вы изнеможете: жаръ сморить; напрасно будете

противиться сну. Хотите говорить — и на полусловѣ зѣвнете; мысль не успѣла сформироваться, а вы ужь уснули. Но и сонъ не отрада: подушка душитъ васъ, легчайшая ткань кажется кандалами. Дышишь горячо, ищешь вѣтра — его нѣтъ. Хочешь освѣжить высохшій языкъ — вода теплая, положишь льду въ нее — жди воспаления. Къ вечеру оживаешь, наслаждаешься, но и то въ декабрѣ, январѣ и февралѣ: дальше, говорятъ, житья нѣтъ. Въ лѣтніе мѣсяцы льются потоки дождя, свирѣпствуютъ грозы, время отъ времени ураганы и землетрясенія. Въ дождь, ни выйти, ни выѣхать нельзя: въ городѣ и окрестностяхъ наводненіе; въ землетрясеніе происходитъ въ домахъ и на улицахъ то же, что въ качку на корабляхъ: все въ ужасѣ; индійцы падаютъ ницъ...

Но и вечеромъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ этомъ лунномъ пронзительномъ лучѣ, въ тихо-качающихся пальмахъ, въ безмятежномъ покоѣ природы, есть что-то такое, что давить мозгъ, шевелить нервы, тревожить воображеніе. Сидя по вечерамъ на верандѣ, я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ прошломъ году въ Сингапурѣ. Наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль! Эта жаркая природа, обласкавъ васъ страстно, напутствуетъ сонъ вашъ такими богатыми грѣзами, какихъ не приснится на Сѣверѣ.

И все-таки не останешься жить въ Манилѣ, все хочешь на Сѣверѣ, пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней природы.

А развѣ, скажете вы, нѣтъ никогда такихъ жаркихъ дней и обаятельныхъ вечеровъ и у насъ?.. Выдаются дни безпощадные, жаркіе, и у насъ, хотя безъ пальмъ, безъ фантастическихъ оттѣнковъ неба: природа, непрерывно-творческая здѣсь и подолгу бездѣйствующая у насъ, тамъ кладетъ бездну силъ, чтобъ вызвать въ какіе-нибудь три мѣсяца жизнь изъ мертвой земли. Но у насъ она даетъ

пирь, какъ бѣднякъ, отдающій все до копейки на пышный праздникъ, который въ кои-то вѣки собрался дать: постѣ онъ обречетъ себя на долгую будничную жизнь, па лишенія. И природа наша также: въ палящемъ днѣ на сѣверѣ, вы уже чувствуете удушливое дыханіе земли, предвѣщающее къ ночи грозу, потоки дождя и перемѣну надолго. А здѣсь дни за днями идутъ, какъ близнецы, похожіе одинъ на другой, жаркіе, страстные, но сильные, ясные и безмятежные—въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Можетъ-быть, вы все будете недовольны моимъ эскизомъ и потребуете чего-нибудь еще: да чего же? Кажется, я догадываюсь. Вамъ лѣнь встать съ покойнаго кресла, взять съ полки книгу и прочесть, что Филиппинскіе острова лежатъ между 114 и 134° вост. долг., 5 и 20° сѣверн. шир., что самый большой островъ—Лусонъ, съ столичнымъ городомъ Манилла, потомъ слѣдуютъ острова: Магинданао, Сулу, Палауанъ; меньшіе: Самаръ, Панай, Лейтъ, Миндоро и многіе другіе:

Въ 1521 году, Магелланъ, первый, съ своими кораблями, присталъ къ юго-восточной части острова Магинданао, и подарилъ Иссаніи новую, цвѣтущую колонію, за что и поставленъ ему монументъ на берегу Пассига. Вторая экспедиція приставала къ Магинданао въ 1524 году, подъ начальствомъ Хуана Гарсіа Хозе де-Лоаиза. Спустя недолго, приходилъ мореплаватель Виллалобосъ, который и далъ островамъ названіе «Филиппинскихъ», въ честь наслѣдника престола, Филиппа II, тогда еще принца аsturійскаго.

Въ 1664 году, Мигель Лопецъ Легаспи пришелъ, съ пятью монахами ордена августинцевъ и съ пятью судами, покорять острова силою креста и оружія. Индійцы нѣкоторыхъ вновь открытыхъ острововъ, куда еще не проникали ни Магелланъ, ни Лоаиза, перепугались, увидя европейцевъ. Они донесли своему начальству, что пріѣхали люди «съ тоненькимъ и острымъ хвостомъ, что они бросаютъ громъ,

бдятъ камни, пьютъ огонь, который выходитъ дымомъ изъ носа, а носы у нихъ», прибавили они: «предлинные». Индѣйцы приняли морскіе сухари за камни, шпагу—за хвостъ, трубку съ табакомъ — за огонь, а носы — за носы тоже, только длинные: не оттого, что у испанцевъ носы были особенно-длинные, а оттого, что послѣдніе у самихъ индѣйцевъ чрезчуръ коротки и плоски.

Легаспи, по повелѣнію короля, покорилъ и островъ Лосонгъ или Люсонгъ. Онъ на Пассигѣ основалъ нынѣшній городъ, удержавъ ему названіе бывшаго на этомъ мѣстѣ селенія Мейрон-Нила или, сокращенно, Mai-Nila. Легаспи привлекъ китайцевъ, завелъ съ ними торговлю, которая процвѣтаетъ и понынѣ. Вскорѣ наѣхали францисканцы, доминиканцы, настроили церквей, изъ которыхъ августинскій монастырь древнѣйшій, построенный по плану архитектора, строившаго Эскуриаль.

Послѣ того Манилла не разъ подвергалась нападеніямъ китайцевъ, даже японскихъ пиратовъ, даже голландцевъ, которые завистливымъ окомъ заглянули и туда, наконецъ англичанъ. Эти послѣдніе, воюя съ испанцами, напали, въ 1762 году, и на Маниллу и въ конецъ разорили ее. Черезъ годъ и семь мѣсяцевъ миръ былъ заключенъ и колонія возвращена Испаніи.

Жидко объ исторіи, скажете вы, можетъ-быть. Но стоить ли больше говорить о ней? Филиппинскій архипелагъ, какъ рагвену какой-нибудь, еще не имѣетъ права на генеалогическое дерево. Говорить больше о немъ, значить говорить объ исторіи испанскаго могущества XV, XVI и XVII столѣтій. Оно стозвалось и въ здѣшнихъ отдаленныхъ углахъ, но глухо. Миръ тогда сжался на маленькомъ лоскуткѣ: надъ нимъ и играло всей силой своей солнце судьбы, и сюда чуть-чуть долетали его лучи. Можетъ-быть, заиграетъ оно когда-нибудь и здѣсь, какъ надъ старой Европой: тогда на путешественникѣ будетъ лежать тяжелая обязанность рыться въ

здѣйствіяхъ архивахъ и съ важностью повѣствовать лѣнливымъ друзьямъ о событіяхъ края.

О торговлѣ три слова:

Изъ Маниллы вывозятся въ Америку, въ Китай, въ Европу, и особенно въ Англію: сахаръ, индиго, пенька, сигары, ромъ, дерево; а привозятся бумажныя и шерстяныя издѣлія, желѣзо, корабельные припасы, провизія, стальные издѣлія, стекло, глиняная посуда.

Ежегодно приходитъ до двухсотъ испанскихъ и чужихъ кораблей и столько же отходить.

Сумма привоза простирается свыше полутора милліона піастровъ, иногда до двухъ; вывозится милліона на три...

(Зри Kaufmännische Berichte, gesammelt auf einer Reise um die Welt von W. N. Nopitsch).

Ну, теперь, кажется, все!

VI.

ОТЪ МАНИЛЛЫ ДО БЕРЕГОВЪ СИБИРИ.

Качающаяся мачта.—Островъ Батанъ.—Padre и алькадь.—Сулой.—
Островъ Камигуинъ, портъ Пио-квинто.—Красное дерево.—Птицы и
насъкомья.—Бананы.—Драконъ, пожирающій утокъ.—Объѣдъ въ
тропическомъ лѣсу.—Китъ.—Акула.—Островъ Гамильтонъ.—Каме-
ля.—Корейцы.—Вѣсти изъ Шанхая.—Нагасаки.—Второй губерна-
торъ.—Подарки.—Провизія.—Острова Гото.—Берега Кореи; опись
ихъ и повѣрка картъ.—Заливъ Лазарева.—Прогулки по берегу.—
Сильные туманы.—Змѣя.—Сношенія съ жителями.—Непріятность.—
Рѣка Тайманьга.—Историческая замѣтка о Корей.—Татарскій про-
ливъ.—Шквалъ.—Большой заливъ.—Жители.—Тунгусъ Леонька.—
Гиляки.

Съ 27 февраля по 22 мая 1854.

Мы вышли изъ Маниллы 27-го февраля вечеромъ и по-
ползли опять тѣми же штилями вдоль Люсона, какими при-
шли туда.

Тащились дней пять, но зато чуть вышли изъ-за острова,
какъ крѣпкій норд-остовый муссонъ задулъ намъ въ лобъ.

Сначала взяли-было одинъ, а потомъ постепенно и всѣ
четыре рифа. Медленно, туго шли мы, или, лучше сказать,
толклись на одномъ мѣстѣ. Долго шли однимъ галсомъ, и

восьмого числа воротились опять на то же мѣсто, гдѣ были седьмого. Килевая качка несносная, для меня, впрочемъ, она лучше боковой, не толкаетъ изъ угла въ уголь, но кого укачиваетъ, тѣмъ невыносимо.

Суда наши держались съ нами, но адмиралъ разослалъ ихъ: транспортъ «Князь Меншиковъ» въ Шанхай, за справками, шкуну къ о. Батану, отыскать якорное мѣсто и приготовить провизію, корветъ—еще куда-то. Сами идемъ на островокъ Гамильтонъ, у корейскаго берега, и тамъ дождемся транспорта.

Только мы разстались съ судами, какъ вѣтеръ усилился и вдругъ оказалось, что наша фок-мачта клонится совсѣмъ назадъ, еще хуже, нежели грот-мачта. Общая тревога; далѣе идти было бы опасно: на сѣверѣ могли встрѣтиться крѣпкіе вѣтры, и тогда ей не сдобровать. Третьяго дня она вдругъ треснула; поскорѣй убрали фокъ. Надо зайти въ портъ, а куда? Въ Гон-Конгъ всего бы лучше, но это значитъ прямо въ гости къ англичанамъ. Рѣшили спуститься назадъ, къ группѣ острововъ Бабуянъ, на островокъ Камигунъ, въ портъ Піо-Квинто, недалеко отъ Люсона.

Но прежде надо зайти на Батанъ, дать знать шкунѣ, чтобъ она не ждала фрегата тамъ, а шла бы далѣе, къ сѣверу. Мы все лавировали къ Батану; вѣтеръ воетъ во всю мочь, такъ что я у себя не могъ спать: затворишься—душно, отворишь вполовину дверь, шумитъ какъ въ лѣсу.

Вчера, съ 9-го на 10-е ночью, теченіемъ отнесло насъ на 35 миль въ сутки, противъ счисленія, къ норду, несмотря на то, что наканунѣ была хорошая обсервація, и мы очутились выше Батана. За то какъ живо спустились къ нему попутнымъ вѣтромъ! Это тотъ самый Батанъ, у котораго насъ прихватилъ, въ прошломъ году въ іюлѣ мѣсяцѣ, тифонъ, или «тай-фунъ» по-китайски, то-есть сильный вѣтеръ. Мы тогда напрасно искали на восточномъ берегу пристани: нѣтъ ея тамъ; зато теперь тотчасъ отыскиали

на юго-западномъ. Шкуна стояла уже тамъ и еще китоловъ американскій.

Островокъ не дурень, весь въ холмахъ, холмы въ зелени. Бухта не закрыта отъ зюйда и остановиться въ ней на якорь опасно, хотя въ это время года, то-есть при норд-остовомъ муссонѣ, въ ней хорошо: зюйдовыхъ вѣтровъ нѣтъ. Но положиться на это нельзя. А какъ вдругъ задуетъ? Между скаль (тоже зеленыхъ) есть затишье и пристань. Глубина неровная: 50 сажень, потомъ 38, и вдругъ семь, почти рядомъ. Намъ открылся монастырь, потомъ домъ испанскаго алькада и деревня въ зелени. Хорошо, приятно и весело смотрѣть на берегъ. Наши поѣхали, я нѣтъ. Меня, кажется, прихватила немного болѣзнь, которую нѣмцы называютъ Heimweh. Просто домой хочется. Дастъ ли Богъ силъ выдержать! Прелесть того, что манило въ даль—новизны, утратилась; впереди только безпокойства и неизвѣстность.

У насъ сегодня утромъ завтракали padre и алькадь. Я не выходилъ изъ каюты, не хотѣлось, но смотрѣлъ изъ окна съ удовольствіемъ, какъ пріѣхавшіе съ ними двое индійскихъ мальчишекъ, слугъ, разинули вдругъ ротъ и обомлѣли, когда заиграли наши музыканты. Скоро удивленіе смѣнилось удовольствіемъ: они сѣли рядомъ на палубѣ и не спускали глазъ съ музыкантовъ. Мальчишекъ укачивали. У меньшаго желтенькое лицо позеленѣло и онъ спрятался за пушку. Вдругъ padre позвалъ его: тотъ не слышалъ, и padre далъ ему такого подзатыльника, что въ пору пирату такого дать, а не пастырю.

Намъ прислали быковъ и зелени. Когда поднимали съ баркаса одного быка, вдругъ петля сползла у него съ брюха и остановилась у шеи; быкъ сталъ-было задыхаться, но его быстро подняли на палубу и освободили. Одинъ матросъ на баркасѣ, вообразивъ, что быкъ упадетъ назадъ въ баркасъ, предпочелъ лучше броситься въ воду и плавать, пока быкъ

будетъ падать; но паденіе не состоялось и предосторожность его возбудила общій хохоть, въ томъ числѣ и мой, какъ мнѣ ни было скучно.

Принявъ провизію, мы снялись съ якоря и направляемся теперь на островокъ Камигуинъ, поправить немного мачты.

Мы вышли ночью; и какъ тутъ кое-гдѣ разсѣяны островки, то, для безопасности, мы удержались до разсвѣта подъ малыми парусами у острововъ Баши. Я спалъ, но къ утру слышалъ сквозь сонъ, какъ фрегатъ взялъ большой ходъ на фордевиндъ. Этотъ ходъ сопровождается всегда боковой качкой. Мы полагали стать къ часамъ четыремъ на якорь; всего было миль шестьдесятъ, а ходу около десяти узловъ, т. е. по десяти миль, или семнадцать слишкомъ верстъ въ часъ. Но въ такихъ расчетахъ надо имѣть въ виду теченія; здѣсь теченіе было противное; попутный вѣтеръ несъ насъ узловъ десять, а теченіемъ относило назадъ узловъ пять. Часамъ къ пяти мы подошли къ Камигуину, но двигались такъ медленно, что солнце садилось, а мы еще были все у входа.

Вдобавокъ ко всему у острова встрѣтили мы сулой и попали прямо въ него. Вы не знаете, что такое «сулой»? И дай Богъ вамъ не знать. Сулой—встрѣча вѣтра и теченія. У насъ былъ норд-остовый вѣтеръ, а теченіе отъ SW. Что это за наказаніе! Никогда не испытывали мы такой огромной и безнокнойной зыби. Вѣтеръ не свѣжій, а волны, сшибаясь съ двухъ противныхъ сторонъ, вздымаются какъ горы, самыми разнообразными формами. Одна волна встаетъ, образуетъ правильную пирамиду и только хочетъ рассыпаться на всѣ стороны, какъ ей и слѣдуетъ, другая вдругъ представляетъ ей преграду, привскакиваетъ выше сѣтокъ судна, потомъ отливается прочь, образуя глубокій оврагъ, куда стремительно падаетъ корабль, не поддерживаемый на ходу вѣтромъ. Взадъ подтолкнетъ его побѣдившая волна и

онъ падаетъ на бокъ и лежитъ такъ томительную минуту. Волны хлещутъ на палубу, корабль черпаетъ бортами. Вѣда судамъ: мелкія заливаешь, нерѣдко, да и большія могутъ потерять мачты. Къ счастью, вѣтеръ скоро вынесъ насъ на чистое мѣсто, но войти мы не успѣли и держались опять ночь въ открытомъ морѣ; а надѣялись-было стать на якорь, выкупаться и лечь спать.

Утромъ уже на другой день, 11-го марта, мы вошли въ бухту Шо-Квинто сѣвернымъ входомъ и стали за островкомъ того же имени, защищающимъ рейдъ. Бухта большая; берега покрыты непроходимую кудрявою зеленью. На островѣ есть потухшій вулканъ; есть пальмы, бананы; раковинъ множество; при мнѣ матросы привезли П—ту набранный ими цѣлый мѣшокъ. Я заказалъ и себѣ. Докторъ убилъ до шести птицъ, золотистыхъ, красныхъ, желтыхъ: ихъ потрошать и набиваютъ хлопчатой бумагой. Г—чу раздолье. Мнѣ нельзя на берегъ: ревматизмъ въ вискѣ напоминаетъ о себѣ живою болью. Я съ фрегата смотрю, какъ буруны стѣною нападаютъ на берегъ, хлещутъ высоко и разсыпаются широкой бѣлой бахромой. Океанъ какъ-будто дѣлѣтъ эти островки: онъ играетъ съ берегами, то реветъ, сердится, то ласково обнимаетъ любимцевъ со всѣхъ сторонъ, жемчужится, кипитъ у береговъ и приноситъ блестящую раковину, или морского ежа, или красивый, выработанный имъ кораллъ, какъ будто игрушки для дѣтей.

Оадеевъ сегодня былъ на берегу и притащилъ мнѣ раковинъ, одна другой хуже и, между прочимъ, въ одной былъ живой ракъ, который таскалъ за собой претяжелую раковину. «Смѣхъ какой!» сказалъ онъ. «Вѣрно съ кѣмъ-нибудь непріятность случилась», подумалъ я, зная его характеръ. Такъ и есть. «Наши ребята», продолжалъ онъ, «наѣлись какихъ-то стручковъ, словно бобы, и я одинъ съѣлъ—ничего, годится, только ротъ совсѣмъ свело, не разожмешь, а у нихъ животы подвело, ихъ съ души рветъ: теперь сто-

нуть». — Какъ же можно ѣсть неизвѣстныя растенія?» замѣтилъ я: «вѣдь здѣсь много ядовитыхъ». — «Еще мы нашли», продолжалъ Оаддеевъ: «какіе-то... орѣхи не орѣхи, похожи и на яблоки, одни красныя, другія зеленныя. Мы съѣли по штукѣ красной—кисло таково; хотѣли-было зеленое попробовать, да тутъ ребятъ-то и схватило, застонали—смѣхъ! И съ господами смѣхъ», прибавилъ онъ, стараясь не смѣяться: «въ буруны попали; какъ стали приставать, шлюпку повернуло, всѣхъ валъ и покрылъ, всѣ словно купались... да вотъ они!» прибавилъ онъ, указывая въ окно. Въ самомъ дѣлѣ всѣ мокрые.

16-е марта. Меня все одолѣвала то зубная боль, то хандра. А чтò за время! зелено, сине, солнечно, ярко и жарко, съ легкой прохладой. Я все лѣнился ѣхать на берегъ, я безпрестанно слышать, какъ одинъ шелъ по поясъ въ водѣ, другой пробирался по каменьямъ, третій не могъ пробраться сквозь ліаны. Все это мало давало мнѣ охоты ѣхать туда. Но сегодня утромъ, лишь только я вышелъ на палубу, встрѣтилъ меня У. и звалъ ѣхать. — «Смотрите, буруновъ совсѣмъ нѣтъ, вѣтеръ съ берега», говорилъ онъ: «вамъ не придется по водѣ идти, ногъ не замочите и зубы не заболятъ». Я взялъ зонтикъ, надѣлъ соломенную шляпу, и мы отправились на вельботѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, буруновъ не было, и мы вѣхали въ ручеекъ, какъ на саняхъ. Матросы соскочили въ воду и потащили вельботъ на себѣ, такъ что мы выскочили прямо на песчаный берегъ. Въ ручейкѣ были раковины, камешки, кораллы—все, кромѣ воды. Мы вошли подъ сводъ развѣсистыхъ деревьевъ и насъ охватилъ влажный, горячій паръ. Берегъ весь заросъ сплошной чащей, бôльшею частью краснымъ деревомъ. Зеленъ густа, какъ волосы. Красное дерево и придаетъ эту кудрявую наружность всему острову. У дерева крѣпкіе и масляные, ярко-зеленныя листья, у однихъ небольшіе, у другихъ бôлье четверти аршина длиной, и таліе толстыя, что годились бы на подошву.

Мы подошли къ нашимъ палаткамъ, разбитымъ на самомъ берегу, подъ деревьями, и застали Г-ча среди буганекъ, бабочекъ, раковъ — живыхъ и мертвыхъ, потрошенныхъ и не потрошенныхъ птицъ, змѣй и ящерицъ. Посидѣвши минутъ пять въ тѣни, мы пошли дальше, по берегу, къ другой рѣчкѣ, очень живописной. Чаща не позволяла пробираться лѣсомъ: ліаны съѣтъю опутали деревья, и иногда ни перешагнуть, ни прорвать ихъ не было никакой возможности. Надо было идти по берегу, усыпанному крупными и мелкими камнями, періодически покрываемыми приливомъ. Камня или вонзались въ подошву, или разступались подъ ногами и катились во всѣ стороны. Упасть, правду сказать, было нельзя, но сломать ногу и, пожалуй, обѣ, можно. Такъ мы шли версты двѣ, и я отчаялся уже дойти, какъ вдругъ увидѣли нашихъ людей. Они срубили дерево и очищали его отъ коры. Что это за чудовищный стволъ красного дерева! Только дубы на мысѣ Доброй Надежды, да камфарныя деревья въ Китаѣ, видѣлъ я такого объема. Здѣсь мы, по тѣнистой и сырой тропинкѣ, дошли до пустаго шалама, отдохнули, переправились по доскѣ черезъ рѣчку, до того быстрою, что когда я, переходя по зыбкому мостику, уперся въ дно ручья длинной палкой, у меня мгновенно вырвало ее теченіемъ изъ рукъ и вынесло въ море.

Далѣе мы шли лѣсомъ все по рѣчкѣ. Я не могъ надивиться этой растительности: насъ покрывалъ совершенно сводъ зелени отъ солнца. Деревья, одно другого красивѣе, выше, гуще и кудрявѣе, тѣснились какъ колосья, въ кучу. Множество птицъ, красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, летало въ вѣтвяхъ, мелькало изъ куста въ кустъ. Что за крики! Вверху раздавался то стонъ, то щелканье, а одна какая-то горланила такъ, что хотъ уши зажми. Насѣкомыхъ было не меньше. Я замѣтилъ много исполинскихъ бабочекъ, потомъ что-то въ родѣ осъ, синихъ, съ шерстью, и съ пятномъ на

головѣ. Одна тагала, пакаунѣ, сидя уже на булавкѣ, въ ящикѣ у Г., прокусила насквозь сигару, которую я ей подставилъ. Бабочки тоже до безконечности разнообразны; есть съ ладонь величиной. Мухи мелкія, простыя, и тѣ отличаются необыкновенной формой и красками.

Мы вышли на поляну, къ шалашамъ индійцевъ и къ ихъ плантаціямъ. Это тѣ же тагалы, что и въ Манилѣ, частью бѣглецы, частью добровольно удалившіеся съ Люсона. Всѣ они говорятъ по-испански. Ихъ до двухсотъ человекъ на островѣ. Жилища ихъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Ну, жилища! Четыре столба, аршина въ полтора вышиной, на нихъ настилка изъ досокъ, потомъ съ трехъ сторонъ стѣнки изъ бамбуковыхъ жердей, крытыя пальмовыми листьями, четвертая сторона открыта. Тамъ бѣдная утварь, кругомъ куры и собаки. Жители выгли лѣсъ на далекое разстояніе, для плантацій. Я затерялся между бананами, кукурузой, таро и табакомъ. Бананы великолѣпны, пока еще будущіе плоды не сформировались и таятся въ большой, висящей книзу почкѣ фіолетоваго цвѣта. Листья почки, вскрываясь, принимаютъ красный цвѣтъ, и потомъ, падая, обнаруживаютъ цѣлую кисть плодовъ. Кокосовъ здѣсь я не видалъ. Пальмъ другого рода я видѣлъ много, особенно арека.

Усталый сѣлъ я на пенъ у шалашей и смотрѣлъ на веселую рѣчку: она вся усажена кустами, тростникомъ, и разливается широкимъ бассейномъ. Вода, какъ хрусталь, прозрачна. Тутъ наши матросы мыли бѣлье, развѣсивая его по лѣсамъ. Одно огромное дерево было опутано ліанами и походило на великана, который простираетъ руки вверхъ, какъ Лаокоонъ, стараясь освободиться отъ сѣтей, но напрасно. Внизу, вокругъ ствола и вдоль, огибали его и вращались въ дерево толстыя растительныя веревки; кверху онѣ тонки, какъ нитки. К. пробовалъ разорвать одну и не могъ, и насилу разрѣзалъ ножомъ. Птицы такъ и заливались на

разные голоса, но онѣ такъ прятались въ тѣни, что я видѣть немногихъ.—«Ночью спокое не даютъ, в. в.», сказала матросъ, ночевавшій на берегу: «забыются подъ шалашъ и кричатъ изо всей мочи». Пронесся надъ нами здѣшній голубь, съ бѣлой головой, зеленоватой спиной, больше нашего. Вороны (я сужу по устройству крыльевъ), напротивъ, меньше нашихъ: синія, голубыя, но съ черными крыльями и съ бѣлыми, симметрическими пятнами на крыльяхъ, какъ и наши.

Съ часъ отдохнули мы въ прохладѣ и пошли назадъ. На этотъ разъ путешествіе по камнямъ показалось мнѣ пыткой: идешь, идешь, думаешь, вотъ скоро конецъ, взглянешь впередъ, а ихъ цѣлая необозримая площадь. Неумолимый полдень жжетъ; зонтикъ и толстая соломенная шляпа мало защищаютъ. Пойдешь въ тѣнь, подъ деревья — ноги путаются въ ліанахъ. Буруны стѣной, точно войско, шли на берегъ и разбивались у нашихъ ногъ. Издали шумъ отъ нихъ походилъ на громъ. Мы разбрелись врознь, и я, отъ скуки, собиралъ дорогой раковины, оставленныя приливомъ, особенно мелкія, чрезвычайно красивыя. Нѣкоторыя изъ нихъ двигались: раки были живы въ нихъ. Неся ихъ, чуть зазѣваешься, раки выползаютъ и щупальцами цѣпляются за руки.

19-е. Сегодня положено обѣдать на берегу. Въ воздухѣ невозмутимая тишина и нестерпимый жаръ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ берегу, тѣмъ сильнѣе пахнетъ гнилью отъ сырыхъ коралловъ, разбросанныхъ по берегу и затопляемыхъ приливомъ. Запахъ этотъ, вмѣстѣ съ кораллами, перенесли и на фрегатъ. Всѣ натащили себѣ ихъ кучи. Оаддеевъ приводитъ меня въ отчаяніе: онъ каждый разъ приноситъ мнѣ раковины; улитки околѣваютъ и гниютъ. Хотя вонь бѣги изъ каюты!

Уже дня три рассказываютъ, что изъ болотистой рѣчки, недалеко отъ нашихъ палатокъ, появляется ежедневно ка-

кое-то животное, аршина два длиной. Вчера оно съѣло мертвую утку. Утки, куры и бараны—все съезены съ фрегата на берегъ. Одна околѣла и досталась животному. «Да какое животное?» спрашивали у матросовъ.—«Съ змѣинымъ хвостомъ, на двухъ ножкахъ», говорилъ одинъ: «и съ двумя стрѣлками во рту», сказалъ другой.—«Это драконъ, в. в.», заключилъ, подумавши, одинъ унтеръ-офицеръ. «Дня три мы ужъ караулимъ его, да все схватить нельзя: часто, да ненадолго выходитъ. Сегодня удалось только ударить его весломъ по спинѣ. Теперь сидитъ тамъ Михелька Кернъ, скотникъ, съ ружьемъ».

Я побѣжалъ къ рѣчкѣ, сунулся-было въ двухъ мѣстахъ, да черезъ лѣсъ продраться нельзя: папоротники и толстые стволы краснаго дерева стояли стѣной, а лѣаны раскинуты какъ сѣти. Матросъ указалъ мнѣ тропинку, и я подошелъ къ рѣчкѣ. Въ одномъ мѣстѣ она образовала бассейнъ, заваленный пнями, увядшими вѣтвями и сухими листьями. Сквозь кусты я увидѣлъ человѣка, неподвижно стоявшаго съ ружьемъ.—«Что ты тутъ дѣлаешь?» спросилъ я.—«Жду дракона, в. в.», почти не дыша прошепталъ онъ. Близъ него валялись двѣ утки, одна съ выѣденнымъ желудкомъ; кругомъ ея тучей носились и жужжали мухи, лакомыя до падали; другая была еще не тронута; на ней-то Михелька Кернъ основывалъ свои надежды. И я сталъ съ нимъ ждать. Но какъ ему обѣщали награду, если онъ дождется, а мнѣ ничего, то я потерялъ терпѣніе и выдрался опять на чистое мѣсто, къ палаткамъ.

У одной изъ нихъ собралась толпа напихъ и кого-то окружила. Я удвоилъ шаги, смотрю, въ кружкѣ стоитъ Г. и держитъ что-то въ рукахъ.—«Что это у васъ?» спросилъ я.—«А вотъ смотрите», отвѣчалъ онъ и поднесъ мнѣ къ самому носу ящерицу, въ аршинъ длиной. Переднія и заднія лапы связаны были у ней лѣаной на спинѣ. Она бодрѣнно мигала и по временамъ высовывала и мгновенно

опять прятала длинный, тонкій языкъ. — «Такъ вотъ кто ѣсть утокъ!» сказалъ я. — «Нѣтъ, какъ можно: та гораздо больше!» закричали на меня нѣсколько голосовъ: «и не такая совсѣмъ», сказалъ кто-то изъ толпы. — «Съ крыльями», прибавилъ матросъ изъ малороссіянь. Я не сталъ спорить и ушелъ въ палатку. Тамъ негдѣ было ступить: цѣлый музей раковинъ, всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, раковъ, между которыми были нѣкоторые чудовищныхъ размѣровъ и удивительно яркихъ красокъ, какъ и все здѣсь, подъ этимъ щедрымъ солнцемъ. Тутъ сидѣли три индѣйца на полу. Они, за платокъ, за старую рубашку, за изношенные башмаки, несли Г—чу все, чѣмъ богата здѣшняя природа. Одинъ тащилъ живую змѣю, другой — мѣшокъ раковинъ, за которыми, съ сѣткой на плечахъ, отправлялся въ буруны, третій — птицу, или жука.

Я бросилъ кончикъ закуренной сигары на землю: они съ жадностью схватили ее и начали по очереди курить. Я далъ имъ всѣмъ по сигарѣ: съ какою радостью и поклонами приняли они подарокъ! Я потомъ захотѣлъ полежать на доскѣ, внѣ палатки: они бросились услуживать, отирать доску, подставлять подъ нее камешки.

Какъ ни привыкъ глазъ смотрѣть на эти берега, но всякій разъ, оглянешь ли кругомъ всю картину лѣсистаго берега, остановишься ли на одномъ деревѣ, кустѣ, рогатомъ стволѣ, невольно трепеть охватить душу, и какъ ни зачерствѣй, заплатишь обильную дань удивленія этимъ чудесамъ природы. Какой избытокъ жизненныхъ силъ! какая дивная работа совершается почти въ глазахъ! какое обиліе изящнаго творчества пролито на каждую улитку, муху, на кривой сушокъ, одѣтый въ роскошную одежду!

Мы обѣдали въ палаткѣ; запахъ отъ коралловъ такъ силенъ, что почти ѣсть нельзя. Обѣдъ весь состоялъ изъ рыбы: уха, жареная рыба и гомарь чудовищныхъ размѣровъ и блестящихъ красокъ; но его оставили къ ужину. Шея у

него — самого чистаго, дикаго цвѣта, какъ будто изъ шелковой матеріи, съ коричневыми полосами; спина синяя, двуличневая, съ блескомъ; усы въ четверть аршина длиной, красноватые.

Рыбы здѣсь такъ же разнообразны, блестящи и странны, какъ все прочее. Г-чу принесли ихъ бездну: онѣ нанизаны были на ниткѣ. Какихъ страпностей не было тутъ? У одной только и есть, что голова, а ротъ такой, что комаръ не пролѣзетъ; у другой одно брюхо, третья вся состоитъ изъ спицы, четвертая въ какихъ-то пинахъ, у иной глаза посреди тѣла, въ равномъ разстояніи отъ хвоста и рта; другую применишь съ перваго взгляда за кожаный портмоне, и такъ далѣе. Всѣ онѣ покрыты пестрымъ узоромъ красокъ. Къ десерту подали бананы; нѣкоторые любятъ ихъ, я не могу ѣсть: они мучнисты, приторны, напоминаютъ немного пряники на суслѣ.

Послѣ обѣда всѣ разбрелись: кто купаться къ другой рѣчкѣ, кто брать пелинги по берегамъ, а нѣкоторые остались въ палаткѣ уснуть. Я съ захожденіемъ солнца уѣхалъ домой.

Оаддеевъ встрѣтилъ меня съ раковинами. «Отстанешь ли ты отъ меня съ этою дрянью?» сказалъ я, отталкивая ящикъ съ раковинами, который онъ, какъ блюдо съ устрицами, поставилъ передо мной.—«Извольте посмотрѣть, какія есть хорошія», говорилъ онъ, выбирая изъ ящика то рогатую, то красную, то синюю съ пятнами. «Вотъ эта, вотъ эта; а эта какая славная!» И онъ сунулъ мнѣ къ носу. Отъ нея запахло падалю.—«Что это такое?»—«Это я чистилъ: тамъ улитки были», сказалъ онъ: «да видно прокисли».—«Вонь, вонь! неси къ Г.»

Сегодня всѣ перебираются съ берега: работы кончены на фрегатѣ, шкалы подняты и фокъ-мачту какъ будто зашнуровали. Въ лѣсу нарубили деревьевъ, все, разумѣется, красныхъ, для будущихъ какихъ-нибудь починокъ. Съ берега

забирають барановъ, утокъ, куръ; не знаю, заберутъ ли дракона, или онъ останется на свободѣ дождать трупы утокъ.

Третьяго дня бросали съ фрегата, въ устроенный на берегу щитъ, ядра, бомбы и брандскугели. Завтра, снявшись, хотять повторить то же самое, чтобъ видѣть дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ, въ случаѣ встрѣчи съ англичанами.

Какъ ни привыкнешь къ морю, а всякій разъ, какъ надо сниматься съ якоря, переживаешь минуту скуки: недѣли, иногда мѣсяцы подъ парусами—не удовольствіе, а необходимое зло. Въ продолжительномъ плаваніи и сны перестаютъ сняться береговые. То снится, что лежишь на огиѣ каюты, на аршинъ отъ кипучей бездны, и любуешься узорами пѣны, а другой бокъ судна поднялся сажени на три отъ воды; то видишь въ туманѣ какой-нибудь новый островъ, хочется туда, да рифы мѣшаютъ...

Сегодня два событія, слѣдовательно два развлеченія: китъ зашелъ въ бухту и игралъ у береговъ, да наши куры, которыхъ свезли на берегъ, разлетѣлись, штукъ сто. Странно: способность летать вдругъ въ нѣсколько дней развилась въ лѣсу такъ, что не было возможности поймать ихъ; онѣ летали по деревьямъ, какъ лѣсныя птицы. Нѣтъ сомнѣнія, что если онѣ одичаютъ, то пріобрѣтутъ всѣ способности для летанья, когда-то, вѣроятно, утраченныя ими въ порабощенномъ состояніи.

Снялись съ якоря, вышли попутнымъ вѣтромъ, и только отошли мили три, какъ подулъ противный. Пошли въ бокъ, потомъ въ другой — лавируемъ. Третьягодня прошли Батанъ, вчера утромъ были въ группѣ сѣверныхъ острововъ Ваши, Байетъ и друг.; сегодня другой день штиль; идемъ узелъ, два. Слава Богу, что облачно, а то бы жаръ былъ невыносимъ. Скоро ли дойдемъ—Богъ вѣсть: кто сулитъ двѣ недѣли, кто шесть. Утромъ еще я говорилъ, ходя по юту

съ П.: «скучно, хотъ бы случилось что-нибудь, чтобъ развлечься немного». Судьба какъ будто услышала мой ропотъ и дала намъ спектакль, возможный только въ тропическихъ моряхъ, даже довольно обыкновенный тамъ, но всегда занимательный. Объ этомъ писали такъ много разъ, что я не хотѣлъ ничего упоминать, если бы не былъ такимъ близкимъ свидѣтелемъ, почти участникомъ зрѣлища.

Мы только-что отобѣдали, я пришелъ, по обыкновенію, въ капитанскую каюту выкурить сигару и сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи, пока принесутъ огня. Капитанъ сидѣлъ въ креслѣ: жарко, дверь и окна были открыты. Не просидѣли мы пяти минутъ, какъ наверху, надъ нашими головами, сдѣлалось какое-то движеніе, суматоха; люди засуетились и затопали. Капитанъ посиѣвшилъ, по своей обязанности, вонъ изъ каюты, но прежде выглянулъ въ окно, чтобъ узнать, что такое случилось, да такъ и остался у окна. Я думалъ, не оборвалась ли снасть, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и не трогался съ мѣста; но вдругъ слышу, многіе голоса кричатъ на ютѣ: «ташши, ташши!» а другіе: «нѣтъ, стой! не ташши, оборвется!»

Я бросился къ окну и вижу, на меня снизу смотритъ страшное, тупое рыло чудовища. Аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ окна висѣла надъ водой пойманная, на толстый, палеца въ полтора, крюкъ, акула. Крюкъ вонзился ей въ верхнюю челюсть: она, отъ боли, открыла ротъ настежь. Миѣ сверху далеко было видно въ глубину пасти, усаженной кругомъ бѣлыми, небольшими, но тонкими и острыми зубами. Вся челюсть походила на пилу. Акула была въ добрую сажень величиной. Хвостъ ея болтался въ водѣ, а все остальное выходило на поверхность. Она тихо покачивалась, отъ движенія веревки, оборачиваясь къ намъ то спиной, то брюхомъ. Спина у ней темно-синяго цвѣта, съ фіолетовымъ отливомъ, а брюхо ярко-бѣлое, точно густо окрашенное мѣломъ. Она минутъ пять висѣла неподвижно,

какъ будто хотѣла дать намъ случай разглядѣть себя хорошенько; только большіе, черные, круглые глаза сильно ворочались, конечно, отъ боли. Около хвоста безпокойно плавали взадъ и впередъ обычные спутники акулы, двѣ желтыя, съ черными полосами, небольшія рыбы, прозванныя «лоцманами». Иногда ихъ плаваешь съ нею по три и по четыре. Вдругъ акула зашевелилась, затряслась, далеко разбрасывая хвостомъ воду вокругъ. Она сгибалась въ кольцо, билась о корму, опять объ воду и снова повисла неподвижно.

Я съ жадностью смотрѣлъ на это зрѣлище, за которое, Богъ знаетъ, что дали бы въ Петербургѣ. Я былъ, такъ сказать, въ первомъ ряду зрителей, и если бѣ дѣйствующимъ лицомъ было не это тупое, крѣпко обтянутое непроницаемой кожей рыло, одаренное только способностью глотать, то я могъ бы читать малѣйшее ощущеніе страданія и отчаянія на сколько-нибудь болѣе органически развитой физиономіи.

Отъ тяжести акулы и отъ усилій ея освободиться, желѣзный крюкъ началъ понемногу разгибаться, веревка затрепала. Еще одно усиліе со стороны акулы — веревка не выдержала бы, и акула унесла бы въ море крюкъ, часть веревки и растерзанную челюсть. «Держи! держи! ташши скорѣе!» раздавалось между тѣмъ у насъ надъ головой. — «Нѣтъ, постой ташшиты!» кричали другіе: «оборвется; давай конецъ!» (*Конецъ*—веревка, которую бросаютъ съ судна шлюпкамъ, когда пристають, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ).

Акула пока отдыхала. Внутри ея, въ глубинѣ пасти, видѣлись кости челюсти, потомъ блѣдно-розовое мясо, а далѣе пустое, темное пространство. Изъ конца сдѣлали широкую петлю и надѣли на акулу. «Вотъ такъ, вотъ такъ!» кричали одобрительно голоса наверху: «подъ крылья-то подцѣпи ей!» (Подъ крыльями матросы разумѣли плаватель-

ные ласты, которые, формой и величиной, въ самомъ дѣлѣ походятъ на крылья). Только лишь зацѣпили за крылья, акула была уже поймана. Ее стали тянуть кверху. Тутъ она собрала всѣ силы и начала изгибаться и хлестать хвостомъ по воздуху, о корму, о висѣвшую у кормы шлюпку, обо все, чтѣ было на пути. Я долженъ былъ посторониться отъ окна, потому что конецъ хвоста попалъ и въ окно.

Но ничто не спасло ее, часть ея пробилъ. «Прочь, прочь!» кричали на ютѣ, втаскивая туда акулу. Раздался тревожный топотъ людей, потомъ наденъе тяжелаго тѣла и вслѣдъ затѣмъ удары въ палубу.

Мы съ К. бросились къ двери, чтобъ бѣжать на ютѣ, но, отворивъ ее, увидѣли, что матросы кучей отступили отъ юта, ожидая, что акула сейчасъ упадетъ на шканцы. Какъ выскочить? Ну, ежели она въ эту минуту... Но любопытство преодолѣло; мы выскочили и вбѣжали на ютѣ.

Тамъ человѣкъ двадцать держали концы веревокъ, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостомъ; всѣ разступались. А. А. К. схватилъ топоръ и нанесъ акулѣ ударъ ниже пасти—хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти въ ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнулъ ее большимъ ножомъ по животу: оттуда вывалились внутренности, въ видѣ какихъ-то грязныхъ тряпокъ. Акула вдругъ присмирѣла. Тогда Б. Ш. взялъ гандшугъ (это, почти въ руку толщиной, деревянный колъ, которымъ ворочаютъ пушки) и воткнулъ ей въ пасть: гандшугъ ушелъ туда чуть не весь. Пасть оскалила четыре ряда зубовъ; нижняя челюсть судорожно шевелилась. Животное перевернули на спину и веревками привязали къ гику.

Мы толпой стояли вокругъ, матросы тѣснились тутъ же, другіе взобрались на ванты, всѣ наблюдали, не обнаружитъ ли акула признаковъ жизни, но признаковъ не было. «Нѣтъ, ужъ кончено», говорили нѣкоторые: «она вся изранена и

издохла». Другіе, напротивъ, сомнѣвались и приводили примѣры живучести акуль, и именно, что онѣ иногда, черезъ три часа послѣ мнимой смерти, судорожно откусывали руки и ноги неосторожнымъ.

Велѣли смыть съ палубы кровь. Явились матросы, съ водой и швабрами. Послѣ того одинъ изъ насъ взялъ топоръ и началъ рубить у акулы понемногу ласты, другой ножомъ дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ надрѣзы, такъ, изъ любознательности, посмотрѣть, толста ли кожа и что подъ ней. Пришелъ нашъ любитель-натуралистъ, присѣлъ около акулы и началъ щупать кожу, разсматривать подробно голову, глаза. Коль изъ пасти вынули и полили окровавленную морду водой. Многіе, кому наскучило смотрѣть, разошлись. Пора бы убрать ее. Вережки развязали, перевернули акулу опять на животъ и хотѣли нести прочь. Кто-то вздумалъ еще поскоблить ножомъ ей спину: вдругъ она встрепенулась, хлестнула хвостомъ направо, налево; всѣ отскочили прочь; одинъ матросъ не успѣлъ, и ему достались два порядочные туза: одинъ по икрамъ, другой повыше... Онъ слетѣлъ съ ногъ; всѣ захохотали и снова принялись укрощать звѣря.

Но это не такъ легко было сдѣлать теперь, когда сняли съ него веревки и вынули изъ пасти коль. Истерзанная, исколотая, съ висящими внутренностями, акула билась о палубу, извивалась змѣей, быстро и сильно описывала хвостомъ круги и все подвигалась къ краю. Никто не рѣшался подступить. Это было послѣднее благоприятное мгновеніе, которымъ она могла воспользоваться. Еще одинъ изгибъ, одинъ взмахъ хвоста посильнѣе, пока ходили за гандшнугомъ и топоромъ, она полетѣла бы за бортъ, и по крайней мѣрѣ околѣла бы въ своей стихіи. Но она на минуту притихла, а наши снова принялись за коль и топоръ. «Бей ее по головѣ», кричали голоса, «да береги ноги: прочь, прочь!»

Ближе всѣхъ около нея вертѣлся тотъ матросъ, котораго

она угостила двумя пинками. Онъ разсердился, или боль еще отъ пинковъ не прошла, только онъ съ коломъ гонялся за акулой, стараясь ударить ее по головѣ и забывая, что онъ былъ босикомъ и что ноги его чуть не касались пѣсти. Но взмахи хвоста были такъ порывисты, что попасть въ голову было трудно и удары все приходились по спинѣ, а это ей, повидимому, ни почемъ. Наконецъ, матросу удалось попасть два раза и въ голову: акула измѣнила только направление, но все изгибалась и ползла такъ же скоро и сильно, какъ и прежде. Другой ударилъ топоромъ ниже головы: животное присмирѣло и поползло медленнѣе. «Руби голову, руби голову!» кричали ему. Матросъ нанесъ другой ударъ: она сильно рванулась впередъ; онъ ударилъ въ третій разъ: она рванулась еще, но слабѣе. «Нѣтъ, теперь шабашъ!» сказалъ онъ, отдѣляя четвертымъ ударомъ голову отъ туловища. Но и то не шабашъ: туловище еще продолжало неровно и медленно изгибаться, но все слабѣе и слабѣе, а голова судорожно шевелила челюстями. Въ туловище воткнули гандшугъ и унесли. Всѣ разошлись.

Этимъ спектаклемъ ознаменовалось наше прощаніе съ тропиками, изъ которыхъ мы выходили въ то время и куда болѣе уже не возвращались.

Вечеромъ, идучи къ адмиралу пить чай, я остановился надъ люкомъ общей каюты посмотрѣть, съ чѣмъ это большая сковорода стоитъ на столѣ. «Не хотите ли попробовать жареной акулы?» спросили сидѣвшіе за столомъ.—«Нѣтъ».—«Ну, такъ уши изъ нея?»—«Вы шутите», сказалъ я, «развѣ она годится?»—«Отлично!» отвѣчали нѣкоторые. Но я послѣ узналъ, что тѣ именно и не дотрогивались до «отличнаго» блюда, которые хвалили его.

Кожа акулы очень цѣнится столярами для полировки дерева; кромѣ того, ею обиваютъ разныя вещи; въ Японіи обтягиваютъ сабли. Мнѣ одинъ японецъ подарилъ маленькій бауль, обтянутый кожей акулы; очень красиво, похоже

немного на тисненый сафьянъ. Мнѣ показали потомъ маленькую рыбку, въ четверть аршина величиной, найденную прилипшею къ спинѣ акулы и одного цвѣта со спиной. У насъ попросту называли ее «прилипалой». На одной стороне ея былъ виденъ оттискъ шероховатой кожи акулы.

Вчера, 25-го марта, видѣли китолова: топить печь, для выварки жира изъ пойманнаго кита. Пламя и дымъ далеко видны, какъ на пожарѣ. Сегодня вышли изъ тропиковъ, но все жарко. Зато штиль смѣнился попутнымъ вѣтромъ: летимъ до одиннадцати узловъ. Что еще? да! обезьяна упала за бортъ и въ одно мгновеніе исчезла въ волнахъ. Ихъ всѣхъ три у насъ. Сегодня въ сумерки летала около фрегата какая-то птица, описывая круги все ближе и ближе. Видно, что она была утомлена и, вѣроятно, не надѣялась добраться домой. Два раза опускалась она въ шлюпку и опять улетала. Я ходилъ съ К. по юту. Птицы не стало видно. Вдругъ видимъ, ее несетъ уже къ намъ матросъ, сжавъ ей одной рукой шею, другой ноги. Птица оказалась «глушница», родъ морской утки, никуда негодной. Ее велѣли отнести къ Г.; тотъ отравляетъ животныхъ мышьякомъ и потомъ потрошитъ. Я возсталъ, назвавъ это предательствомъ, т. е. относительно глушница: онъ искалъ убѣжища, а его хотягъ умертвить! Не слѣдуетъ. Пока его заперли въ курятникъ. Завтра, можетъ-быть, выпустятъ.

29-е марта. Мы плаваемъ, плаваемъ, и все еще около трехсотъ миль остается до Гамильтона, маленькаго корейскаго острова, съ удобнымъ портомъ, гдѣ назначено рандеву шкунѣ. То дуетъ попутный вѣтеръ и мы пронесемъ миль двѣсти впередъ, то настанетъ штиль, идемъ по три узла. Теперь вотъ третій день льетъ проливной дождь; выйти на *улицу* (такъ мы называли верхнюю палубу) нельзя. Зато тихо. Я радъ, что могу заняться дѣломъ. Стало замѣтно холоднѣе, какъ мы подвигаемся къ сѣверу, и дождь не южный, не лѣтній. Всѣ достаютъ суконныя платья.—

Вчера матросъ поймалъ въ жилой палубѣ ядовитѣйшее изъ тропическихъ насѣкомыхъ—centipes, стоножку. Она красновата, длиной вершка полтора, суставчатая; у ней, одна-кожъ, не сто ногъ, а всего двадцать четыре. Сначала я думалъ, что это шея рака. Укушеніе ея, если не принять скорыхъ мѣръ, смертельно. Она страшна людямъ; большія животныя бѣгутъ отъ нея; а ей самой страшнѣе цыплёнокъ: онъ, завидѣвъ стоножку, бѣжитъ къ ней, начинаетъ клевать и съѣдаетъ всю, оставляя однѣ ноги.

У насъ, впрочемъ, есть всего понемножку, и особенно много развелось таракановъ; мы, вѣроятно, ихъ захватили въ Маниллѣ, или на Камигуннѣ. А теперь вотъ налетѣло къ намъ, въ туманъ и дождь, множество ласточекъ. Онѣ пробирались къ сѣверу, изъ жаркихъ мѣстъ въ умѣренныя. Непогода и ночь захватили ихъ далеко въ морѣ, и онѣ стаей долго кружились около фрегата, каждый разъ все ближе и ближе, наконецъ сѣли, обезсиленные, на палубу, въ шлюпки, на снастяхъ. Ихъ набрали множество и на другой день большую часть выпустили, накормивъ тараканами. Было довольно-ясно; онѣ кружились весело около фрегата и мало-по-малу исчезли. Тутъ же показались и воробьи: этимъ посыпали на шлюпку крупы; они наѣлись и улетѣли.

Но дунуль холодъ, свѣжій вѣтеръ, и стоножки, тараканы—все исчезло. Взяли три рифа, а сегодня, 31-го марта утромъ, и четвертый. Гротъ взяли на гитовы и поставили грот-трисель. Но дуетъ съ холодомъ: вдругъ изъ тропиковъ, черезъ пять дней—чуть не въ морозъ! Нѣтъ и 10° тепла. Стихаетъ—слава Богу!

Мы въ шестидесяти миляхъ отъ Нагасаки; и туда дуетъ попутный вѣтеръ; но намъ не расчетъ заходить теперь: надо прежде идти на Гамильтонъ.

4-е апрѣля. Наконецъ, 2-го апрѣля, пришли и на Гамильтонъ. Шкуна была ужъ тамъ, а транспорта, который

посланъ въ Шанхай, еще нѣтъ. Я вышелъ на ютъ, когда стали становиться на якорь, и смотрѣлъ на берегъ. Портъ, говорятъ наши моряки, очень удобный, а береговъ почти нѣтъ. Островишка весь три мили, скалистый, въ каменьяхъ, съ тощими кое-гдѣ кустиками и рѣденькими группами деревьевъ. «Это все камелии», сказалъ К., командиръ шкуны: «матросы камелиями парятся въ банѣ, устроенной на берегу». Нѣкоторые изъ нашихъ тотчасъ поѣхали на берегъ. Я видѣлъ его издали — не заманчиво, и я не торошлся на него. Кое-гдѣ надъ сонными водами маленькихъ бухтъ жались въ кучу хижины корейцевъ. Видны были только соломенные крыши, да изрѣдка кое-гдѣ бродили жители, всѣ въ бѣломъ, какъ въ саванахъ. Наконецъ, намъ довелось увидѣть и этотъ послѣдній, принадлежащій къ крайне восточному циклу, народъ.

Корею, въ политическомъ отношеніи, можно было бы назвать самостоятельнымъ государствомъ; она управляется своимъ государемъ, имѣетъ свои постановленія, свой языкъ: но государи ея, достоинствомъ равные степеніи королей, утверждаются на престолѣ китайскимъ богдыханомъ. Этимъ утвержденіемъ только и выражается зависимость Кореи отъ Китая, да развѣ еще тѣмъ, что изъ Кореи ѣздятъ до двухсотъ человекъ ежегодно въ Китай поздравить богдыхана съ новымъ годомъ. Это похоже на зависимость отдѣленнаго сына, живущаго своимъ домомъ, отъ дома отца.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало свѣдѣній о внутреннемъ состояніи и управленіи Кореи, о богатствѣ и произведеніяхъ страны, о нравахъ и обычаяхъ жителей.—О. А. сказывалъ мнѣ только, что обычай утвержденія корейскаго короля китайскимъ богдыханомъ до сихъ поръ соблюдается свято. Посланные изъ Кореи являются въ Пекинъ съ подарками и съ просьбою утвердить новаго государя. Богдыханъ обыкновенно утверждаетъ и, принявъ подарки, отдариваетъ посланныхъ гораздо щедрѣе. Впрочемъ, онъ не

впутывается въ ихъ дѣла. Когда однажды корейское правительство донесло китайскому, что оно велѣло прибывшимъ къ берегамъ Кореи, какимъ-то европейскимъ судамъ, кажется, англійскимъ, удалиться, въ подражаніе тому, какъ поступило съ этими же судами китайское правительство, богдыханъ приказалъ объявить корейцамъ, что «ему дѣла до нихъ нѣтъ и чтобы они распоряжались, какъ хотятъ».

Еще извѣстно, что китайцы и корейцы уговорились оставить нѣкоторое количество земель между обоими государствами незаселенными, чтобъ избѣжать близкаго между собою сосѣдства, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ поводовъ къ неприятнымъ столкновеніямъ и несогласіямъ обоихъ народовъ.

Когда наша шлюпка направилась отъ фрегата къ берегу, мы увидѣли, что изъ деревни бросилось бѣжать множество женщинъ и дѣтей къ горамъ, со всѣми признаками боязни. При выходѣ на берегъ, мужчины толпой старались не подпускать нашихъ къ деревнѣ, удерживая за руки и за полы. Но имъ написали по-китайски, что женщины могутъ быть покойны, что русскіе съѣхали затѣмъ только, чтобъ посмотрѣть берегъ и погулять. Корейцы уже не мѣшали ходить, но только старались удалить нашихъ отъ деревни.

Черезъ часъ наши воротились и привезли съ собой двухъ стариковъ, повидимому, старшинъ. За ними вслѣдъ пріѣхала корейская лодка, похожая на японскую, только безъ разрубленной кормы, съ другими тремя или четырьмя стариками и множествомъ простаго, босоногого, нечесаннаго и неопрятнаго народа. И простой, и непростой народъ— всѣ были одѣты въ бѣлые бумажные, или травяные (grass-cloth) широкіе халаты, подъ которыми надѣты были другіе, замѣнявшіе бѣлье; кромѣ того, на всѣхъ надѣто было что-то въ родѣ шароваръ изъ тѣхъ же матерій, какъ халаты, у высшихъ бѣлье и чистые, а у низшихъ бѣлье, но грязные.

На нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, были свѣтложелтые, или синіе хататы.

Сандалин у нихъ похожи на японскія, у однихъ тростниковыя, или соломенные, у другихъ бумажныя. Всего замѣчательнѣе головной уборъ. Волосы они зачесываютъ, какъ ликейцы, со всѣхъ сторонъ кверху въ одинъ пучокъ, на который надѣваютъ шляпу. Что за шляпа! Туля у ней такъ мала, что только и покрываетъ пучокъ, зато поля широки, какъ зонтикъ. Шляпы дѣлаются изъ какого-то тростника, сплетеннаго мелко, какъ волосъ, и въ самомъ дѣлѣ похожи на волосяныя, тѣмъ болѣе, что онѣ черныя. Трудно догадаться, зачѣмъ имъ эти шляпы? Онѣ прозрачны, не защищаютъ головы ни отъ дождя, ни отъ солнца, ни отъ пыли. Впрочемъ, много шляпъ и другихъ формъ и видовъ: есть и мочальныя, и колпаки изъ морскихъ растений.

Я очень пристально вглядывался въ лица нашихъ гостей: какъ хотите, а это все дѣти одного семейства, т. е. китайцы, японцы, корейцы и ликейцы. Китайское семейство, какъ старшее и болѣе многочисленное, играетъ между ними первенствующую роль. Ошибиться въ этомъ сходствѣ трудно. Тогда какъ при первомъ взглядѣ на малайцевъ, на примѣръ, ни за чтò не причтешь ихъ къ одному племени съ этими четырьмя народами. Корейцы болѣе похожи на ликейцевъ, но только тѣ малы, а эти, напротивъ, очень крупной породы. Они носятъ бороду; она у нихъ болѣею частью длинная и жѣсткая, какъ будто изъ конскаго волоса; у однихъ она покрываетъ щеки и всю нижнюю часть лица, у другихъ, напротивъ, растетъ на самомъ подбородкѣ. Многие носятъ большіе очки въ мѣдной оправѣ, съ тесемкой вокругъ головы. Кажется, они носятъ ихъ не отъ близорукости, а отъ глазной болѣзни. Въ толпѣ я замѣтилъ множество страдающихъ глазами.

Въ 1786 году появилось въ Едо сочиненіе японца *Ринсифе*, подъ заглавіемъ: *Главное обозрѣніе трехъ царствъ*,

ближайшихъ къ Японіи — *Кореи*, *Лю-шю* (Лю-чу) и *Есо* (Матсмая). Клапротъ какъ-то досталъ сочиненіе, обогатилъ разными прибавленіями изъ китайскихъ географій и перевелъ на французскій языкъ. Между прочимъ тамъ о корейцахъ сказано: «корейцы роста высокаго и сложенія гораздо крѣпче японцевъ и китайцевъ, и другихъ народовъ. Замѣчено, что кореець ѣсть вдвое больше японца. Корейцы отличаются лукавствомъ, лѣнностью, упрямствомъ и не любятъ *успій*».

Гостей посадили за столъ и стали потчивать чаемъ, хлѣбомъ, сухарями и ромомъ. Потомъ завязалась съ ними живая, шпьемвенная бесѣда на китайскомъ языкѣ. Они такъ проворно шисали, что глаза не успѣвали слѣдить за кистью.

Прежде всего они спросили: «какіе мы варвары, сѣверные или южные?» А мы имъ написали, чтобъ они привезли намъ куръ, зелени, рыбы, а у насъ взяли бы деньги за это, или же ромъ, полотно и тому подобные предметы. Старикъ взялъ эту записку, надулся, какъ пѣтухъ, и съ комическою важностью, съ амфазомъ, нараспѣвъ, началъ декламировать написанное. Это отчасти напоминало мѣрное пѣніе нашихъ пищихъ о Лазарѣ. Потомъ, прочитавъ, старикъ написалъ по-китайски въ отвѣтъ, что «*почтенныя* куръ у нихъ нѣтъ». А неправда: наши видѣли куръ.

Прочіе между тѣмъ ѣли хлѣбъ и пили чай. Одинъ пальцемъ полѣзъ въ масло, другой, откусивъ кусочекъ хлѣба, совалъ остатокъ кому-нибудь изъ насъ въ ротъ. Третій выпилъ двѣ рюмки толаго рома, одну за другою, и не поморщился. Прочіе трогали насъ за платье, за бѣлье, за сапоги, гладили рукой сукно, которое, повидимому, очень нравилось имъ. Особенно обратили они вниманіе на бѣлизну нашей кожи. Они брали насъ за руки и не могли отвести отъ нихъ глазъ, хотя у самихъ руки были слегка смуглы и даже чисты, то-есть у высшаго класса. У простого, рабочаго народа—другое дѣло: какъ вездѣ.

Старику повторили, что мы не даром хотимъ взять провизию, а вотъ за такія-то вещи. Онъ прочиталъ опять названія этихъ вещей, поглядѣлъ на насъ немного, потомъ сказалъ: «пудди». Что это значитъ: нельзя? не хочу? Его попросили написать слово это по-китайски. Онъ написалъ: вышло «не знаю». Думали, что онъ не понялъ, и показали ему кусокъ коленкора, ромъ, сухари: «пудди, пудди», твердилъ онъ. Обратились къ другому, бойкому и рыбому корейцу, который съ удивительнымъ проворствомъ писалъ по-китайски. Онъ прочиталъ записку и, сосчитавъ пальцемъ всѣ слова въ запискѣ, которыми означались матерія, хлѣбъ, водка, сказалъ: «пудди».

Передали записку третьему. «Пудди, пудди», твердить тотъ задумчиво. О. А. пустился въ новыя объясненія: старикъ долго и внимательно слушалъ, потомъ вдругъ живо замахалъ рукой, какъ будто догадался, въ чемъ дѣло. «Ну, понялъ наконецъ», обрадовались мы. Старикъ взялъ О. А. за рукавъ и, схвативъ кисть, опять написалъ «пудди». «Ну, видно не хотятъ дать», рѣшили мы, и больше къ нему уже не приставали.

Вообще они грубѣе видомъ и приѣмами японцевъ и ликейцевъ, несмотря на то, что у всѣхъ одна цивилизація — китайская. Впрочемъ, мы въ Корей не видали людей высшаго класса. Говоря о бытѣ этихъ народовъ, упомяну мимоходомъ, между прочимъ, о существенной разницѣ во внутреннемъ убранствѣ домовъ китайскихъ, съ домами прочихъ трехъ народовъ. Китайцы въ домахъ у себя имѣютъ мебель, столы, кресла, постели, табуреты, скамеечки и проч., тогда какъ прочіе три народа сидятъ и обѣдаютъ на полу. Оттого эти, чтобъ не запачкать пола, который служитъ имъ вмѣстѣ и столомъ, при входѣ въ комнаты, снимаютъ туфли, а китайцы нѣтъ.

Корейцы увидѣли образъ Спасителя въ каютѣ; и когда на вопросъ ихъ, «кто это», усильи кое-какъ отвѣчать имъ,

они встали съ мѣсть своихъ и начали низко и благоговѣнно кланяться образу. Между тѣмъ набралось на фрегатъ около ста человѣкъ корейцевъ, такъ что принуждены были больше не пускать. Долго просидѣли они и наконецъ уѣхали.

Довольно бы и этого. Однако нужно было хоть разъ съѣздить на берегъ, ступить ногой на корейскую землю. Вчера насъ человѣкъ шесть-семь отправились въ катерѣкъ къ одной изъ деревень. У двонхъ изъ насъ были ружья стрѣлять птицъ, третій взялъ пару пистолетовъ. На берегу густая толпа сжалась около насъ, стараясь отклонить отъ деревни. Но мы легко раздвинули ихъ, давъ знать, что цѣль наша была только пройти черезъ деревню въ поля, на холмы. Видя, что съ нами нечего дѣлать, они предпочли вести насъ добровольно, нежели предоставить намъ бродить, гдѣ вздумается. Мы все хотѣли идти внутрь села, а они вели насъ по окраинамъ. Впрочемъ, у насъ у самихъ тотчасъ же пропала охота углубляться въ улицы, шириною въ два шага.

Мы шли между двухъ заборовъ, грубо сложенныхъ изъ неровныхъ камней, безъ всякаго цемента. Изъ-за заборовъ видны были только соломенные крыши и больше ничего. Какая разница въ этихъ заборахъ съ постройками этого рода у лигейцевъ! Тамъ тщательность, терпѣніе, порядокъ и искусство; здѣсь лѣнь, небрежность и неумѣнье. Должно-быть, корейцы въ самомъ дѣлѣ не любятъ «усилій». Когда мы пытались заглянуть за заборъ, или входили въ ворота—какой шумъ поднимали корейцы! Они даже удерживали насъ за полы, а иногда и толкали довольно грубо. Но за это ихъ били по рукамъ, и они тотчасъ же смирялись и походили на собакъ, которыя идутъ сзади прохожихъ, сгорая желаніемъ укусить, да не смѣютъ.

Они успокоились, когда мы вышли черезъ узенькіе переулки въ поле и стали подниматься на холмы. Большая

часть послѣдовала за нами. Они стали тутъ очень услужливы, указывали удобныя тропинки, рвали намъ цвѣты, показывали хорошіе виды.

Мы шли по полямъ, засѣяннымъ пшеницей и ячменемъ; кое-гдѣ, но очень мало, виденъ былъ рисъ, да кусты камелій, а то все утесы и камни. Все обнажено и смотритъ бѣдно и печально. Не мудрено, что жители не могли дать намъ провизіи: едва ли у нихъ столько было у самихъ, чтобъ не умереть съ голоду. Они мочатъ и ѣдятъ морскую капусту, выбрасываемую приливомъ, также ракушки. Сегодня привезли намъ десятка два рыбъ, четыре боченка воды, да старикъ вынулъ изъ-за пазухи свертокъ бумаги, съ сухеными трепангами (родъ морскихъ слизняковъ, съ ишиками). Ему подарили кусокъ синей бумажной матеріи и примочку для сына, у котораго болятъ глаза.

Погулявъ по сѣверной сторонѣ островка, гдѣ есть двѣ красивыя, какъ два озера, бухты, обсаженныя деревьями, мы воротились въ село. Охотники наши застрѣлили дорогою три или четыре птицы. Въ селѣ на берегу разостланы были циновки; на нихъ сидѣли два старика, бывшіе уже у насъ, и пригласили сѣсть и насъ. Почти всѣ жители села съѣжались смотрѣть на рѣдкихъ гостей.

Они опять подробно осматривали насъ, трогали платье, волосы, кожу на рукахъ; съ меня сняли ботинки, осмотрѣли ихъ, потомъ чулки, зонтикъ, фуражку. Разговоръ шель по-китайски, письменно, чрезъ О. А. и Г.—«Сколько вамъ лѣтъ?» спрашивали они кого-нибудь изъ нашихъ. — «Лѣтъ 30—40», отвѣчали имъ. — «Помилуйте», заговорили они: «мы думали, вамъ лѣтъ 60 или 70». Это крайне—восточный комплиментъ.—«Вамъ должно быть лѣтъ 80, вы мнѣ годитесь въ отцы и въ дѣды»—сказать такъ, значитъ польстить. Они, между прочимъ, спросили, долго ли мы останемся.— «Если долго», сказали они: «то мы, по закону нашей страны, обязаны угостить васъ, отъ имени правительства,

обѣдомъ». Совершенно какъ у японцевъ; но имъ отвѣчали, что чрезъ два дня мы уйдемъ и потому угощенія ихъ принять не можемъ.

Въ толпѣ я видѣлъ одного корейца, съ четками въ рукахъ: кажется, буддійскій бонзъ. На головѣ у него мочальная шапка.

5-е апрѣля. Вчера случилась маленькая непріятность. Трое изъ нашихъ отправились на берегъ. Толпа корейцевъ окружила ихъ и не пускала идти отъ берега далѣе. Они грозили имъ и даже толкали ихъ въ ровъ. Наши воротились на фрегатъ, но отправились обратно уже въ сопровожденіи вооруженныхъ матросовъ; надо было прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Сегодня старикъ пріѣхалъ рано утромъ и написалъ предлинное извиненіе, говоря, что онъ огорченъ случившимся; жалѣетъ, что мы не можемъ указать виновныхъ, что ихъ бы наказали весьма строго; просилъ не сердиться и оправдывался незнаніемъ корейцевъ о томъ, что дѣлается «внутри четырехъ морей», т.-е. на бѣломъ свѣтѣ. Его и товарищей, бывшихъ съ нимъ, угостили чаемъ, водкой и сухарями, и простились съ ними надолго, если не навсегда.

Въ самомъ дѣлѣ, имъ не откуда знать, что дѣлается «внутри четырехъ морей». Европейцы почти не посѣщали Корею. Послѣдній былъ здѣсь Бельчеръ, кажется, въ 1842 году. Это отважный путешественникъ и бойкій писатель: онъ живо описываетъ свои путешествія. Онъ два раза обошелъ вокругъ земли и теперь странствуетъ въ полярныхъ странахъ. Путешествія его—рядъ приключеній, одно занимательнѣе другого. Чего съ нимъ не было? Никто столько не выдерживалъ штормовъ; въ ураганъ онъ долженъ былъ срубить въ Гон-Конгѣ мачты; гдѣ-то на Борнео его положило на бокъ, и онъ, недѣли въ три, безъ посторонней помощи, всталъ опять. Это настоящій морской волкъ. Кромѣ того, онъ увлекательно рассказываетъ свои приключенія. Онъ

всюду совался съ своимъ фрегатомъ; между прочимъ заходилъ и въ Корею, описалъ островъ Гамильтонъ, былъ на сосѣднемъ большомъ островѣ Квельнартъ, гдѣ, говорить-онъ, есть города, крѣпости и большое народонаселеніе. Кругомъ насъ по горизонту вездѣ разбросаны острова. Корейскій архипелагъ неисчислимы. Корея еще представляетъ обширную, почти нетронутую почву, для мореходцевъ, купцовъ, миссіонеровъ и ученыхъ.

Наконецъ мы, болѣе или менѣе, видѣли четыре націи, составляющія почти весь крайній востокъ. Съ одними имѣли ежедневныя и важныя сношенія, съ другими познакомились поверхностно, у третьихъ были въ гостяхъ, на четвертыхъ мимоходомъ взглянули. Всѣ четыре народа принадлежатъ къ одному семейству, если не по происхожденію, какъ утверждаютъ нѣкоторые, производя, напримѣръ, японцевъ отъ курильцевъ, то по воспитанію, этому второму рожденію, по культурѣ, потомъ по нравамъ, обычаямъ, отчасти языку, вѣрѣ, одеждѣ и такъ далѣе.

Всѣ эти народы образуютъ одну общую фізіономію, характеръ, складъ ума, словомъ, общую нравственную жизнь въ главныхъ ея чертахъ, но съ безчисленными оттѣнками, которыми одинъ народъ отличается отъ другого. Но что это за фізіономія! что за жизнь! Я съ бѣльшей отрадой смотрѣлъ на каффровъ и негровъ въ Африкѣ, на малайцевъ по островамъ Индійскаго океана, но съ глубокой тоской слѣдилъ въ китайскихъ кварталахъ за общимъ потокомъ китайской жизни, наблюдалъ подробности и попадавшіяся мнѣ ближе личности, слушалъ рассказы другихъ, бывалыхъ и знающихъ людей. Каффы, негры, малайцы — нетронутое поле, ожидающее посѣва; китайцы и ихъ родственники японцы — истощенная, непроходимо-заглушенная нива. Китайцы старшіе братья въ этой семьѣ; они надѣлили цивилизаціею младшихъ. Вы знаете, что такое эта цивилизація, на чемъ она остановилась, какъ одряхлѣла и разошлась съ жизнью

и парализуетъ до сихъ поръ всѣ силы огромнаго народонаселенія юго-восточной части азіатскаго материка съ японскими островами.

Что можетъ оживить эту истощенную почву? какія новыя силы нужно, чтобъ вновь дать броженіе огромной, перегнившей массѣ силъ? Вспомните, сколько различныхъ элементовъ столпилось на нашемъ маленькомъ европейскомъ материкѣ, когда старые соки перебродились, сколько новыхъ жилъ открылось и впустило туда свѣжей и молодой крови? Теперь посмотрите, какая работа кипитъ ближе къ намъ, чтобъ растолкать уснувшій и обезсилѣвшій Востокъ, отъ Босфора до Аравійскаго залива. Что это передъ здѣшней массой народонаселенія? Однако работа начинается, но трудная, и пока неблагоприятная. Она началась выбрасываніемъ старыхъ, сгнившихъ корней, сорныхъ травъ.

Нельзя было Китаю жить долѣе, какъ онъ жилъ до сихъ поръ. Онъ не шелъ, не двигался, а только конвульсивно дышалъ, павъ подъ бременемъ своего истощенія. Нѣтъ единства и цѣлости, нѣтъ условій органической государственной жизни, необходимой для движенія такого огромнаго цѣлага. Политическое начало не скрѣпляетъ народа въ одно нераздѣльное тѣло, присутствіе религіи не согрѣваетъ тѣла внутри.

У китайцевъ нѣтъ національности, патріотизма и религіи — трехъ началъ, необходимыхъ для непогрѣшительнаго движенія государственной машины. Есть китайцы, но націи нѣтъ; въ ихъ языкѣ нѣтъ даже слова *отечество*, какъ называлъ мнѣ одинъ нашъ синологъ.

Все это странно, хотя не совсѣмъ ново, если вспомнить браминскую Индію и языческій Египетъ: они одряхлѣли, и надо было занять имъ силъ и жизни у другихъ, какъ истощенному полю нужно перемѣнить посѣвъ. Вы знаете, что сдѣлалось или что дѣлается съ Индіей; подъ какимъ посѣвомъ и какъ трудно возрождается это поле для новыхъ всхо-

довь, и Египеть тоже. Китай дряхлѣе ихъ обоихъ и, слѣдовательно, еще менѣе подаетъ надежды на возрожденіе самъ собой. Напущенные на жизнь немногими, скоро оскудѣвшими при развитіи жизненныхъ началъ, нравственными истинами, китайцы едва достигли отрочества и состарѣлись. Въ нихъ успѣло развиться и закоренѣть индивидуальное и семейное начало и не дозрѣло до жизни общественной и государственной, или если и созрѣло когда-нибудь, то, можетъ-быть, затерялось въ безграничномъ размноженіи народной массы, дѣлающемъ невозможною ни государственную, ни какую другую централизацию.

Послѣ семейства, китаецъ преданъ кругу частныхъ своихъ занятій. Нигдѣ такъ не примѣнима русская пословица: «до Бога высоко, до царя далеко», какъ въ Китаѣ, нужды нѣтъ, что богдыханъ собственноручно запахиваетъ каждый годъ однажды землю, экзаменуетъ ученыхъ и т. п. Китайцы знаютъ, что это шутка, и что между правительствомъ и народомъ лежитъ бездна. Законовъ, правда, множество, а исполнителей ихъ еще больше, но и это опытъ-таки шутка, комедія, сознательно разыгрываемая обѣими сторонами. Законы давно умерли, до того разошлись съ жизнію, что мѣсто ихъ заступила цѣлая система, своего рода тарифъ оплаты за отступленія отъ законовъ. Отъ того китаецъ дѣлаетъ что хочетъ: если онъ чиновникъ, онъ беретъ взятки съ низшихъ и даетъ самъ ихъ высшимъ; если онъ солдатъ, онъ беретъ жалованье и лѣнится, и съ поля сраженія бѣгаетъ: онъ не думаетъ, что онъ служить, чтобы воевать, а чтобъ содержать свое семейство. Купецъ знаетъ свою лавку, земледѣлецъ—поле и тѣхъ, кому сбываетъ свой товаръ. Всѣ они дѣйствуютъ безъ соображеній о цѣлости и благѣ государства, оттого у нихъ нѣтъ ни корпорацій, нѣтъ никакихъ общественныхъ учрежденій, оттого у нихъ такая склонность къ эмиграціи. Провинціи мало сообщаются между собою; дорогъ почти нѣтъ, за исключеніемъ рѣкъ и нѣсколькихъ ка-

наловъ. Если надо везти товаръ, купецъ нанимаетъ людей и кое-какъ прокладываетъ себѣ тропинку. Затѣмъ уже китайцы равнодушны ко всему. На лицѣ апатія, или мелкія будничныя заботы. Да и о чемъ заботиться? Двигаться впередъ не нужно: все готово...

Отъ Бога китайцы еще дальше, нежели отъ царя. Последователи древней китайской религіи не смѣютъ молиться небеснымъ духамъ: это запрещено. Молится за всѣхъ богдыханъ. А буддисты нанимаютъ молиться бонзъ и затѣмъ уже сами въ храмы не заглядываютъ.

Въ наукѣ и искусствѣ отразилась та же мелочность и неподвижность. Ученость споконъ-вѣка одна и та же; истины написаны разъ, выучены и не измѣняются никогда. У ученыхъ перемололся языкъ; они впади въ дѣтство и стали посмѣшищемъ у простого, живущаго безъ ученыхъ, а только здравымъ смысломъ народа. Художники корпятъ надъ пустяками, вырѣзываютъ изъ дерева, изъ орѣховой скорлупы свои сады, бесѣдки, лодки, рисуютъ, точно иглой, цвѣты, да разноцвѣтныя платья, что рисовали пятьсотъ лѣтъ назадъ. Занять иныхъ образцовъ не откуда. Всѣ собственные источники исчерпаны, и жизнь похожа на однообразный, тихо, по капль льющійся каскадъ, подъ журчанье котораго дремлется, а не живется.

Но я гулялъ по узкой тропинкѣ между Европой и Китаемъ и видѣлъ, какъ сходятся двѣ руки: одна, рука слѣнца, ищетъ уловить протянутую ей руку зрячаго; я гулялъ между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христіанскими церквями и кумирнями. — Работа кипитъ: одни корабли приходятъ съ экземплярами Новаго Завѣта, курсами наукъ на китайскомъ языкѣ, другіе съ ядами всѣхъ родовъ, отъ самыхъ грубыхъ до тонкихъ. Я слышалъ выстрѣлы; съ обѣихъ сторонъ мѣнялись ядрами. Что будетъ изъ всего этого? Что приѣдется скорѣе: спасеніе или ядъ — неизвѣстно, но, во вся-

комъ случаѣ, реформа начинается. Инсургенты уже идутъ тучей возстановлять старую, законную династію, называютъ себя христіанами, очень сомнительными конечно, какими-то эклектиками; но наконецъ поняли они, что успѣхъ возможенъ для нихъ не иначе, какъ подъ знаменемъ христіанской цивилизаціи—и то много значить. Они захватили христіанство и съ востока, и съ запада, отъ католическихъ монаховъ, и отъ протестантовъ, и отъ бродягъ, пробравшихся черезъ азіатскій материкъ.

Японцы народъ болѣе тонкій и, пожалуй, болѣе развитой, и не мудрено—ихъ вдесятеро меньше, нежели китайцевъ. Притомъ они замкнуты на своихъ островахъ—и для правительственной власти не особенно трудно стройно управлять государствомъ. Тамъ хитро созданная и глубоко обдуманная система государственной жизни несокрушима безъ внѣшняго вліянія. И все зависяетъ отъ этой системы, и самая верховная власть. Она первая падетъ, если начнетъ сокрушать систему. Китайцы заразили и ихъ, и корейцевъ, и ликейцевъ своею младенчески-старческою цивилизаціею и тою же системою отчужденія, отъ которой сами, живучи на материкѣ, освободились раньше. Японцы надежнѣе китайцевъ къ воздѣланію: если падетъ ихъ система, они быстро очеловѣчатся, и теперь сколько залоговъ на успѣхъ! Молодые сознаютъ, что все свое перебродилось у нихъ и требуютъ оживленія извнѣ.

Японецъ имѣетъ общее съ китайцемъ то, что онъ тоже эгоистъ, но съ другой точки зрѣнія: какъ у того нѣтъ сознанія о государственномъ началѣ, о центральной, высшей власти, такъ у этого, напротивъ, оно стоитъ выше всего; но это только отъ страха. У него сознаніе это происходитъ не изъ свободнаго стремленія содѣйствовать общему благу и проистекающаго отъ того чувства любви и благодарности къ той власти, которая несетъ на себѣ заботы объ этомъ благѣ. Ему просто странно; онъ всегда боится

чего-нибудь: промаха съ своей стороны, или клеветы, и боится неминуемаго, слѣдующаго за тѣмъ наказанія. Онъ знаетъ, что правительственная система дѣйствуетъ непогрѣшительно, что за нимъ слѣдятъ и смотрятъ строго и что ему не избѣжать кары. Китаецъ немного заботится объ этомъ, потому что эта система тамъ давно подорвана равнодушіемъ къ общему благу и эгоизмомъ: тамъ одинъ не боится другого: подчиненный, какъ я сказалъ выше, беретъ подарки съ своего подчиненнаго, а тотъ съ своего, и всѣ дѣлаютъ что хотятъ.

Что касается ликейцевъ, то для нихъ много пятнадцати, двадцати лѣтъ, чтобъ сбросить свои халаты и перемѣнить бамбуковыя палки и вѣера на ружья и сабли и стать людьми, какъ всѣ. Ихъ мало; они слабы; оторвись только отъ Японіи, которой они теперь еще боятся—и все быстро измѣнится, какъ измѣнилось на Сандвичевыхъ островахъ, напримѣръ.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ въ голову, когда, вспоминая читанное и слышанное о Китаѣ, я вглядывался въ житье-бытье этихъ народовъ! Можетъ-быть, синологи, особенно синофилы, возразятъ многое на это, но я не выдаю сказаннаго за непремѣнную истину. Мнѣ такъ казалось...

Завтра снимаемся съ якоря и идемъ на недѣлю въ Нагасаки, а потомъ, мимо корейскаго берега, къ Сахалину и далѣе, въ наши владѣнія. Теперь рано туда: тамъ еще льды. Здѣсь даже на южномъ корейскомъ берегу, подъ 34 градусомъ широты, такъ холодно, какъ у насъ въ это время въ Петербургѣ, тогда какъ въ этой же широтѣ на западѣ, на Мадерѣ, напримѣръ, въ январѣ прошлаго года было жарко. На то Востокъ.

Я забылъ сказать, что 2-го же апрѣля, въ одинъ день съ нами, пришелъ на островъ Гамилтъонъ и нашъ транспортъ. Новости изъ Европы все тѣ же, что мы получили и

въ Маниль, зато изъ Шанхая много новаго. Я предвидѣлъ, что безъ вмѣшательства европейцевъ не обойдется; такъ и вышло: войска Таутая-Самква надѣлали безпорядковъ. Это куча сволочи безъ дисциплины; скорѣе разбойники, нежели войска. Въ Шанхай стало небезопасно ходить по вечерамъ: изъ лагеря приходили въ европейскій кварталъ кучами солдаты и нападали на прохожихъ; между прочимъ они напали на одного англичанина, который вечеромъ гулялъ съ женой. Они потащили леди въ лагерь; англичанинъ сталъ защищать жену и получилъ одиннадцать ранъ, между прочимъ одну довольно опасную. Къ нему подоспѣли на помощь другіе европейцы и прогнали негодяевъ. Это подняло на ноги всѣхъ англичанъ, моряковъ и молодыхъ конторщиковъ. Они вооружились винтовками, пистолетами, даже взяли одно орудіе и отправились къ лагерю, бросили въ него нѣсколько гранатъ и многихъ убили.

Потомъ всѣ европейскіе консулы, и американскій тоже, дали знать Таутая, чтобъ онъ снялъ свой лагерь и перенесъ на другую сторону. Теперь около осажденнаго города и европейскаго квартала все чисто. Но европейцы уже не считаютъ себя въ безопасности: они ходятъ не иначе, какъ кучами и вооруженные. Купцы въ своихъ конторахъ сидятъ за бюро, а подлѣ лежитъ заряженный револьверъ. Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится.

Сегодня хотѣли сняться, да вѣтеръ противный. Мы вѣдемъ: теперь Страстная недѣля.

Снялись на другой день, 7-го апрѣля, въ 3 часа пополудни, а 9-го, во второмъ часу, бросили якорь на нагасакскомъ рейдѣ. Переходъ былъ отличный, тихо, какъ въ рѣкѣ. Японцы вѣрить не хотѣли, что мы такъ скоро пришли; а тутъ всего 180 миль разстоянія.

Ошпер-баніосъ *Ойе-Саброски* захохоталъ, частью отъ удовольствія, частью отъ глупости, опять увидя всѣхъ насъ.

Кичибе, попрежнему, присѣдалъ, кряхтѣлъ и заливался истерическимъ смѣхомъ, передавая намъ просьбу нагасакакаго губернатора не подѣзжать на шлюпкахъ къ батареямъ. Онъ также, на вопросъ нашъ, не имѣетъ ли губернаторъ объявить намъ чего-нибудь отъ своего начальства, сказалъ, что «изъ Едо... отвѣта... nit erhalten, не получено».

Другой переводчикъ, *Эйноске*, былъ въ Едо и возился тамъ «съ людьми Соединенныхъ Штатовъ». Мы узнали, что эти «люди» ведутъ переговоры мирно; что ихъ точно такъ же провожаютъ въ прогулкахъ лодки и не пускаютъ на берегъ, и т. п. Еще узнали, что у нихъ одинъ пароходъ при-ткнулся къ мели и началъ-было погружаться на рейдѣ; люди уже бросились на японскія лодки, но пробитое отверстие успѣли заткнуть. Американцы въ Едо не были, а только въ его заливѣ, который мелководенъ, и на судахъ къ столицѣ версть за тридцать подойти нельзя.

Между тѣмъ въ Манилѣ, въ англійской или американской газетѣ, я видѣлъ рисунки домовъ и храмовъ въ Едо, срисованныхъ будто бы офицеромъ съ эскадры Перри, срисованныхъ, забыли прибавить, съ картинокъ Зибольда. Не говорю уже о томъ, какъ раскудахтались газеты объ успѣхахъ американцевъ въ Японіи, о торговомъ трактатѣ. Имъ открыли три порта — это, можетъ-быть, даже вѣроятно, правда: открыли порты для снабженія водой, углемъ, провизіею; но отъ этого до настоящей, правильной торговли еще не одинъ шагъ. Что если бъ мы заголосили о своихъ успѣхахъ въ Японіи и представили ихъ въ квадратѣ? вѣдь вышло бы, что ужъ давно и торгуемъ тамъ.

Провизію губернаторъ рѣшилъ доставлять самъ, а не чрезъ голландцевъ, и притомъ безъ платы; все это затѣмъ, чтобъ доставка провизіи какъ можно менѣе походила на торговлю. Японцамъ страхъ хотѣлось поправить первый свой промахъ; словомъ, онъ хотѣлъ мѣрами своими противъ насъ выслужиться у своего начальства. Это былъ второй

губернаторъ, *Мизно Чикогоно ками-сама*, который до сихъ поръ дѣйствовалъ, какъ подъ опекой перваго, *Овосавы-Бунгоно ками-сама*. Тотъ уѣхалъ съ полномочными въ Едо, а этому хотѣлось показать, что онъ и одинъ умѣетъ распорядиться. Но ему объявили, что провизію мы желаемъ получать попрежнему, т.-е. съ платою, чрезъ голландцевъ, а если прямо отъ японцевъ, то не иначе, какъ чтобъ и они принимали каждый разъ равноцѣнные подарки.

Такой способъ перепугалъ губернатора, потому что походилъ на мѣновую торговлю непосредственно съ самими японцами. Нечего было дѣлать: его превосходительство прислалъ сказать, что переводчики перепутали — это обыкновенная ихъ отговорка, когда они попробуютъ какую-нибудь мѣру и она не удастся, — что онъ согласенъ на доставку провизіи голландцами, попрежнему, и просить только принять нѣкоторое количество ея въ подарокъ, за который онъ готовъ взять контр-презентъ. Онъ не упомянулъ ни слова о томъ, что вчера японскія лодки вздумали мѣшать кататься нашимъ шлюпкамъ и стали тѣснить ихъ. Наши отталкивались, пока могли, наконецъ, З. вѣзаясь со своей шлюпкой въ средину ихъ лодокъ, такъ что у одной отвалился носъ, который и былъ привезенъ на фрегатъ.

Ночью въ первомъ часу пріѣхалъ Ойе-Саброски объяснить по этому случаю.

Нагасаки на этотъ разъ смотрѣли какъ-то печально. Зелень на холмахъ блѣдная, на деревьяхъ тощая, да и холодно, нужды нѣтъ, что апрѣль, холоднѣе, нежели въ это время бываетъ даже у насъ, на сѣверѣ. Мы начинаемъ гулять въ легкихъ пальто, а здѣсь еще зимній воздухъ, и Кичибе вчера сказала, что теплѣе будетъ не раньше, какъ черезъ мѣсяць.

Сегодня 11-е апрѣля — Пасха; была служба какъ слѣдуетъ: собрались къ обѣднѣ со всѣхъ трехъ судовъ; потомъ разгавливались. Вынесли изъ Нагасаки, выкрасили

и христосовались. На столѣ появились окорока, ростбифы, куличи—праздникъ, какъ праздникъ, точно на берегу!

12-го апрѣля, кучами возять провизію. Сегодня пригласили Ойе-Саброски и переводчиковъ обѣдать, но они, вмѣсто двухъ часовъ, пріѣхали въ пять. Я не видалъ ихъ; говорятъ, ѣли много. Ойе ѣлъ мясо въ первый разъ въ жизни и въ первый же разъ, види горчицу, вдругъ, прежде нежели могли предупредить его, съѣлъ ея цѣлую ложку: у него покраснѣлъ лобъ и выступили слезы. Губернатору послали четырнадцать аршинъ сукна, мѣдный самоваръ и боченокъ солонины, вмѣсто его подарка. Послѣзавтра хотятъ сниматься съ якоря, идти къ берегамъ Сибири.

14-е. Вчера привезли остальную провизію и прощальные подарки отъ губернатора: зелень, живность и проч. Японцы пили у адмирала чай. Имъ показывали, какъ употребляютъ самовары, которыхъ подарили имъ нѣсколько.

Вечеромъ наши матросы плясали и пѣли. Съ лодокъ набралось много простыхъ японцевъ, гребцовъ и слугъ; они съ удивленіемъ, разинувъ рты, смотрѣли, какъ двое, рулевой, съ русыми, загнутыми кверху усами и строгимъ, улыбающимся лицомъ, и другой, съ черными бакенбардами, пожилой боцманъ, съ гремушками въ рукахъ, плясали долго и неистово, какъ будто работали трудную работу. Одинъ, уставъ, останавливался, какъ вкопанный; другой въ ту жъ минуту начиналъ припрыгивать, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, глядя внизъ и переставляя ноги, одну вмѣсто другой, потомъ быстро падалъ и прыгалъ въ присядку, изрѣдка вскрикивая; хоръ пѣлъ; прочіе все молча и серьезно смотрѣли. Японцы не отходили. По окончаніи, и они такъ же молча, безъ улыбки, разошлись, какъ и самыя пѣвцы и плясуны.

15-е. Вчера одинъ японецъ увидѣлъ у меня сигарочницу изъ манильской соломы; онъ долго любовался ею. Я предложилъ ее въ подарокъ ему; онъ сначала отнѣкивался, по-

томъ, по моему настоянію, взять и положить за пазуху. Мы съ П. удивились, какъ это онъ рѣшился взять, да еще при другихъ. Но скоро перестали удивляться: воротясь въ каюту, мы нашли сигарочницу на диванѣ, на которомъ сидѣли японцы. Скучный народъ: нельзя ничего спросить—соврутъ, или промолчатъ. Заболѣлъ Кичибе и не пріѣхалъ. Мы спросили, чѣмъ онъ боленъ. Сынъ его сказалъ, что у него желудокъ разстроенъ, другой японецъ—что голова болить, третій—ноги, а самъ онъ на другой день сказалъ, что у него болѣло горло: и въ самомъ дѣлѣ онъ кашлялъ. Первое движеніе у нихъ, когда ихъ о чемъ-нибудь спросишь, не сказать, второе—солгать, какъ у Талейрана, который не совѣтовалъ слѣдовать первому движенію сердца, потому что оно иногда бываетъ хорошо. Мы спросили разъ: какой у нихъ первый по торговлѣ городъ?—«Осаки» отвѣчали они, второй «Ясико» (на запад. берегу Нифона), третій «Міако», четвертый... Вдругъ они спохватились, что ужъ и такъ много сказали, и робко замолчали. Сталъ я показывать Саброски стереоскопъ: «Хочешь видѣть японскій пейзажъ?» спросилъ я его чрезъ переводчика, смѣсью нѣмецкаго, англійскаго и голландскаго языковъ, и показалъ какой-то, взятый, кажется, изъ Зибольда видъ! «Фирандо, Фирандо!» съ удивленіемъ замѣтилъ переводчикъ *Гейстра*, или иначе *Нарбайоси 1-й*. Фирандо—мѣстечко, гдѣ прежде торговали португальцы и испанцы; оно лежитъ западнѣе Нагасаки. Ойе, съ сердцемъ, быстро что-то проговорилъ ему, и тотъ боязливо замолчалъ. Всюду, и въ мелочахъ, систематическая ложь и скрытность, основанная на постоянномъ страхѣ, чтобъ не проложили пути въ Японію. Мнѣ все слышится отвѣтъ французскаго епископа, когда говорили въ Манилѣ, что Японія скоро откроется: «à coups des canons, messieurs, à coups des canons», замѣтилъ онъ.

Сегодня опять японцы взяли контрпрезенты и уѣхали. Мы въ эту минуту снимаемся съ якоря. Шкуна идетъ дѣ-

латъ описъ ближайшимъ къ Японіи островамъ, потомъ въ Шанхай, а мы къ берегамъ Сибири; но прежде, кажется, хотятъ зайти къ корейскимъ берегамъ. Транспортъ идетъ съ нами. Въ Едо послано письмо, съ приглашеніемъ полномочнымъ прибыть въ Аниву, для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Я забылъ сказать, что губернаторъ ужасно обрадовался, когда объявили ему, что мы уходимъ. Онъ, съ радости, прислалъ въ подарокъ отъ себя множество картофелю, рыбы, лакированный столъ и ящикъ. Его отарили столовыми часами. Но всего важнѣе былъ ему подарокъ, когда, уходя, послали сказать, что идемъ не въ Едо. «Скоро ли воротитесь домой?» спросилъ меня Ойе. Ему хотѣлось поймать меня врасплохъ. «Когда кончатся дѣла въ Японіи», отвѣчалъ я. «А вы когда въ Едо, къ женѣ?» — «Не знаю, не назначено», сказалъ онъ. Лжетъ: вѣрно знаетъ и часъ, и день, и минуту своего отъѣзда; но нельзя сказать правды, а почему — вотъ этого онъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ не знаетъ. Лганье не приноситъ японцамъ никакой пользы, потому что имъ въ возвратъ лгутъ еще больше; иначе нельзя. Только лишь мы пришли, они приступили съ разспросами: гдѣ мы были, откуда теперь, на какіе берега выходили и т. п. Имъ сказали, что были на Лю-чу, да въ Батанѣ. И вотъ они давай искать, гдѣ это Батанъ, и вчера сознались, что не могутъ найти на картѣ и просятъ показать. На генеральныхъ картахъ этотъ островъ не названъ по имени; вся группа называется общимъ именемъ Баши. Имъ показали на морской картѣ. Они срисовали фигуру острова, затѣмъ, конечно, чтобъ подробно донести въ Едо. Итакъ, взаимной лжи конца не будетъ. Видя ихъ подозрительность и старинную ненависть къ испанцамъ, имъ не сказали, что мы были въ Маниллѣ: Богъ знаетъ, какое заключеніе вывели бы они о нашемъ посѣщеніи Лю-цона.

Третьягодня, однакожь, говоря о городахъ, они, не знаятъ, опять проговорились, что Яеико или Ессико, лежащій на западномъ берегу о. Нифона, одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ въ Японіи: что находящійся противъ него островокъ Садо изобилуетъ неистощимыми минеральными богатствами. Адмиралъ хочетъ теперь же, дорѣгой, заглянуть туда.

16-е. Вотъ ужъ другія сутки обгибаемъ острова Гото, съ окружающими ихъ камнями. Дѣлаютъ опись берегамъ, но теченіе мѣшаетъ: относитъ въ сторону. Не даромъ у китайцевъ есть поговорка: «хороши японскіе товары, да трудно обойти Гото». Особенно для ихъ судовъ—это задача. Всѣхъ острововъ Гото, кажется, пять.

Штиль, погода прекрасная: ясно и тепло; мы лавируемъ подъ берегомъ. Наши на Гото целенгуютъ берега. Вдали видны японскія лодки; на берегахъ никакой растительности. Множество красной икры, точно толченый кирпичъ, пятнами покрываетъ въ разныхъ мѣстахъ море. Икра эта сіяетъ по ночамъ нестершимымъ фосфорическимъ блескомъ. Вчера свѣтъ такъ былъ силенъ, что изъ-подъ судна какъ будто вырывалось пламя; даже на парусахъ отражалось зарево; сзади кормы стелется широкая огненная улица; кругомъ темно; невстревоженная вода не свѣтится.

18-е. Прошли островъ Чу-сима. Съ него въ хорошую погоду видно и на корейскій, и на японскій берега. Кое-гдѣ плавали рыбацкія лодчонки, больше ничего не видать; нѣтъ жизни, все мертво на этихъ водахъ. Японцы говорятъ, что корейцы рѣдко, только случайно, заходятъ къ нимъ, съ товарами, или за товарами.

А какое бы раздолье для европейской торговли и мореплаванія здѣсь, при этой близости Японіи отъ Кореи и отъ ихъ странъ отъ Шанхая! Корея отъ Японіи отстоитъ, гдѣ миль на сто, гдѣ дальше, къ сѣверу, на сто-семьдесятъ пять, на двѣсти, т.-е. на сто-семьдесятъ пять, на триста и

на триста пятьдесятъ верстѣ, а отъ Японіи до Шанхая семьсотъ съ небольшимъ верстѣ. Изъ Англіи въ Японію почта можетъ ходить въ два мѣсяца, чрезъ Ост-Индію. Скоро ли же и эти страны свяжутся въ одну цѣпь и будутъ посылать въ Европу письма, товары и т. п.? Чтò за жизнь кигъла бы тутъ, въ этихъ заливахъ, которыми изрѣзаны японскіе берега на Нипонъ и на Чусимъ, дай только волю морскимъ націямъ!

Сегодня, 19-го, штиль вдругъ превратился почти въ штормъ; сначала налетѣлъ отъ НО шкваль, потомъ задулъ постоянный, свѣжій, а наконецъ и крѣпкій вѣтеръ, такъ что у марселей взяли четыре рифа. Качка сдѣлалась какаютостранная, діагональная, очень неприятная: и привычныхъ къ морю немного укачало. Меня все-таки нѣтъ, но голова немного заболѣла, можетъ-быть, отъ этого. Вечеромъ и ночью стало тише.

Вчера и сегодня, 20 и 21-го, мы шли верстахъ въ двухъ отъ корейскаго полуострова; въ 36° широты. На ютѣ дѣлали опись ему: а смотрѣть нечего: все пустынные берега, кое-гдѣ покрытые скудной травой и деревьями. Видны изрѣдка деревни: тамъ такія же хижины и такъ же жмутся въ тѣсную кучу, какъ на Гамильтонѣ. Кое-гдѣ по берегу бродятъ жители. На морѣ много лодокъ, должно-быть, рыбацкія.

Часовъ въ пять вечера стали на якорь въ бухтѣ. Говорять, карты корейскаго берега — а ихъ всего одна, или двѣ—невѣрны. И въ самомъ дѣлѣ вдругъ передъ нами къ сѣверу выросъ берегъ, а на картѣ его нѣтъ. Ночью признано неудобнымъ идти далѣе у неизвѣстныхъ береговъ, и мы остановились до разсвѣта. Вѣтеръ былъ попутный къ сѣверу; погода теплая и солнечная. Одинъ изъ нашихъ катеровъ приставалъ къ берегу: жители забѣгали, засуетились, какъ на Гамильтонѣ, и сдѣлали такой же пріемъ, т.-е. собрались толпой на берегъ, съ дубьемъ, чтобъ не пускать,

и разступились. когда увидѣли у нѣкоторыхъ изъ напихть ружья. Они написали на бумагѣ, по-китайски: — «что за люди? какого государства, города, селенія? куда идти?» На катерѣ никто не зналъ по-китайски и написали имъ по-русски имя фрегата, годъ, мѣсяць и число. Жители знаками спрашивали, не за водой ли мы пришли. Отвѣчали, что нѣтъ. Такъ и разошлись.

25-е. Корейскій берегъ, да и только. Ошсь продолжается, мы ужъ въ 39° широты; могли бы быть дальше, но вѣтра двое сутокъ были противные и качали насъ попустому на одномъ мѣстѣ. Берега скрывались въ туманѣ. Вчера вдругъ показались опять.

Про Корею пишутъ, что, отъ сильныхъ холодовъ зимой и отъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ, она бесплодна и бѣдна. Кажется такъ. по крайней мѣрѣ берега подтверждаютъ это какъ нельзя больше. Берегъ съ 37° пошелъ гористый; вдали видны громады шиковъ, одинъ другого выше, съ такими сморщенными лбами, что смотрѣть грустно. По вершинамъ кое-гдѣ бѣлѣтъ снѣгъ или песокъ; ближайшій къ морю берегъ низмень, песчанъ, пустъ; зелень—скудная трава; мѣстами кусты; кое-гдѣ лѣнятся деревеньки; у береговъ уныло скользятъ изрѣдка лодки: вѣрно добываютъ дневное пропитаніе, ловятъ рыбу, трепанговъ, моллюсковъ.

Сегодня вдругъ одна изъ лодокъ направилась къ намъ. На ней сидѣло человекъ семь корейцевъ, всѣ въ своихъ грязно-бѣлыхъ халатахъ, надѣтыхъ на такія же куртки, или камзолы. На всѣхъ были того же цвѣта шаровары на ватѣ; одинъ въ шляпѣ. Издали мы слышали ихъ крики. Имъ дали знать, чтобъ они вошли на палубу: но когда они вошли, то мы и не рады были посѣщенію. Объясниться съ ними было нельзя: они не умѣли ни говорить, ни писать по-китайски, да къ тому же еще всѣ пьяны. Матросы кучей окружили ихъ и дѣлали разныя замѣчанія, глядя на ихъ халаты и собранные въ пучокъ волосы.—«Хуже Литвы!»

слышу я говорить одинъ матросъ. — «Чего Литвы: хуже черкесь!» возразилъ другой: «этакая, подумасень, нація!» Имъ дали сухарей, и они уѣхали. Одинъ изъ нихъ, уходя, обнялъ и поцѣловалъ О. А. Г., который попробовалъ-было объясниться съ нимъ, по-китайски. Мы засмѣялись, а бѣдный Осипъ Антоновичъ не зналъ, какъ стереть слѣды непрошенной нѣжности.

У насъ идетъ дѣтельная повѣрка карты Броутона, путешествовавшаго въ концѣ прошлаго столѣтїя, вмѣстѣ съ Ванкуверомъ, только на другомъ суднѣ. Ванкуверъ описывалъ западные берега Америки, Броутонъ ходилъ у азиатскаго материка. Онъ разбился у острововъ Меджико-Сима, близъ Ликейскихъ острововъ, спасся и былъ хорошо принятъ жителями. Карта его невѣрна: безпрестанно надо поправлять, такъ что фигура Кореи должна значительно измѣниться противъ обыкновенно показываемой до сихъ поръ на картахъ. Искали все глубокой, показанной у Броутона бухты, но подъ той широтой, подъ которой она у него назначена, не нашли. Зато вчера, сѣвернѣе противъ карты, открылся большой заливъ. Входя въ него, не подозрѣвали, до какой степени онъ великъ. Онъ весь уставленъ островками. По мѣрѣ того, какъ мы двигались, открывались все новые, меньшіе заливы; глубина вездѣ прекрасная. Войдя въ средину залива, въ шкеры, мы бросили якорь. Моря уже не видать: оно со всѣхъ сторонъ заперто берегами; отъ волненія безопасно, а бассейнъ огромный. Здѣсь помѣстятся цѣлые военные и купеческіе флоты. Со всѣхъ сторонъ глядятъ на насъ мысы, тамъ и сямъ видны маленькіе побочные заливы, скалы, и кое-гдѣ брошенные въ одиночку голые камни. Все это немного похоже на Нагасаки, только берега не такъ зелены и не такъ унылы, какъ кажутся издали. Зеленъ, кажущаяся мли за двѣ, за три, скуднымъ мохомъ, оказалась вблизи деревьями и кустами. Много зеленыхъ посѣвовъ, кое-гдѣ деревеньки, то на скалахъ горъ, то у отмелей, близъ самыхъ береговъ.

Сегодня, часу въ пятомъ послѣ обѣда, мы внятеромъ поѣхали на берегъ, взяли съ собой самоваръ, неводъ и ружья. Наконецъ мы ступили на берегъ, на которомъ вѣроятно никогда не была нога европейца. Миссіонерамъ сюда забираться было незачѣмъ: далеко и пусто. Броутонъ говоритъ или о другой бухтѣ, или, если и заглянулъ сюда, то на берегъ, повидимому, не выходилъ, иначе бы онъ опредѣлилъ его вѣрно.

Шлюпка наша остановилась у подошвы высокихъ холмовъ, на песчаной отмели. Тутъ, на шестахъ, раскинуты были сѣти для рыбы; текла рѣчка аршина въ два шириною. Весь берегъ усыянъ раковинами. Кромѣ сосны, около деревень росли разныя деревья, которыхъ я до сихъ поръ нигдѣ еще не видалъ. У одного зелень была не зеленая, а пепельнаго цвѣта, у другого слишкомъ зеленая, какъ у молодого лимоннаго дерева, потомъ были какія-то, совсѣмъ голыя деревья, съ иссохшимъ сѣрымъ стволомъ, съ иссохшими сучьями, какъ у проклятой смоковницы, но на этомъ сѣромъ стволѣ и сучьяхъ росли другіе, посторонніе кусты, самой свѣжей весенней зелени. Красиво, но и странно: неестественность, натяжка, точно нарумяненная и разряженная старуха.

Къ сожалѣнію, съ нами не было никого изъ нашихъ любителей-натуралистовъ и некого было спросить объ этихъ деревьяхъ. Мы шли по вязкому песку прилива къ хижинамъ, которыя видѣли подъ деревьями. Жители между тѣмъ собирались вдали толпой; четверо изъ нихъ, и между прочимъ одинъ старикъ, съ длиннымъ посохомъ, сѣли рядомъ на травѣ и, кажется, готовились къ церемоніальной встрѣчѣ, къ рѣчамъ, привѣтствіямъ, или чему-нибудь подобному. Всѣ младенцы человѣчества любятъ напыщенность, декораціи и ходули. Но мы, бѣгло взглянувъ на нихъ и кивнувъ имъ головой, равнодушно прошли дальше по берегу, къ деревнѣ. Какими варварами и невѣжами сочли они насъ! Они за-

были всякую важность и бросились вслѣдъ за нами съ крикомъ и, повидимому, съ бранью, показывая знаками, чтобъ мы не ходили къ деревьямъ; но мы и не хотѣли идти туда, а дошли только до горы, которая заграждала намъ путь по берегу.

Мы видѣли, однакожъ, что хижины были обмазаны глиной, не то, что въ Гамильтонѣ; видно зима не шутитъ здѣсь; а теперь, пока было жарко такъ, что мы сняли сюртуки и шли въ жилетахъ, но все нестерпимо, хотя солнце клонилось уже къ западу. Корейцы шли за нами. Рослый, здоровый народъ, атлеты, съ грубыми, смугло-красными лицами и руками: безъ всякой изиѣженности въ манерахъ, безъ изысканности и вкрадчивости, какъ японцы, безъ робости, какъ ливийцы, и безъ смыслѣнности, какъ китайцы. Славные солдаты вышли бы изъ нихъ: а они заражены китайскою ученостью и пишутъ стихи! О. А. написалъ имъ на бумажкѣ по-китайски, что мы, русскіе, вышли на берегъ погулять и трогать у нихъ ничего не будемъ. Одинъ изъ нихъ прочиталъ и самъ написалъ вопросъ:—«русскіе люди, за какимъ дѣломъ пришли вы въ наши края, по волѣ вѣтровъ, на парусахъ? и все ли у васъ здорово и благополучно? Мы люди низшіе, второстепенные, видимъ, что вы особые, высшіе люди». И все это въ стихахъ.

Я ушелъ съ Б. К. впередъ и не знаю, что имъ отвѣчали. Корейцы окружили насъ тотчасъ, лишь только мы остановились. Они тоже, какъ жители Гамильтона, разсматривали съ большимъ любопытствомъ наше платье, трогали за руки, за голову, за ноги, и живо бормотали между собою.

Между тѣмъ наши закинули неводъ и поймали одну камбалу, одну морскую звѣзду и одинъ трепангъ. Вдругъ подулъ сильный норд-вестъ и повѣялъ такимъ холодомъ и такъ быстро смѣнилъ зной, что я едва успѣлъ надѣть сюртукъ. Горы покрылись разорванными клочьями облаковъ, вода закипѣла, волны глухо зашумѣли.

Около насъ во множествѣ летали по взморью огромныя утки, красноносые кулики, чайки, голуби и много мелкой дичи. То тамъ, то сямъ раздавались выстрѣлы и къ вечеру за ужиномъ явилось лишнее и славное блюдо. Я подумывалъ однакожь, какъ бы воротиться поскорѣе на фрегатъ: приготовленій къ чаю никакихъ еще не было, а солнце ужъ закатывалось. У насъ не было ничего, кромѣ сюртуковъ, а холодъ насталъ такой, что въ-пору одѣться въ мѣхъ. По лугу паслись лошади, ростомъ съ жеребятъ, между тѣмъ это не жеребята, а взрослые. Мы видѣли слѣды рогатаго скота, колени телѣгъ: видно, что корейцы домовитые люди.

Я пошелъ берегомъ къ баркасу, который ушелъ за мысъ, почти къ морю, такъ что пришлось идти версты три. Вскорѣ ко мнѣ присоединились Б. Ш. и Г., у котораго въ сумкѣ шевелилось что-то живое: ужъ онъ успѣлъ набрать всякой всячины; въ рукахъ онъ несъ пучокъ цвѣтовъ и травы.

Наконецъ завидѣли баркасъ и пришли, когда онъ подымалъ уже веригъ и готовился отвалить. Мы были по крайней мѣрѣ верстахъ въ трехъ отъ фрегата. Луна взошла, но туманъ былъ такъ силенъ, что фрегатъ то пропадалъ изъ глазъ, то вдругъ появлялся; не разъ мы его совсѣмъ теряли изъ виду и тогда правили по звѣздамъ, но и тѣ закрывались. Мы плыли въ облакѣ, которое несло съ неимовѣрной быстротою, закрывая горы, берега, воду, наконецъ, небо и луну. Сырость ужасная: фуражки и сюртуки были мокрые. На берегу мелькнулъ яркій огонь: упрямые товарищи наши остались пить чай.

Полтора часа тащились мы домой. Съ какимъ удовольствіемъ усѣлись потомъ около чайнаго стола въ каютѣ! Тутъ Г—чу торжественно принесли змѣю, такую большую, какой, за исключеніемъ удавовъ, мы не видали: аршина два длины и толстая. Она шевелилась въ жестяномъ ящикѣ; ее хотѣли пересадить отсюда въ большую стеклянную банку со спиртомъ; она долго упрямилась, но когда выгнали, то и сами

не рады были: она вдругъ заскользила по полу и ее поймали съ трудомъ. Матросъ нашелъ ее въ кустъ, на которомъ сидѣли еще аистъ и сорока. Зачѣмъ они собрались— неизвѣстно; можетъ-быть, разыгрывали какую-нибудь ненаписанную Крыловымъ басню.

28-е. Сегодня туманъ не позволилъ дѣлать промѣровъ и осматривать берега. Зато корейцевъ цѣлая толпа у насъ. Мнѣ видно изъ своей каюты, какія лица сдѣлали они, когда у насъ заиграла музыка. Одинъ, услышавъ фортепіано въ каютѣ, растянулся, отъ удивленія, на полу.

Съ 1-го мая. *Японское море и берегъ Кореи.*

Наши съѣзжали всякій день для измѣренія глубины залива, а не то такъ поохотиться; поднимались по рѣкамъ внутрь, версть на двадцать, искали города. Я не участвовалъ въ этихъ прогулкахъ: путешествіе—это книга; въ ней останавливаешься на тѣхъ страницахъ, которыя больше правятся, а другія пробѣгаешь только для общей связи. «Какъ, новыя, неизслѣдованныя мѣста: да это находка! скоро совсѣмъ не будетъ такихъ мѣстъ», скажутъ мнѣ. И слава Богу, что не будетъ. Скучно съ этими дѣтьми. При томъ корейцы не совсѣмъ новость для насъ. Я выше сказалъ, что они моральную сторону заняли у китайцевъ; не знаю, кто далъ имъ вещественную. Увидишь одну, двѣ деревни, одну, двѣ толпы—увидишь и все: тѣ же тѣсныя кучи хижинъ, съ венаханными полями-вокругъ, тѣ же бѣлые, широкіе халаты на всѣхъ, широкія скулы, носы, походка на треновый тузъ, и клочокъ какъ будто конскихъ волосъ вмѣсто бороды, да разинутые рты и тупые взгляды; пишутъ стихами, читаютъ нараспѣвъ. На чемъ же тутъ долго останавливаться?

Если бъ еще можно было свободно проникнуть въ города, посмотрѣть другихъ жителей, ихъ бытъ, а то не пускаютъ. Въ природѣ нѣтъ никакихъ яркихъ особенностей: мѣстность интересна настолько или *потолку*, сказали бы ученый

путешественникъ, *поколик*у она нова, какъ всякая новал мѣстность.

Одну особенность замѣтить я у корейцевъ: на разспросы о положеніи ихъ страны, городовъ, они отвѣчаютъ правду, охотно рассказываютъ, что они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются. Они назвали заливъ, гдѣ мы стояли, по имени, также и всѣ его берега, мысы, острова, деревни, сказали даже, что здѣсь родина ихъ нынѣшняго короля; еще объявили, что южнѣе отъ нихъ, на день ѣзды, есть мѣсто, мимо котораго мы уже прошли, большое и торговое, куда свозятся товары въ государствѣ. «Какіе же товары?» спросили ихъ. Хлѣбъ, т. е. иппеница, рисъ, потомъ металлы: желѣзо, золото, серебро, и много разныхъ другихъ продуктовъ.

Даже на наши вопросы, можно ли привезти къ нимъ товары на обмѣнъ, они отвѣчали утвердительно. Сказали ли бы все это японцы, ликейцы, китайцы? — ни за что. Видно, корейцы еще не научены опытомъ, не жили вѣдѣнною жизнью и не успѣли выработать себѣ политики. Да лучше, если бъ и не выработали: скорѣе и легче переступили бы неизбѣжный шагъ къ сближенію съ европейцами и къ перевоспитанію себя.

Впрочемъ, мы видѣли только поселянъ и земледѣльцевъ; высшіе классы и правительство конечно имѣютъ понятіе о государственныхъ сношеніяхъ, слѣдовательно и о политикѣ: они сносятся же съ китайцами, съ японцами и съ ликейцами. Образъ европейскихъ сношеній и жизни конечно имъ извѣстенъ. Здѣсь сказали намъ жители, что о русскихъ и о странѣ ихъ они никогда не слыхивали. Мы не обидѣлись: они не слыхивали и объ англичанахъ, и о французахъ тоже. Да спросите у насъ, въ степи гдѣ-нибудь, любого мужика, много ли онъ знаетъ объ англичанахъ, испанцахъ, или итальянцахъ? не мѣшаетъ ли онъ ихъ подъ общимъ именемъ нѣмцевъ, какъ корейцы мѣшаютъ всѣ народы, кромѣ китайцевъ и японцевъ, подъ именемъ «варваровъ»?

Впрочемъ, корейцы должны имѣть понятіе о насъ, т. е. не здѣшніе поселяне, а правительство ихъ. Корейцы бываютъ въ Пекинѣ: наши О. А. и Г. выдали ихъ тамъ и даже, кажется, по просьбѣ ихъ, что-то выписывали для нихъ изъ Россіи.

Здѣсь же намъ сказа и, что въ корейской столицѣ есть что-то въ родѣ японскаго подворья, на которомъ живетъ до трехсотъ человѣкъ японцевъ; они торгуютъ своими товарами. А японцы каковы? На вопросъ нашъ, торгуютъ ли они съ корейцами, отвѣчали, что торгуютъ случайно, когда будго бы тѣхъ занесетъ бурей къ ихъ берегамъ.

Корейцы называютъ себя, или страну свою, *Чаосинъ* или *Чаусинъ*, а названіе Корея принадлежитъ одной изъ ихъ старинныхъ династій.

Мнѣ кажется, всего бы удобнѣ завязывать сношенія съ ними теперь, когда они еще не закоренѣли въ недовѣрчивости къ европейцамъ и не заперлись отъ нихъ, и когда правительство не приняло сильныхъ мѣръ противъ иностранцевъ и ихъ торговли. А народъ очень склоненъ къ мѣнѣ. Какъ они бросились на стеклянную посуду, на мѣдныя пуговицы, на фарфоръ — на все, что видѣли! На наши суконные сюртуки у нихъ такъ и разбѣгались глаза; они гладили сукно, трогали сапоги. За пустую бутылку охотно отдавали свои огромныя тростниковыя шляпы. Всѣ у насъ намѣняли этихъ шляпъ. Вонъ Оаддеевъ и мнѣ вымѣнялъ одну, какъ я ни упрашивалъ его не дѣлать этого, и повѣсилъ въ каютѣ. «У всѣхъ господъ есть, у в. в. только пѣтъ», упрямо отвѣчалъ онъ и повѣсилъ шляпу на гвоздь. Она заняла цѣлую стѣну. Намѣняли тоже множество трубокъ мѣдныхъ, съ чубуками изъ тростника. Больше имъ нѣчего мѣнять. Требовали отъ нихъ провизіи, но они, подумавъ, опять поотчивали своимъ *пудди*, и привезли только трехъ пѣтуховъ, но ни быковъ, ни барановъ, ни свиней.

Третьяго дня наши ѣздили въ рѣчку и видѣли тамъ ка-

кого-то начальника, который пріѣхалъ верхомъ, съ музыкантами. Его потчивали чаемъ, хотѣли подарить сукна, но онъ, поблагодаривъ, отказался, сказавъ, что не смѣетъ принять безъ разрѣшенія высшаго начальства, что у нихъ законы строги и по этимъ законамъ не должно брать подарковъ.

Толпа смѣняла другую съ утра до вечера, пока мы стояли на якорѣ. Какъ еще дѣти природы, съ примѣсью значительной дозы дикости, они не могли не взглянуть и враждебно на новыхъ пришельцевъ, что и случилось. Третьяго дня вечеромъ корейцы собрались толпой на скалѣ, около которой одинъ изъ нашихъ измѣрялъ глубину, и стали кидать каменя въ шлюпку. По нимъ выстрѣлили холостымъ зарядомъ, но они, повидимому, мало имѣютъ понятія объ огнестрѣльномъ оружіи. Утромъ вчера послали въ ближайшую къ этой скалѣ деревню бумагу, съ требованіемъ объясненія. Они вечеромъ прислали отвѣтъ, въ которомъ просили извиненія, сказали, что кидали каменя мальчишки, «у которыхъ нѣтъ смысла». Это не правда: мальчишки эти были вершковъ четырнадцать ростомъ, съ бородой, съ волосами, собранными въ густой пучокъ на маковкѣ, а мальчишки у нихъ ходятъ, какъ наши дѣвчонки, съ косою и проборомъ среди головы.

Только лишь прочли этотъ отвѣтъ, какъ вдругъ воротилась партія нашихъ изъ поѣздки въ рѣку, верстъ за десять. Всѣ они были очень взволнованы: имъ грозила большая опасность. На одномъ берегу собралось множество народа; нѣкоторые просили знаками нашихъ пристать, показывая какую-то бумагу, и когда они пристали, то корейцы бумаги не дали, а привели одного мужчину, положили его на землю и начали бить какой-то палкой, въ видѣ лопатки. Послѣ этого положили точно такъ же и того, который билъ лопаткою, и стали бить и его. Наши нашли эту комедію очень глупой и пошли прочь; тогда одинъ изъ битыхъ бро-

сился за ними, схватилъ одного изъ матросовъ и потащилъ въ толпу. Тамъ его стали-было тащить въ разныя стороны, но матросы бросились и отбили. Корейцы стали нападать и на этихъ, но они съ такою силою, ловкостью и яростью схватили нѣсколько челоуѣкъ и такую задали имъ потасовку, что прочіе отступили. Когда наши стали садиться въ катеръ, корейцы начали бросать каменья и свинчатки, и нѣкоторыхъ ушибли до крови; тогда въ нихъ выстрѣлили дробью, которая назначалась для дичи и, кажется, одного ранили. Этимъ нѣсколько остановили нападеніе, но корейцы продолжали бросать каменья, пока наши успѣли отвалить.

На другой день рано утромъ отправленъ былъ баркасъ и катера, съ вооруженными людьми, къ тому мѣсту, гдѣ это случилось. Изъ деревни всѣ выбрались вои, съ женами и съ имуществомъ; остались только старики. Ихъ-то и надо было. Отъ нихъ потребовали объясненія о случившемся. Старики, съ поклонами, объяснили, что нѣсколько негодяевъ смутили толпу и что они, старшіе, не могли унять, и просили, чтобы на нихъ не взыскали, «отцы за дѣтей не отвѣчаютъ» и т. п. Они прибавили еще, что виновные ранены, и одинъ даже будто бы смертельно—и уже тѣмъ наказаны. Дѣлать съ ними нечего, но положено отдать въ первомъ мѣстѣ, гдѣ мы остановимся, для отсылки въ ихъ столицу, бумагу о случившемся.

Сегодня, часу во второмъ пополудни, мы снялись съ якоря и вотъ теперь покачиваемся легонько въ морѣ. Ночь лунная, но холодная, хоть бы и въ Россіи въ пору.

Я забылъ сказать, что большой заливъ, который мы только-что покинули, описавъ его подробно, назвали, въ честь покойнаго адмирала Лазарева, его именемъ.

5-го мая. *Японское море; Корейскій берегъ.* Мы только-что сегодня вступили въ 41° широты, и то двинулъ насъ внезапно подувшій попутный вѣтеръ. Идемъ все подтѣ бе-

рега; опись продолжается. Корея кончается въ 43 градуса. Тамъ начинается манчжурскій берегъ. Сегодня, съ кочующихъ по морю лодокъ, опять набралась на фрегатъ куча корейцевъ. Я не выхожу; но мнѣ въ каюту заглянули двѣ-три косматая головы и смурло-желтыя лица. Крику, шуму! Когда у насъ всѣ четыреста человѣкъ матросовъ въ дѣйствіи, наверху шуму такого нѣтъ. Одинъ укралъ у П. серебряную ложку и спряталъ въ свои широкія панталоны. Ложку отняли, а вора за чубъ вывели изъ каюты.

Послѣ обѣда я смотрѣлъ на берега, мимо которыхъ мы шли: крутыя, обрывистыя скалы, всѣ изъ базальта, громадами тѣснятся одна надъ другой. Обрывисто, круто. Горы плавателямъ, которые разобьются тутъ; спасенія нѣтъ. Если и достигнешь берега, влѣзть на него все равно, что на гладкую, отвѣсную стѣну. Нигдѣ не видать ни жилья, ни лѣса. Блѣдная зелень кое-гдѣ покрываетъ крутыя ребра горъ. Берегъ вдругъ заворотилъ къ W, и мы держимъ влѣдъ за изгибами. Скоро должна быть пограничная съ Манчжурією рѣка Таманъ или Тюймэнъ или Тай-мень, что-то такое.

Часа два назадъ, около полуночи, К. вдругъ позвалъ меня на югъ послушать, какъ *дышитъ китъ*.— «Я, кромѣ скрипя снастей, ничего не слышу», сказалъ я, послушавши немного. — «Погодите, погодите... слышите?» сказалъ онъ. — «Право нѣтъ; это манильскія травяныя снасти съ музыкой...» Но въ это время вдругъ подъ самой кормой раздалось густое, тяжелое и продолжительное дыханіе, какъ-будто рядомъ съ нами шель паровозъ.— «Что, слышите?» сказалъ К.— «Да; только неужели это китъ?..» Вдругъ опять вздохъ, еще сильнѣе, раздался внизу, прямо подъ нашими ногами. «Что это такое, не знаешь ли ты?» спросилъ я моего фаворита, сигнальщика Федорова, который стоялъ тутъ же.— «Это не китъ», отвѣчалъ онъ: «это все водяные: ихъ тутъ много!..» прибавилъ онъ, съ пренебреженіемъ махнувъ ру-

кой на бездну и, повернувшись къ ней спиной, самъ вдохнулъ немного легче кита.

9-е мая. Наконецъ отыскали и пограничную рѣку *Тайманга*; мы остановились миль за шесть отъ нея. Наши вчера цѣлый день ѣздили промѣрять и описывать ее. Говорятъ, что это широкая, версты въ двѣ съ половиной, рѣка, съ удобнымъ фарватеромъ. Вы, конечно, съ жадностью прочтете современемъ подробное и специальное описаніе всего корейскаго берега и рѣки, которое, вотъ въ эту минуту, за стѣной, дѣлаетъ сосѣдь мой П., сильно участвующій въ описи этихъ мѣстъ. Я передаю вамъ только самое общее и поверхностное понятіе, неповѣренное циркулемъ и линейкой.

Не безъ удовольствія простимся мы, не сегодня, такъ завтра, съ Кореей. Ужъ наши видѣли пограничную стражу на противоположномъ отъ Кореи берегу рѣки. Тутъ начинается Манчурія, и берегъ съ этихъ мѣстъ изслѣдованъ Ланерузомъ.

Кто знаетъ что-нибудь о Корей? Только одни китайцы занимаются отчасти ею, т.-е. берутъ съ нея годичную дань, да еще японцы ведутъ небольшую торговлю съ нею; а между тѣмъ посмотрите, что отецъ Іакинѣвъ рассказываетъ во 2-й части статистическаго описанія Манчурія, Монголіи и проч., объ этой землѣ, занимающей 8⁰ по меридіану.

Корейское государство, или *Чао-сянъ*, формировалось въ эпоху троянъ, первобытныхъ грековъ. Здѣсь разыгрывались свои Иліады, были Аяксы, Гекторы, Ахиллесы. За Гомеромъ дѣла никогда не станетъ. Я уже сказалъ, какіе охотники корейцы сочинять стихи. Даже одна корейская королева, покоривъ сосѣднюю область, сама сочинила оду на это событіе и послала ко двору китайскаго богдыхана, который, пишетъ о. Іакинѣвъ, былъ этимъ *очень доволенъ*. Только имена здѣшнихъ Агамемноновъ и Гекторовъ никакъ не припились

бы въ наши стихи, а впрочемъ попробуйте: Вэй-мань, Цицзы, Вэй-ю-шюй и т. д. Городъ, въ родѣ Иліона, называли Пьхинь-сянь.

Но это все темныя времена корейской исторіи; она проясняется немного съ третьяго вѣка по Р. Х. Первобытныя жители въ ней были однихъ племенъ съ манчжурами, которыхъ сибиряки называютъ тунгусами. Къ нимъ присоединились китайскіе выходцы. Послѣ Р. Х. одинъ изъ тунгусъ, *Гао*, основалъ царство *Гао-ли*.

О. Такинъ говоритъ, что европейцы это имя какъ-то ухитрились передѣлать въ *Корею*. Это правдоподобно. До сихъ поръ жители многихъ острововъ Восточнаго океана, въ томъ числѣ японцы, канаки (на Сандвичевыхъ островахъ) и ликейцы, букву *л* замѣняютъ буквой *р*. Одни называютъ японскую и китайскую милю *ли*, другіе—*ри*; одни Ликейскіе острова зовутъ *Лиу-киу*, другіе—*Риу-киу*, третьи, наконецъ, *Ру-ку*; *Гонолюлю* многіе зовутъ и пишутъ *Гоноруру*. Отчего жъ не передѣлать Гао-ли въ Ко-ри? И въ передѣлкѣ этой виноваты не европейцы, а сами же корейцы. Когда я при нихъ произнесъ *Корея*, они толпой повторили *Кори*, *Кори!* и тутъ же, чрезъ О. А., объяснили, что это имя ихъ древняго королевскаго дома. Поэтому вся передѣлка европейцевъ состоитъ въ томъ, что они изъ *Ко-ри* сдѣлали *Корея*. Да много ли тутъ оставалось сдѣлать?

По основаніи царства Гао-ли, судьба, въ видѣ китайцевъ, японцевъ, монголовъ, пошла играть имъ, т.-е. покорять, разорять, низвергать старыя и утверждать новыя династіи. Корейскіе короли, не имѣя довольно силы бороться съ судьбой, предпочли добровольно подчиниться китайской державѣ. Китайцы, то сдѣлаютъ Корею своею областью, то посовѣтятся и возстановятъ опять ея самостоятельность. А когда на Китай, въ V вѣкѣ, хлынули монголы, корейцы покорились и имъ. Иногда же они вдругъ обидятся и вздумаютъ отдѣлиться отъ Китая, но не надолго: китайцы, или

погорять ихъ, или они сами же опять попросятъ взять себя въ опеку.

За эту покорность и признаніе старшинства Китая, китайцы наградили данниковъ своими познаніями, отчасти языкомъ, такъ что корейцы пишутъ, чуть что поважнѣе и поученіе—китайскимъ, а что попроче—своимъ языкомъ. Я видѣлъ ихъ книги: письмена не такія кудрявыя и сложныя, какъ у китайцевъ. Далѣе китайцы наградили ихъ издѣліями своихъ мануфактуръ и искусствомъ писать стихи. Иногда случалось даже такъ, что китайцы покровительствовали корейцамъ и въ то же время не мѣшали брать съ нихъ дань монголамъ и тунгусамъ. Наконецъ, въ походѣ XIV вѣка, вступилъ на престолъ домъ *Ли*, который царствуетъ и теперь, платя дань, или посылая подарки манчжурской, царствующей въ Китаѣ династїи.

Корея раздѣляется на восемь областей или *дорогъ*, по сказанію о. Іакинѳа. Поцѣжу вашъ слухъ отъ названій; если полюбобытствуете, загляните сами въ книгу знаменитаго синолога. Читая эти страницы, испещренныя названіями какого-то птичьего языка, исполненныя этнографическихъ, географическихъ, филологическихъ данныхъ о краѣ, извѣстномъ намъ только по имени, благоговѣю передъ всеоключающею любознательностью и громаднымъ терпѣніемъ ученаго отца и робко краду у него вышеприведенныя отрывочныя свѣдѣнія о Корее—все для васъ. Можетъ-быть вы удовольствуетесь этимъ и не пойдете сами въ лабиринтъ этихъ именъ: когда вамъ? того гляди, пропадетъ впечатлѣніе отъ вчерашней оперы.

18-го мая мы вошли въ Татарскій проливъ. Насъ сутки хорошо несъ попутный вѣтеръ, потомъ задержали штили. потомъ подулъ противныи N и NO вѣтра, нанося съ майскаго берега холодъ, дождь и туманъ. Какой скачокъ отъ тропиковъ! Не знаемъ, куда спрятаться отъ холода. Придетъ ночь—мученье раздѣваться и ложиться, а вставать еще хуже.

По временамъ мы видимъ берегъ, вдоль котораго идемъ къ сѣверу, потомъ опять туманъ скроетъ его. По ночамъ иногда слышится визгъ: кто говоритъ—сивучата пицать, кто—тюлени. Похоже на послѣднее, если только тюлени могутъ пицать, похоже потому, что днемъ иногда они цѣлыми стадами играютъ у фрегата, выставляя свои головы, гонаясь точно взапуски между собою. Во всякомъ случаѣ это *водяные*, какъ и сигнальщикъ Федоровъ полагаетъ.

Вчера, 17-го, какая встрѣча: обѣдаемъ; говорятъ, шкуна какая-то видна. Велѣно поднять флагъ и выпалнить изъ пушки. Она подняла нашъ флагъ. Bravo! Шкуна «Востокъ» идетъ къ намъ, съ вѣстями изъ Европы, съ письмами... Все ожило. Черезъ часъ мы читали газеты, знали все, что случилось въ Европѣ по мартъ. Пошли толки, разсужденія, ожиданія. Нашимъ судамъ велѣно идти къ русскимъ берегамъ. Что-то будетъ? Скорѣй бы добраться: всего двѣсти пятьдесятъ миль осталось до мѣста, гдѣ предположено ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Холодно, скучно, какъ осенью, когда у насъ, на сѣверѣ, все сжимается, когда и человѣкъ уходитъ въ себя, надолго отказываясь отъ воспримчивости внѣшнихъ впечатлѣній, и дѣлается грустенъ поневолѣ. Но это передъ зимой, а тутъ и весной то же самое. Нѣтъ ничего, что бы предвѣщало въ природѣ возобновленіе жизни, со всею ея прелестью. Вѣкъ бы хотѣлось на берегъ, между прочимъ и потому, что провизія на исходѣ. На столѣ чаще стала появляться солонина и овощи. Изъ животнаго царства осталось на фрегатѣ два-три барана, которые не могутъ стоять на ногахъ, двѣ-три свиньи, которыя не хотятъ стоять на ногахъ, пять-шесть куръ, одна утка и одинъ котъ. Пора, пора...

20-го числа. «Что новаго?» спросилъ я Фаддеева, который пришелъ будить меня.—«Сейчасъ на якорь будемъ становиться», сказалъ онъ: «канатъ велѣно доставать». Въ самомъ дѣлѣ я слышалъ пріятный, для утомленнаго путешествен-

ника, звукъ: грохотанье доставаемого изъ трюма якорнаго каната.

Вы не совсѣмъ довѣряйте, когда услышите отъ моряка слово *канатъ*. Канатъ—это цѣпь, на которую можно привязать поддюжины слоновъ—не сорвутся. Онъ держитъ якорь въ сто пятьдесятъ пудъ. Вотъ когда скажутъ «пеньковый канатъ», такъ это въ самомъ дѣлѣ канатъ.

Утро чудесное, море синее, какъ въ тропикахъ, прозрачное; тепло, хотя не такъ, какъ въ тропикахъ, но однакожъ такъ, что въ байковомъ пальто сносно ходить по палубѣ. Мы шли все въ виду берега. Въ полдень оставалось миль десять до мѣста; всѣ вышли, и я тоже, навѣрхъ, смотрѣть какъ будемъ входить въ какую-то бухту, наше временное пристанище. Главное только усмотрѣть входъ, а въ бухтѣ ошибиться нельзя: промѣры показаны.

«Вотъ за этимъ мысомъ долженъ быть входъ», говоритъ дѣдъ: «надо только обогнуть его. Правъ! куда лѣво кладешь?» прибавилъ онъ, обращаясь къ рулевому. Минуть черезъ десять кто-то пришелъ снизу.— «Гдѣ входъ?» спросилъ вновь пришедшій.— «Да вотъ мысъ...» хотѣлъ показать дѣдъ—глядь, а мыса нѣтъ. «Что за чудо! Гдѣ жъ онъ? сію минуту былъ», говорилъ онъ.— «Марсо-фалы отдать!» закричалъ вахтенный. Порывъ вѣтра нагналъ холодъ, дождь, туманъ, фрегатъ сильно накренило—и береговъ какъ не бывало: все закрылось бѣлой мглой; во ста саженьяхъ не стало видно ничего, даже шкуны, которая все время качалась, то съ одного, то съ другого бока у насъ. Ну, поскорѣй отлавируйтесь отъ берега! Надѣялись, что шкваль пройдетъ и мы войдемъ. Нѣтъ: вѣтеръ установился, и туманъ тоже, да такой, что закуталъ верхніе паруса.

Вечеръ такъ и прошелъ; мы были, вмѣсто десяти, уже въ шестнадцать миляхъ отъ берега.— «Ну, завтра, чѣмъ свѣтъ, войдемъ», говорили мы, ложась спать.— «Чтò новаго?»

спросилъ я опять, проснувшись утромъ, Оаддсева.—«Васька жаворонка съѣлъ», сказалъ онъ.—«Что ты, гдѣ жъ онъ взялъ?»—«Поймалъ на сѣткахъ».—«Ну, что жъ не отняли?»—«Ушелъ въ ростры, не могли отыскать».—«Жаль! Ну, а еще что?»—«Еще—ничего».—«Какъ ничего: а на якорь становиться?»—«Куда-те становиться: ишь какая погода! со шканцевъ на бакъ не видать».

Мы проскитались опять цѣлый день, лавируя по проливу и удерживая позицію. Вѣтеръ дулъ свирѣпо, волна не слишкомъ большая, но острая, производила непріятную качку, неожиданно толкая въ бока. На другой день къ вечеру я вышелъ наверхъ; смотрю: всѣ толпятся на ютѣ.—«Что такое?» спрашиваю.—«Входимъ», говорятъ. Въ самомъ дѣлѣ мы входили въ широкія ворота гладкаго бассейна, обставленнаго крутыми, точно обрубленными берегами, поросшими непроницаемымъ для взгляда мелкимъ лѣсомъ—сосенъ, березъ, пихты, лиственницы. Насъ охватилъ крѣпкій смоляной запахъ. Мы прошли большой заливъ и увидѣли двѣ другія бухты, направо и налево, длинными языками вдающихся въ берега, а большой заливъ шелъ самъ по себѣ еще мили на двѣ дальше. Вода не шелохнется, воздухъ покоенъ, а въ морѣ, за мысами, свирѣпствуетъ вѣтеръ. Въ маленькой бухтѣ, куда мы шли, стояло уже опередившее насъ наше судно «Кн. Меншиковъ», почти у самаго берега. На берегу успѣли разбить палатки. Около нихъ толпится человѣкъ десять людей, съ судовъ же; бѣгаютъ собаки. Мы стали на якорь.

Что это за край: гдѣ мы? самъ не знаю, да и никто не знаетъ: кто тутъ бывалъ и кто пойдетъ въ эту дичь и глушь?

Кто тутъ живетъ? что за народъ? Народовъ много, а не живетъ никто.

Здѣшніе народы, съ которыми успѣли поговорить, не знаю на какомъ языкѣ, наши матросы, умѣющіе объясняться

по-своему со всѣми народами міра, называютъ себя *Оро-чаны*, *Ману*, *Кекель*. Что это, племена, или фамильныя названія? И этого не знаю. Наши, большую часть изъ нихъ, называютъ общимъ именемъ тунгусовъ. Они не живутъ тутъ, а бродятъ съ мѣста на мѣсто, приходятъ къ морю ловить рыбу. За ними же скоро, говорятъ, придутъ медвѣди, за этимъ же. Мы пока дѣлаемъ то же: рыбы пропасть, камбала, бычки, форели, родъ налимовъ. Скоро пойдетъ періодическая рыба, изъ породы красныхъ, сельди и т. п. У насъ теперь рыба и рыба на столѣ. Вмѣсто лошадей, на берегу бродятъ десятка три тощихъ собакъ: по тутъ же съ береговъ выглядываетъ изъ чащи лѣса полная невозможность ѣздить, ни на собакахъ, ни на лошадяхъ, ни даже ходить пѣшкомъ. Я пробовалъ и вязъ въ болотѣ, спотыкался о нихъ и сучья.

Какой же это берегъ? что за бухта? спросите вы. Да все тишится глухой, манчжурскій, слѣдовательно принадлежащій китайцамъ берегъ.

Июнь.—Нѣтъ, берегъ, видно, нездоровъ мнѣ. Пройдусь по лѣсу, чувствую утомленіе, тяжесть; вчера заснулъ въ лѣсу, на разостланномъ брезентѣ, и схватилъ лихорадку. Отвыкъ совсѣмъ отъ берега. На фрегатѣ, въ морѣ лучше. Мнѣ хорошо въ моей маленькой каютѣ: я привыкъ къ своему уголку, гдѣ повернуться трудно; можно только лечь на постели, сѣсть на стулъ, а затѣмъ сдѣлать шагъ къ двери— и все тутъ. Привыкъ видѣть бизань-мачту, кучу снастей, а черезъ бортъ море.

Хожу по лѣсу, да лѣсъ такой безтолковый, не то, что тропическій: тамъ, или вовсе не продерешься сквозь чащу, а если продерешься, то не налюбишься красотой деревьевъ, ихъ группировкой, разнообразіемъ; а здѣсь можно продратъ вездѣ, но деревья стоятъ такъ однообразно, прямо, какъ свѣчки: пихта, лиственница, ель; ель, лиственница, пихта, изрѣдка береза; куда ни взглянешь, вездѣ

этот частоколъ; взглядъ теряется въ печальной безконечности лѣса. Здѣсь всё деревья мѣшаютъ другъ другу расти и ни одно не выпрываетъ насчетъ другого. Въ тропикахъ, если одно дерево убиваетъ жизнь вокругъ, зато разрастется само такъ широко, великолѣпно!

Мы успѣли войти кое въ какія сношенія съ бродячими мангунами, ороча, или, по-сибирски, тунгусами. Къ намъ часто ѣздитъ тунгусъ Аюонька, съ товарищемъ своимъ, Ивановъ—такъ ихъ называли наши. Онъ подряженъ бить лосей или *сохатыхъ*, по-сибирски, и доставлять намъ мясо. Онъ уже убилъ трехъ: всего двадцать пять пудъ мяса. Оно показалось мнѣ вкуснѣе говяжьяго. Онъ бьетъ и медвѣдей. Недавно провозжалъ одного изъ нашихъ по лѣсу на охоту.— «Чего ты хочешь за труды, Аюонька?» спросилъ тотъ его: «денегъ?» — «Нѣтъ», былъ отвѣтъ. — «Ну, коленкору, холста?» — «Нѣтъ». — «Чего же?» — «Бутылочку».

А чѣмъ онъ сражается со звѣрями? Я замѣтила, что всё тѣ, которые отправляются на рыбную ловлю, съ блестящими стальными удочками, съ щегольскимъ краснаго дерева поплавкомъ, и тому подобными затѣями, а на охоту съ выписанными изъ Англiи и Францiи ружьями, почти всегда приходятъ домой съ пустыми руками. Аюонька бьетъ лосей и медвѣдей изъ ружья съ кремнемъ, которое сдѣлалъ чуть ли не самъ, или, можетъ-быть, вымѣнялъ въ старшину у китобоевъ, и которое безпрестанно распадается, такъ что его чинить наши слесаря всякій разъ, какъ онъ возвратится съ охоты. На-дняхъ дали ему хорошее двуствольное ружье, съ пистономъ. Онъ пошелъ въ лѣсъ и скоро воротился. — «Что жъ ты?» спрашиваютъ. — «Возьмите, говоритъ, ружье: не умѣю изъ него стрѣлять». Онъ обѣщаль мнѣ принести медвѣжьихъ шкуръ— «за бутылочку».

Про семейства гиляковъ рассказываютъ, что они живутъ здѣсь зимой при 36° мороза, подъ кустами валежнику, даже матери съ грудными дѣтьми, а захотятъ погрѣться, такъ

разводятъ костры, благо лѣсу много. Ђдятъ рыбу *горбушу* и черемшу (родъ чеснока).

Но ихъ мало, жизни нѣтъ, и пустота вездѣ. Мимо фрегата рѣдко и робко скользятъ въ байдаркахъ полудикіе туземцы. Только Аоонька, доходившій, въ своихъ охотничьихъ подвигахъ, черезъ лѣса и рѣки, и до китайскихъ, и до нашихъ границъ, и говорящій понемногу на всѣхъ языкахъ, больше смѣсю всѣхъ, между прочимъ и нарѣчіями дикихъ, не робѣя, идетъ къ намъ, и всегда норовитъ придти къ тому времени, когда командѣ раздаютъ вино. Кто-нибудь поднесетъ и ему: онъ выпьетъ и не благодаритъ выпивши, не скажетъ ни слова, оборотится и уйдетъ.

Я пробрался какъ-то сквозь чащу и увидѣлъ двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ верхомъ на обоихъ концахъ толстаго бревна, которое понадобилось для какой-то починки на нашихъ судахъ. Одинъ, высокаго роста, красивый, съ покойнымъ, безстрастнымъ лицомъ: это изъ нашихъ. Другой, невысокій, смуглый, съ волосами, похожими, и цвѣтомъ и густотой, на медвѣжью шерсть, почти съ плоскимъ лицомъ и съ выраженіемъ на немъ стоическаго равнодушія: это—изъ туземцевъ. Нашъ пригласилъ его, вѣроятно, вмѣстѣ заняться дѣломъ. Русскій дѣлалъ вырубку на бревнѣ, а туземецъ сидѣлъ на другомъ концѣ, чтобъ оно не шевелилось, и курилъ трубку. Щепки и осколки, какъ дождь, летѣли ему въ лицо и въ голову: онъ мигалъ мѣрно и ровно, не торопясь, всякій разъ, когда горсть щепокъ попадала въ глаза, и не думалъ отворотить головы, также не заботился вынимать осколковъ, которые попадали въ медвѣжью шерсть и тамъ оставались. Русскій рубилъ сильно и глубоко вонзалъ топоръ въ дерево. При всякомъ ударѣ у него отзывалось что-то въ груди. Онъ кончилъ и передалъ топоръ туземцу, а тотъ передалъ ему трубку. Русскій закурилъ и сѣлъ верхомъ на конецъ, а туземецъ сталъ рубить. Щепки и осколки полетѣли въ глаза казаку; онъ, въ свою очередь, сталъ мигать.

Что за плаваніе въ этихъ печальныхъ мѣстахъ! что за климатъ! Лѣта почти нѣтъ: утромъ ни холодно, ни тепло, а вечеромъ положительно холодно. Туманы скрываютъ отъ глазъ чуть не собственный носъ. Вчера палили изъ пушекъ, били въ барабанъ, чтобъ навести наши шляпки съ офицерами на мѣсто, гдѣ стоитъ фрегатъ. Вѣтра большею частію свѣжіе, холодные, тишины почти не бываетъ, а половина іюля!

Но путешествіе идетъ къ концу: чувствую потребность отъ дальняго плаванія полѣчиться — берегомъ. Еще нѣсколько времени, недѣля, другая — и я ступлю на отечественный берегъ. *Dahin! dahin!* Но съ вами увижусь не скоро: мнѣ лежитъ путь черезъ Сибирь, путь широкій, безопасный, удобный, но долгій - долгій! И притомъ Сибирь гостепріимна, Сибирь замѣчательна: можно ли проѣхать ее на курьерскихъ, зажмура глаза и уши? Предвижу, что мнѣ придется писать вамъ не одинъ разъ и оттуда.

Странно однакожъ устроенъ человѣкъ: хочется на берегъ, а жаль покидать и фрегатъ! Но если бъ вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на немъ, такъ не удивились бы, что я скрѣпя сердце покидаю «Палладу»!

VII.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ.

Плаваніе по Охотскому морю. — Кптеловъ. — Петровское зимовье. — Аянскіе утесы и рейдъ. — Сборы въ путь. — Верховая ѣзда. — Восхожденіе на Джунджуръ. — Горы и болота. — Нельканъ и рѣкая Мая. — Якуты и русскіе поселенцы. — Опять верхомъ. — Лѣса и болота. — Юрты. — Телѣги.

Августъ, 1854 года.

Шкуна «Востокъ», съ своимъ, какъ стрѣлы, тонкимъ и стройнымъ рангоутомъ, покачивалась, стоя на якорѣ, между крутыми, но зелеными берегами Амура, а мы гуляли по прибрежному песку, чертили на немъ прутикомъ фигуры, лѣниво посматривали на шкуну и праздно ждали, когда скажутъ намъ трогаться въ путь, сдѣлать послѣдній шагъ огромнаго пройденнаго пути: остается всего какихъ-нибудь пятьсотъ верстъ до Аяна, перваго пристанища на берегахъ Сибири.

Наконецъ, 12 августа, толпа путешественниковъ, и во главѣ ихъ — генераль-губернаторъ Восточной Сибири, высыпали на берегъ. Всѣхъ гостей было болѣе десяти человѣкъ, да слугъ около того, да принадлежащихъ къ шкунѣ

офицеровъ и матросовъ болѣе тридцати человѣкъ. А багажа сколько!

Если все, что грузится въ судно, выложить на свободное мѣсто, то неосторожный человѣкъ непременно подержитъ пари, что это не войдетъ туда—и проиграетъ.

Такъ, когда и мы всё перебрались на шкуну, разсвалил кое-куда багажъ, когда разошлись по угламъ, особенно улеглись ночью спать, то хоть бы и еще взять пароду и вещей. Это та же исторія, что съ чемоданомъ: не вѣрится, чтобы вошло все приготовленное количество вещей, а потомъ окажется, что можно какъ-нибудь сунуть и то, втиснуть другое, третье.

При этомъ конечно обыкновенный, принятый на просторѣ порядокъ нарушается и водворяется другой, не обыкновенный. Въ капитанской каютѣ, напримѣръ, могло помѣститься свободно — какъ привыкли помѣщаться порядочные люди—всего трое, если же потѣсниться, то пятеро. А насъ за столъ садилось въ этой каютѣ одиннадцать человѣкъ, да въ другой, офицерской, шестеро. Не однѣ вещи эластичны!

Для стола приносились, откуда-то съ бака, длинная и широкая доска: однимъ концомъ ее клали на диванъ, а другимъ на какую-то подставку — это и былъ столъ. Тамъ, гдѣ на диванѣ могли сѣсть трое, садилось пятеро, плотно прижавшись другъ къ другу. Одна рука употреблялась для угощенія себя, а другая оставалась позади праздною. Остальные шестеро помѣщались съ другой стороны доски, да еще кто-нибудь скромно стоялъ въ дверяхъ. Прислугѣ оставалось только просовывать въ дверь кончикъ носа и руку съ блюдомъ. Спали на столахъ, на стульяхъ, на лавкахъ.

Едва изслѣдованное, и еще не «положенное на карту», устье Амура усѣяно множествомъ мелей. Если бы эти мели были постоянны, то ихъ изучили бы сразу; но онѣ непостоянны, образуются теченіемъ рѣки, и потому измѣняются

почти каждый годъ. Прибыль и убыль въ этихъ водахъ также не подвергнута цока контролю мореплавателей, и оттого мы частенько становились на мель въ виду какого-нибудь мыса или скалы. Благо, что еще не застало насъ волненіе въ лиманѣ, но и то однажды порядочно поколотило о песокъ, такъ что импровизованный столъ нашъ, и мы сами, сидя за ужиномъ, подскакивали, вопросительно озираясь другъ на друга. Однажды шкуна, стоя на пескѣ, такъ обмелѣла, что принуждены были подпереть ей бока, чтобъ она не расположилась лечь на одинъ изъ нихъ.

Но, слава Богу, однакожь, мы выбрались изъ лимана и, благополучно проскользнувъ между материкомъ Азіи и островомъ Сахалиномъ, вышли въ Охотское море и бросили якорь у песчаной косы, передъ маленькимъ нашимъ поселеніемъ, *Петровскимъ зимовьемъ*.

Въ 1849 году, въ первый разъ военный транспортъ «Байкалъ» рѣшилъ нерѣшенную Лаперузомъ задачу. Онъ послалъ шлюпки, которыя изъ Охотскаго моря прошли въ амурскій лиманъ, и такимъ образомъ оказалось, что Сахалинъ не соединенъ съ материкомъ, какъ прежде думали.

До тѣхъ поръ объ этомъ знали только гиляки, орочане, мангу и другія бродячія племена приамурскаго края, но никакой важности этому не приписывали и потому молчали. Да и теперь не мало удивляются они, что отъ нихъ всячески стараются допытаться, гдѣ устье глубже, гдѣ мельче.

Нашъ рейсъ по проливу, на шкунѣ «Востокъ», между Азіей и Сахалиномъ, былъ всего третій со времени открытія пролива. Эта же шкуна уже ходила изъ Амура въ Аянъ и теперь шла во второй разъ. По этому случаю, лишь только мы миновали проливъ, торжественно, не въ урочный часъ, была положена доска, замѣнявшая столъ, на свое мѣсто; въ каюту, вмѣсто одиннадцати, пришло семнадцать человѣкъ, учредили завтракъ и выпили нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

Мнѣ такъ хотѣлось перестать поскорѣе путешествовать, что я не съѣхалъ съ нашими, въ качествѣ путешественника, на берегъ въ Петровскомъ зимовьѣ и нетерпѣливо ждалъ, когда они воротятся, чтобъ перебѣжать Охотское море, ступить наконецъ на берегъ твердой ногой и быть дома.

Но задулъ жестокой вѣтеръ, сообщенія съ берегомъ не было, и наши пробыли на берегу цѣлыя сутки. Наконецъ тронулись далѣе. Дорогой, для развлечения, намъ хотѣлось принять участіе въ войнѣ и поймать французское, или англійское судно. Однажды завидѣли довольно-большое судно и велѣли править на него. Между тѣмъ зарядили наши шесть пушечекъ, приготовили абордажное оружіе и, вооруженные отвагой, съ сложенными назадъ руками, стали смотрѣть на чужое судно, стараясь угадать по оснасткѣ, чье оно. Флага не было. Баронъ К. счелъ нужнымъ и самъ вооружиться. Онъ появился на палубѣ, съ двумя заряженными пистолетами, опустивъ ихъ, по разсѣянности, дуломъ въ карманъ. Онъ, по разсѣянности же, не замѣтилъ, какъ я вынулъ ихъ оттуда и отдалъ Аванасью, его камердинеру, положить на свое мѣсто. Между тѣмъ судно подняло американскій флагъ; но мы не повѣрили, потому что слышали, какъ англичане въ это время отличались подъ чужими флагами въ разныхъ моряхъ. Мы вызвали шкипера, съ бумагами. Онъ явился, выпилъ рюмку вина и объявилъ, что онъ китоловъ. Этого сорта суда находятъ въ Охотскомъ морѣ огромную поживу и въ иное время заходятъ туда въ числѣ двухсотъ и болѣе.

Разочарованные насчетъ побѣды надъ непріателемъ *), мы продолжали плыть по курсу въ Аянъ. Погода была сѣ-

---

*) Въ это самое время, именно 16-го августа, совершилось между тѣмъ, какъ узнали мы въ свое время, геройское, изумительное отраженіе многочисленнаго непріятеля горстью русскихъ по ту сторону моря, въ Камчаткѣ.

ренькая, но теплая, волненіе небольшое, какое именно намъ было нужно. Обѣды П. Н. М. прекрасныя, общество избранное и веселое, вино, до котораго, впрочемъ, мнѣ никакого дѣла нѣтъ, отличное, сигары—изъ первыхъ рукъ—маншльскія, и состояніе духа у всѣхъ пріятное.

Любезная шкуна старалась, сколько могла, удовлетворить нашему петербургію. Она усердно жгла закупленный, добытый руками ея матросовъ, на Сахалинѣ, уголь, да еще обвѣсилась парусами и бѣжала версты по четырнадцати въ часъ. И горизонтъ ужъ не казался намъ дальнимъ и безбрежнымъ, какъ, бывало, на различныхъ океанахъ, хотя дугообразная поверхность земли и здѣсь закрывала даль и, кромѣ воды и пѣба, ничего не было видно. Но намъ мерещились поля и дома родины, мы вдыхали въ себя сырой морской воздухъ, воображая, что дышимъ ея воздухомъ. Наконецъ, на четвертый день, мы замѣтили на горизонтѣ, не поля, не дома, а какую-то сѣрую, неприступную, грозную стѣну. Это была куча громадныхъ утесовъ.

По мѣрѣ нашего приближенія, они все казались странныѣ, отвѣсныѣ и неприступныѣ. Жилыя и признаковъ нѣтъ; да и какое тутъ можетъ быть жилище? кажется, на этихъ утесахъ и чайкамъ страшно сидѣть. Пустота, голь и вышина, отъ которой духъ занимается, да свистъ вѣтра—вотъ характеръ этого мѣста. Здѣсь бы въ старину хорошо поставить разбойничій замокъ, если бъ было кого грабить, а теперь развѣ неставить батарей. «Вонъ нора, должно-быть, бобра!» замѣтилъ кто-то, указывая на круглую, правильную лазейку въ скалѣ, прорытую почти вровень съ водой.

Вглядыванье въ общій видъ новаго берега или всякой новой мѣстности, освоеніе глазъ съ нею, изученіе подробностей—это привилегія путешественника, награда его трудовъ и такое наслажденіе, передъ которымъ блѣднѣетъ наслажденіе, испытываемое передъ картиной самаго великаго мастера. Посмотрите на толпу путешественниковъ, когда

они медленно подбираются къ новому мѣсту: на горизонтѣ видна еще синяя линія берега, а они всё наверху: равнодушныхъ, отсталыхъ, лѣнливыхъ, сонныхъ нѣтъ. Они стоятъ, не шевелясь, какъ окаменѣлые, молчатъ, какъ нѣмые, и если кто сдѣлаетъ вопросъ, то робко, шопотомъ, и почти никогда не получитъ отвѣта. На лицахъ, сначала напряженное вниманіе, въ глазахъ вопросы, потомъ цѣлая страница мыслей, живыхъ впечатлѣній, удовлетвореннаго или неудовлетвореннаго любопытства. Я, подъ шумокъ, незамѣтно отъ товарищей своихъ, наслаждался, по праву путешественника, и картиной новаго берега, и повѣрялъ свои впечатлѣнія по лицамъ спутниковъ. «Гдѣ же Аянъ?» спрашиваютъ наконецъ нетерпѣливые, отвращая взгляды отъ безжизненныхъ утесовъ, которые недолго изучить.

Какъ берегъ ни красивъ, какъ ни любопытенъ, но тогда только глаза путешественника загорятся огнемъ живой радости, когда они завидятъ жизнь на берегу. Шкуна между тѣмъ, убавивъ паровъ, подвигалась прямо на утесы. Вотъ два изъ нихъ вдругъ посторонились, и намъ открылись сначала два купеческія судна на рейдѣ, потомъ длинное деревянное строеніе на берегу, съ красной кровлей.

Кровля пуще всего говоритъ сердцу путешественника, и притомъ красная: это цѣлая поэма, содержаніе которой—отдыхъ, семья, очагъ—всѣ домашнія блага. Кто не бывалъ Улиссомъ на своемъ вѣку и, возвращаясь издалека, не отыскивалъ глазами Итаки? «Это пакгаузъ», прозаически замѣтилъ кто-то, указывая на дразнившую пась кровлю, какъ будто подслушавъ завѣтныя мечты странниковъ.

Ущелье все раздвигалось и наконецъ намъ представилась довольно узкая ложбина между двухъ рядовъ высокихъ горъ, усѣянныхъ березнякомъ и соснами. Беспорядочно разставленные, съ десятокъ, болѣе нежели скромныхъ домиковъ, стоящихъ другъ къ другу, какъ извѣстная изба на курьихъ ножкахъ, — поочереди появлялись изъ-за зелени;

скромно за ними возникалъ зеленый куполь церкви съ золотымъ крестомъ. На пескъ у самого берега поставлена батарея, направо отъ нея верфь, еще младенецъ, съ остовомъ новаго судна, дальше цѣлый лагерь палатокъ, двѣ-три юрты, и между ними кочки болотъ. Вотъ и весь Аянъ.

Это ни городъ, ни село, ни посадъ, а факторія американской компаніи. Она возникла лѣтъ десять назадъ, для замѣны Охотскаго порта, который неудобенъ, ни съ морской, ни съ сухопутной стороны. Съ моря онъ гораздо открытѣе Аяна, а съ сухого пути дорога отъ него къ Якутску представляетъ множество неудобствъ, между прочимъ, такъ-называемые *Семь хребтовъ*, отраслей Станового хребта, черезъ которые очень трудно пробираться. Трудами преосвященнаго Иннокентія, архіепископа камчатскаго и курильскаго, и бывшаго губернатора камчатскаго, г. Завойки, отысканъ нынѣшній путь къ Охотскому морю и положено основаніе Аянскаго порта.

Этотъ портъ открыть только съ S и вѣтеръ съ этой стороны разводитъ крупное волненіе. Американская компанія имѣетъ здѣсь склады иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ ея судами, и снабжаетъ иностранныя суда разными потребностями: деревомъ, якорями, морскими картами, сухарями, холстомъ и т. п.

Если здѣсь разовьется торговля и приметъ когда-нибудь большіе размѣры, то вѣроятно устроится и брекватеръ или мола, для защиты рейда отъ S вѣтровъ. Теперь же пока это скромный, маленькій уголокъ Россіи, въ десяти тысячахъ пятистахъ верстахъ отъ Петербурга, съ двумястами жителей, состоящихъ, кромѣ командира порта и нѣкоторыхъ служащихъ при конторѣ лицъ съ семействами, изъ нижнихъ чиновъ, командированныхъ сюда на службу казаковъ, и наконецъ, якутовъ. Чиновники компаніи помѣщаются въ домахъ, казаки въ палаткахъ, а якуты въ юртахъ. Казаки исправляютъ здѣсь военную службу, а якуты — статскую.

Первые содержать карауль и смотреть за благочиніемъ; одного изъ нихъ называютъ даже полицеймейстеромъ; а вторые занимаются перевозкой пассажировъ и клади, лѣтомъ на лошадахъ, а зимой на собакахъ. Якуты всѣ осѣдлые и христіане, всѣ одѣты чисто и, сообразно климату, хорошо. И мужчины, и женщины носятъ фризковые капоты, а зимой — олений или нерпичій мѣхъ, вывороченный наизнанку. Отъ русскихъ у нихъ есть всегда работа, слѣдовательно они сыты, и притомъ, я видѣлъ, съ ними обращаются ласково.

«Отдай якорь!» раздалось для насъ въ послѣдній разъ, и сердце замерло, и отъ радости, что ступаешь на твердую землю, чтобъ уже съ нею не разставаться, и отъ сожалѣнія, что прощаешься съ моремъ, чтобъ къ нему не возвращаться болѣе.

Конецъ благополучну бѣгу,
Спускайте, други, паруса!

воскликнулъ бы я, отъ избытка радости, если бъ, въ самомъ дѣлѣ, это былъ конецъ бѣгу. Но десять тысячъ верстъ остается до той красной кровли, гдѣ будешь имѣть право сказать: «я дома!..» Какая огромная Итака и каково нашимъ Улиссамъ добираться до своихъ Пенелопъ! Десять тысячъ верстъ: чего-чего на нихъ нѣтъ! Тутъ цѣлые океаны снѣговъ, болотъ, сухихъ пучинъ и стремнищъ, свои сорокаградусные тропики, вѣчная зелень сосенъ, дикари всѣхъ родовъ, звѣри, начиная отъ черныхъ и бѣлыхъ медвѣдей до клоповъ и блохъ включительно, снѣжные ураганы, вмѣсто качки — тряска, вмѣсто морской скуки — сухопутная, всѣ климаты и всѣ времена года, какъ и въ кругосвѣтномъ плаваніи...

Проберешься ли цѣло и невредимо среди всѣхъ этихъ искушеній? Оттого мы задумчиво и нерѣшительно смотрѣли на берегъ и не торопились покидать гостепріимную шкуну. Богъ знаетъ, долго ли бы мы просидѣли на ней въ виду

красивыхъ утесовъ, если бъ намъ не были сказаны слѣдующія слова: «Господа! завтра шкуна отправляется въ Камчатку, и потому сегодня извольте перебраться съ нею», а куда—не сказано. Разумѣлось, на берегъ.

Но въ Аянѣ, по молодости лѣтъ его, не завелось гостиницы, и потому путешественники, походивъ по берегу, купивъ что надобно, возвращаются обыкновенно спать на корабль. Я посморѣлъ въ недоумѣніи на барона К., онъ на Аванасія, Аванасій на Тимофея, потомъ поглядѣли на князя О., тотъ на Т., а этотъ на кучера Ивана Григорьева, котораго князь О. привезъ съ собою на фрегатѣ Діана, кругомъ Америки.

Люди наши, заслышавъ приказъ, вытащили весь багажъ на палубу и стояли въ ожиданіи, что дѣлать. Между вещами я замѣтилъ зонтикъ, купленный мной въ Англии и валявшійся гдѣ-то въ углу каюты. «Это зачѣмъ ты взялъ?» спросилъ я Тимофея. — «Жаль оставить», сказалъ онъ. — «Брось за бортъ», велѣлъ я: «куда всякую дрянь везти?» Но онъ уцѣпился и сказалъ, что ни за что не броситъ, что эта вещь хорошая и что онъ охотно повезетъ ее черезъ всю Сибирь. Такъ и сдѣлалъ.

Намъ подали шлюпки, и мы, съ людьми и вещами, свезены были на прибрежный песокъ и тамъ оставлены, какъ совершенные Робинзоны. Что толку, что Сибирь не островъ, что тамъ есть города и цивилизація? да до нихъ двѣ, три или пять тысячъ верстъ! Мы поглядывали, то на шкуну, то на строенія, и не знали, куда приклонить голову. Между тѣмъ къ намъ подошелъ какой-то штабъ-офицеръ, спросилъ имена, сказалъ свое, и пригласилъ насъ къ себѣ ужинать, а завтра обѣдать. Это былъ начальникъ порта.

Б. К. ожилъ; облако исчезло съ лица его. «Il y a une providence pour les voyageurs!» воскликнулъ онъ: «много я на своемъ вѣку получалъ приглашеній на обѣдъ или ужинъ, но всегда порознь: и вотъ здѣсь, на пустомъ бе-

регу, среди дикарей — приглашеніе на обѣдъ и ужинъ разомъ!»

Но обѣдъ и ужинъ не обезпечивали намъ крова на приближавшійся вечеръ и ночь. Мы пошли заглядывать въ строснія: въ одномъ лавка съ товарами, но залертая. Здѣсь еще пока такой порядокъ торговли, что покупатель отищеть куща, тотъ отопретъ лавку, отмѣряетъ или отрѣжетъ товаръ и потомъ запретъ лавку опять. Въ другомъ зданіи кто-то помѣщается: есть и постель, и домашнія принадлежности, даже тараканы, но нѣтъ печей. Третій, четвертый дома биткомъ набиты, или обитателями мѣстечка, или опередившими насъ товарищами.

Но, однакожь, кончилось все-таки тѣмъ, что вотъ я живу, у кого — еще и самъ не знаю; на доскахъ постлана мнѣ постель, вещи мои расположены какъ слѣдуетъ, необходимое платье развѣшено, и я сижу за столомъ и пишу письма въ Москву, къ вамъ, на Волгу.

Décidément il y a une providence pour les voyageurs скажу вмѣстѣ съ б. К. Мѣста поочистились, нѣкоторые изъ чиновниковъ генераль-губернатора отправились впередъ, и одинъ изъ нихъ, самый любезный и пріятный изъ чиновниковъ и людей, М. С. В., быстро водворилъ меня, и еще одного товарища, въ свою комнату. Правда, тутъ же рядомъ, черезъ перегородку, стоялъ покойникъ, и я съ вечера слышалъ чтеніе псалмовъ, но это обстоятельство не помѣшало мнѣ самому спать, какъ мертвому.

Черезъ три дня предстояло отправляться далѣе, а мы жили буквально спустя рукава. Насъ всѣхъ, Улиссовъ, раздѣлили на три партіи, чтобъ не встрѣтилось по дорогѣ затрудненія въ лошадяхъ. Одна партія уже уѣхала, другая выѣзжала черезъ день. Оставались мы трое: князь О., Т. и я, да съ нами четверо людей. У князя кучеръ Иванъ Григорьевъ, разсудительный и словоохотливый человекъ, теперь уже съ печатью кругосвѣтнаго путешествія на челѣ,

да Ванюшка, молодой малый, безъ всякаго значенія на лицѣ, охотникъ вскакнуть на лошадь и промчатся куда-нибудь безъ цѣли, да за угломъ, особенно на сѣновалѣ, покурить трубку; съ Т. Витуль, матросъ съ фрегата, и со мною Тимоѳеи, поваръ.

Только по отъѣздѣ третьей партіи, т.-е. на четвертый день, стали мы поговаривать, какъ намъ ѣхать, что взять съ собой и прочее. А выѣхать надо было на шестой день, когда воротятся лошади и отдохнуть. Зимой ѣдутъ отсюда на собакахъ, въ такъ-называемыхъ *нартахъ*, длинныхъ, низенькихъ санкахъ, лежа, по одному человѣку въ каждомъ. Лѣтомъ надо ѣхать верхомъ верстъ двѣсти, багажъ тоже ѣдетъ верхомъ, вьюками. Далѣе, по рѣкамъ Маѣ и Алдану, спускаются въ лодкахъ верстъ шестьсотъ, потомъ сто-восемьдесятъ верстъ опять верхомъ, по болотамъ, наконецъ, остальные верстъ двѣсти-пятьдесятъ, до Якутска, на телѣгахъ.

Еще въ тропикахъ, когда мелькало въ умѣ предположеніе о возможности возвратиться домой черезъ Сибирь, бывшіе въ Сибири спутники говорили, что въ Аякѣ надо бросить всѣ вещи и взять только самое необходимое; а здѣсь теперь говорятъ, что бросать ничего не надобно, что можно увязать на вьючныхъ лошадяхъ все, что ни захочешь, даже книги.

Сказали еще, что если я не хочу ѣхать верхомъ (а я не хочу), то можно ѣхать въ *качку* (сокращенное *качалка*), которую повезутъ двѣ лошади, одна спереди, другая сзади. «Это-де очень удобно: тамъ можно читать, спать». Чего же лучше? Я обрадовался и просилъ устроить качку. Мы съ казакомъ, который взялся дѣлать ее, сходили въ пакгаузъ, купили кожи, ситцу, и казакъ принялся за работу.

«Помилуйте!» начали потомъ пугать меня за обѣдомъ у начальника порта, гдѣ собиралось человѣкъ пятнадцать за столомъ: «въ качкахъ возятъ старухъ или дамъ». Не знаю,

какое различіе полагають собесѣдникъ между дамой и старухой.—«А старика можно?» спросилъ я.—«Можно», говорятъ.—«Ну, такъ я поѣду въ качкѣ».

«Сохрани васъ Боже!» закричалъ одинъ бывалый чело-вѣкъ: «жизнь проклянете! Я десять разъ ѣздилъ по этой дорогѣ и знаю этотъ путь, какъ свои пять пальцевъ. И полверсты не проѣдете, бросите. Вообразите, грязь, бродъ; передняя лошадь ушла по поясъ въ воду, а задняя еще не сошла съ пригорка, или наоборотъ. Не то, такъ передняя вскакиваетъ на мостъ, а задняя задерживаетъ: вы-то въ какомъ положеніи въ это время? Между тѣмъ придется ѣхать по ущельямъ, по лѣсу, по тропинкамъ, гдѣ качка не пройдетъ. «Мученье!»

«Все это неправда», возразила одна дама (тоже бывалая, потому что тамъ другихъ нѣтъ): «я сама ѣхала въ качкѣ и очень хорошо. Лежишь себѣ, или сидишь; я даже вязала дорогой. А верхомъ вы измучитесь по болотамъ; якутскія сѣдла мерзкія»...

«Сѣдло купите здѣсь, у американской компаніи, черкесское: оно и мягко, и широко»...—«Эй, поѣзжайте въ качкѣ»...—«Нѣтъ, верхомъ: спасибо скажете»...—«Не слушайте ихъ»...—«Въ качкѣ на Джукджуръ не подниметесь»...

«Что это такое Джукджуръ?» спросилъ я, ошеломленный этими предостереженіями и поглядывая на всѣхъ.

«Вы не знаете, что такое Джукджуръ?» спросили меня вдругъ всѣ. «Помилуйте, Джукджуръ!..»

«Джукджуръ», началъ одинъ учено-педантически, «по-тунгузски значитъ «большая выпуклость»... — «Такъ вы думаете, что я на эту выпуклость въ качкѣ»...—«Не подниметесь»...—«А верхомъ»...—«Не вѣдете!» отвѣчали всѣ.—«Какъ же быть-то?» — «Пѣшкомъ взойдете, особенно если проводники якуты будутъ сзади поддерживать васъ въ спину». — «А ихъ кто же поддерживаетъ?» — «Они при-выкли». — «Велите подковать себя», посоветовалъ кто-то.

Я мрачно взглянул на собесѣдника, донскиваясь причины обиды. «У якутовъ есть такія подковки для людей», прибавилъ минимй обидчикъ. — «Зачѣмъ подковки? теперь не зима: тамъ щепень, ноги не скользятъ», прибавилъ другой. «Такъ гора очень крутая?» спрашивалъ я. «Да такъ крута», сказала одинъ: «что если бѣ была круче, такъ, ни въ качкѣ, ни верхомъ, ни пѣинкомъ, нельзя было бы взобраться на нее».

Затѣмъ ли я не рискнулъ взобраться на Столовую гору, и вообще обходилъ ихъ всѣ, отказываясь наслаждаться восхитительнѣйшими видами, чтобъ лѣзть на какой-то тунгузскій Монбланъ—поневоля!

«Полноте, это сущая бездѣлица», утѣшалъ меня одинъ, самый бывалый собесѣдникъ: «я разъ восемь спускался и поднимался на гору—ничего. Вотъ только какъ прошедшій годъ спускался въ гололедницу, такъ... того... Надо знать, что вершина у ней въ самомъ дѣлѣ выпуклая, горбомъ, такъ что прямо идти нельзя, а надо зигзагами. Была оттепель, потомъ вдругъ немного подморозило, но такъ, что затянуло снѣгъ только сверху, и то на самой выпуклости. Якутъ хотѣлъ-было подковать меня, но снѣгъ отъ оттепели сдѣлался рыхлъ, можно было провалиться, и я пошелъ безъ подковъ. Пройти по самому выпуклому и трудному мѣсту надо было сажень пятьдесятъ, на перекося; тамъ начинались уже камни и снѣгу не было. Я пошелъ, а ниже меня сажень на десять шель товарищъ. Надо было продавливать питкой слой снѣга, но слегка, чтобъ нога задерживалась только, а не вязла. Я прошелъ, хотя не скоро, но благополучно; оставалось сажень пять; вдругъ пятка моя встрѣчаетъ сопротивленіе: я не успѣваю продавить снѣгъ, срываюсь и лечу... (—«Ухъ», сдѣлалъ я невольно—) прямо на товарища: мы оба на краю пропасти. Онъ въ ужасѣ. Я дѣлаю усиліе и, что есть мочи, вонзаю кулакомъ въ снѣгъ, рука уходитъ по плечо. Я задержался и повисъ. Якуты выручили меня изъ западни».

Утѣшилъ, можно сказать, рассказомъ!

«Я тоже чуть не погибъ тамъ, года три назадъ», сказалъ хозяинъ: «такъ, по своей глупости. Я ѣхалъ съ человѣкомъ въ двухъ нартахъ, третья была съ провизіей. Насъ застала буря на самой горѣ. Вѣтеръ дулъ съ вершины на насъ такъ свирѣпо, что мы стѣснились на полугорѣ въ кучу и не знали, какъ подниматься. Лишь только онъ затихъ немного, якутѣ схватилъ меня за руки и потащилъ на выпуклость. Доведя до полгоры, онъ бросилъ мнѣ топоръ, а самъ воротился за моимъ человѣкомъ. Я поползъ вверхъ, вдругъ порывъ вѣтра... я крѣпко прижался къ землѣ, но чувствую, что силъ нѣтъ, меня тащить съ крутизны, еще минута... Я кое-какъ надавилъ топоръ на снѣгъ, зацѣпился и повисъ; порывъ вѣтра пронесся. Я вздохнулъ свободно и проворно поползъ вверхъ. Еще сажень — и я на вершинѣ: но другой порывъ, сильнѣе прежняго, дунулъ мнѣ прямо въ лобъ и помчалъ наши нарты, съ якутами и оленями, внизъ. Я закрылъ глаза и, почти безъ памяти, налегая на топоръ, прижимался къ горѣ. Мнѣ казалось, что кругомъ меня забѣгали волки и медвѣди, которыхъ много водится въ этомъ мѣстѣ. Вдругъ сзади кто-то хватается меня. «Медвѣдь!» подумалъ я, опустивъ лицо въ снѣгъ. «Нѣтъ, это якутъ Иванъ хочетъ поднять меня». — «Жаль мнѣ тебя стало», говоритъ онъ. Я поправился. — «Поди, спасай другихъ!» сказалъ я, самъ добрался до вершины и, обезсиленный, не чувствуя холода, легъ у первыхъ кустовъ. Черезъ часъ пришли и нарты. Слава Богу, никто не ушибся».

Гдѣ же тутъ «глупость»? подумалъ я.

Тутъ же рассказали мнѣ, что зимой не сходятъ и не стѣзжаютъ, а спалзываютъ съ горы. Оленей отпрыгаютъ и пускаютъ сойти самихъ, а къ нартамъ привязываютъ длинную сосну съ вѣтвями и сталкиваютъ внизъ, съ людьми и съ кладью. Путешественникъ, лежа въ саняхъ и опершись руками и ногами въ стѣйки, раза два обернется головой

вниз — и ничего. Особенно такой спускъ съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, употребителенъ на пути въ Камчатку. Одинъ, ѣдившій туда по службѣ, рассказывалъ, что тунгузь, подѣхавъ къ одному крутому утесу, съ котораго даже собаки не могли бѣжать, отпрягъ ихъ и, одну за другой, побросалъ съ утеса. Путешественникъ пришелъ въ ужасъ, когда очередь дошла и до той нарты, гдѣ онъ лежалъ.

«Стой, стой! что ты?» кричалъ онъ въ отчаяніи изъ окошечка своихъ крытыхъ санокъ. Но тотъ отвѣтилъ ему что-то по-своему и толкнулъ нарту. Прежде нежели проѣзжій успѣлъ опомниться, онъ уже вертѣлся на воздухъ и упалъ въ рыхлый снѣгъ. Потомъ свалился и самъ тунгузь и началъ вытаскивать увязшихъ въ снѣгу собакъ, запрягъ ихъ въ нарты и отправился дальше.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нарты проѣзжаютъ по ледянымъ окраинамъ, въ родѣ карнизовъ, надъ моремъ, такъ что нарты приходится иногда одной стороною полозьевъ скользить по воздуху... Фу, даже гадко слушать!

Между тѣмъ мы гуляли по Аяну, въ ожиданіи лошадей, играли въ карты, даже танцевали. Я ходилъ смотрѣть свою качку. Это небольшая лодка, съ маленькимъ навѣсомъ. Казакъ, въ сараѣ, набравъ гвоздей полонъ ротъ, вынималъ ихъ оттуда по одному и усердно обивалъ качку ситцемъ и кожей.

«А есть ли у васъ переметныя сумы?» спрашивали насъ. — «Что это такое?» — «Вы не знаете, что такое переметныя сумы?» Опять напугаютъ! подумалъ я. — «Слыхалъ», отвѣчалъ я: «это что-то не хорошо: *и нашимъ, и вашимъ...*» — «Совсѣмъ не то; это просто двѣ кожаныя сумки, которыя вѣшаютъ по бокамъ лошади, для провизіи, и вообще для всего, что надо имѣть подъ-рукой». — «А ящики есть?» спросили опять. — «Нѣтъ; а развѣ надо?» — «Какъ же вы повезете вещи? Въ чемоданахъ и мѣшкахъ не довезете: лошадь будетъ драть ихъ и о деревья, и вязнуть въ боло-

тахъ, и... и... и т. д. А въ каждый ящикъ положите по два съ половиной пуда и навьючите на лошадь. Чемоданъ бросьте». — «Зачѣмъ бросать? все возьмите!» замѣтилъ бывалый. — «А зонтикъ можно взять?» спросилъ Тимоѣей, не смотря на мой свирѣпый взглядъ. — «И зонтикъ возьми», былъ отвѣтъ.

«Сары, сары не забудьте кушиты!» — «Это еще что?» — «Сары—это якутскіе сапоги изъ конской кожи: въ нихъ сначала надо положить сѣна, а потомъ ногу, чтобъ вода не прошла; иначе по здѣшнимъ грязямъ не пройдете и не проѣдете. Да вотъ зайдите ко мнѣ, я велю вамъ принести».

И мой любезный хозяинъ М. С. повелъ меня къ себѣ и велѣлъ позвать Александру. Пришла якутка, молодая и, вѣроятно, въ якутскомъ вкусѣ красивая, съ плоскимъ носомъ, съ узенькими, но карими глазами, и яркимъ румянцемъ на широкихъ щекахъ. — «Здравствуй...» тутъ онъ сказалъ что-то по-якутски. — «Что это значитъ?» спросилъ я. — «Прекрасная женщина. Есть сары?» — «Есть». — «Принеси». — «Слушаю», отвѣчала она и черезъ пять минутъ принесла сапоги на слона, съ запахомъ вспогѣвшей лошади и сала, которымъ они и были вымазаны. — «Вынеси, вынеси скорѣй!» закричалъ я. «Ужели ихъ надѣваютъ люди?» спросилъ я М. С. — «И очень порядочные», отвѣчалъ онъ: «и вы надѣнете».

Но я подарилъ ихъ Тимоѣю, который сильно занятъ приспособленіемъ къ сѣдлу мѣшка съ чайниками, кастрюлями, вообще необходимыми принадлежностями своего ремесла, и, кромѣ того, зонтика, на который болѣе всего обращена его внимательность. Кучеръ Иванъ Григорьевъ во все пытливо вглядывался. — «Оно ничего: можно и верхомъ ѣхать, надо только, чтобъ все заведеніе было въ порядкѣ», говоритъ онъ съ важностью авторитета. Ванюшка прилаживаетъ себѣ какую-то щегольскую уздечку и всякій день все уже и уже стягивается кожаныи ремнемъ.

П. А. Т., взявшійся завѣдывать и на сунѣ нашимъ хозяйствомъ, то и дѣло ходить въ пакгаузъ и всякій разъ воротится, то съ окорокомъ, то съ сыромъ, поминутно просить денегъ и рассказываетъ каждый день раза три, что мы будемъ ѣсть, и даже—чего не будемъ. — «Нѣтъ, ужъ курочки и въ глаза не увидите», говоритъ онъ со вздохомъ: «котлетъ и рису, какъ бывало на фрегатѣ, тоже не будетъ. Ахъ, вотъ забылъ: нѣтъ ли чего сладкаго въ здѣшнихъ пакгаузахъ? Сбѣгаю поскорѣй; черносливу или изюму: компотъ можно ѣсть». Схватить фуражку и побѣжить опять.

Наконецъ въ одно, въ самомъ дѣлѣ прекрасное утро, передъ домикомъ, гдѣ мы жили, расположился нашъ караванъ, состоявшій изъ восьми всадниковъ и семнадцати лошадей, считая и вьючныхъ. — «А гдѣ же качка?» спрашиваю я. Одинъ изъ служащихъ улыбается, глядя на меня; а казакъ, который дѣлалъ мнѣ качку, вмѣсто нея, подводитъ осѣдланную лошадь. Гляжу: на ней и черкесское сѣдло, и моя подушка. — «Качки нѣтъ», сказалъ мнѣ Б.: «не поспѣла». Я понялъ, что меня обманули въ мою пользу, за что въ дорогѣ потомъ благодарить не разъ, молча сѣлъ на лошадь и молча поѣхалъ по крутой тропинкѣ въ гору.

Всѣ жители Аяна столпились около насъ: всѣ благословляли въ путь. Ч. и Ф., безъ сюртуковъ, пошли гѣнкомъ проводить насъ съ версту. На одномъ поворотѣ за скалу Ч. сказалъ: — «Поглядите на море: вы больше его не увидите». Я быстро оглянулся, съ благодарностью, съ любовью, почти со слезами. Оно было синее, ярко сверкало на солнцѣ серебристой чешуей. Еще минута и—скала загородила его. *«Прощай, свободная стихія! въ послѣдній разъ...»*

Отъ Аяна ѣдешь по ложбинамъ между горъ, по руслу рѣчекъ и горныхъ ручьевъ, которые въ дожди бурлятъ такъ, что лошади едва переходятъ въ бродъ, уходя по уши. Какое сѣдоку? Немного хуже, чѣмъ лошади. Теперь сухо и

мы едва мочили подошвы, только переправляясь через Алдаму, должны были поднять ноги къ сѣдлу.

Ничего нѣтъ ужаснаго въ этихъ дикихъ пейзажахъ, но печальнаго много. По дорогѣ идетъ густой лиственный лѣсъ; ѣдешь по узенькой, усѣянной пнями тропинкѣ. Потомъ лѣсъ раздвигается и глазамъ является обширное, заброшенное камнями болото, которое въ дожди должно быть непроходимо. Щебенъ составляетъ природное дно рѣчекъ, а крупныя камни набросаны, будто въ видѣ украшеній, съ утесовъ, которые стоятъ стѣной, и мѣстами поросли лѣсомъ, мѣстами голы и дикы. Нигдѣ ни признака жилья, ни встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. По этой дорогѣ человекъ въ первый разъ, можетъ-быть, прошелъ въ 1845 году, и этотъ человекъ, если не ошибаюсь, былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій и курильскій. Онъ искалъ другой дороги къ морю, кромѣ той, признанной неудобною, которая ведетъ отъ Якутска къ Охотску, и проложилъ трактъ къ Аяшу.

По деревьямъ во множествѣ скакали звѣрьки, которыхъ здѣсь называютъ *бурндучками*, то же, кажется, чтò въ книжн, и которыми занималась пристально наша собака, да кучеръ Иванъ. Видѣли взбѣгавшаго по дереву будто бы соболя, а скорѣе черную бѣлку.—«Ахъ, ружье бы, ружье!» закричали мои товарищи.

Дорогу эту можно назвать прекрасною для верховой ѣзды, но только не въ грязь. Мы легко сдѣлали тридцать восемь верстъ и слѣзали всего два раза, одинъ разъ у самаго Аяна, завтракали и простились съ Ч. и Ф., провожавшими насъ, въ другой разъ на половинѣ дороги лежали на травѣ у мостика, а потомъ уже ѣхали безостановочно. Но тоска: якутъ-проводникъ, ѣдущій впереди, ни слова не знаетъ по-русски, пустыня тоже молчитъ, подъ-конецъ и мы замолчали, и часовъ въ семь вечера молча доѣхали до юрты, гдѣ и почевали.

Я думалъ хуже о юртахъ, воображая ихъ чѣмъ-то въ родѣ звѣриныхъ норъ, а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющія стѣну, ставятся вертикально; притомъ она безъ клоповъ и таракановъ, съ двумя каминами; дымъ идетъ въ крышу; лавки чистыя. Мы напились чаю и проспали до утра, какъ убитые.

Еще проѣхали день и ночевали въ юртѣ, у подошвы Джукджура. Я нанялъ двухъ якутовъ сопровождать меня по горѣ и помогать подниматься. Чтò за дорога была вчера! Пустыни, пустыни и пустыни, дѣвственныя, если хотите, но скучныя и унылыя. Мы ѣхали горными тропинками, мимо овраговъ, къ счастью окаймленныхъ лѣсомъ, проѣхали въ бродъ множество рѣчекъ, горныхъ ручьевъ и нѣсколько разъ Алдаму, потомъ углублялись въ глушь лѣсовъ и подолгу ѣхали узенькими дорожками, пересѣкаемыми, или горизонтально растущими сучьями, или до того грязными ямами, что лошадь и сѣдокъ останавливаются въ недоумѣніи, какъ переѣхать или перескочить то или другое мѣсто. И это еще, говорятъ, бездѣлица въ сравненіи съ предстоящими грязями, гдѣ лошадь уходитъ совсѣмъ. — «А что жъ въ это время дѣлаетъ сѣдокъ?» спросилъ я. — «Падаетъ въ грязь», отвѣчали мнѣ.

Видѣли мы по лѣсу опять множество бурундучковъ, опять quasi-соболя, ждали увидѣть медвѣдя, но не видали, видѣли только, какъ якутъ, на станціи, ведя лошадей на кормовище въ лѣсъ, вооружился противъ «могущаго встрѣтиться» медвѣдя ружьемъ, которое было въ такомъ видѣ, въ какомъ только первый разъ выдумалъ его человѣкъ. Лошадямъ здѣсь овса не положено давать, за неимѣніемъ его, зато травы изъ-подъ ногъ—сколько хочешь. По приѣздѣ на станцію, ихъ отведутъ въ лѣсъ и тамъ оставятъ до утра. Лѣсъ по дорогѣ былъ лиственничный, потомъ стала появляться ель, сосна, шиповникъ. Много росло по пути брусники и рябины. Матросъ нашъ набралъ цѣлую кружку первой, а рябину съ

удовольствіемъ ѣлъ кучеръ Иванъ, жалѣя только, что ее не хватило морозцемъ.

Видѣли мы кочевье оленныхъ тунгусовъ, со стадомъ оленей. Тишина и молчаніе сопровождали насъ. Только разъ засвистала какая-то птичка, да, кажется, сама испугалась и замолчала, или иногда вдругъ изъ болота выскакивалъ куликъ, мѣстами въ вышинѣ неслись гуси, или утки, все это пролетные гости здѣсь. Не слышать и насѣкомыхъ.

Вчера мы сдѣлали тридцать-пять верстъ и нисколько не устали. Что будетъ сегодня? Ахъ, Джукджуръ, Джукджуръ: съ ума нейдетъ!

Наконецъ совершилось наше восхожденіе на якутскій, или тунгузскій Монбланъ. Мы выѣхали часовъ въ семь со станціи и ѣхали незамѣтно въ гору, буквально, по оксану камней. Рѣдко-рѣдко гдѣ на полверсты явится земляная тропинка и исчезнетъ. Якутскія лошади малорослы, но сильны, крѣпки, ступаютъ мѣрно и увѣренно. Мнѣ перемѣнили вчерашнюю лошадь, у которой сбились копыта, и дали другую, сильнѣе, съ крупнымъ шагомъ, остриженную à la мужикъ.

Джукджуръ отстоитъ въ восьми верстахъ отъ станціи, гдѣ мы ночевали. Вскорѣ по сторонамъ пошли горы, одна другой круче, сѣрѣе и недоступнѣе. Это какъ будто искусственно-насыпанныя пирамидальныя кучи камней. По виду ни на одну нельзя влѣзть. Однѣ сѣроватыя, другія зеленоватыя, всѣ вообще непривѣтливныя, гордо поднимающія плечи въ небо, неудобостояющія взглянуть внизъ, а только сбрасывающія съ себя каменья.

Я все глядѣлъ по сторонамъ, стараясь угадать, которая же изъ горъ грозный Джукджуръ: вонъ эта, что ли? Да нѣтъ, на эту я не хочу: у ней крутъ скать, и хоть бы кустикъ по бокамъ; на другой крупны очень каменья. Давно я видѣлъ одну гору, какъ стѣну прямую, съ обледенѣвшей снѣжной глыбой, будто вставленнымъ въ перстиѣ алмазомъ, на

самой крутизны. Ну, конечно, не эта, сказалъ я себѣ.—«Гдѣ Джукджурь?» спросилъ я якута.—«Джукджурь!» повторилъ онъ, указывая на эту самую гору, съ ледяной лысиной.—«Какъ же на нее взобраться?» думалъ я.

Между тѣмъ я не замѣтилъ, что мы ужъ давно поднимались, что стало холоднѣе и что намъ осталось только подняться на самую «выпуклость», которая висѣла надъ нашими головами. Я все еще не вѣрилъ въ возможность вѣхаться и войти, а между тѣмъ нашъ караванъ уже тронулся при крикахъ якутовъ. Камни заговорили подъ ногами. Вереницей, зигзагами, потянулся караванъ по тропинкѣ. Двѣ выючныя лошади перевернулись черезъ голову, одна съ моими чемоданами. Ее бросили на горѣ и пошли дальше.

Я шелъ съ двумя якутами, одинъ велъ меня на кушакѣ, другой поддерживалъ сзади. Я садился разъ семь отдыхать, выбирая для дивана камень помпистѣе, иногда клалъ голову на плечо якута. Двое товарищей уже взобрались и съ вершины бросали на ледяную лысину камня. Какъ я завидовалъ имъ! счастливицы! И собакѣ завидовалъ: она ужъ раза три вѣзжала на вершину и возвращалась къ намъ, а теперь, стоя на самой крутой точкѣ выпуклости, лаяла на насъ, досадуя на нашу медленность. А мнѣ еще оставалось шаговъ двѣсти. Каменья катились подъ ногами; якуты дали намъ по палкѣ. Наконецъ, я вошелъ. Меня подгрѣшила рюмка портвейна. Какъ хорошо показалось мнѣ вино, котораго я въ другое время не пью! У одного якута, который велъ меня, пошла изъ носа кровь.

Остальная дорога до станицы была отличная. Мы у рѣчки, на министой почвѣ, въ лѣсу, напились чаю, потомъ ѣхали почти по шоссе, по прекрасной сосновой, березовой и еловой аллеѣ. Встрѣтили красивый каскадъ и груды причудливо разбросанныхъ какъ будто взрывомъ зеленоватыхъ камней.

На Джукджурѣ всего болѣе отличился мой слуга, Тимоѳей. Только-что тронулся на крутизну нашъ караванъ и каменья зажурчали подъ ногами лошадей, вдругъ Тимоѳей рванулся впередъ и понесся въ гору впереди всѣхъ. Онъ обогналъ вьючныхъ лошадей, обогналъ проводниковъ, даже собаку, и все еще, съ распростертыми руками, въ какомъ-то испугѣ, несся неистово въ гору. «Тимоѳей! куда ты? съ ума сошелъ!» кричалъ я, изнемогая отъ усталости: «вѣдь гора велика, успѣешь устать!» Но онъ махнулъ рукой и несся все выше, лошади выбивались изъ силъ и падали, собака, и та высунула языкъ; несся одинъ Тимоѳей. Наконецъ, онъ и наши верховыя лошади вбѣжали на вершину горы и въ одно время скрылись изъ виду. — «Зачѣмъ это ты?» спросилъ я потомъ. «Однажды»... началъ онъ и не могъ продолжать, задохся и уже на станціи разсказалъ. «Зачѣмъ ты бѣжалъ такъ вверхъ?» спросилъ я. Онъ, помолчавъ немного, началъ такъ: «однажды я бѣжалъ изъ Буюкдерэ въ Константинополь и на минуту слѣзъ... а лошадь ушла впередъ съ дороги: такъ я и пришелъ пѣшкомъ, верстъ пятнадцать будетъ»...—«Ну, такъ что жъ?»—«Вотъ я и боялся», заключилъ Тимоѳей: «что, пожалуй, и эти лошади уйдутъ, вбѣжавши на гору, такъ чтобъ не пришлось тоже идти пѣшкомъ».—«Эти лошади уйдутъ!» съ горькимъ смѣхомъ воскликнулъ кучеръ Иванъ. А лошади, взойдя, стали какъ вкопанныя и поникли головами.

27. *Пустая юрта между Челасиномъ и Мамломъ.*

Вы, конечно, не удивляетесь, что я не говорю ни о какихъ встрѣчахъ по дорогѣ? Здѣсь никто не живетъ, начиная отъ Ледовитаго моря до Китайскихъ границъ, кромѣ кочевыхъ тунгусъ, разбросанныхъ кое-гдѣ на этихъ огромныхъ пространствахъ. Даже птицы, и тѣ мимолетомъ здѣсь. Звѣрей, говорятъ, много, но мы, кромѣ бурундучковъ и бѣлокъ, другихъ не видали. И слава Богу: встрѣча съ медвѣдемъ могла бы доставить удовольствіе, а, можетъ-быть, и

нѣкоторую выгоду — только ему одному: насъ она повергла бы въ недоумѣніе, а лошадей въ неистовый испугъ.

Тоска сжимаетъ сердце, когда проѣзжаешь эти нѣмыя пустыни. Спросилъ бы стояція по сторонамъ горы, когда онѣ, и все окружающее ихъ, увидѣло свѣтъ; спросилъ бы что-нибудь, кого-нибудь, поговорилъ хоть бы съ нашимъ проводникомъ, якутомъ: сдѣлаешь заученный по-якутски вопросъ: «*Касъ бироста ямг?*» (сколько верстъ до станціи). Онъ и скажетъ, да не поймешь, или *гра-гра* отвѣтитъ (далеко), или *чресъ* (скоро, тотчасъ), и опять ѣдешь цѣлые часы молча.

Выработанному человѣку въ этихъ невыработанныхъ пустыняхъ пока дѣлать нечего. Надо быть отчаяннымъ поэтомъ, чтобъ на тысячахъ верстъ наслаждаться величіемъ пустыннаго и скукой собственнаго молчанія, или дикаремъ, чтобъ считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшеніе своего жилища, медвѣдей — за товарищей, а дичь — за провизію.

Вчера мы пробыли одиннадцать часовъ въ сѣдлахъ, а съ остановками двѣнадцать съ половиною. Дорога отъ Челасина шла-было хороша, нельзя лучше, даже безъ камней, но верстахъ въ четырнадцати или пятнадцати вдругъ мы вѣхали въ заросшія лѣсомъ болота. Лѣсъ частъ, какъ волосы на головѣ, болота топки, лошади вязли по брюхо и не знали, чтó дѣлать, а мы, всадники, еще меньше. Переѣзжая болото, только и ждешь съ безпокойствомъ, которой ногой оступится лошадь.

Вездѣ мохъ и болото; напрасно вы смотрите кругомъ во всѣ стороны: нѣтъ выхода изъ безконечныхъ тундръ, непроходимыхъ безъ проводника. Горе тому, кто бы самъ собою попробовалъ сунуться въ сторону: дороги нѣтъ, указать ее некому. Болота такъ задержали насъ, что мы не могли доѣхать до станціи и остановились въ пустой, брошенной юртѣ, гдѣ развели огонь, пили чай и ночевали. Холодно

было; вчера летѣла изморось, дуль вѣтеръ, небо мрачное и темное — осень, осень. Наши проводники замѣзли къ намъ погрѣться; мы дали имъ по стакану чаю, хотѣли дать водки, но и у насъ ея нѣтъ: она разбилась на Джукджурѣ, когда перевернулись двѣ лошади, а, можетъ-быть, наша свита какъ-нибудь сама разбила ее... Потомъ якуты повели лошадей на кормовище за рѣчку, тамъ развели огонь и заварили свои два блюда: вареную въ водѣ муку съ масломъ, и муку, вареную въ водѣ, безъ масла.

Кучеръ Иванъ, по своей части, приобрѣлъ замѣчательное свѣдѣніе, что здѣшнія лошади живутъ будто бы по пятидесяти лѣтъ, и сообщилъ объ этомъ намъ. Не знаю, правда ли.

Уже выючатъ лошадей, пора ѣхать, мы еще не сдѣлали вчера сорока версть. Маилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда.

28. Опять пустая юрта.

Что Джукджуръ, что каменная дорога, что горныя рѣчки — въ сравненіи съ болотами! Подъѣзжаете вы къ грязному пространству: сверху вода; проводникъ останавливается и осматриваетъ, нѣтъ ли объѣзда: если нѣтъ, онъ пѣхотя пускаетъ свою лошадь, она, еще болѣе нѣхотя, но все-таки съ резигнаціей, безъ всякаго протеста, осторожно ступаетъ, за ней другія. Вдругъ та остушилась передними, другая задними ногами, а та, и тѣми, и другими. Всадникъ въ безпокойствѣ сидитъ — наготовѣ упасть, если упадетъ лошадь, но упасть какъ можно безопаснѣе. Между тѣмъ лошадь чувствуетъ, что она вязнетъ глубоко: вотъ она начинаетъ дѣлать отчаяныя усилія и порывисто поднимаетъ кверху то крестецъ, то спину, то голову. Хорошо въ это время сѣдоку! Наконецъ, побившись, она ложится на бокъ, ложитесь поскорѣй и вы: оно безопаснѣе. Такъ я и сдѣлалъ однажды.

Мы дотацились до Маила, гдѣ нашли прекрасную новую юрту, о двухъ комнатахъ, опрятную, съ окнами, гдѣ слюда

вмѣсто стеколъ, полъ усыпанъ словыми вѣтками, лавки чистыя, каминъ хоть сейчасъ въ гостиную, только покрасить. Мы ѣхали отъ Манла до здѣшней юрты, всего двадцать верстъ, очень долго: насъ задерживали безпрестанные объѣзды. Это своего рода пытка, вамъ неизвѣстная. Въ лѣсу немного посуше — это правда, но зато ноги уходятъ въ мохъ, вся почва зыблется подъ вами. Вы ѣдете вблизи деревьевъ, третесь о нихъ ногами, вѣтви хлещутъ въ лицо, лошадь ваша то прыгаетъ въ яму и выскакиваетъ стремительно на кочку, то останавливается въ недоумѣніи передъ лежащимъ по дорогѣ бревномъ, наконецъ, перескочить и черезъ него и очутится опять въ топкой ямѣ.

Правду говорили мнѣ въ Аянѣ! Иногда якутъ вдругъ остановится, видя, что не туда завелъ, впереди все одно: непроходимое и безконечное тонкое болото, дорожки не видать, и мы пробираемся назадъ. Пытка! Кучеръ Иванъ пытается утѣшать, говорить, что «никакая дорога безъ лужи не бываетъ, сколько онъ ни ѣзжалъ». Это правда.

Въ Манлѣ намъ дали другихъ лошадей, все такихъ же дрянныхъ на видъ, но вѣрныхъ на ногу, осторожныхъ и крѣпкихъ. Якуты ласковы и внимательны: они насъ буквально на рукахъ снимаютъ съ сѣдель и сажаютъ на нихъ; иначе бы не влѣзть на сѣдло, потомъ на подушку, да еще въ дорожномъ платьѣ.

Погода вчера чудесная, нынче хорошее утро. Развлеченій никакихъ, развѣ только наблюдаешь, какая новая лошадь попалась: кусается ли, лягается, или просто лѣзнится. Онѣ иногда лукавятъ. Въ этихъ уже нѣтъ той резигнаціи, какъ по ту сторону Станового хребта. Если сѣдло ѣздитъ и надо подтянуть подпругу, лошадь надуетъ брюхо — и подтянуть нельзя. Иному достанется горячая лошадь; вонъ такая досталась Тимоою. Лошадь начинаетъ горячиться, а кастрюли, привязанныя у него къ сѣдлу, звенѣтъ. Прочіе по этому случаю острятъ, особенно кучеръ Иванъ.

Этотъ Иванъ очень своеобразенъ и съ трудомъ отступать отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, но словоохотливъ и услужливъ. Онъ между прочимъ съ гордостью разсказывалъ, какъ король Сандвичевыхъ острововъ, глядя на его бороду и особенное платье, принялъ его за важное лицо и пожалъ ему руку. Однажды, когда къ вечеру стало холоднее, князь О. спросилъ свой тулупъ. «Да далеко закладено въ чемоданы и зашито», сказалъ Иванъ. «Неправда, онъ долженъ быть въ мѣшкѣ», сказалъ к. О.: «покажи!»— «Никакъ нѣтъ, въ чемоданѣ», утверждалъ кучеръ, показывая мѣшокъ. — «А это что у тебя въ мѣшкѣ?» спросилъ тотъ. — «Да это, кто ее знаетъ, шкура какая-то». — «Посмотрите!» сказалъ намъ к. О.: «онъ змѣиную шкуру изъ Бразиліи положилъ поближе, а тулупъ запряталъ!»— «Да я думалъ, что шкуру-то можно и выбросить», сказалъ Иванъ: «а тулупчика-то жаль». — «Вотъ этакъ же», замѣтилъ к. О.: «онъ везъ у меня пару кокосовыхъ орѣховъ до самаго Охотскаго моря: хорошо, что я увидалъ во-время, да выбросилъ, а то онъ бы и ихъ въ чемоданы спряталъ». — «Зачѣмъ это ты, Иванъ Григорьевъ, везъ орѣхи?» спросилъ я. «Они понравились тебѣ — вкусны?» — «Нѣтъ, какое вкусно!» отвѣчалъ онъ съ величайшимъ презрѣніемъ: «это все пустое! А я везъ ихъ по той причинѣ, что въ Москвѣ видѣлъ, въ лавкѣ за этакіе орѣхи просили по пяти цѣльковыхъ за штуку, такъ думалъ, сбуду ихъ туда».

Нелканъ, 29 августа.

Вчера, въ восьмомъ часу вечера, насили дотащились послѣднюю станцію верхомъ. Сорокъ верстъ ѣхали и отдыхали всего полтора часа на половинѣ дороги, въ лѣсу. Скучно, хотя по лѣсу встрѣчалось такъ много дичи, что даже досадно на ея дерзость. Тетерева просто гуляютъ подъ ногами у лошадей, вальдшнепы вылетали изъ каждаго куста, утки полоскались въ каждой лужѣ. — «Какъ жаль, что

нѣтъ ружья!» сказалъ кто-то.—«Какъ нѣтъ, есть два, славнѣйшія ружья».—«А порохъ есть?»—«И порохъ, и дробь, и пули».—«Такъ что же не стрѣляемъ? давай!» — «Далеко спрятаны, на днѣ чемодана», сказалъ Иванъ Григорьевъ.— «А змѣнюю шкуру держать подъ рукой!» упрекнулъ к. О.—«Шкуру недолго и бросить», оправдывался Иванъ.—«А кокосы напрасно не взять», замѣтилъ я ему: «въ самомъ дѣлѣ можно бы выгодно продать...» — «Оно точно, кабы взять штукъ сто, такъ бы денегъ можно было много выручить», сказалъ Иванъ, принявшій серьезно мое замѣчаніе.

Отъ Майльской станціи до Нельканской идутъ все горы и горы — цѣлые хребты; надо переправиться черезъ нихъ, но изъ нихъ двѣ только круты, остальные отлоги. Да и съ крутыхъ-то горъ никакими кнутами не заставишь лошадей идти рысью: тутъ онѣ обнаруживаютъ непоколебимое упорство. Горы эти — все вѣтви Станового хребта, къ которому принадлежитъ и Джукджуръ. У подошвы каждой горы стелется болото; и какъ ни суха, какъ ни хороша погода, но болота эти никогда не высыхаютъ: они или мерзнутъ, или грязны. Болота коварны тѣмъ, что поросли мхомъ и травой, и вы не знаете, по колѣно ли, по брюхо, или по морду лошади глубока лужа. «Охъ!» вырвется у того или другого, среди мучительнаго молчанія, въ продолжительномъ и изворотливомъ пробирании между кочекъ, лужъ и кустовъ.

Наконецъ вчера пріѣхали въ Нельканъ и переправились черезъ Маю, услышали говоръ русскихъ бабъ, мужиковъ. А съ якутами разговоръ не ладится; только Иванъ Григорьевъ безпрестанно говоритъ съ ними, а какъ и о чемъ — неизвѣстно, но они довольны другъ другомъ.

Въ Нельканѣ нѣсколько юртъ и нѣсколько повенскихъ домиковъ. Къ намъ навстрѣчу вышли станціонный смотритель и казакъ Малышевъ; одинъ звалъ пить чай, другой—

ужинать, и оба угостили прекрасно. За ужиномъ были славныя зеленныя щи, языки и жареная утка. Въ домѣ, принадлежащемъ американской компаніи, которая имѣетъ здѣсь свой пакгаузъ съ товарами (больше съ бумажными и другими матеріями и т. п. нужными для края предметами, которыми торговля идетъ порядочная), комната просторная; въ окнахъ слюда вмѣсто стеколъ: свѣтло и, говорятъ, тепло. У смотрителя станціи тоже чисто, просторно; къ русскимъ печамъ здѣсь прибавили якутскіе каминныя или чувалы: отъ такого русско-якутскаго тепла, пожалуй, вопреки пословицѣ, «заломитъ и кости».

Мы отлично уснули и отдохнули. Можно бы ѣхать и ночью, но не было готоваго хлѣба, надо ждать до утра, иначе намъ, въ числѣ семи человѣкъ, трудно будетъ про довольствоваться по станціямъ на берегахъ Маи. Теперь предстоитъ ѣхать шестьсотъ верстъ рѣкой, а потомъ опять сто-восемьдесятъ верстъ верхомъ по болотамъ. Есть и почтовые тарантасы, но всѣ предпочитаютъ ѣхать верхомъ по этой дорогѣ, а потомъ до Якутска на колесахъ, всего тысячу верстъ. Всего!

Мая извивается игриво, песчанья мели выглядываютъ такъ гостепріимно, какъ-будто говорятъ: «мы васъ задержимъ, задержимъ»; лѣсъ не темный и не мелкій частоколъ, какъ на болотахъ, но замѣтно покрупнѣлъ къ рѣкѣ; сталь чаще являться осинникъ и соснякъ. Всему этому несказанно обрадовался Иванъ Григорьевъ. «Вонъ осинничекъ, вонъ соснячокъ!» говорилъ онъ привѣтливо, указывая на знакомыя деревья.—Лодка готова, хлѣбъ выпеченъ, мясо взято—ѣдемъ. Теперь платить будемъ прогоны по числу людей, т. е. сколько будетъ гребцовъ на лодкахъ.

30 и 31 августа. Нельзя начать плаванія при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, какъ начали мы. Погода была великолѣпная, теплая. Рѣка, съ каждымъ извивомъ и оборотомъ, дѣлалась пріятнѣе, берега или отлогіе, лѣсистые,

или утесистые. Лодка мчится съ неизвѣрной быстротой. Мы промчались двадцать восемь верстъ въ два часа и прибыли на станцію *Ватана* или *Ватанга*. Дорогой, накопецъ, достали изъ чемодана ружье, послѣ, однакожь, многихъ возраженій со стороны Ивана Григорьева, и отдали Ванюшкѣ. Онъ застрѣлялъ утку, подстрѣлялъ много еще, но нельзя было ихъ достать. Издалека завидимъ мы ихъ, онѣ мчатся по теченію, мы перегоняемъ, онѣ улетаютъ, а если остаются, то дорого платятъ за оплошность.

На *Ватангѣ* живетъ очень смысленный старикъ, Петръ Маньковъ, съ женой, въ хижинѣ. Все это переселенцы. Они стараются прививать хлѣбопашество, но мало средствъ и земля не вездѣ удобна. Отчасти промышленяютъ звѣрями. Отъ *Ватанги* до *Семи Протоковъ* четырнадцать верстъ. Мы до Семи Протоковъ сдѣлали быстрый переходъ. Но погода стала портиться: подулъ холодокъ, когда мы въ темнотѣ пристали къ станціи и у пылавнаго костра застали якутовъ и русскихъ мужиковъ и бабъ; послѣднія очень красивы, особенно одна дѣвушка, лѣтъ шестнадцати. Мы вошли въ ихъ бѣдную избу, пили чай и слушали рассказы о трудностяхъ и недостаткахъ, съ какими впрочемъ неизбѣжно сопряжено первоначальное водвореніе въ новомъ краю. Въ избѣ и около избы толпились ребятишки, съ голыми ногами, грудью и даже съ голымъ брюхомъ. Мы дали имъ двѣ рубашки и мальчишки съ гордостью и радостью надѣли ихъ. Благодарностямъ не было конца.

Пока мы сидѣли въ избѣ, задулъ вѣтеръ, повалилъ хлопьями снѣгъ, словомъ вьюга, или по-здѣшнему «пурга». Мужики стали просить подождать до луны, иначе темно ѣхать, говорили они: трудно, много мелей. Мы согласились, но пошли спать въ лодку, чтобъ тронуться тотчасъ же, лишь взойдетъ луна. Ночью во снѣ я почувствовалъ, что какъ будто ѣду опять верхомъ, скачу опять по рытвинамъ: это потащили насъ по рѣкѣ. Холодъ разбудилъ меня; мы на

мели. Якуты, стоя по колѣни въ рѣкѣ, сталкивали лодку съ мели, но ихъ усилія натолкнули лодку еще больше на мель, и вскорѣ мы увидѣли, что стоимъ основательно, безъ надежды сдвинуться нашими силами. Наши люди вооружились: кто шестомъ, кто весломъ, и стали толкаться: все напрасно.

«Никакъ нельзя!» въ одинъ голосъ сказали всѣ.

До станціи было еще семь верстъ. Мы послали одного изъ русскихъ проводниковъ туда, привести лодку почтовую, а сами велѣли Тимоѣю готовить обѣдъ: щи, вчерашнюю утку. На носу была набросана земля и постоянно горѣлъ огонь. Скоро задымилась кастрюля и черезъ часъ мы обѣдали, знаете, какъ обѣдаютъ на станціяхъ, въ рощѣ, на пикникѣ и т. п. Кто ѣлъ изъ кружки, кто изъ чашки, на сундукѣ, на подставкѣ. Когда нужно столъ, обыкновенно говорили Ивану Григорьеву: «чтобъ былъ столъ». — «Слушаю», отвѣчалъ Иванъ и отправлялся въ лѣсъ: черезъ четверть часа передъ нами стоялъ столъ. Въ одной юртѣ не было ни оконъ, ни двери. Сказано Ивану Григорьеву, чтобъ была дверь и окно. «Слушаю», сказалъ онъ и окна заткнулъ потниками отъ лошадей, а дверь такъ приладилъ, что на утро отворить было нельзя, а надобно было выколотить.

Наконецъ, уже въ четыре часа явились люди со станціи снимать насъ съ мели, а между прочимъ мы, въ ожиданіи ихъ, снялись сами. Отчего же просидѣли часа четыре на одномъ мѣстѣ — осталось неизвѣстно. Мы живо пріѣхали на станцію. Тамъ встрѣтили насъ бабы, съ ягодами (брусникой), съ капустой и съ жалобами на горемычное житье-бытье: обыкновенный пригѣвъ!

Станція называется *Маймаканъ*. Отъ нея двадцать двѣ версты до станціи *Икменда*. Сейчасъ ѣдемъ. На горахъ не оттаялъ вчерашній снѣгъ; вѣтеръ дуетъ осенній; небо скучное, мрачное; рѣчка потеряла веселый видъ и опечалилась,

какъ печалится вдругъ рѣзвое и милое дитя. Пошли опять то горы, то просѣки, острова и долины. До *Иктенды* проѣхали въ темнотѣ, лежа въ каютѣ, со свѣчкой, и ничего не видали. Отъ холода коченѣли ноги.

Отъ Иктенды двадцать восемь верстъ до *Тертильской* и столько же до *Цъндандинской* станціи, куда мы и прибыли часу въ восьмомъ утра, проѣхавъ эти 56 верстъ въ совершенной темнотѣ и во снѣ. Погода все одна и та же, холодная, мрачная. *Цъндандинская* станція состоитъ изъ бѣдной юрты, безъ оконъ. Здѣсь, кажется, зимой не бываетъ станціи и оттого плоха и юрта, а можетъ-быть, живутъ тунгусы.

Тунгусы—охотники, оленные промышленники и ямщики. Они возятъ зимой на оленяхъ, но, говорятъ, эта ѣзда во все не такъ пріятна, какъ на Невѣ, гдѣ какой-то выходецъ изъ Архангельска каталъ публику: издали все вѣдь кажется или хуже, или лучше, но во всякомъ случаѣ иначе, нежели вблизи. А здѣсь ѣзда на оленяхъ даже опасна, потому что Мая становится неровно, съ полыньями, да кромѣ того олени падаютъ во множествѣ, не выдерживая гоньбы.

Печальный, пустынный и скудный край. Какъ ни пробуютъ, хлѣбъ все плохо родится. Дальше, къ Якутску, говорятъ, лучше: и населеніе гуще, и хлѣбъ богаче, порядка и труда больше. Не знаю; посмотримъ. А тутъ, какъ поглядишь, нѣтъ даже сѣнокосовъ; отъ болотъ топко; сѣна мало и скотъ пропадаетъ. Овощи роятся очень хорошо, и на всякой станціи, начиная отъ Нелькана, можно найти капусту, морковь, картофель и проч.

Якуты, народъ съ широкими скулами, съ маленькими глазами, такимъ же носомъ; бороду выщипываютъ; смуглые и съ черными волосами. Они, должно быть, южнаго происхожденія и родня какимъ-нибудь манчжурамъ. Всѣ они христіане, у всѣхъ мѣдные кресты; всѣ молятся; но гово-

рять про нихъ, что они не соблюдаютъ постановленій церкви, т. е. постовъ. Да и трудно соблюдать, когда нечего ѣсть. Они ѣдятъ что попало, бѣлокъ, конину и всякую дрянъ; выпрашиваютъ также у русскихъ хлѣба. Русскіе всѣ старообрядцы, всѣ переселенцы изъ-за Байкала. Но всюду здѣсь водруженъ крестъ, благодаря стараніямъ Иннокентія и его предшественниковъ.

Чабда, станція, 2-го сентября.

Мы все еще плывемъ по Маѣ, но холодно: вѣтеръ изъ осенняго превратился въ зимній; падаетъ снѣгъ; руки коченѣютъ, ноги тоже. Лѣса по берегамъ желтые; по рѣкѣ несутся падшіе листья; все печально. Послѣ завтрака посмотришь, посмотришь, да и ляжешь опять спать, а послѣ обѣда опять. Станціи пошли русскія. Якуты здѣсь только ямники; они получаютъ жалованье, а русскіе опредѣлены содержателями станцій и получаютъ всѣ прогоны, да еще отъ казны дается имъ по два пуда въ мѣсяцъ хлѣба на мужика и по одному на бабу. Они обязаны содержать въ исправности данныя имъ отъ казны почтовые лодки. Прогонны платятъ по 1¹/₂ коп. сер. съ человѣка. Всѣхъ станцій по Маѣ двадцать-одна, по тридцати, тридцати-пяти и сорока верстъ каждая. У русскихъ можно найти хлѣбъ; родятся овощи, капуста, морковь, картофель, брюква, кое-гдѣ есть коровы; можно имѣть и молоко, сливки, также рыбу, похожую на сига. На нѣкоторыхъ станціяхъ, на примѣръ, въ Аймѣ, и вообще тамъ, гдѣ есть конторы американской компаніи, можно доставать говядину.

Рѣка, чѣмъ ниже, тѣмъ глубже, однако мы сядились раза два на мель: ночью я слышалъ смутно шумъ, возню; якуты бросаются въ воду и тащатъ лодку. Вчера одинъ изъ гребцовъ кричитъ къ намъ въ дверь каюты: «Ваше высокоблагородіе! а ваше высокоблагородіе!»—«Ну?» сказалъ я. То-

варищи мои спали.—«Можно ревить?»—«Если это тебѣ нравится, пожалуй, только ты перебудить всѣхъ. Зачѣмъ?»—«Станокъ (станція) близко: не видно, гдѣ пристать; тамъ слышать, огонь зажгутъ». — «Ну, реви!» По рѣкѣ понеслись фальцетто, медвѣжки басы—ужасъ! И это повторяется каждую ночь, когда подъѣзжаемъ къ станціи.

Да, это путешествіе не похоже уже на роскошное плаваніе на фрегатѣ: спишь, одѣтый, на чемоданахъ; ремни врѣзались въ бока, кутасешься въ пальто: стѣнки нашей каюты выстроены, какъ балаганъ; щели въ палецъ; вѣтеръ сквозить и свищетъ—все *à jour*, а слава Богу, ничего: могло бы быть и хуже.

Сегодня Иванъ Григорьевъ просунулъ къ намъ голову: «Не прикажете ли бросить этотъ камень?» Онъ держалъ какой-то красивый, пестрый камень въ рукѣ.—«Какъ можно! это надо показать въ Петербургѣ: это замѣчательный камень, изъ Бразиліи...» — «Вѣлья некуда дѣвать», говорилъ Иванъ Григорьевъ: «много мѣста занимаетъ. И что за камень? хоть бы для точила годился!»

Отъ Чабдинской станціи тянется сплошной, каменный высокій берегъ, версты на три, представляющій природную, какъ будто нарочно отдѣланную набережную. Рѣка здѣсь широка, будетъ съ нашу Оку; но берегамъ всюду мелкій лѣсъ. Мужики—все переселенцы изъ-за Байкала. Хлѣбъ здѣсь принимается порядочно, но мужики жалуются на прожорливость бурундучковъ, тѣхъ маленькихъ лѣсныхъ звѣрковъ, въ родѣ мышей, которыми мы любовались въ лѣсахъ. Русскіе не хвалятъ якутовъ, говорятъ, что они плохіе работники.—«Дай хоть цѣлковый въ день, ни за что пахать не станеть». Между тѣмъ они на греблѣ работаютъ безъ усталы, тридцать и сорокъ версть, и чуть станемъ на мель, сейчасъ бросаются съ голыми ногами въ воду тащить лодку, несмотря на рѣзкій холодъ. Переселенцевъ живетъ по одной, по двѣ и по три семьи. Женщины красивы, высоки

ростомъ, стройны и съ пріятными чертами лица. Всѣ изъ-за Байкала, отчасти и съ Лены.

Усть-Маи, Алданская слобода. 3-го сентября.

Мы пока кончили водяное странствіе. Сегодня сдѣлали послѣднюю станцію. Я опять цѣлый день любовался на трехъ станціяхъ природной каменной набережной изъ плитняка. Ежели бѣ такая была въ Петербургѣ, или въ другой столицѣ, искусству нечего было бы прибавлять, развѣ чугунную рѣшетку. Рѣка, разливаясь, оставляетъ по себѣ слѣдъ, кладя слоями легкія замѣтки. Особенно хороши эти замѣтки на глинистомъ берегу. Глина крѣпка, и слои — какъ ступени: издали весь берегъ похожъ на деревянную лѣстницу.

Лѣтомъ плаваніе по Маѣ — чудесная прогулка: острова, мысы, березнякъ, тальникъ, ельникъ, все это со всѣхъ сторонъ замыкаетъ вашъ горизонтъ; все живописно, игриво, недостаетъ только селъ, городовъ, деревень; но они будутъ — нѣтъ сомнѣнія. Чѣмъ ниже спускались мы по Маѣ, тѣмъ болѣе переселенцы хвалили свое житье-бытье. Вездѣ строятъ на станціяхъ избы, вездѣ огородъ первый бросается въ глаза; снопы конопли стоятъ сжатые. Тунгусы начинаютъ перенимать. Вчера уже на одной станціи, *Урядской* или *Уряжской*, хозяинъ съ большимъ семействомъ, женой, многими дѣтьми, благословлялъ свою участь, хвалилъ, что хлѣбъ родится, что надо только работать, что изъ конопли они дѣлаютъ себѣ одежду, что чего недостаетъ начальство снабжаетъ всѣмъ: хлѣбомъ, скотомъ; что онъ всѣмъ доволенъ, только недостаетъ одного...» — «Чего же?» спросили мы. — «Коншки», сказалъ онъ: «послѣднее отдалъ бы за конку: такъ мышъ одолѣваешь, что ничего нельзя положить, рыбу ли, дичь ли, ушкана ли (зайца) — все жретъ».

Мы вездѣ, гдѣ намъ предложить канусты, моркови, молока, все беремъ съ величайшимъ удовольствіемъ и щедро

платимъ за все, лишь бы поддерживалась охота въ переселенцахъ жить въ этихъ новыхъ мѣстахъ, лишь бы не оставяла ихъ надежда на сбытъ своихъ произведеній. Желательно, чтобъ всё проѣзжіе по мѣрѣ силъ поддерживали эту надежду. Сегодня мы съ к. О. пошли изъ слободы пройтись, зашли въ лѣсъ и встрѣтили двухъ якутовъ съ корзиной. Въ корзинкѣ была дичь: два тетерева, утка и прекрасная большая рыба.—«Куда вы идете?» спросили мы.—«Не толкуй», сказали они, т.-е. не знаемъ по-русски.—«А это кому?» спросили мы, показывая на дичь и рыбу.—«Торгуй», т.-е. покупай, отвѣчали они. Я ихъ послалъ на нашу квартиру, гдѣ у нихъ все купили и заплатили, что они хотѣли, за что я и былъ браненъ распорядителемъ нашихъ расходовъ, П. А. Т.

По случаю этихъ покупокъ, наша лодка походила немного на китайскую джонку. Вверху лежала дичь и овощи (на крышкѣ бесѣдки), на носу говядина, тамъ же тлѣлъ огонь и дымилась кастрюля. Эту фламандскую картину дополняла собака, которая виляла хвостомъ, норовя стащить плохо положенный кусокъ. Въ одной юртѣ она и такъ отличилась: якуты не имѣютъ ни полокъ, ни поставцовъ, какъ русскіе, и ставятъ свои чашки и блюда подъ лавкой. Они успѣли встрѣтить насъ и спрятали туда остатки своего ужина. Пока мы усаживались, собака очистила всё ихъ чашки.—«И дѣльно: не ставь снѣдь подъ лавку!» замѣтилъ Иванъ Григорьевъ.

Одно неудобно: у насъ много людей. У троиxъ четверо слугъ. Довольно было бы и одного, а то они мѣшаютъ другъ другу и лѣнятся.—«У нихъ ужъ завелась лакейская», говоритъ справедливо к. О., а это хуже всего. Ихъ не добудишься, не дозовешься, лѣнятся, спать, надѣясь одинъ на другого; курятъ наши сигары.

Сегодня, возвращаясь съ прогулки, мы встрѣтили молодую крестьянскую дѣвушку, очень недурную собой, но съ

болѣзненной блѣдностью на лицѣ. Она шла въ пустую, вновь строящуюся избу. — «Здравствуй! ты нездорова?» спросили мы. — «Была нездорова: голова съ мѣсяць болѣла, теперь здорова», бойко отвѣчала она. — «Какая же ты красавица!» сказали кто-то изъ насъ. — «Ишь, что выдумали!» отвѣчала она: — «вотъ войдите-ка лучше посмотрѣть, хорошо ли мы строимъ новую избу?»

Мы вошли: печь не была еще готова; она клалась изъ необожженныхъ кирпичей. Потолокъ очень высокъ; три большія окна по фасаду и два на дворъ, словомъ, большая и свѣтлая комната. — «Начальство велитъ дѣлать высокія избы и большія окна», сказала она. — «Кто жъ у васъ дѣлаетъ кирпичи?» — «Кто? я дѣлаю, еще отецъ». — «А ты умѣешь дѣлать мужскія работы?» — «Какъ же, и бревна рублю, и пашу». — «Ты хвастаешься!» Мы спросили брата ея, правда ли? — «Правда», сказалъ онъ. — «А мнѣ не повѣрили, думаете, что вру: врать не хорошо!» замѣтила она. — «Я шью и себѣ, и семьѣ платье, и даже обутки (обувь) дѣлаю». — «Неправда. Покажи башмакъ». Она показала препорядочно сдѣланный башмакъ. — «Здѣсь мѣста привольныя», сказала она: «только рабстай, не лѣнись; рожь славная родится, особенно озимая, конопля; и скотинѣ хорошо — все. Вина нѣтъ, мужикъ не пьетъ; мы славно здѣсь поправились, а пришли безъ гроша. Теперь у насъ корова съ теленкомъ, лошадь; понемногу заводимся. Вотъ новую-то избу хотимъ подъ станокъ (станцію) отдать».

Вина въ самомъ дѣлѣ пока въ этой сторонѣ нѣтъ — непьющіе этому рады: всѣ, поневолѣ, ведутъ себя хорошо, не разоряются. И мы рады, что наше вино вышло (разбилось на горѣ, говорятъ люди) только П. А. жалобно по вечерамъ проситъ рюмку вина, жалуясь, что забнетъ. Но безъ вина рѣшительно лучше, нежели съ нимъ: и люди наши трезвы, пьютъ себѣ чай и, слава Богу, никто не боленъ, даже чуть ли не здоровѣс.

Мы здѣсь нашли исправника. Онъ послалъ за лошадьми и впередъ далъ знать, чтобъ была подстава. Опять верхомъ, опять болота и топи! Утѣшаютъ, что тутъ дорога лучше—дай Богъ! Можно, говорятъ, ѣхать верхомъ только верстъ восемьдесятъ, а дальше на колесахъ. Но лучше ли трястись на телѣгахъ, нежели верхомъ — не знаю. А другихъ экипажей здѣсь нѣтъ. Мы сдѣлали восемьсотъ верстъ: двѣсти верхомъ; да шестьсотъ по Маѣ: остается до Якутска четыреста верстъ. А тамъ Леной три тысячи верстъ, да отъ Иркутска шесть тысячъ—странныя цифры! Надо спѣшить изъ Якутска сѣсть въ лодку на Ленѣ никакъ не позже десятаго сентября, иначе не доберешься до Иркутска до закрытія рѣки.

Въ тѣсу, на тундрѣ, 5-го сентября.

Мѣчи нѣтъ, опять болота одолѣли! Лошади уходятъ по брюхо. Якутъ говорятъ: «всяко бываетъ, и падаютъ; лучше пѣшкомъ или *тышкьюемъ*», какъ онъ пренѣжно произноситъ. «Весной здѣсь все вода, все вода», далѣе говоритъ онъ: «почтальонъ ѣхалъ, нельзя ѣхать, слѣзъ *тышкьюемъ* шелъ по грудь, холодно, озябъ, очень *сердился*».

Мы вторую станцію ѣдемъ отъ Устьмая или Алданскаго селенія. Вчера сдѣлали тридцать одну версту, тоже по болотамъ, но тѣ болота ничто въ сравненіи съ нынѣшними. Станція положена, по ихъ милости, всего семнадцать верстъ. Мы вѣтали со свѣтомъ, поѣхали еще по утреннему морозу; лошади скользятъ на каждомъ шагу; онѣ не подкованы. К. О. говоритъ, что онѣ тверже копытами, оттого будто, что овса не ѣдятъ.

Товарищи мои и вьюки всѣ уѣхали впередъ; я оставилъ только своего человѣка и, гдѣ чуть сносно—ѣду, гдѣ худо—иду. Большая дорога—корыто грязи. Проводникъ, со всею якутскою учтивостью, отламываетъ отъ дерева сукъ, отрубаетъ ножомъ вѣтви и подаетъ мнѣ носохъ. Сегодня мы

ночевали въ юртѣ. Чтò это за наказаніе! Дрянныя бревна едва сколочены, щели заклеены бумагой, лавки покрыты сѣномъ, да каминъ, отъ огня котораго некуда дѣваться. Зато мы вчера пили чай съ дамами, съ якутскими. Мы ихъ позвали сѣсть съ собою за столъ, а мужчинъ оставили, гдѣ они были, въ углу. Якутки были въ высокихъ остроконечныхъ шалкахъ изъ оленьей шкуры, въ бѣломъ балахонѣ и въ знаменитыхъ *саракхъ*. По этой причинѣ мы всѣ пятались отъ нихъ. Двѣ изъ нихъ — молодыя. Имъ налили чаю; онѣ сняли шапки, поправили волосы и перекрестились, взявъ стаканы. Одна принесла намъ молока. Здѣсь есть уже коровы. Но до свиданія: пора, пора, опять по кочкамъ!

Пока я писалъ въ лѣсу и осторожно обходилъ болота, товарищи мои, подождавъ меня на станкѣ, уѣхали впередъ, оставивъ мнѣ чаю, сахару, даже мяса, и увезли съ тюками мою постель, бѣлье и деньги. Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, воротился к. О., встрѣтившій на дорогѣ исправника. Послѣдній (г. Атласовъ, потомокъ Атласова, одного изъ самыхъ отважныхъ покорителей Камчатки) былъ такъ добръ, что нарочно ѣздилъ впередъ заготовить намъ лошадей. Съ слѣдующей станціи можно, хотя съ нуждою, ѣхать въ телѣгѣ. Есть всего одна телѣга: ее оставляютъ мнѣ, а прочіе ѣдутъ верхомъ.

Вотъ я одинъ, съ человѣкомъ, въ самобѣднѣйшей юртѣ, со множествомъ щелей, между якутами, въ ихъ семействѣ. Я принять очень хорошо. Въ каминъ подложили дровъ, уступили мнѣ передній уголь, принесли молока. Не разговорчивы только: что ни спросишь, только и отвѣчаютъ «не толкуй», т.-е. не знаю. Дико, бѣдно и... неопратно, хотѣлъ было сказать, но оглядываюсь: ни одного таракана и ничего другого... Правду сказать, какъ и ужитья насѣкомому тамъ, гдѣ стѣнки состоятъ изъ одинокихъ бревенъ безъ конопатки, едва кое-гдѣ замазанныя глиной? Каминъ горитъ постоянно, покуда потушатъ; въ юртѣ все равно, что на

дворѣ. Ахъ, скорѣе бы выбратся изъ этихъ нежилыхъ, безмолвныхъ мѣстъ! Тоска: на разстояніи тридцати верстѣ ни живой души, ни встрѣчи съ человѣкомъ, ни жилища на дорогѣ, ни даже самой дороги! Лѣсъ и болото. Дорога отсюда, говорятъ, идетъ хуже: ужели хуже этой, что была на сегодняшнихъ семнадцати верстахъ? До Якутска еще около трехсотъ-пятидесяти верстѣ. Нѣтъ, видно не понасть мнѣ на Лену до льда; придется ждать зимняго пути въ Якутскѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по этому тракту была бы уже давно колесная дорога, если бь... были проѣзжіе: но ихъ такъ мало, и то случайно, что издержки и труды, по устройству дороги, не вознаграждаются ничѣмъ.

Здѣсь, на станціи, уже замѣтно обиліе. У хозяина есть четыре или пять коровъ и столъ покрытъ красной тряпкой.

6-го сентября. Сегодня проѣхали тридцать одну версту, и все почти на рысяхъ. Мнѣ дали необыкновенно покойную, неспотыкливую лошадь. Хотя дорога несравненно лучше вчерашнихъ семнадцати верстѣ, но мѣстами было такъ худо, что изъ рукъ вонъ! Ъдете по прекрасной тропинкѣ, вдругъ сажень на сто болото. Когда я вышелъ сегодня изъ юрты садиться на лошадь, все было покрыто вышавшимъ ночью снѣгомъ. Я недоумѣвалъ, какъ же намъ ѣхать? Всѣ рытвины, ямы и кочки прикрыты снѣгомъ — коварно прикрытый обманъ! А вышло лучше: не видишь, такъ и не думаешь. Сомнѣнія и ожиданія дурного тревожатъ болѣе, нежели самое дурное: я думаю, это всѣ испытываютъ на каждомъ шагу.

Въ лѣсу, на семнадцатой верстѣ, лошадь ямщика захотѣла отдохнуть, а я позавтракать. Вся трава была мокрая отъ снѣга и лечь на нее было нельзя. Я нашелъ въ лѣсу оставленную кѣмъ-то нару (сани) и легъ на нее, какъ на диванъ; кругомъ пустыня. Впрочемъ, что такое пустыня: сосновый да еловый лѣсъ, да по временамъ горы и болота!

Отъѣзжайте версть за тридцать отъ Петербурга или отъ Москвы куда-нибудь въ лѣсъ—и вы будете точно въ такой же пустынѣ; вообразите только, что кругомъ никого нѣтъ версть на тысячу, какъ я воображаю, что здѣсь поблизости живутъ.

Сегодня, задолго до захожденія солнца, при разгулившейся погодѣ, пріѣхали мы на станцію, не знаю какую — названія чудовищныя. Кругомъ коровы, лошади, и между прочимъ — телѣга; у главной юрты есть службы, хозяйственный видъ порядка и довольства. Телѣга приготовлена для меня. Товарищи мои уѣхали сегодня утромъ впередъ. Здѣсь видны уже признаки колесъ. Юрта здѣсь получше, только вездѣ щелей много, да сверху изъ-подъ крыши все что-то сыплется на голову, должно-быть мыши возятся. Двѣ якутки хлопочутъ около какой-то кастрюли. По платью ихъ не отличишь отъ мужчинъ, только и можно узнать по серьгамъ. Ямщики ужинаютъ. Огонь трещитъ, искры летятъ во всѣ стороны, такъ что страшно заснуть.

7-го сентября. Кажется, я раскланялся съ верховой ѣздой. Вотъ ужъ другую станцію ѣду въ телѣгѣ, или *скатъ*, какъ ее называютъ здѣсь и русскіе и якуты, не знаю только на какомъ языкѣ. Телѣга какъ телѣга, только гораздо больше, длиннѣе и глубже обыкновенной. Когда я сѣлъ сегодня въ нее, какимъ диваномъ показалась она мнѣ послѣ верховой ѣзды! Вы думаете, если въ телѣгѣ, такъ ужъ мы ѣхали по дорогѣ, по колеямъ: отнюдь нѣтъ; просто по тропинкамъ, да по мерзлымъ кочкамъ, или цѣликомъ по травѣ. Взглянувъ на такую дорогу, непременно скажешь, что по ней ни пройти, ни проѣхать нельзя, но проскакать можно; и якутъ скакалъ во всю прыть, такъ что духъ замираетъ. Мнѣ сдѣлали изъ ремней такъ-называемый *плѣтъ*: ѣдешь точно въ дормезѣ, не тряхнетъ!

Другую станцію, *Ичугей - Муранскую*, везъ меня Егоръ Петровичъ Бушковъ, мѣщанинъ, имѣющій четыре лошади

и нанимающійся ямщикомъ у подрядчика, якута. Онъ и живеть съ послѣднимъ въ одной юртѣ; тутъ и жена его, и дѣти. Изъ дверей выглянула его дочь, лѣтъ одиннадцати, хорошенькая дѣвочка, совершенно русская. — «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ я. — «Матрѣной», сказалъ отецъ. «Она не говоритъ по-русски», прибавилъ онъ. — «Мать у нея якутка? Не эта ли?» спросилъ я, указывая на какое-то существо, всего меньше похожее на женщину. — «Нѣтъ, русская; а мы жили все съ якутами, такъ вотъ дѣти по-русски и не говорятъ». Охъ, еще сильна у насъ страсть къ иностранному: не по-французски, не по-англійски, такъ хоть по-якутски пусть дѣти говорятъ! Отчего Егоръ Петровичъ Бушковъ живеть на Ичугей-Муранской станціи, отчего нанимается у якута и живеть съ нимъ въ юртѣ — это его тайны, къ которымъ я ключа не нашель.

Я только-было похвалилъ юрты за отсутствіе насѣкомыхъ, какъ на прошлой же станціи столько увидѣлъ таракановъ, сколько никогда не видалъ ни въ какой русской избѣ. Я не рѣшился войти. Здѣсь то же самое, а я ночую! Но, кажется, тутъ не одни тараканы: ужели это отъ нихъ я ворочаюсь съ боку на бокъ?

Итакъ, сегодня я сдѣлалъ пятьдесятъ четыре версты. Лошадей нѣтъ: всѣхъ забрали товарищи. Они, какъ я узналъ отъ ямщиковъ, сдѣлали одну станцію въ тельгахъ, а дальше поѣхали верхомъ. Здѣсь предпочитаютъ ѣхать верхомъ всѣ стовосемьдесятъ верстъ до *Амгинской* слободы, заселенной русскими; хотя можно ѣхать только семьдесятъ семь верстъ, а дальше на тельгѣ, какъ я и сдѣлалъ. Только не требуйте колен, а поѣзжайте болышею частью по тропинкѣ, или цѣликомъ по болоту, которое усѣяно поросшими травой кочками, очень похожими на сжатые и связанные снопы ржи. Оно довольно красиво: тельга подпрыгиваетъ, якутъ ѣдетъ рысью тамъ, гдѣ нашъ ямщикъ задумался бы проѣхать шагомъ.

Дорога идетъ все оживленнѣе. Кое-гдѣ есть юрты уже не изъ однихъ бревенъ, а обмазанныя глиной. Видны стога сѣна, около пасутся коровы. У Егора Петровича ихъ десять.

Лѣсъ идетъ разнообразнѣе и крупнѣе. Огромныя сосны и ели, часто надломившися живописно, падаютъ на сосѣднія деревья. Травы обильны.—«Сѣна-то, сѣна-то! никто не косить!» безпрестанно восклицаетъ съ соболѣзнованіемъ Тимоѣей, хотя ему десять разъ сказано, что тутъ некому косить.—«Даромъ пропадаетъ!» со вздохомъ говоритъ онъ.

Большихъ горъ нѣтъ, но мы ѣдемъ все у подножія холмовъ, усѣянныхъ крупнымъ лѣсомъ. Безпрестанно встрѣчаются якуты; они тихій и вѣжливый народъ: сѣзжаютъ съ холмовъ, съ дороги, чтобъ только раскланяться съ проѣзжимъ. Отъ Амги шесть станцій до Якутска, но тамъ уже колесная ѣзда, даже есть на станціяхъ тарантасы. Нѣтъ сомнѣнія, что будетъ ѣзда и дальше по аянскому тракту. Все годъ отъ году улучшается; разставлены версты; назначено строить станціонные дома. И теперь, посмотрите, какія горы срыты, какія непроходимыя болота сдѣланы проходимыми! Сколько трудовъ, терпѣнія, вниманія—на такихъ пространствахъ, куда никто почти не ѣздитъ, гдѣ никто почти не живетъ! Если бъ видѣли наши столичные чиновные львы, какъ здѣшніе служащіе (и самъ генераль-губернаторъ) скачутъ по этимъ пространствамъ, они бы покраснѣли за свои, такъ-называемые *неусытные* труды.. А можетъ-быть и не покраснѣли бы!

—

Амгская станція. 8-го сентября.

Не вѣришь, что ѣдешь по Якутской области, куда, бывало, вѣронъ костей не занасивалъ — такъ оживлены поля хлѣбами, ячменемъ, и даже мы видѣли вершокъ пшеницы, по ржи нѣтъ. Хлѣбъ уже въ снопахъ, сѣно въ стогахъ. День великолѣпный. Заслышавъ нашъ колокольчикъ у рѣчки, вдругъ впередъ отъ насъ бросилось въ испугъ еще непри-

вычное здѣсь къ этимъ звукамъ стадо лошадей; только очутившаяся между ними корова, съ удивленіемъ, казалось, глядѣла, чего онѣ такъ испугались. Воль, съ продѣтымъ кольцомъ въ носу, везшій якутку, вдругъ уперся и поворотилъ морду въ сторону, косясь на нашъ поѣздъ.

Въ девяти верстахъ отъ *Натарской* станціи мы переправились черезъ рѣчку *Аму*, впадающую въ *Маю*, на паромѣ первобытной постройки, т.-е. на десяткѣ связанныхъ лыками бревенъ и больше ничего, а между тѣмъ на немъ стояла телѣга и тройка лошадей.

На другой сторонѣ я нашелъ свѣжихъ лошадей и быстро помчался по отличной дорогѣ, т.-е. гладкой луговинѣ, но безъ колеи: это еще была послѣдняя верховая станція. Далѣе поля все шли лучше и богаче. По сторонамъ видны были юрты; на поляхъ свозили ячмень въ снопы и сѣно на волахъ, запряженныхъ въ длинныя сани—да, сани, нужды нѣтъ, что безъ снѣгу. Искусство дѣлать колеса видно еще не распространилось здѣсь повсюду, или для кочекъ и болотъ сани оказываются лучше — не знаю: Егоръ Петровичъ не могъ сказать мнѣ этого. — «Исправные (богатые) якуты живутъ здѣсь», сказалъ онъ только въ отвѣтъ на замѣчаніе мое о богатствѣ стороны. — «А ржи не сѣютъ?» спросилъ я. — «Нѣтъ-съ». — «Что жъ они ѣдятъ?» — «А ячменную муку: пекутъ изъ нея лепешки съ масломъ и водой, варятъ эту муку». — «А за *Амгинской* слободой тоже сѣютъ?» — «Нѣтъ, тамъ не сѣютъ: забнетъ очень хлѣбъ, тамъ холодно». — «Да вѣдь всего разницы верстъ тридцать или сорокъ будетъ». — «Точно-съ, и сами не надивимся этому». — «Ловится ли рыба въ рѣчкѣ *Амгѣ*?» — «Какъ же-съ, разная, только мелкая».

О дичи я не спрашивалъ, водится ли она, потому что не проходило ста шаговъ, чтобъ изъ-подъ ногъ лошадей не выскочилъ то глухарь, то рябчикъ. Послѣдніе летали стаями по деревьямъ. На озерахъ, въ двадцати саженьяхъ, плеска-

лись утки.—«А есть звѣри здѣсь?» спросилъ я.—«Никакъ нѣтъ-сь, не слыхать: ушкановъ только много, да вотъ бурндучки еще». — «А медвѣди, волки?...» — «И не видать совсѣмъ».

Вотъ поди же ты, а Петръ Маньковъ на Маѣ сказывалъ, что ихъ много, что вотъ, слава Богу, красный звѣрь уляжется скоро, и не страшно будетъ жить въ лѣсу.—«А что тебѣ красный звѣрь сдѣлаеть?» спросилъ я. — «Какъ что? по бревнышку всю юрту разнесеть». — «А развѣ разносилъ у кого-нибудь?» — «Никакъ нѣтъ, не слыхать». — «Да ты видывалъ краснаго звѣря тутъ близко?» — «Никакъ нѣтъ. Богъ миловалъ».

Мы быстро доѣхали до Амгинской слободы. Она разбросана на двухъ-трехъ верстахъ; живутъ все якуты, большею частью въ избахъ, не совсѣмъ русской, но и не совсѣмъ якутской постройки. Красная тряпка на столѣ подъ образами рѣшительно начинаетъ преобладать и намекаетъ на Европу и цивилизацію. Въ Амгѣ она уже — не тряпка, а кусокъ краснаго сукна. Содержатель станціи, изъ казаковъ, очень холодно объявилъ мнѣ, что лошадей нѣтъ: товарищи мои всѣхъ забрали. — «А лошадей-то надо», сказалъ я. — «Нѣтъ», холодно повторилъ онъ. — «А если я опоздаю въ городъ», еще холоднѣе сказалъ я: «да меня спросятъ, отчего я опоздалъ, а я скажу оттого-моль, что у тебя лошадей не было...» Хотя казакъ не зналъ, кто меня спросить въ городѣ и зачѣмъ, я самъ тоже не зналъ, но однакожъ это подѣйствовало.—«Вы не накушаетесь ли чаю здѣсь?» — «Можетъ-быть, а что?» — «Такъ и коней-то излажу». Я согласился и пошелъ къ священнику. Въ слободѣ есть деревянная церковь во имя Спаса Преображенія. Священниковъ трое; они объѣзжаютъ огромныя пространства, съ требами. Въ самой слободѣ всего около шестисотъ душъ.

Все сдѣлалось, какъ сказалъ казакъ: черезъ часъ я мчался такъ, что духъ захватывало. На одной тройкѣ, въ «скатѣ»,

я, на другой мой выюки. Часа через полтора мы примчались на *Крестовскую* станцію.—«*Однако* лошадей нѣтъ», сказалъ мнѣ русскій якутъ. Надо знать, что здѣсь дѣлають большое употребленіе, или, вѣрнѣе, злоупотребленіе изъ *однако*, какъ я замѣтилъ. «*Однако* подои корову», вдругъ, ни съ того, ни съ сего, говоритъ одинъ другому русскій якутъ: онъ русскій родомъ, а по языку якутъ. Да Егоръ Петровичъ самъ, встрѣтивъ въ слободѣ какого-то человѣка, вдругъ заговорилъ съ нимъ по-якутски.—«*Это* якутъ?» спросилъ я.—«Нѣтъ, русскій, родной мой братъ».—«Онъ знаетъ по-русски?»—«Какъ же, знаетъ».—«Такъ что жъ вы не по-русски говорите?»—«Обычай такой...»

Крестовская станція похожа больше на ферму, а вся эта Амгинская слобода, съ окрестностью, на какую-то нѣмецкую колонію. Славный скотъ, женщины вѣздятъ на быкахъ; юрты чистенькія (если не упоминать о блохахъ).

«*Однако* лошадей надо», сказалъ я.—«Нѣту», отвѣчалъ русскій якутъ.—«А если я опоздаю пріѣхать въ городъ», началъ я: «да меня спросятъ, отчего...» и я повторилъ остальное. Опять подѣйствовало. Явились четверо якутовъ, настоящихъ якутскихъ якутовъ, и живо запрягли. Подъ выюки заложили три лошади и четвертую привязали сзади, а мнѣ только пару.—«Отчего это?» спросилъ я.—«Ту на дорогѣ припряжемъ», сказали они.—«Ну, я пойду немного пѣшкомъ», сказалъ я и пошелъ по прекрасному лугу, мимо огромныхъ сосенъ.—«Нельзя, баринъ: лошадь-то коренная у насъ съ мѣста прыгаетъ козломъ, на дорогѣ не остановишь».—«Пустое, остановишь!» сказалъ я и пошелъ. Долго еще слышалъ я, что *Заттѣй* (какъ называлъ себя, и другіе называли его), тоже русскій якутъ, управивалъ меня сѣсть. Я прошелъ съ версту и вдругъ, слышу, за мной мчится бѣшеная пара; я раскаялся, что не сѣлъ; остановить было нельзя. *Заттѣй* (вѣроятно *Закхей*) направилъ ихъ на лугъ и на дерево, онѣ стали. Я сѣлъ; лошади вдругъ стали во-

рочать назадъ; телѣга затрещала, *Затѣй* терялся; приближали якуты; лошади начали бить; наконецъ ихъ распрягли и привязали одну къ загородкѣ, ограждающей болото; она рванулась; гнилая загородка не выдержала и лошадь помчалась въ лѣсъ, унося съ собою на веревкѣ почти цѣлое бревно отъ забора.

«Теперь не поймашь ее до утра, а лошадей нѣтъ!» съ отчаяніемъ сказалъ *Затѣй*. Мнѣ стало жаль его; виновать былъ одинъ я. «Ну, нечего дѣлать, я останусь здѣсь до разсвѣта, лошади отдохнутъ, и мы поѣдемъ», сказалъ я.

Онъ просіялъ радостью, а я огорчился тѣмъ, что надо сидѣть и терять время. «Нечего дѣлать, готовь бифштексъ, ставь самоваръ», сказалъ я Тимоѣю. — «А изъ чего?» мрачно отвѣчалъ онъ: «провизія съ выюками ушла впередъ». Я еще больше опечалился и продолжалъ сидѣть въ отпряженной телѣгѣ, съ поникшей головой. «Чай готовить?» спросилъ меня Тимоѣй. — «Нѣтъ», мрачно отвѣчалъ я. Якуты съ любопытствомъ посматривали на меня. Вдругъ ко мнѣ подходитъ хозяйскій сынъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, говорящій по-русски. «Баринъ», сказалъ онъ робко. — «Ну!» угрюмо отозвался я. — «У насъ есть утка, сегодня застрѣлена, не будешь ли ужинать?» — «Утка?» — «Да, и рябчикъ есть». — Мнѣ не вѣрилось. — «Гдѣ? покажи». Онъ побѣжалъ въ юргу и принесъ и рябчика, и утку. «Еще сегодня они оба въ лѣсу гуляли». — «Рябчикъ и утка, и ты молчалъ! Тимоѣй! смотри: рябчикъ и утка...» — «Знаю, знаю», говорилъ Тимоѣй: «я ужъ и сковороду чищу». Черезъ часъ я ужиналъ отлично. Якутъ принесъ мнѣ еще двѣ пары рябчиковъ и тетерева на-завтра.

9-го сентября. «Однако, есть лошади?» спросилъ я на *Ыралахской* станціи... «Коней нѣту», былъ отвѣтъ. — «А если я опоздаю, да въ городѣ спросать» и т. д. «Коней нѣтъ», повторилъ русскій якутъ.

Дорога была прекрасная, т. е. грязная, слѣдовательно

для лошадей очень нехорошая, но сѣдоку мягко. Вездѣ луга и сѣно, а хлѣба нѣтъ; изъ города привозятъ. Видѣлъ якутку, одну наконецъ хорошенькую, и конечно кокетку.

Замѣтивъ, что на нее смотрять, она то спрячется за копну сѣна, которое собирала, то за морду вола, и такъ лукаво выглядываетъ изъ-за роговъ...

Сосны великолѣпныя, по нимъ и около ихъ по землѣ стелется мохъ, который ѣдятъ олени и курятъ якуты, въ прибавокъ къ махоркѣ. «Хорошо, славно!» сказалъ мнѣ одинъ якутъ, подавая свою трубку: «покури». Я бы охотно уклонился отъ этой любезности, но неучтиво. Я покурить: странный, но не неприятный вкусъ, наркотическаго ничего нѣтъ.

Еще я попробовалъ вчера гдѣ-то кирпичнаго чаю: тоже наркотическаго мало; похоже на какую-то лѣкарственную траву. Когда я подскакалъ на двухъ тройкахъ къ *Бра-лахской* станціи, съ противоположной стороны подскакала другая тройка; я еще издали видѣлъ, какъ она неслась. Коренная мчалась нахально, подымая шею, пристяжныя мотали головами, то опуская ихъ къ землѣ, то поднимая, какъ какія-нибудь отчаянные кутилы. Онѣ сошлись съ моими лошадьми и дружески обнюхались, а мы, т. е. сѣдоки, обмѣнялись взглядами, потомъ поклонами. Это былъ засѣдатель. «Лошадей вотъ пѣтъ», сейчасъ же пожаловался я. Онъ оборотился къ старостѣ и сказалъ ему что-то по-якутски. Я такъ и ждалъ, что меня оба они спросятъ: *parle vous yacouth?* и кажется, покраснѣлъ бы, отвѣчая: *non, mes-sieurs.*

Потомъ засѣдатель сказалъ, что лошади только что приѣхали и дѣйствительно измучены, что «лучше вамъ подождать до свѣта, а то ночью тутъ гористо» и т. п.

Нечего дѣлать: засѣдатель — авторитетъ въ подобныхъ случаяхъ, и я покорился его рѣшенію. Мы принялись за чай. «У меня есть рябчики, и свѣжіе», сказалъ я.—«А!»

значительно сдѣлалъ засѣдатель: «а у меня огурцы», прибавилъ онъ.—«А!» еще значительно сдѣлалъ я.—«У меня есть говядина», сказалъ я, больше затѣмъ, чтобъ узнать, что есть еще у него. — «У меня — бѣлый хлѣбъ». — «Это очень хорошо; у меня есть черный...»—«Прекрасно!» замѣтилъ собесѣдникъ.—«Да человекъ вчера просыпалъ въ него лимонную кислоту: ѣсть нельзя. Но зато у меня есть англійскіе супы, въ презервахъ», добавилъ я.—«Очень хорошо», сказалъ онъ: «а у меня вино...»—«Вино!» Тутъ я долженъ былъ сознаться, что противъ него я—пасъ.

Онъ ѣхалъ цѣлымъ домикомъ и началъ вынимать изъ такъ-называемаго и всѣмъ вамъ извѣстнаго «погребца» чашку за чашкой, блюдечки, ножи, вилки, соль, маленькіе хлѣбцы, огурцы, наконецъ покинувшій насъ другъ — вино. «А у меня есть», окончательно прибавилъ я: «поваръ».

VIII.

ИЗЪ ЯКУТСКА.

Ураса.—Станціонный смотритель.—Ночлегъ на берегу Лены.—Перевозъ.—Якутскъ.—Сборы въ дорогу.—Мѣховое платье.—Русскіе миссіонеры.—Переводъ св. писанія на якутскій языкъ.—Якуты, тунгусы, карагаули, чукчи.—Чиновники, купцы.—Проводы.

Было близко сумерекъ, когда я, съ человѣкомъ и со всѣмъ багажомъ, по песку, между кустовъ тальника, подѣхалъ на двухъ тройкахъ, въ телѣгахъ, къ берестяной юртѣ, одиноко-стоящей на правомъ берегу Лены.

У юрты встрѣтилъ меня старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, въ мундирѣ станціоннаго смотрителя, со шпагой. Я думалъ, что онъ тутъ живетъ, но не понималъ, отчего онъ встрѣчаетъ меня такъ торжественно, въ шпагѣ, руку подъ козырекъ, и глазъ съ меня не сводить. «Вы смотритель?» кланяясь, спросилъ я его. «Точно такъ, изъ дворянъ», отвѣчалъ онъ. Я еще поклонился. Такъ вотъ отчего онъ при шпагѣ! Оставалось узнать, зачѣмъ онъ встрѣчаетъ меня съ такимъ почетомъ: не принимаетъ ли за кого-нибудь изъ своихъ начальниковъ?

Это обстоятельство осталось, однакожъ, безъ объясненія: можетъ-быть, онъ сдѣлалъ это по привычкѣ встрѣчать про-

бзжихъ, а можетъ-быть и съ цѣлью щегольнуть дворянствомъ и шпагой. Я узналъ только, что онъ тутъ не живетъ, а остановился на ночлегъ и завтра ѣдетъ дальше, къ своей должности, на какую-то станцію.

«А вы куда изволите: *однако* въ городъ?» спросилъ онъ. «Да, въ Якутскъ. Есть ли перевозчики и лодки?»

«Какъ не быть! *Куда дѣвается?* Вотъ перевозчики!» сказалъ онъ, указывая на толпу якутовъ, которые стояли поодаль.

«А лодки?» спросилъ я, обращаясь къ нимъ. — «Якуты *не слышатъ* по-русски», перебилъ смотритель и спросилъ ихъ по-якутски. Тѣ зашевелились, нѣкоторые пошли къ берегу, и я за ними. У пристани стояли четыре лодки. Отъ юрты до Якутска считается девять верстъ: пять водой и четыре берегомъ.

«Мнѣ надо засвѣтло поспѣть на ту сторону», сказалъ я.

«*Чего* не поспѣть, поспѣете!» замѣтилъ смотритель и опять спросилъ перевозчиковъ по-якутски, во сколько времени они перевезутъ меня черезъ рѣку. «Часа въ три, говорятъ, перевезутъ».

«Что вы: да вѣдь черезъ три часа ночь будетъ!» возразилъ я.

«Извольте видѣть, доложу вамъ», началъ онъ: «сей годъ вода-то очень низка: оттого много острововъ и мелей; гдѣ прежде напрямикомъ ѣхали, тутъ ѣдутъ между островами».

«Гдѣ же рѣка?» спросилъ я, глядя на безконечное, разстилавшееся передъ глазами пространство песковъ, луговъ и кустовъ.

«А вотъ она и есть», сказалъ смотритель, указывая на луга, пески и на протокъ, сажень въ пять шириной, на которомъ стояли лодки. «Это-то все острова», прибавилъ онъ.

«Лена, значить, шире къ той сторонѣ, къ нагорной, какъ Волга», заключилъ я про себя.

Смотритель опять сталъ разговаривать съ якутами и успо-

коилъ меня, связавъ, что они перевезутъ меньше нежели въ два часа, но что тамъ берегомъ четыре версты ѣхать мнѣ будетъ не на чемъ, надо посылать за лошадьми въ городъ.

«А тамъ есть какая-нибудь юрта, на томъ берегу, чтобъ можно было переждать?» спросилъ я.

«Однако нѣтъ», сказалъ онъ: «кусты есть... Да почто вамъ юрта?»—«Куда же чемоданы сложить, пока лошадей приведутъ?»—«А на берегу: чтò имъ достъется? А не то, такъ въ лодкѣ останутся: не *азойно* будетъ» (т. е. не тяжело).

Я задумался: провести ночь на пустомъ берегу вовсе не занимательно; посылать ночью въ городъ за лошадьми взадъ и впередъ восемь верстъ — когда будешь подъ кровлей? Я повѣрилъ свои сомнѣнія старику.

«Тамъ берегомъ дорога хорошая, ни грязи, ни ямъ нѣтъ», сказалъ онъ: «славно пѣшкомъ идти».

«Человѣкъ мой города не знаетъ: онъ не найдетъ ни лошадей, ни гостиницы», возразилъ я.

«Однако гостиницы нѣтъ въ Якутскѣ», перебилъ смотритель.

«Какъ нѣтъ: гдѣ же я остановлюсь?» спросилъ я, испуганный новымъ, неожиданнымъ обстоятельствомъ.

«Извольте послать вашу подорожную въ управу: сейчасъ квартиру отведутъ; обязаны».

«*A tout malheur remède*», замѣтилъ я почти про себя.

«Чего изволите?»

«Нѣтъ, это я такъ, по-якутски обмолвился. Вотъ чтò, г. смотритель: я разсудилъ, что если я теперь поѣду на ту сторону, мнѣ все-таки раньше полночи въ городъ не попасть. Надо будить всѣхъ. Не лучше ли мнѣ ночевать здѣсь, въ юртѣ?...»—«Оно, конечно, лучше», отвѣчалъ онъ: «юрта хорошая, теплая; тутъ ничего не воруютъ; только блохъ *дивно*».

Мнѣ наскучилъ якутскій языкъ, я обрадовался русскому,

даже и этому, хотя не все и по-русски понималъ. Рѣшено: я остался. Мы вошли въ юрту или, правильнѣе, *урасу*. Это просто большой шалашъ, конической формы, изъ березовой коры, спитый довольно плотно, такъ что вѣтеръ мало проходилъ насквозь. Кругомъ лавки, покрытыя сѣномъ, такъ же какъ и полъ. Посрединѣ открытый очагъ, вверху отверстіе для дыма. Кромѣ того, тамъ были два столика, крытые краснымъ сукномъ; на одномъ лежала таблица, съ показаніемъ станцій и числа верстъ, и стояла чернильница съ перомъ. Юрта походила на военную ставку, особенно когда смотритель повѣсилъ свою шапку на гвоздь.

Я пригласилъ его пить чай. «У насъ чаю и сахару нѣтъ», вполголоса сказалъ мнѣ мой человѣкъ: «все вышло». — «Какъ, совѣмъ нѣтъ?» — «Всего раза на два». — «Такъ и довольно», сказалъ я: «насъ двое». — «А завтра утромъ что станете кушать?» Но я зналъ, что онъ любилъ всюду находить препятствія. «Давно ли я видѣлъ у тебя много сахара и чаю?» замѣтилъ я. «Кабы вы одни кунтали, а то по станціямъ и якуты, и якутки, чтобъ имъ»... — «Безъ комплиментовъ! давай что есть!»

«— Скажите, пожалуйста, каковъ городъ Якутскъ?» сталъ я спрашивать смотрителя.

О Якутскѣ собственно я зналъ только, да и вы, вѣроятно, не больше знаете, что онъ главный городъ области этого имени, лежитъ подъ 62° с. широты, производитъ торгъ пушными товарами и что, какъ я узналъ теперь, въ немъ нѣтъ... гостиницы. Я даже забылъ, а можетъ-быть, и не зналъ никогда, что въ немъ всего двѣ тысячи семьсотъ жителей.

Я узналъ отъ смотрителя, однакожъ, немного: онъ добывилъ, что тамъ есть одинъ каменный домъ, а прочіе деревянные; что есть продажа вина; что господа все хорошіе и кунечество знатное; что зимой живутъ въ городѣ, а лѣтомъ на *заимкахъ* (дачахъ), подъ камнемъ, «т.-е. камни

никакого нѣтъ», сказали онъ: «это только такъ называется»; что проѣзжихъ бываетъ *мало-мало*; что если мнѣ надо ѣхать дальше, то чтобъ я снѣдиль, а то по Ленѣ осенью ѣхать нельзя, а берегомъ худо и т. п.

Потомъ онъ повѣрилъ мнѣ, что онъ по распоряженію начальства, переведенъ на дальнюю станцію, вмѣсто другого смотрителя, Татаринова, который постунилъ на его мѣсто; что это несогласно съ его семейными обстоятельствами, и потому онъ просилъ убѣдительно Татаринова выйти въ отставку, чтобы перепроситься на прежнюю станцію, но тотъ не согласился, и что, наконецъ, вотъ онъ проситъ меня ходатайствовать по этому дѣлу у начальства.

Я все обѣщала ему. «Плотниковъ — моя фамилія», добавилъ онъ. «Очень хорошо — Плотниковъ», записала я въ книжечку, и мнѣ живо представилась подобная же сцена изъ «Ревизора».

Потомъ смотритель рассказывалъ, что по дорогѣ нигдѣ нѣтъ ни волковъ, ни медвѣдей, а есть только якуты; «еще *уикановъ* (зайцевъ) дивно», да по охотскому тракту у него живутъ, въ своей собственной юртѣ, двѣ большія, пожилыя дочери, обѣ дѣвушки, что «однако», прибавилъ онъ: «изъ Престовскую станцію заходятъ и медвѣди — и такое чудо», говорилъ смотритель: «ходятъ вмѣстѣ со скотомъ и не давятъ его, а ѣдятъ рыбу, которую достаютъ изъ *морды*... — «Изъ морды?» спросилъ я. — «Да, что ставить на рыбу, по-вашему мерѣжкѣ».

Смотритель говорилъ, не подозрѣвая, что я предательски, тутъ же, при немъ, записала его разговоръ.

Подали чай. Человѣкъ мой хитро сложилъ въ пирамиду десятка полтора кусковъ сахару, чтобъ не обнаружить нашей дорожной нищеты. Я придвинулъ сахаръ къ смотрителю. Онъ взялъ самый маленькій кусочекъ, и на мое приглашеніе положить сахару въ стаканъ, отвѣчалъ, что никогда этого не дѣлаетъ — сюриризы для моего человѣка, и

для меня также: у меня на утро оставался въ запасѣ стаканъ чаю. Смотритель вышилъ три стакана, и крошечный, оставшійся у него кусочекъ сахара, положилъ опять на блюдечко, что человѣкомъ моимъ было принято, какъ тонкій знакъ умѣнья жить.

Между тѣмъ наступила ночь. Я велѣлъ подать что-нибудь къ ужину, къ которому пригласилъ и смотрителя. «Всего одинъ рябчикъ остался», сердито шеннулъ мнѣ человѣкъ. «Гдѣ же прочіе?» сказала я: «вѣдь у якута куплено ихъ нѣсколько паръ». — «Вчера съ проѣзжимъ скушали», еще сердитѣе отвѣчалъ онъ. «Ну, разогрѣвай англійскій резервный супъ», сказалъ я. «Вчера послѣдній вышелъ», замѣтилъ онъ и поставилъ на очагъ разогрѣвать единственнаго рябчика.

Смотритель вынулъ изъ несессера и положилъ на столъ приборъ: тарелку, ножикъ, вилку и ложку. «Еще и ложку вынулъ!» ворчалъ пропотомъ мой человѣкъ, поворачивая рябчика на сковородкѣ съ одной стороны на другую и слѣдя съ безпокойствомъ за движеніями смотрителя. Смотритель неподвижно сидѣлъ передъ приборомъ, наблюдая за человѣкомъ и ожидая, конечно, обѣщаннаго ужина.

Я съ удовольствіемъ наблюдалъ за ними обоими, прятась въ тѣни своего угла. Вдругъ отворилась дверь и вошелъ якутъ съ дымящеюся кастрюлей, которую поставилъ передъ старикомъ. Оказалось, что смотритель ждалъ не нашего ужина. Въ то же мгновеніе Тимоѳей съ торжественной радостью поставилъ передо мной рябчика. Объ угощеніи и помину не было.

Какъ бы, кажется, около половины сентября лечь раздѣтому спать на дворѣ, безъ опасности простудиться на смерть? Вѣдь березовая кора не Богъ знаетъ какія стѣны. Въ Петербургѣ сдѣлаешь это и непременно простудишься, въ Москвѣ рѣже, а еще далѣе, и особенно въ полѣ, въ хижинѣ, кажется, никогда. Мы легли. Человѣкъ сдѣлалъ мнѣ по-

стель, буквально «сдѣлалъ», потому что у меня ея не было: онъ положилъ на лавку побольше сѣна, потомъ непромокаемую шинель, въ видѣ матраца, на это простыню, а вмѣстѣ одѣяла шинель на ватѣ. Въ головахъ черкесское сѣдло, которое было дано мнѣ на прокатъ съ тѣмъ, чтобъ я его доставилъ въ Якутскъ. Я быстро раздѣлся и еще быстрѣе спрятался въ постель.

Не то было со смотрителемъ: онъ методически началъ разоблачаться, медленно снимая одну вещь за другою, съ очковъ до сапогъ включительно. Потомъ принялся съ тою же медленностью надѣвать ночной костюмъ: сначала уши заткнулъ ватой и подвязалъ платкомъ, а другимъ платкомъ завязалъ всю голову, затѣмъ надѣлъ на шею шарфъ. И такъ, раздѣваясь и одѣваясь, нечувствительно изъ старика превратился въ старуху. Пламя каминна освѣщало его изломанныя черты, клочки сѣдыхъ волосъ, выглядывавшихъ изъ-подъ платка, тусклый, апатическій, устремленный на очагъ взглядъ и тихо шевелившіяся губы.

Я смотрѣлъ на него и на огонь: съ одной стороны мнѣ было очень тепло — отъ очага; сина же, обращенная къ стѣнѣ юрты, напротивъ, зябла. Долго сидѣлъ смотритель неподвижно; мнѣ стало дрематься.

«— Осмѣлюсь доложить», вдругъ заговорилъ онъ, вставая съ постели, что дѣлалъ всякій разъ, какъ начинать разговоръ: «я боюсь пожара: здѣсь сѣна много, а огня тушить на очагъ нельзя, ночью студено будетъ, такъ не угодно ли, я велю двухъ якутовъ поставить у каминна смотрѣть за огнемъ!..»

«Какъ хотите», сказалъ я: «зачѣмъ же двухъ?»

«Будутъ и другъ за другомъ смотрѣть».

Пришли два якута и усѣлись у очага. Смотритель сидѣлъ еще минутъ пять, понюхалъ табаку, крикнулъ, потомъ сталъ молиться и, наконецъ, укладываться. Онъ со стонами, какъ на болѣзненный одръ, ложился на постель. «Господи, про-

сти мнѣ грѣшному!» со вздохомъ возопилъ онъ, протягиваясь. «Охъ, Боже правый! ой-о-охъ! ай!» прибавилъ потомъ, перевертываясь на другой бокъ и покрываясь одеяломъ. Долго еще слышались постепенно ослабѣвавшіе вздохи и восклицанія. Я поглядывалъ на него и, наконецъ, самъ заснулъ.

Проснувшись ночью, я почувствовалъ, что у меня зябнетъ не одна спина, а весь я озябъ, и было отчего: огонь на очагѣ погасалъ, изрѣдка стрѣляя искрами, то на лавку, то на тулупъ смотрителя, или да полъ, въ сѣно. Сверху свободно струился въ юрту ночной воздухъ, да такой, Богъ съ нимъ, свѣжій... Оба якута, положивъ головы на мой sac de voyage, посомъ къ носу, спали мертвымъ сномъ. Смотритель спалъ болѣзненно: видно, что, по лѣтамъ его, ему и спать ужъ было трудновато. Онъ храпѣлъ, издавая изрѣдка легкое стenanье, потомъ почавкаеть губами, перестанетъ храпѣть и начнетъ пошвыстывать носомъ.

Тутъ же я удостоверился, что въ юртѣ въ самомъ дѣлѣ блохъ *дивно*.

На другой день, при ясной и теплой погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т.-е. черезъ узенькіе протоки, раздѣляющіе безчисленные острова. Когда якуты зашевелили веслами — точно обозъ тронулся съ мѣста: раздался скрипъ, стукъ. Послѣ гребли нашихъ матросовъ, куда пенсуксны показались мнѣ ленскіе гребцы! Одинъ какой-то якутъ сидѣлъ тутъ праздно, между тѣмъ мальчишка лѣтъ пятнадцати работалъ изо всѣхъ силъ; мнѣ показалось это не совсѣмъ удобно для мальчишки, и я пригласилъ заняться греблей празднаго якута. Онъ съ величайшею готовностью спряталъ трубку въ сары и принялся за весло. «Кто это такой?» спросилъ я. «Староста», сказали мнѣ: «съ *наслега* ѣдетъ въ городъ». Я раскаялся, что заставилъ работать такого сановника, но ужъ было поздно: онъ такъ и выходилъ изъ лопатокъ, работая весломъ. Мальчишка досталъ

между тѣмъ изъ сапога грубый кусокъ дерева съ отверстіемъ (это трубка), положили туда щепоть зеленоватаго листового табаку, потомъ отдѣлили ножомъ кусочекъ дерева отъ лодки и покрошили туда же; изъ кремня добыли огня, зажегъ клочокъ моха, вмѣсто трута, и закурилъ все это вмѣстѣ. «Зачѣмъ дерево кладешь въ табакъ?» спросилъ я. «Крѣпше!» отвѣчалъ онъ.

Вдали сіяли уже главы церквей въ Якутскѣ. «Скоро ли же будетъ Лена?» спрашивалъ я, все ожидая, что рѣка къ нагорному берегу будетъ глубже, слѣдовательно острововъ не имѣеть, и откроется во всей красѣ и величинѣ. Одинъ изъ якутовъ, претендующій на знаніе русскаго языка, старался мнѣ что-то растолковать, но напрасно. У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку бичевою вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и переправились, ужъ не помню черезъ который, узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ деревянной лѣсенкѣ.

«Тутъ!» сказали они.—«Что тутъ?»—«*Пышкьюсмъ* надо».—«Гдѣ же Лена?» спрашиваю я. Якуты, какъ и смотритель, указали назадъ, на пески и луга. Я посмотрѣлъ на берегъ: тамъ ровно ничего. Кустовъ *дивно*, правда, между ними бродитъ стадо коровъ, да два-три барана, которыхъ я давно не видалъ. За Лену ихъ недавно послано нѣсколько, для разведенія между русскими поселенцами и якутами. Еще на берегу же стоялъ пастушескій палаткъ изъ вѣтвей.

Одинъ изъ якутовъ вызвался сходить въ городъ за лошадыми. Я послалъ съ нимъ человѣка, а самъ усѣлся на берегу, на медвѣжьихъ шкурахъ. Нельзя сказать, чтобъ было весело. Трудно выдумать печальнѣе мѣстности. Съ одной стороны Лена—я ужъ сказалъ какая—пески, кусты и луга, съ другой, къ Якутску—луга, кусты и пески. Вдали, за всѣмъ этимъ, сияютъ горы, которыя, кажется, и составляли нѣкогда настоящій берегъ рѣки. Якутскъ построенъ на огромной отмели, что видно по пространнымъ

пескамъ, кустамъ и озеркамъ. И теперь, во время разлива, Лена, говорятъ, доходить до города и заливаеъ отчасти окрестныя поля.

Отъ нечего дѣлать я развлекалъ себя мыслью, что увижу наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ странствій, первый русскій, хотя и провинціальный городъ. Но и то не совсѣмъ русскій, хотя въ немъ и русскіе храмы, русскіе дома, русскіе чиновники и купцы, но зато какъ голо все! Гдѣ это видано на Руси, чтобъ не было ни одного садика и палисадника, чтобъ зелень, если не яблонь и грушъ, такъ хоть березъ и акацій, не осѣняла домовъ и заборовъ? А этотъ узкоглазый, плосконосый народъ, развѣ русскій? Когда я ѣхалъ по дорогѣ къ городу, мнѣ попадались навстрѣчу якуты, якутки на волахъ, на лошадяхъ, въ телѣгахъ и верхомъ.

Городскіе якуты одѣты понаряднѣе. У мужчинъ грубаго сукна кафтанъ, у женщинъ тоже, но у послѣднихъ полы и подошь обшиты широкой красной тесьмой; на головѣ у тѣхъ и у другихъ высокія мѣховыя шапки, несмотря на прекрасную, даже жаркую погоду. Якуты стригутся, какъ мы, оставляя сзади за ушами двѣ тонкія пряди длинныхъ волосъ — вѣроятно, послѣдній, отдаленный намекъ на свои родственныя связи съ той тѣсной толпой народа, которая изъ средней Азии разбрелась до береговъ Восточнаго океана. Я въ этихъ прядяхъ видѣлъ сокращеніе китайской косы, которую китайцамъ навязали манчжуры. А можетъ-быть, якуты отпускаютъ сзади волосы подлиннѣе просто затѣмъ, чтобъ защитить уши и затылокъ отъ жестокой зимней стужи.

Сколько я могъ узнать, якутовъ, кажется, несправедливо считаютъ кочующимъ народомъ. Другое дѣло тунгусы, чукчи и прочія племена здѣшняго края: тѣ, переходя съ одного мѣста на другое, болѣе удобное, почти никогда на прежнее не возвращаются. Якуты, напротивъ, если и откочевываютъ

на время въ другое отъ своей родной юрты мѣсто, гдѣ лучше кормъ для скота, то не надолго, и послѣ возвращаются домой. У нихъ большею частью по двѣ юрты, лѣтняя и зимняя. Этакъ, пожалуй, и мы съ вами кочующій народъ, потому что лѣтомъ перебираемся въ Парголово-Царское село, Ораніенбаумъ.

Якутскаго племени, и вообще всѣхъ говорящихъ якутскимъ языкомъ, считается до двухсотъ тысячъ обоюго пола въ области. Мужчинъ якутовъ сто-пять тысячъ. Область раздѣлена на *округи*, округа на *улусы*, улусы на *наслег* или *нослег*, или наконецъ... не знаю какъ. Люди, невникающіе въ филологическія тонкости, попросту называютъ это здѣсь *нослегами*.

Въ улусѣ живетъ до нѣсколька сотъ, даже до тысячи и болѣе человекъ. Селеній и деревень нѣтъ: ихъ замѣняютъ эти «наслег». Наслегомъ называется нѣсколько разбросанныхъ, въ двадцати, или около того, верстахъ другъ отъ друга, юрты, въ которыхъ живетъ по два и по три, происходящихъ отъ одного корня, поколѣнія или *рода*. Улусомъ управляетъ выборный, утвержденный русскимъ начальствомъ *голова*, наслегомъ—*староста* и его помощники, *старшины*. Членовъ одного *рода* называютъ по-русски *родовичами*. Они заботятся о взаимныхъ нуждахъ, по крайней мѣрѣ должны заботиться, и кажется, отвѣчаютъ за благочиніе, порядокъ и исправный взносъ повинностей.

Кстати напомню вамъ, что якутская область, съ перваго января 1852 года, возвышена въ своемъ значеніи тѣмъ, что отдѣлена отъ зависимости якутскаго губернскаго начальства, и управленіе ея ввѣрено особому гражданскому губернатору. Впрочемъ она, на положеніи другихъ губерній, подчинена главному управленію генералъ-губернатора восточной Сибири.

Нужды нѣтъ, что якуты населяютъ городъ, а все же мнѣ стало отраднo, когда я въѣхалъ въ кучу почернѣвшихъ отъ

времени, одноэтажныхъ, деревянныхъ домовъ: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей, какъ въ природѣ, такъ и въ людскихъ нравахъ, обычаяхъ, отчасти, какъ вы видите, въ языкѣ, что и образуетъ ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономію.

Пока я ѣхалъ по городу, на меня изъ оконъ выглядывали ласковыя лица, а изъ-подъ воротъ сердитыя собаки, которыя въ маленькихъ городахъ черезчуръ серьезно понимаютъ свои обязанности. Весело было мнѣ смотрѣть на проѣзжавшія по временамъ разнохарактерныя дрожки, на кучеровъ въ лѣтнихъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, или наоборотъ, въ полушубкахъ и лѣтнихъ картузахъ. Вотъ гостинный дворъ, довольно просторный, вотъ и единственный каменный домъ, занимаемый земскимъ судомъ.

Въ гостинномъ дворѣ, который въ самомъ дѣлѣ есть дворъ, потому что бѣольшая часть лавокъ открывается внутрь, я видѣлъ много входящихъ и выходящихъ якутовъ: они, говорятъ, составляютъ большинство потребителей. Прочіе горожане закупаютъ все, что имъ нужно, разъ въ годъ, на здѣшной ярмаркѣ.

Я ѣхалъ мимо старинной, полуразрушенной стѣны и нѣсколькихъ башенъ: это остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ времени покоренія области. Якутскъ основанъ пришедшими отъ Енисея казаками, лѣтъ за двѣсти передъ этимъ, въ 1630 годахъ. Якуты пробовали нападать на крѣпость, но напрасно. Возникшіе впоследствии между казаками раздоры заставили наше правительство взять этотъ край въ свои руки, и скоро въ Якутскъ прибылъ воевода.

Еще я видѣлъ больницу, острогъ, казенные хлѣбные магазины; потомъ проѣхалъ мимо базара, съ пестрой толпой якутовъ и якутокъ. Много и русскаго, и нерусскаго, что современемъ будетъ тоже русское. Скоро я уже сидѣлъ на квартирѣ въ своей комнатѣ, за обѣдомъ.

Послѣ обѣда я пошелъ къ товарищамъ, которые опередили меня. Черезъ день они отпраплялись далѣе; я хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за ними, а мнѣ еще надо было замясться мѣховымъ платьемъ и обувью: на Ленѣ могли застать морозы.

«Гдѣ я могу купить шубу?» спросилъ я одного изъ якутскихъ жителей, которыхъ увидѣлъ у товарищей. — «Вамъ какую угодно: лисью, тарабаганью, песцовую, или бѣличью?» спросилъ онъ. — «Которая теплѣе». — «Такъ медвѣжьё хорошо». — «Ну, медвѣжьё». — «Азойно (тяжело) будетъ въ медвѣжьей», промолвилъ другой. — «Такъ песцовую». — «Теперь здѣсь мѣховъ никакихъ не найдете...» замѣтили мнѣ. — «Въ Якутскѣ не найду мѣховъ!» — «Не найдете; вотъ если бѣ лѣтомъ изволили пожаловать, тогда *дивно* бываетъ мѣховъ: тогда бы славный купили, какой угодно, и дешево». — «А вотъ тогда-то бы и не купилъ, зачѣмъ мнѣ лѣтомъ мѣхъ?»

— «Лучше всего вамъ *кухлянку* купить, особенно двойную...» сказалъ другой, вслушавшійся въ нашъ разговоръ. — «Что это такое кухлянка?» спросилъ я. — «Это такая рубанка, изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ. А если купите двойную, т.-е. и снизу такая же шерсть, такъ никакой шубы не надо».

— «Нѣтъ, это тяжело надѣвать», перебилъ кто-то: «въ двойной кухлянкѣ не повертнешься. А вы лучше подъ одинакую кухлянку купите *мыжиковое пальто*—вотъ и все». — «Что это такое *мыжиковое* пальто?» — «Это пальто изъ шкуръ молодыхъ оленей».

— «Всею лучше купить вамъ *борловую даху*», заговорилъ четвертый: «тогда вамъ ровно ничего не надо». — «Что это такое борловая даха?» спросилъ я. — «Это шкура съ дикаго козла, нунистая, теплая, мягкая: въ ней никакой морозъ не пробереть».

— «Помилуйте!» сказалъ тутъ еще кто-то: «какъ можно даху? шерсть лѣзетъ». — «Что жъ такое что лѣзетъ?»

— «Какъ чтò: въ ротъ, въ глаза налѣзеть?»

— «Гдѣ жъ мнѣ кушить даху, или кухлянку?» перебилъ я.— «Теперь негдѣ: вотъ если бѣ лѣтомъ изволили пожаловать,—дружно повторили всѣ:—тогда приѣзжаютъ сюда сверху, по Ленѣ, изъ Иркутска, кунцы; они закупаютъ весь пушной товаръ».

— «*Торбасами* не забудьте запасться», замѣтили мнѣ: «и пыжиковыми *чижами*». — «Что это такое торбасы и чижи?»—«Торбасы—это салоги изъ оленьей шерсти, чижи—чулки изъ шкурокъ молодыхъ оленей».

— «Но главное, помните, мѣховые панталоны», сказалъ мнѣ серьезно одинъ весьма почтенный человѣкъ. — «Итъ, ужъ отъ этого позвольте уклониться». — «Ну, помяните меня!» сказалъ онъ пророческимъ голосомъ. — «Не забудьте также мѣхового одѣяла», прибавилъ другой.

— «Зачѣмъ же мѣховые панталоны?» съ уныніемъ спросилъ я: такъ напугали меня всѣ эти предостереженія!—«А если попадете на *наледь*...» — «Что это такое наледи?» спросилъ я. — «Наледи—это незамерзающіе и при жестокъ морозѣ ключи; они выбѣгаютъ съ горъ въ Лену; вода стоитъ поверхъ льда; случится попасть туда—лошади не вытащатъ сразу, полозья и обмерзнуть: тогда ямщику остается ѣхать на станцію за людьми и за свѣжими лошадями, а вамъ придется ждать въ морозѣ нѣсколько часовъ, иногда полсутки... Вотъ вы и вспомните о мѣховыхъ панталонахъ».

— «Ну, а мѣховое одѣяло зачѣмъ?»—спросилъ я.—«На Ленѣ почти всегда бываетъ *хлусъ*...» — «Что это такое хлусъ?» — «Это вѣтеръ, который мететъ снѣгъ; а вѣтеръ при морозѣ—бѣда: не спасутъ никакіе панталоны; надо одѣяло...»—«Съ кулькомъ, чтобъ ноги прятать», прибавилъ другой. — «Только все лѣтомъ!» повторяютъ всѣ. — «Ахъ, если бѣ лѣтомъ пожаловали, тогда-то бы мѣховъ у насъ!..»

Меня даже зло взяло. Я не зналъ, какъ быть.—Надо по-

слать къ одному старику», посовѣтовали мнѣ: «онъ, бывало, принашивалъ мѣха въ лавки, да вотъ что-то не видать...» — «Нѣтъ, не извольте посылать», сказалъ другой. — «Отчего же, если у него есть? я пошлю». — «Нѣтъ, онъ теперь употребляетъ...» — «Что употребляетъ?» — «Да... вино-сь. Дрянной старичишка! А нынче и отемнѣлъ совсѣмъ». — «Отемнѣлъ?» повторилъ я. — «Ослѣпъ», добавилъ онъ.

Стало-быть нельзя и ѣхать, потому что нельзя ничего достать, купить? Все можно: *à tout malheur remède!* Видя мое раздумье, одинъ изъ жителей посовѣтовалъ обратиться къ Алексію Яковличу, къ Петру Ѳедоричу, или къ Александру Андреяничу, да Ксенофону Петровичу: у нихъ-де должны быть и дахи, и медвѣжьи шкуры. «Кто это Алексій Яковличъ и Петръ Ѳедоричъ?» — «А вотъ они: здѣшніе жители, одинъ управляетъ тѣмъ, другой этимъ». — «Но я не имѣю удовольствія ихъ знать»... — А. Я., П. Ѳ. и А. А. сами предупредили меня. Они начали съ того, что позвали къ себѣ обѣдать, и меня, и товарищей, и хотя извинялись простотою угощенія, но угощеніе было вовсе не простое для скромнаго городка. У нихъ дѣйствительно нашлись дахи, кухлянки и медвѣжьи шкуры, которыя и были уступлены намъ на томъ основаніи, что мы проѣзжіе, что у насъ никого нѣтъ знакомыхъ, слѣдовательно всѣ должны быть знакомы; нельзя купить вещи въ лавкѣ, слѣдовательно надо купить ее у частнаго неторгующаго этимъ лица, которое остается тутъ и имѣетъ возможность замѣнить всегда проданное.

Но вѣдь этакъ, скажутъ мнѣ, не напасешься вещей, если каждый день будутъ являться проѣзжіе, и устанешь угощать: оно безтолково. Если каждый день будутъ проѣзжіе, тогда будетъ и трактиръ; если явятся требованія на мѣха, тогда не все будутъ отсылать вверхъ, а станутъ торговать и здѣсь. Въ томъ-то и дѣло, что проѣзжіе въ Якутскѣ—еще рѣдкіе гости и оттого ихъ балуютъ пока. Но долго ли

это будетъ? сомнѣваюсь. Еще нѣсколько лѣтъ — и если вы прїѣдете въ Якутскъ, то, пожалуй, полиція не станетъ заботиться о квартирѣ для васъ, и вы въ лавкѣ найдете, что вамъ нужно, но за то, можетъ-быть, не узнаете обязательныхъ и гостепрїимныхъ К. П., П. Ф., А. Я. и другихъ.

Вотъ теперь у меня въ комнатѣ лежитъ даха, волчье пальто, горностаевая шапка, бѣличій тулупъ, заячье одѣяло, торбасы, пыжиковые чулки, песцовыя рукавицы и нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ для подстилки. Когда станешь надѣвать все это, такъ чувствуешь, какъ постепенно прїобрѣтаешь понемногу чего-то бѣличьяго, заячьяго, оленьяго, козловаго и медвѣжьяго, а человеческое мало-по-малу пропадаетъ. Кухлянка и даха лишаютъ употребленія воли и предоставляютъ полную возможность только лежать. Въ пыжиковыхъ чулкахъ и торбасахъ ногу вмѣстѣ сдвинуть нельзя, а когда надѣнешь двойную мѣховую шапку, или, по-здѣшнему, ма-лахай, то мысли начинаютъ вязаться лѣнивѣе въ головѣ и одна за другою гаснуть. Еще бы что-нибудь прибавить, такъ, кажется, надъ вами того и гляди совершится какая-нибудь любопытная метаморфоза.

Все это надѣвается въ защиту сорока-градуснаго мороза. «Сорокъ градусовъ!» повторилъ я: «у насъ когда и двадцать случится, такъ по городу только и разговора, что о погодѣ: забудутъ всякія и политическія, и литературныя новости». — «У васъ двадцать хуже нашихъ сорока», сказали одинъ, бывшій за Уральскимъ хребтомъ. «Это отчего?» — «Отъ вѣтра: тамъ при пятнадцати градусахъ да вѣтеръ, такъ и нехорошо; а здѣсь въ сорокъ ничто не шелохнется: ни движенія, ни звука въ воздухѣ; надъ землей лежитъ густая мгла; солнце кровавое, безъ лучей, покажется часа на четыре, не разгонитъ тумана и скроется». — «Ну, а вы что?» — «А мы — ничего, хорошо; только дышать почти нельзя: рѣжетъ грудь». — «Вы чтò дѣлаете въ эти морозы?» спросилъ я одну барыню. — «Визиты, говоритъ, дѣлаемъ». — «Что

вы!..»—«Да какъ же? а въ Рождество, въ Новый годъ: родные есть, тетушка, бабушка, разсердятся, пожалуй, какъ не прѣдешь».

Впрочемъ здѣсь, какъ я увидѣлъ послѣ, и барыня, и кучеръ, и лошадь—все визиты дѣлаютъ. Барыню вводятъ въ гостиную, кучера въ людскую, а лошадь въ сарай.

— «Въ чемъ же вы ѣздите, въ дахѣ и въ малахаѣ?» спросилъ я ее. — «Нѣтъ, въ пляпкахъ, въ салопахъ». — «Конечно не въ такихъ салопахъ, которые носятъ барыни въ Петербургѣ и которые похожи на конфетныя бумажки, такъ что не слышать, есть ли что на плечахъ, или нѣтъ! Вѣрно здѣсь кроютъ байкой или сукномъ?»

А оказалось, что въ такихъ же: «матеріей, говоритъ, крыты».

Несмотря однакожь на продолжительность зимы, на лютость стужи, какъ все шевелится здѣсь, въ краю! Я теперь живой, заѣзжій свидѣтель того химически-историческаго процесса, въ которомъ пустыни превращаются въ жилия мѣста, дикари возводятся въ чинъ человѣка, религія и цивилизація борются съ дикостью и вызываютъ къ жизни спящую силу. Измѣняется видъ и форма самой почвы, смягчается стужа, изъ земли извлекается теплота и растительность—словомъ, творится то же, что творится, по словамъ Гумбольдта, съ материками и островами посредствомъ тайныхъ силъ природы. Кто же, спросятъ, этотъ титанъ, который ворочаетъ и сушей и водой? кто мѣняетъ почву и климатъ? Титановъ много, цѣлый легионъ: и все тутъ замѣшаны, въ этой лабораторіи: дворяне, духовные, купцы, поселяно—все призваны къ труду и работаютъ неутомимо. И когда совсѣмъ готовый, населенный и просвѣщенный край, нѣкогда темный, неизвѣстный, предстанетъ предъ изумленнымъ человѣчествомъ, требуя себѣ имени и правъ, пусть тогда допрашивается исторія о тѣхъ, кто возводитъ это зданіе, и также не допытывается, какъ не допыталась, кто по-

ставить пирамиды въ пустынь. Сама же исторія добавитъ только, что это тѣ же люди, которые въ одномъ углу міра подали голосъ къ уничтоженію торговли черными, а въ другомъ учили алеутовъ и курильцевъ жить и молиться — и вотъ они же создали, выдумали Сибирь, населили и просвѣтили ее, и теперь хотятъ возвратитъ Творцу плодь отъ брошеннаго Имъ зерна. А создать Сибирь не такъ легко, какъ создать что-нибудь подѣ благословеннымъ небомъ...

И не уѣхалъ ни на другой, ни на третій день. Дорогой на болотахъ и на рѣкѣ Маѣ, ѣдучи верхомъ и въ лодкѣ, при легкихъ утреннихъ морозахъ, я простудилъ ноги. На третій день по прѣздѣ въ Якутскъ, онѣ распухли. Докторъ сказалъ, что водой по Ленѣ мнѣ ѣхать нельзя, что надо подождать, пока пройдетъ опухоль.

Черезъ недѣлю мнѣ стало лучше; я собрался ѣхать. «Куда вы? какъ можно!» сказали мнѣ: «да теперь вы ни въ какомъ *разѣ* не поспѣете добратъся водой: скоро поидетъ *шуга*». — «Что это такое шуга?» — «Мелкій ледъ; тогда вы должны остановиться и ждать зимняго пути гдѣ-нибудь на станціи. Лучше вамъ подождать здѣсь». — «А берегомъ?» спросилъ я. «*Горой* ѣхать? помилуйте! почти два раза въ годъ въ распутицу приходитъ горой, да и то мучится, бьется. Вѣдь надо ѣхать верхомъ по утесамъ, черезъ пропасти, по узенькимъ тропинкамъ. А вы еще съ большими ногами! Лучше подождите: всего какихъ-нибудь два мѣсяца»...

— «Два мѣсяца! Это ужасно!» въ отчаяніи возразилъ я. — «Можетъ быть и полтора», утѣшилъ кто-то. — «Ну, нѣтъ: *сей годъ* Лена не станетъ раю», говорили другіе: «осень теплая и ранній снѣжокъ выпадалъ — это вѣрный знакъ, что зимній путь не скоро установится...»

Опухоль въ ногахъ прошла, но также прошла и всякая возможность ѣхать до зимы. Я между тѣмъ познакомился

со всѣми въ городѣ; тамъ обѣдъ, тамъ завтракъ, кто именнинникъ, не самъ, такъ жена, наконецъ тетка. Для васъ, не послѣднихъ гастрономовъ, замѣчу, что здѣсь есть превосходная рыба—нельма, которая играла бы большую роль на петербургскихъ обѣдахъ. Она хороша и разварная, и въ пирогахъ, и въ жаркомъ, да и вездѣ; ее также маринуютъ. Есть много отличной дичи: рябчики, куропатки и тетерева—ежедневное блюдо къ жаркому. Но коренные жители почти совсѣмъ не ѣдятъ куръ и телятины, какъ въ другихъ мѣстахъ нѣкоторые не ѣдятъ, напримѣръ, зайцевъ. Зелени тоже мало, кромѣ капусты и огурцовъ. Вина дороги: шампанское продается по 6 и 7 руб. сер. бутылка; за то хороши наливки.

Обычай здѣсь патріархальные: гости пообѣдаютъ, распростиаясь съ хозяиномъ и отправятся домой спать, и хозяинъ ляжетъ, а вечеромъ явятся опять и садятся за бостонъ до ужина. Общество одно. Служащіе, купцы и жены тѣхъ и другихъ, видятся ежедневно и... живутъ всѣ въ большихъ ладахъ.

Я заикнулся на этихъ словахъ не потому, чтобъ они были несправедливы, а потому, что пробѣгая одну книгу о Якутскѣ (*Повѣдка въ Якутскѣ*), я прочелъ тамъ совсѣмъ противное о якутскомъ обществѣ. Авторъ жалуется на господствующую будто бы здѣсь страсть къ ябедничеству (стр. 126), на недостатокъ веселости въ собраніяхъ, на общее другъ къ другу недовѣріе и т. п. Не знаю, что сказать: я ничего этого не видалъ, напротивъ, кажется. Впрочемъ, не спорю: тогда (въ 1832 г.) могло быть и такъ. Физіономія маленькаго города измѣняется легко: это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ того, что за люди первенствуютъ въ обществѣ. Что касается меня, я нашелъ много живости и разговоровъ на обѣдахъ; недовѣрія не замѣтилъ: всѣ кушаютъ съ большою довѣрчивостью и говорятъ безъ умолку. Почти ежедневно собираются другъ у друга, потому что кружокъ

очень не великъ. Въ приведенной книгѣ даже сказано, что будто приглашенные вечеромъ гости, просидѣвъ часу до второго, возвращаются домой къ своему ужину. Теперь это не такъ: попробуйте уѣхать безъ ужина, тихонько, такъ хозяева на крыльцѣ за полу поймаютъ. Я, по своей привычкѣ не ужинать, часто затруднялся, какъ увернуться отъ этого, и кончалъ тѣмъ, что ужинать.

Сплетни, о которыхъ тоже говоритъ авторъ книги, до меня не доходили, конечно потому, что я проѣзжій и не могъ интересоваться ими. Авторъ правъ, сказавши, что сплетни составляютъ общую принадлежность маленькихъ городовъ. Но полно, маленькихъ ли только? Въ большихъ ихъ меньше слышно оттого, что не напасешься времени слушать и повторять слышанное. Идѣтъ, общество въ томъ видѣ, какъ оно теперь въ Якутскѣ, право порядочное. Да мнѣ кажется, если бъ я очутился въ такомъ уголкѣ, гдѣ не замѣтилъ бы ни малѣйшей вражды, никакихъ сплетней, а видѣлъ бы только любовь да дружбу, невозмутимый миръ, всеобщее другъ къ другу довѣріе и воздержаніе, я бы не ренугался, куда это я заѣхалъ: все думать бы, что это не даромъ, что тутъ что-нибудь да есть другое... Замѣчу еще, что купцы здѣсь порядочно воспитаны, выписываютъ журналы, читаютъ, нѣкоторые сами пишутъ. Почти все они гдѣ-нибудь учились, въ иркутской гимназій, напримеръ; притомъ они не носятъ бородъ и ходятъ въ европейскомъ платьѣ, отъ этого нѣтъ рѣзкаго неравенства въ обществѣ.

Говоря о ябедничествѣ, авторъ, можетъ-быть, относить эту слабость къ якутамъ: они дѣйствительно склонны къ ябедничеству; но теперь оно, какъ я слышалъ, стараніями начальства, мало-по-малу искореняется.

Если вы, любезный А. Н., признаете, и весьма справедливо, *русскій пикетъ въ степи зародышемъ Европы* (см. фельетонъ «Спб. Вѣдомостей», № 176, 11-го августа

1854 г.), то чѣмъ вы признаете подвиги, совершаемые въ здѣшнемъ краю, о которомъ свѣжи еще въ памяти у насъ мрачныя преданія, какъ о странѣ разбоевъ, лихоимства, безнаказанныхъ преступленій? А вотъ вы ѣдете отъ Охотскаго моря, какъ ѣхалъ я, по такимъ мѣстамъ, которыя еще ждуть именъ въ нашихъ географіяхъ, да и весь край этотъ не всѣ у насъ, въ Европѣ, назовутъ по имени, и не всѣ знаютъ его предѣлы и жителей, рѣки, горы; а вы ѣдете по немъ и видите поверстные столбы, мосты, изъ которыхъ одинъ тянется на тысячу шаговъ. Конечно, онъ сколоченъ изъ бревенъ, но вы ѣдете по немъ черезъ непроходимое болото. Прѣзжаете на станцію, конечно въ плохую юрту, но подъ кровъ, грѣтесь у очага, находите лѣтомъ лошадей, зимой оленей, и смѣло углубляетесь, вслѣдъ за якутомъ, въ дикую, непроходимую чащу лѣса, ѣдете по руслу рѣкъ, горныхъ потоковъ, у подошвы горъ, или взбираетесь на утесы, по протоптаннымъ и—увъ! гдѣ романтизмъ? безопаснымъ тропинкамъ. Вамъ не дадутъ ни упасть, ни утонуть, развѣ только сами непременно того захотите, какъ захотѣлъ въ прошломъ году какой-то чудакъ-мѣщанинъ, которому опытные якуты говорили, что нельзя пускаться въ путь послѣ проливныхъ дождей: горные ручьи раздуваются въ стремительные потоки и уносятъ быстротой лошадей и всадниковъ. Онъ не послушалъ, разгорячился, напумблъ; якуты робки и послушны; они не противорѣчили болѣе; поѣхалъ и былъ увлеченъ потокомъ. Надпись на крестѣ, поставленномъ на дорогѣ, свидѣтельствуетъ о его гибели и предостерегаетъ неосторожныхъ. Подѣзжаете ли вы къ глубокому и вязкому болоту, якутъ соскакиваетъ съ лошади, уходитъ выше колѣна въ грязь и ведетъ вашу лошадь — гдѣ суше; ѣдете ли лѣсомъ, онъ — впереди, устраниваетъ отъ васъ сучья; при подъемѣ на крутую гору, опоясываетъ васъ кушакомъ и помогаетъ идти; гдѣ очень дурно, глубоко, скользко—онъ останавливается. «Худо тутъ», говоритъ онъ:

тыквоємъ надо». вынимаетъ ножъ, срѣзываетъ палку и по-
даетъ вамъ, не зная еще, дадите ли вы ему на водку, или
нѣтъ. Это якутъ, недавно еще полу-человѣкъ, полу-звѣрь!

Гдѣ же страшный, почти неодолимый путь? спрашиваете
вы себя, пройдя тысячу-двѣсти верстъ: вездѣ станціи,
лошади, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, на
рѣкѣ Маѣ, найдете свѣжее мясо, дичь, а молоко и овощи.
т.-е. капусту, морковь и т. п. вездѣ; у агентовъ американ-
ской компаніи чай и сахаръ.

Не забудьте, все это въ краю, который слыветъ безымен-
ной пустыней! Онъ пустыня и есть. Не разъ содрогнешься,
глядя на дикія громады горъ безъ растительности, съ ле-
дяными вершинами, съ лежащимъ во все лѣто снѣгомъ во
впадинахъ, или на эти лѣса, которые растутъ тѣсно, какъ
тростникъ, деревья жмутся другъ къ другу, высасываютъ
изъ земли скудные соки и падаютъ сами отъ избытка силъ
и недостатка почвы. Вы видите, какъ по деревьямъ пры-
гаютъ мелкіе звѣри, изъ-подъ ногъ выскакиваетъ испуган-
ная рѣдкимъ появленіемъ людей дичь. Издалека доносится
до ушей шумъ горныхъ каскадовъ, или надъ всѣмъ этимъ
тяготѣетъ такое страшное безмолвіе, что не рѣшаешься раз-
говоромъ или пѣньемъ будить пустыню, пугаясь собственнаго
голоса. А пугаться нечего: вы ѣдете безопасно, какъ будто
идете съ Морской на Литейную. Я дорогой, отъ скуки, на-
брасывалъ на станціяхъ въ записную книжку бѣглыя за-
мѣтки о видѣнномъ. При свиданіи прочту вамъ ихъ, и вы
увидите подробныя доказательства всему, что говорю те-
перь.

Можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что бываютъ неудачи, оста-
новки, особенно зимой; иногда недостаетъ оленей, или, если
случится много проѣзжихъ, лошади скоро изнуруются, и
тогда... Да, переверните медаль — окажется, что проѣзжіи
иногда станутъ среди дороги. Надо знать, что овса здѣсь
отъ Охотскаго моря до Якутска не родится и лошадей кор-

мять однимъ сѣномъ, оттого онѣ слабы. Если случится много пробѣжихъ, на примѣръ, возвращающихся съ нашихъ транспортныхъ офицеровъ, которые пришли моремъ изъ Россіи, лошади не выносятъ частой ѣды. Недостатокъ оленей случается иногда отъ недостатка корма, особенно когда снѣга глубоки, такъ что олени, лигающіеся бѣлымъ мхомъ, не могутъ отрывать его ногами и гибнутъ отъ голода. Олень—нѣжное и слабое животное. Пробѣжій тернитъ отъ всего этого остановку на станціяхъ. Случалось даже иногда путешественнику, отъ изнуренія лошадей, дойти до станціи пѣшкомъ.

Но во всѣхъ этихъ неудобствахъ виновата, какъ видите, природа, противъ которой пока трудно еще взять дѣйствительныя мѣры. Трудно, но не невозможно, конечно. Человѣкъ кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что одолеваетъ и природу, но при какихъ условіяхъ! Если употребить, хоть здѣсь на примѣръ, большіе капиталы и множество рукъ, держать по многу лошадей на станціяхъ, доставлять для корма ихъ съ огромными издержками, овесъ, тогда всѣ затрудненія устроятся, нѣтъ сомнѣнія. Но для кого, спрашивается, всѣ эти расходы и хлопоты: окупятся ли они? будетъ ли кому поблагодарить за это? Почта ходитъ разъ въ мѣсяць и дорога по полугоду гложетъ въ совершенномъ запускѣніи. И то сколько разъ изъ глубины души скажетъ спасибо заботливому начальству здѣшняго края всякій, кого судьба броситъ на эту пустынную дорогу, за то, что уже сдѣлано и что дѣлается понемногу, исподволь — за безопасность, за возможность, хотя и съ трудомъ, добраться сквозь эти, при малѣйшей небрежности, непроходимыя мѣста! Въ одномъ мѣстѣ, въ палаткѣ, среди болотъ, живетъ инженерный офицеръ; я засталъ толпу якутовъ, которые расчищали землю, равняли дорогу, строили мостъ. Въ алданскомъ селеніи мы застали исправника, К. П. А.: онъ немного встревожился, увидя, что намъ троимъ, съ четырьмя людьми при насъ и

для вьюковъ, нужно до восемнадцати лошадей. «Я не знаю, что вы будете», сказалъ онъ: «теперь, можетъ-быть, по станціямъ уже распустили лишнихъ лошадей. Надо послать нарочнаго впередъ». Мы остались тутъ ночевать: утромъ, чѣмъ свѣтъ, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его ужъ не было. «Гдѣ жъ онъ?» спрашиваемъ. «Да уѣхалъ впередъ похлопотать о лошадяхъ», говорятъ намъ: «на нарочнаго не понадеялся». На третьей станціи мы встрѣтили его на самой дурной части дороги. «Все готово», сказалъ онъ: «вездѣ будутъ лошади»—и, не отдохнувъ полчаса, едва выслушавъ изъявленія нашей благодарности, онъ вскочилъ на лошадь и ринулся въ лѣсъ, по кочкамъ, по трясинѣ, черезъ ины, такъ что сучья затрещали.

Кромѣ остановокъ, происходящихъ отъ глубокихъ снѣговъ и малосильныхъ лошадей, бываетъ, что разольются горныя рѣчки, болота наводятся и проѣзжему приходится иногда по поясъ идти въ водѣ. «Что жъ проѣзжіе?» спросилъ я якута, который мнѣ это рассказывалъ. «Сердятся», говоритъ. Но это опять все природныя препятствія, противъ которыхъ принимаются, какъ я сказалъ, дѣятельныя мѣры.

Меня неожиданно и пріятно поразило одно обстоятельство. Что намъ извѣстно о хлѣбопашествѣ въ этомъ углу Сибири, который причисленъ, кажется, такъ, изъ снисхожденія, къ жилымъ мѣстамъ, къ Якутской области? что оно не удастся, невозможно: а между тѣмъ на самыхъ свѣжихъ и новыхъ поселеніяхъ, на рѣкѣ Маѣ, при выходѣ нашемъ изъ лодки на станціи, намъ первые бросались въ глаза огороды и снопы хлѣба, на первый разъ ячменя и конопли. Мѣстами поселенцы не нахвалятся урожаемъ. Кто эти поселенцы? Русскіе. Они вызываются, или переводятся за проступки, изъ-за Байкала, или съ Лены, и селятся по нѣскольку семействъ на новыхъ мѣстахъ. Казна не только

дасть имъ средства на первое обзаведеніе лошадей, рогатаго скота, но и поддерживаетъ ихъ постоянно, отпуская по два пуда въ мѣсяць хлѣба на мужчину и по пуду на женщину и дѣтей. Я видѣлъ поселенцевъ по рр. Маѣ и Алдану: они нанимаютъ тунгусовъ и якутовъ обрабатывать землю. Тѣ сначала не хотѣли трудиться, предпочитая ѣсть конину, бѣлокъ, древесную кору, всякую дрянъ, а поработавши годъ и поѣвши ячменной похлебкн съ масломъ, на другой годъ пришли за работой сами.

Есть мѣста вовсе бесплодныя: съ нихъ, по распоряженію начальства, поселенцы переселяются на другіе участки. Подѣзжая къ р. Амгѣ (это уже ближе къ Якутску), я вдругъ какъ будто перенесся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, нестрѣющія хлѣбомъ. «Ужели это пшевица?» съ изумленіемъ спросилъ я, завидя пушистые, знакомые мнѣ золотистые колосья. «Пшеница и есть», сказали мнѣ чловѣкъ: «а вонъ и яровое!»

Я не могъ окинуть глазами обширныхъ луговъ съ безчисленными стогами сѣна, между которыми шевелились якуты, накладывая на воловъ сѣно, убирая хлѣбъ. Я увидѣлъ тамъ женщинъ, ребятишекъ, табуны лошадей и огороженныя пастбища. «Гдѣ же это я? кто тутъ живетъ?» спросилъ я своего ямщика. «*Исправные* якуты живутъ» (исправные—богатые), отвѣчалъ онъ. Погода была великолѣпная, глаза разбѣгались, останавливаясь на сжатомъ хлѣбѣ, на причущейся въ чащѣ лѣса богатой, окруженной сараями и хлѣвами юртѣ, на ѣдущей верхомъ на волѣ, пестро одѣтой якуткѣ.

Хлѣбонашество и разведеніе овощей по рр. Маѣ и Алдану — созданіе свѣжее, недавнее, и принадлежитъ попеченіямъ здѣшняго начальства. Поселенцы благословляютъ эти попеченія. «Все сдѣлано для насъ», говорятъ они: «а гдѣ не родилось ничего—значитъ и не родится никогда». Когда якуты принялись за хлѣбонашество около Якутска, началь-

ство скупило ихъ урожай и роздало майскимъ поселенцамъ. Такъ въ прошломъ, или третьемъ году куплено было до 12 тысячъ пудовъ. Якуты принялись еще усерднѣе за хлѣбонашество и на другой годъ хлѣбъ продавался рублемъ дешевле за пудъ, т.-е. вмѣсто 2 р. 50 к. асс., продавали по 1 р. 50 к. На рѣкѣ Амгѣ хлѣбонашество — новость только вполовину. Оно заведено было тамъ прежде, но, по словамъ тамошнихъ жителей, шло до нынѣшняго времени очень плохо. Теперь съ каждымъ годомъ оно улучшается. Частные люди помогаютъ этому, поощряя хлѣбонашество и скотоводство: одни жертвуютъ хлѣбъ для посѣва, другіе посылаютъ барановъ, которыхъ до сихъ поръ не знали за Леной, третьи подаютъ примѣръ собственными трудами.

На Маѣ есть, между прочимъ, отставной матросъ Сорокинъ: онъ явился туда, нанялъ тунгусовъ и засѣялъ четыре десятины, на которыя изстратилъ по 45 руб. на каждую, не зная, выйдетъ ли что-нибудь изъ этого. Трудъ его не пропалъ: онъ воротилъ деньги съ барышомъ, и тунгусы на слѣдующее лѣто явились къ нему опять. Дворъ его полонъ скота, завидно смотрѣть, какого крупнаго. Мы съ уваженіемъ и страхомъ сторонились отъ одного быка, который бы занялъ не послѣднее мѣсто на какой-нибудь англійской хозяйственной выставкѣ. Сорокинъ живетъ полнымъ домомъ; онъ подалъ къ обѣду намъ славной говядины, дичи, сливокъ. Теперь онъ жертвуетъ всю свою землю церкви и переселяется опять въ другое мѣсто, гдѣ, можетъ-быть, сдѣлаетъ то же самое. Это тоже герой въ своемъ родѣ, маленькій титанъ. А сколько ихъ явится влѣдъ за нимъ! и имя этимъ героямъ — легионъ: здѣшнему потомству некого будетъ благословить современемъ за эти робкія, но великія начинанія. Останутся имена вождей этого дѣла въ народной памяти — и то хорошо. Никто о Сорокинѣ не кричитъ, хотя всѣ его знаютъ далеко кругомъ и всѣ находятъ, что онъ дѣлаетъ только, «какъ надо». На стѣнахъ у него висятъ въ рамкахъ по-

хвальные листы, даваемые ему отъ начальниковъ здѣшняго края. Висятъ эти листы въ тѣни, такъ что ихъ и не отыщешь скоро. Сорокинъ повѣсилъ ихъ конечно не изъ хвастовства, а больше по обычаю русскаго простаго человѣка вѣшать на стѣну всякую официальную бумагу, до паспорта включительно.

Еще одно важное обстоятельство не мало способствуетъ этимъ начинаніямъ. Отъ береговъ Охотскаго моря до Якутска нѣтъ ни капли вина. Я писалъ вамъ, что упавшая у насъ на Джукджурѣ, или Зукзурѣ, якутскомъ или тунгузскомъ Монбланѣ, одной изъ горъ Станового хребта, вьючная лошадь перебила нашъ запасъ вина (такъ намъ донесли наши люди), и мы совершили нуть этотъ по образу древнихъ, очень патріархально, довольствуясь водой. Люди наши прожили эти пятнадцать или восемнадцать дней, противъ своего ожиданія, трезво. Одинъ изъ нашихъ товарищей (мы ѣхали сначала втроемъ), большой насмѣшникъ, увѣряетъ, что если бѣ люди наши знали, что до Якутска въ продажѣ нѣтъ вина, такъ, можетъ-быть, вино на горѣ не разбилося бы.

А вина нѣтъ нигдѣ на разстояніи тысячи двухсотъ верстъ. Тамъ, гдѣ край тѣсно населенъ, гдѣ народъ обуздывается отъ порока отношеніями подчиненности, строгостью общаго мнѣнія и добрыми примѣрами, тамъ свободное употребленіе вина не испортитъ большинства въ народѣ. А здѣсь въ этомъ молодомъ краѣ, гдѣ всѣ мѣры и дѣйствія правительства клонятся къ тому, чтобъ съ огромнымъ русскимъ семействомъ слить горсть иноплеменныхъ дѣтей, дикихъ младенцевъ человѣчества, для которыхъ пока правильный систематическій трудъ — мучительная, лишняя новизна, которые требуютъ осторожнаго и постепеннаго воспитанія — здѣсь вино погубило бы эту горсть, какъ оно погубило дикихъ въ Америкѣ. Винный откупъ, по направленію къ Охотскому морю, нейдетъ далѣе воротъ Якутска. Въ этой

мѣръ начальства кроется глубокий расчетъ — и уже зародыши не Европы въ Азіи, а русскій самообытнѣй примѣръ цивилизаціи, которому не худо бы поучиться нѣкоторымъ европейскимъ судамъ, плавающимъ отъ Ост-Индіи до Китая и обратно.

Но довольно похищать изъ моей памятной дорожной книжки о видѣнномъ на пути съ моря до Якутска: при свиданіи мнѣ нечего будетъ вамъ показать. Веротимся въ самый Якутскъ.

Я познакомился почти со всѣми членами здѣшняго общества, и служащими и торгующими, и не служащими и не торгующими: всѣ они съ большимъ участіемъ разспрашивали о моихъ странствованіяхъ и выслушивали съ живымъ любопытствомъ мои рассказы. Но кто бы ожидалъ, что въ ихъ скромной и, повидимому, неподвижной жизни было не меньше движенія и трудовъ, нежели во всякихъ путешествіяхъ? Я узналъ, что жизнь ихъ не неподвижная, не сонная, что она нисколько не похожа на обыкновенную провинціальную жизнь; что въ суммѣ здѣшней дѣятельности таится масса подвиговъ, о которыхъ громко кричали и печатали бы въ другихъ мѣстахъ, а у насъ, изъ скромности, молчать. Только въ якутскомъ областномъ архивѣ хранятся матеріалы, драгоцѣнные для будущаго историка Якутской области. Нѣкоторые занимаются здѣсь и въ Иркутскѣ разборкомъ старыхъ рукописей и, конечно, издадутъ свои труды въ свѣтъ. Но эти труды касаются прошедшаго: подвиги вынѣшнихъ дѣятелей такъ же скромно, безъ треска и шума, внесутся въ реестры официальнаго хранилища и долго еще до именъ ихъ не дойдетъ очередь въ исторіи.

Упомяну прежде о нашихъ миссіонерахъ. Здѣсь ихъ, въ Якутскѣ, два: священники Хитровъ и Запольскій. Знаете, что они дѣлаютъ? Десять лѣтъ живутъ они въ Якутскѣ и изъ нихъ трехъ лѣтъ не прожили на мѣстѣ, при семействахъ. Они постоянно разъѣзжаютъ по якутамъ, тунгусамъ

и другимъ племенамъ: къ однимъ, крещенымъ, ѣздить для требъ, къ другимъ для обращенія.

— Гдѣ же вы бывали? спрашивалъ я одного изъ нихъ.— «Въ разныхъ мѣстахъ», сказалъ онъ: «и къ сѣверу, и къ югу, за тысячу версть, за полторы, за три». — «Кто жъ живетъ въ тѣхъ мѣстахъ, наиримѣрь, къ сѣверу?» — «Не живетъ никто, а кочуютъ якуты, тунгусы, чукчи. Ѣздить по этимъ дорогамъ верхомъ, большею частью на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, или на оленяхъ. По колымскому и другимъ пустыннымъ трактамъ есть, пожалуй, и станціи, но какія разстоянія между ними: — версть по четыреста, небольшие всего по двѣсти версть!»

— «Двѣсти версть — небольшая станція! Гдѣ жъ останавливаются? гдѣ ночуютъ?» спрашивалъ я. — «Въ иныхъ мѣстахъ есть *поварни*», говорятъ мнѣ.

При этомъ словѣ, конечно, представится вамъ и поварь, пожалуй, въ воображеніи запахнетъ бифтексомъ, котлетами...

«Поварня, говорятъ мнѣ—пустая, необитаемая юрта, съ однимъ искусственнымъ отверстіемъ наверху и со множествомъ природныхъ щелей въ стѣнахъ, съ очагомъ посрединѣ—и только». Слѣдовательно это quasi-поварня.

Если хотите сдѣлать ее настоящей поварней, то привезите съ собой повара, да кетати ужъ и провизин, а иногда и дровъ, гдѣ лѣсу нѣтъ; не забудьте взять и огни: попросить не у кого, сосѣдей нѣтъ кругомъ; прямо на тысячу или больше версть пустыня, наираво другая, налѣво третья и такъ далѣе.

— «Слава Богу, если еще есть поварня!» говорилъ отецъ Никита: «а то и не бываетъ...» — «Какъ же тогда?» — «Тогда ночуемъ на снѣгу». — «Но не въ сорокъ градусовъ, надѣюсь». — «И въ сорокъ ночуемъ: куда жъ дѣться?» — «Какъ же такъ? вѣдь, говорятъ, при 40° дышать нельзя...» — «Трудно, грудь рѣжетъ немного, да дышимъ.

огонь, и притомъ въ снѣгу тепло. Морозъ ничего», прибавилъ онъ: «мы привыкли, да и хорошо закутаны. А вотъ гораздо хуже, когда застанеть пурга...»

Пурга стоить всякихъ морскихъ бурь: это снѣжный ураганъ, который застилаетъ мракомъ небо и землю и крутитъ тучи снѣгу: нельзя сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ: оставайтесь тамъ, гдѣ застала буря; если поупрямитесь, тронетесь — не найдете дороги впереди, не узнаете вашего и вчерашняго пути: гдѣ были бугры, тамъ образовались ямы и овраги; лучше стойте и не двигайтесь. — «Мы однажды добрались въ пургу до юрты», говорилъ отецъ Никита: «а товарищи отстали: не послушали инстинкта собакъ, своротили ихъ не туда, куда тѣ мчали, и заблудились. Три дня ждали ихъ, и когда прояснилось небо, ихъ нашли у дверей юрты. Последнюю ночь они провели тутъ, не подозревая жилья». Какова должна быть погода!

На - дняхъ священникъ Запольскій получилъ порученіе ѣхать на югъ, по радіусу тысячи въ полторы верстъ, или и больше: тутъ еще никто не измѣрялъ разстояній; это новое мѣсто. Онъ ѣдетъ развѣдать, кто тамъ живетъ, или, лучше сказать, живетъ ли тамъ кто-нибудь: и если живетъ, то исповѣдуетъ ли какую-нибудь религію, какую именно и т. п., словомъ, узнать все, что касается до его обязанностей.

— «Какъ же вы въ новое мѣсто поѣдете?» спросилъ я: «на чемъ? чѣмъ будете питаться? гдѣ останавливаться? По этой дорогѣ, вѣроятно, поваренъ нѣтъ...» — «Да, трудно; но вѣдь это только въ первый разъ», возразилъ онъ: «а во второй ужъ легче».

А онъ въ первый разъ и ѣдетъ, значить, надѣется ѣхать и во второй, можетъ быть и въ третій. — «Можно развѣдать», продолжалъ онъ: «есть ли жители по пути, или по сторонамъ, и уговориться съ ними о доставкѣ на будущее время оленей...» — «А далеко ли могутъ доставлять оленей?»

спросилъ я.—«Да хоть изъ-за шести или семисотъ верстъ, и то доставятъ. Что вы удивляетесь?» прибавилъ онъ: «вѣдь я не первый: тамъ вѣрно кто-нибудь бывалъ: *«въ Сибири нѣтъ мѣста, гдѣ бы не были русскіе»*. Забѣчательныя слова! — «Долго ли вы тамъ думаете пробыть?» спросилъ я.—«Лѣтомъ, полагаю, я вернусь». Лѣтомъ, а теперь октябрь!

Вы видите, что здѣсь въ религіозномъ отношеніи дѣлается то же самое, что уже сдѣлано для алеутовъ. Не нужно напоминать вамъ имя архіепископа, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги *Записки объ уналашкнскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ*. Изд. въ 1840 г. протоіерея (нынѣ камчатскаго, алеутскаго и курильскаго архіепископа Иннокентія) Веніамина. Авторъ въ предисловіи скромно называетъ записки *материалами для будущей исторіи нашихъ американскихъ колоній*; но прочта эти *материалы*, не пожелаешь никакой другой исторіи молодого и малоизвѣстнаго края. Нѣтъ недостатка ни въ полнотѣ, ни въ отчетливости по всѣмъ частямъ знанія: этнографіи, географіи, топографіи, натуральной исторіи; но всего болѣе обращено вниманія на состояніе церкви между обращенными, успѣхамъ которой онъ такъ много, долго и ревностно содѣйствовалъ. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ. Кромѣ того о. Веніаминавымъ переложено на алеутскій языкъ евангеліе, имъ же изданы алеутскій и алеутско-кадьякскій буквари, съ присовокупленіемъ на томъ и на другомъ языкахъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы Господней, всеневныхъ молитвъ, потомъ счета и цифръ. То же самое, кажется, если не ошибаюсь, сдѣлано и для колочѣ.

Если хотите подробнѣе знать о *состояніи Православной Церкви въ Россійской Америкѣ*, то прочтите изданную.

подъ заглавіемъ этимъ въ 1840 году, брошюру протоіерея І. Веніамінова. Теперь онъ, т.-е. преосвященный Иннокентій подвизается здѣсь на болѣе обширномъ поприщѣ, начальствуя паствою двухсотъ тысячъ якутовъ, нѣсколько тысячъ тунгусовъ и другихъ племенъ, раскиданныхъ на пространства тысячъ трехъ верстъ въ длину и въ ширину области. Подъ его руководствомъ перелагается евангельское слово на ихъ скудное, неизмѣющее права гражданства между нашими языками, нарѣчіе. Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ евангелія. Всѣ духовныя лица здѣсь знаютъ якутскій языкъ. Переводъ вчернѣ уже оконченъ. Когда я былъ въ комитетѣ, тамъ занимались окончательнымъ пересмотромъ евангелія отъ Матоея. Сличались греческій, славянскій и русскій тексты съ переводомъ на якутскій языкъ. Каждое слово и выраженіе строго взвѣшивалось и повѣрялось всѣми членами.

Почтенныхъ отцовъ нерѣдко затруднялъ недостатокъ словъ въ якутскомъ языкѣ для выраженія [многихъ, не только нравственныхъ, но и вещественныхъ] понятій, за неизмѣніемъ самыхъ предметовъ. Напримѣръ, у якутовъ нѣтъ слова *плодъ*, потому что не существуетъ понятія. Подъ здѣшнимъ небомъ не родится ни одного плода, даже дикаго яблока: нѣчего было и назвать этимъ именемъ. Есть рябина, брусника, дикая смородина или, по здѣшнему, *кислица*, моронка—но то ягоды. Сами якуты, затрудняясь названіемъ многихъ занесенныхъ русскими предметовъ, называютъ ихъ русскими именами, которыя и вошли навсегда въ составъ якутскаго языка. Такъ, хлѣбъ они и называютъ хлѣбъ, потому что русскіе научили ихъ ѣсть хлѣбъ, и много другихъ, подобныхъ тому. Такъ поступалъ преосвященный Иннокентій при переложеніи евангелія на алеутскій языкъ, такъ поступаютъ перелагатели священнаго писанія и на якутскій языкъ. Впрочемъ, такъ же было поступлено и

съ славянскимъ переложеніемъ евангелія съ греческаго языка.

Одинъ изъ миссіонеровъ, именно священникъ Хитровъ, занимается, между прочимъ, составленіемъ грамматики якутскаго языка, для руководства при обученіи якутовъ грамотѣ. Она уже кончена. Вы видите, какое дѣло замышляется здѣсь. Я слышала, что всѣ планы и труды здѣшняго духовнаго начальства уже одобрены правительствомъ. Кромѣ якутскаго языка, евангеліе окончено переводомъ на тунгусскій языкъ, который, говорятъ, сходенъ съ манчжурскимъ, какъ якутскій съ татарскимъ. Составлена, какъ я слышала, и грамматика тунгусскаго языка, все духовными лицами. А одинъ изъ здѣшнихъ медиковъ составилъ тунгусско-русскій словарь изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ. Такъ какъ у тунгузовъ нѣтъ грамоты и слѣдовательно грамотныхъ людей, то духовное начальство здѣшнее, для опыта, намѣрено разослать пока письменныя копіи съ перевода евангелія въ кочевья тунгузовъ, чтобъ наши священники, знающіе тунгусскій языкъ, чтеніемъ перевода распространяли между ними предварительно и постепенно истину вѣры и приготовляли ихъ такимъ образомъ къ болѣе основательному познанію священнаго писанія, въ ожиданіи, когда распространится между ними знаніе грамоты и когда можно будетъ снабдить ихъ печатнымъ переводомъ.

При этомъ письмѣ я приложу для вашего любопытства образецъ этихъ трудовъ: молитву Господню на якутскомъ, тунгусскомъ и колошенскомъ языкахъ *), которая сообщена

*) Молитва Господня. Мат. VI. 9—13.

1. *На якутскомъ языкѣ:*

Бисиги Агабытъ, энъ баргытъ халланиаръ-юрдялригяръ! Сибеттій-диннигъ атыгъ Эени, келигъ Эць Сарствагъ, кѣиглюгъ Эени боллугъ сирья-да, хайтахъ (баръ кини) халланъ юрдогяръ; бюгюю юнгья асырь аспытытъ нулу бисяха, халларъ бисяха бисиги оснититъ, хайтахъ бисиги-беэбитъ даганы естяхтырбитигяръ халларыбытъ, киллярими бисигини альчжархайга, быса бисигини абасытытъ.

миѣ здѣсь. Что значать трудности англійскаго выговора, въ сравненіи съ этими звуками, въ произношеніи которыхъ участвуютъ не только горло, языкъ, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то надежь впереди имени, то притяжательное мѣстоименіе слито съ именемъ и т. п. И все это преодолюно!

Я забылъ сказать, что для якутской грамоты приняты русскія буквы, съ незначительнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, посредствомъ особыхъ знаковъ, чтобы пополнить недостатокъ въ нашемъ языкѣ звуковъ, частью гортанныхъ, частью носовыхъ. Но вы, вѣроятно, знаете это изъ книги г. Бетлинка, изданной въ С.-Петербургѣ: *Ueber die jakūtische Sprache*, а если нѣтъ, то загляните въ нее изъ любопытства. Это большой филологическій трудъ, но трудъ начальный, который долженъ послужить только матеріаломъ для будущихъ основательныхъ изысканій о якутскомъ языкѣ. Въ этой книгѣ формы якутскаго языка изложены сравнительно съ монгольскимъ и другими азіатскими нарѣчьями. Самъ г. Бетлингъ въ книгѣ своей не беретъ на

2. На тунгусскомъ языкѣ:

Амьнѣтѣ муть-ни няняль-дула биши! да бидишь гэринь-ди гырбѣишь Хинни; да амдѣишь царство Хинни; да бѣдишь Хинь джалысь, торь ли, онка иць-ли.—Клѣбъ муть-нивь элэ иць-ла були муть-тутыгъ. Амали-да муть-ту коталь-буць муть-нивь, онка муть амаваттець коталасаль-бурь муть ниль бурь; Аликань-да бурь муту урериду; астили-да муту улъ тугъ.

3. На коломенскомъ языкѣ:

Аиць ааги, кусу Тыкинь сгатыгя, укатуваннъ исаги.
Атьеняны Царствіе јаги; еуккастѣи тлютахъ ту јаги. тѣтнѣ.
васса тыкинь;

Катувахагяць аиць-ты яемпикаць;

Ишантѣнь атакъ итуватѣ уань люшигегяць, — васса уань ишантѣнь та атутехкъ ныгате аткуту-сыагика.

Длѣ тучѣхъ ансаакъ люшикегегете; эакасныхъ уань цивикикувутахъ.

себя основательнаго знанія этого языка и ссылается на другіе авторитеты. Для письменной грамоты алеутовъ и тунгусовъ приняты тоже русскія буквы, за неизмѣнѣемъ никакой письменности на тѣхъ нарѣчіяхъ.

Теперь отъ миссіонеровъ перейдемъ къ другимъ лицамъ. Вы знаете, что были и есть люди, которые подходили близко къ полюсамъ, обошли берега Ледовитаго моря и Сѣверной Америки, проникали въ безлюдныя мѣста, пытались иногда бульономъ изъ голенища своихъ сапоговъ, дрались съ звѣрями, съ стихіями — все это герои, которыхъ имена мы знаемъ наизусть и будемъ знать потомство, печатаемъ книги о нихъ, рисуемъ съ нихъ портреты и дѣлаемъ бюсты. Одинъ опредѣлялъ склоненіе магнитной стрѣлки, тотъ ходилъ отыскивать ближайшій путь въ другое полушаріе, а иные, не найдя ничего, просто замерзли. Но все они ходили за славою. А кто знаетъ имена многихъ и многихъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ ассессоровъ, поручиковъ и майоровъ, которые каждый годъ ѣздятъ въ непроходимыя пустыни, къ берегамъ Ледовитаго моря, спать при 40° мороза на снѣгу — и все этой *по казенной надобности*? Портретовъ ихъ нѣтъ, книгъ о нихъ не пишется, даже въ формулярѣ ихъ сказано будетъ глухо: «исполняли разныя порученія начальства».

Зачѣмъ же они ѣздятъ туда? Да вотъ, на примѣръ, понадобилось снабдить одно мѣсто свѣжимъ мясомъ и послали чиновника за тысячу верстъ заготовить столько-то сотъ быковъ и оленей и доставить ихъ за другія тысячи верстъ. Въ другой разъ случится какое-нибудь происшествіе, и посылаютъ служащее лицо, тысячи за полторы, за двѣ версты, *произвести слѣдствіе*, или просто осмотрѣть какой-нибудь отдаленный уголокъ: все ли тамъ въ порядкѣ. Не забудьте, что по этимъ краямъ большихъ дорогъ мало, ѣздятъ все верхомъ и зимой, и лѣтомъ, или дороги такъ узки, что запрягаютъ лошадей гусемъ. Другой посылается, на примѣръ,

въ Нижне-Колымскій уѣздъ, — это ни больше, ни меньше, какъ къ Ледовитому морю, за двѣ тысячи пятьсотъ или три тысячи верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ — зачѣмъ вы думаете: овладѣть ихъ землей, а ихъ самихъ обложить податью? Чукчи остаются до сихъ поръ еще въ дикомъ состояніи, упорно держатся въ своихъ тундрахъ и перѣдко гибнутъ отъ голода, по недостатку рыбы, или звѣрей. Завидная добыча, нечего сказать! Зачѣмъ же посылать къ нимъ? А зачѣмъ, чтобъ вывести ихъ изъ дикости и заставить жить по-человѣчески, и все даромъ, безкорыстно: съ нихъ взять нечего.

Чукчи держатъ себя поодаль отъ нашихъ поселенцевъ, полагая, что русскіе придутъ и перерѣжутъ ихъ, а русскіе думаютъ — и гораздо съ бѣльшимъ основаніемъ — что ихъ перерѣжутъ чукчи. Отъ этого происходитъ то, что тѣ и другіе избѣгаютъ другъ друга, хотя живутъ рядомъ, не оказываютъ взаимной помощи въ нуждѣ во время голода, не торгуютъ и, того гляди, еще подерутся между собой.

Чиновникъ былъ посланъ, сколько я могъ узнать, чтобъ сблизить ихъ. — «Какъ же вы сдѣлали?» спросилъ я его. — «Лаской и подарками», сказалъ онъ: «я съ трудомъ зазвалъ ихъ старшинъ на русскую сторону, къ себѣ въ юрту, угощалъ чаемъ, увѣрилъ, что имъ опасаться нечего, и послѣ того многія семейства перекочевали на русскую сторону».

И они позвали его къ себѣ. — «Мы у тебя были, теперь ты приходи къ намъ», — сказали они и угощали его обѣдомъ, но въ своемъ вкусѣ, и потому онъ не ѣлъ. Въ грязномъ горшкѣ чукчанка сварила оленины, вынимала ее и дѣлила на части руками — какими — Боже мой! Когда онъ отказался отъ этого блюда, ему предложили другое, самое лакомое: сырые оленины мозги. — «Мы ѣли у тебя, такъ ужъ и ты, какъ хочешь, а ѣшь у насъ», говорили они.

Онъ много рассказывалъ любопытнаго о нихъ. Онъ обла-

скаль одного чукчу, посадилъ его съ собою обѣдать, и тотъ потомъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, служилъ ему проводникомъ, просиживалъ надъ нимъ ночью, не смыкая глазъ и охраняя его сонъ, и разстался съ нимъ только на границѣ чукотской земли. Поступите съ нимъ грубо, постращайте его — и во сколько лѣтъ потомъ не изгладите впечатлѣнія!

Любопытно также, какъ чукчи производятъ торговлю. т.-е. мѣну съ другимъ племенемъ, каргаулями, или карагаулями, живущими на островахъ устья рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море. Чукча и каргауль держатъ въ одной рукѣ товаръ, который хотятъ промѣнять, а въ другой по длинному ножу, и не спускаютъ другъ съ друга глазъ, взаимно слѣдя за движеніями, и такимъ образомъ передаютъ товары. Чуть одинъ зазѣвается, другой вонзаетъ въ него ножъ и беретъ весь товаръ себѣ. Объ убитомъ никто не заботится: «должно-быть, дурной человекъ былъ!» говорятъ они и забываютъ о немъ.

О корягахъ, напротивъ, рассказываютъ много хорошаго, о тунгузахъ еще больше. Последніе честны, добры и трудолюбивы. Коряки живутъ тоже скудными рыбными и звѣринными промыслами, и въ юртахъ ихъ нерѣдко бываетъ такая же стыння, какъ въ *поварняхъ*, по колымскому и другимъ безлюднымъ трактамъ. Въ голодъ они дѣлятъ поровну между собою все, что добудутъ: звѣря, рыбу, или другое. Когда хотѣли наградить одного коряка за такой дѣлежъ, онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. — «За что?» спрашиваетъ. — «За то, что раздѣлилъ свою добычу съ другими». «Да вѣдь у нихъ нѣтъ!» отвѣчалъ онъ съ изумленіемъ. Билесъ, билесъ, такъ и не могли принудить его взять награду. Хвалятъ тоже ихъ за чистоту нравовъ. Дочь одного коряка измѣнила правиламъ нравственности. По обычаю коряковъ, ее слѣдовало убить. Отецъ не могъ исполнить этого долга: она была любимая и единственная дочь. — «Не могу», ска-

заль онъ, подавая ей веревку: «удавись сама». Она удавилась, и онъ нѣсколько лѣтъ оплакивалъ ее.

Не то рассказываютъ про якутовъ. Хвалятъ ихъ за способности, за трудолюбіе, за смыслѣность, но въ нихъ, какъ въ многочисленномъ, преобладающемъ здѣсь племени, уже развиты нѣкоторые пороки: они, между прочимъ, склонны къ воровству. Убіиства между ними рѣдки: они робки и боятся наказаній. Но въ воровствѣ они обнаруживаютъ много тонкости, которая бы не осрамила лондонскихъ мошенниковъ. Одинъ якутъ украдетъ, напримѣръ, корову, и чтобъ зимой по слѣдамъ не добрались до него, надѣваетъ на нее сары, или сапоги изъ конской кожи, какіе самъ носитъ. Но и хозяинъ коровы не промахъ: онъ поутру смотритъ не подъ ноги, не на слѣды, а вверхъ: замѣчаетъ, куда слетаются вѣроны, и часто нападаетъ на покражу, узнавая по шкурѣ зарѣзанной коровы свою собственность.

Однажды нѣсколько якутовъ перелѣзли на чужой дворъ украсть лошадь. Ворота заперты, вывести нельзя; они вздумали перетянуть ее черезъ заборъ: переднія ноги уже были за заборомъ; воры усердно тащили за хвостъ и другую половину лошади. Она, конечно, къ этому новому способу путешествія равнодушна быть не могла и сильно протестовала съ своей стороны, и копытами, и головой. Хозяинъ вышелъ на шумъ, а воры мгновенно спрятались, кромѣ того, который былъ на улицѣ. «Хозяинъ, хозяинъ», кричалъ онъ: «смотри, что я засталъ: у тебя лошадь воруютъ». — «И такъ воруютъ». — «Вери же ее назадъ». Стали тащить назадъ — не подается: воръ съ улицы крѣпко придерживалъ ее за узду. «Туда нейдетъ», говорилъ онъ: «ты лучше подтолкни ее сюда; а потомъ отвори ворота, я ее приведу». Такъ и сдѣлано. Само собою разумѣется, что воръ ускакалъ на лошади, не дождавшись хозяина.

Якуты здѣсь все: кучера, слуги и ремесленники; они — хорошіе скорняки, кузнецы, но особенно способны къ плот-

ничной и столярной работѣ. Имъ недостаетъ вкуса, потому что нѣтъ образцовъ. Здѣшніе древніе диваны и стулья переходятъ изъ дома въ домъ, не мѣняя формы; по нимъ дѣлаютъ и новую мебель. Дайте имъ образецъ—они сдѣлаютъ совершенно такую же вещь. Знаете ли, что мнѣ обѣщали принести на-дняхъ якутъ? бюстъ Рашели изъ мамонтовой кости, или изъ моржоваго зуба. Сюда присланъ бюстикъ изъ гипса и якутъ дѣлаетъ по немъ. Якутъ и Рашель—каково сближеніе!

Кстати объ издѣліяхъ изъ мамонтовой кости. Вы знаете, что кость эту находятъ не только въ кускахъ, но въ цѣлыхъ остовахъ. Мнѣ сказывали здѣсь, что про найденный недавно остовъ мамонта кто-то выдумалъ объявить чукчамъ, что имъ придется везти его въ Якутскъ, и они растаскали и истребили его такъ, что теперь и слѣдовъ нѣтъ.

Нѣтъ проѣзжаго, къ которому бы не явились якуты, и особенно якутки, съ этими издѣліями. Я купилъ рѣзную подставку для часовъ, только она не стоитъ на мѣстѣ. Но что это за издѣлія! Работа такая же допотопная, какъ и сама кость, съ допотопными надписями на гребнѣ: *въ знакъ любви или кого люблю, того дарю*. На ящикахъ зачѣмъ-то вырѣзанъ русскій гербъ. Жаль, что отдаленность и глушь края мѣшаютъ обратить на это вниманіе: кости здѣсь очень много, якутовъ еще больше, такъ что наши столики были бы заставлены бездѣлками изъ этого красиваго матеріала. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, к. О. хотѣлъ купить кусокъ необдѣланной кости и взять съ собой. «Если немного, такъ пожалуй, можно достать», отвѣчали ему. «Мнѣ небольшой кусокъ», сказала онъ. «Пудовъ восемнадцать, что ли?» спросили его. Но онъ отступился.

Еще слово о якутахъ. Г. Геденштромъ (въ книгѣ своей *Отрывки о Сибири*, С.-Петербургъ, 1830), между прочимъ говоритъ, что «Якутская область—одна изъ тѣхъ немногихъ странъ, гдѣ просвѣщеніе или *расширеніе понятій че-*

ловѣческихъ (sic) (стр. 94) болѣе вредно, чѣмъ полезно. Житель сей пустыни (продолжаетъ авторъ), сравнивая себя съ другими мірожителями, понялъ бы свое бѣдственное состояніе, и не нашелъ бы средствъ къ его улучшенію»... Вотъ какъ думали еще нѣкоторые, двадцать-пять лѣтъ назадъ!

Авторъ беретъ пороки образованнаго общества, какъ будто неотъемлемую принадлежность просвѣщенія, какъ будто и самое просвѣщеніе имѣетъ недостатки: тщеславіе, корысть, тонкій обманъ и т. п. Кажется, смѣшно и увѣрять, что эти пороки только обличаютъ въ человѣческомъ обществѣ еще недостатокъ просвѣщенія. Если дикари увлекаются скорѣе всего заманчивостью блеска, или чувственныхъ удовольствій—что совершенно справедливо—то за ними, какъ за дѣтьми, надо смотрѣть, что здѣсь и дѣлается. Я выше сказала, что отъ Якутска до Охотскаго моря нѣтъ вина; противъ тайнаго провоза его приняты очень строгія мѣры. Если зло затѣмъ и прокрадется, такъ въ такой незначительной степени, что оно уже не составитъ общей гибели. Факты свидѣтельствуютъ, что ябедничество тоже уменьшилось по судамъ. «Тщеславіе, честолюбіе и корысть», конечно, важные пороки, если опять-таки не посмотрѣть за дѣтьми и дать усилиться злу; между тѣмъ эти же пороки, какъ ихъ называетъ авторъ, могутъ, при разумномъ воспитаніи, повести къ земледѣльской, мануфактурной и промышленной дѣятельности, которую даже безъ нихъ, если правду сказать, и не привьешь къ краю. Что дѣлается безъ честолюбія и корысти, въ извѣстной степени, разумѣется? «Житель пустыни (говоритъ авторъ) понялъ бы свое бѣдственное положеніе и не нашелъ бы средствъ къ его улучшенію». Напротивъ, тогда-то и нашелъ бы, когда бы понять, или ему нашли бы, и находятъ.

Просвѣщеніе якута пока состоитъ въ томъ, чтобъ приучить его къ земледѣлію, къ скотоводству, къ торговлѣ; все

это и дѣлается. Нужды нѣтъ, что онъ живетъ въ пустынѣ, просвѣщеніе находитъ средство справиться и съ пустыней. Думали же прежде, что здѣсь не родится хлѣбъ; а принялись съ умѣньемъ и любовью къ дѣлу — и вышло, что родится. Вотъ теперь разводять овецъ. Конечно, долго еще ждать, когда мы будемъ носить сукна якутскихъ фабрикъ; но этого и не нужно пока. Слава Богу, да, слава Богу, не во гнѣвъ автору, что якуты теперь ѣдятъ хлѣбъ, а не кору, носятъ русское сукно, а не сырую звѣриную кожу! Дикія добродѣтели, простота нравовъ — какія сокровища: есть о чемъ вздыхать! Говорятъ, дикари не пьютъ, не воруютъ — да, пока нечего пить и воровать; не лгутъ — потому что нѣтъ надобности. Хорошо, но вѣдь оставаться въ дикомъ состояніи нельзя. Просвѣщеніе, какъ пожаръ, охватываетъ весь земной шаръ. «Но да пощадитъ оно, восклицаетъ авторъ (т.-е. просвѣщеніе) (стр. 96): якутовъ и подобныхъ имъ, къ которымъ природа ихъ земли была мачихою!» Другими словами: просвѣщенные люди! не ходите къ якутамъ: вы ихъ развратите! Какой чудакъ этотъ авторъ! А гдѣ же взять шубу? вѣдь это все у якутовъ, не у нихъ, такъ у тунгусовъ, наконецъ, у алеутовъ, у колошъ и т. д., все у тѣхъ же дикарей! Природа не совсѣмъ была къ нимъ мачиха, наградивъ ихъ край соболями, бѣлками, горностаемъ и медвѣдями.

Книга г. Геденштрома издана въ 1830 году; можетъ-быть, авторъ съ тѣхъ поръ и самъ отказался отъ своего парадокса.

Впрочемъ, обѣ приведенныя книги, *Попѣдка въ Якутскъ* и *Отрывки о Сибири* даютъ, по возможности, удовлетворительное понятіе о здѣшнихъ мѣстахъ, и вполне заслуживаютъ того одобренія, которымъ наградила ихъ публика. Первая изъ нихъ дала два, а, можетъ-быть, и болѣе изданій. Рекомендую вамъ обѣ, если бѣ вы захотѣли узнать что-нибудь больше и вѣрнѣе объ этомъ отдаленномъ уголкѣ, о

которомъ я, какъ проѣзжій, встрѣтившій печальною остановку на пути и имѣвшій недѣлю, другую досуга, могъ написать только этотъ блѣдный очеркъ.

Не указываю вамъ другихъ авторитетовъ, важнѣе, на-примѣръ, книги барона Врангеля: вы давнымъ-давно знаете ее; прибавлю только, что имя этого писателя и путешественника живо сохраняется въ памяти сибиряковъ, а книгу его непременно найдете въ Сибири у всѣхъ образованныхъ людей.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ якутскихъ купцовъ, которые также достигаютъ до здѣшнихъ Геркулесовыхъ столповъ, т.-е. до Ледовитаго моря, или въ противную сторону, до невѣдомыхъ пустынь. Одинъ изъ нихъ ѣздитъ, на-примѣръ, за пятьсотъ верстъ еще далѣе Нижнеколымска, до котораго считается три тысячи верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ, другой къ югу, на рѣку Уду, третій къ западу, въ Вилюйскій округъ.

«Свѣтъ малъ, а Россія велика», говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, пришедшій также кругомъ свѣта въ Сибирь. Правда. Между тѣмъ пріѣзжайте изъ Россіи въ Берлинъ, васъ сейчасъ произведутъ въ путешественники; а здѣсь изъѣдите пространство втрое больше Европы, и вы все-таки будете только *проѣзжій*. Въ Россіи нѣтъ путешественниковъ, все проѣзжіе, несмотря на то, что теперь именно это стало наоборотъ. Развѣ по желѣзнымъ дорогамъ путешествуютъ? Онѣ выдуманы затѣмъ, чтобъ «проѣзжать» пространства, не замѣчая ихъ. Теперь я вижу, что у насъ, въ этихъ отдаленныхъ уголкахъ, только еще и можно путешествовать, въ старинномъ, занимательномъ смыслѣ слова, съ лишениями, трудностями, съ запасомъ чуть не на годъ провизіи, съ перинами и самоварами. Да и то, благодаря здѣшнему начальству, исчезаетъ понемногу. И здѣсь заводятся удобства: того и гляди, скоро не дадутъ выспаться на сѣбѣ, и въ поварни приставятъ поваровъ — бѣда: со-

всѣмъ истребится порода путешественниковъ! Обратимся къ купцамъ.

Они берутъ извѣстное число лошадей, смотря по количеству товара, иногда до сорока, ѣдутъ, каждый по своему радиусу, въ нѣкоторые сборные пункты, которые называются великолѣпнымъ именемъ *ярмарокъ*. Туда къ извѣстному дню стекаются якуты, чукчи, тунгусы и прочіе, и производится мѣна. Чукчи покупаютъ простой листовой табакъ, называемый здѣсь *черкасскимъ*, и желѣзные издѣлія, топоры, гвозди и проч., якуты — бумажныя и шерстяныя матеріи, дабу, грубые ситцы, холстину, толстое сукно, также чай, сахаръ; послѣдній большею частію въ леденцѣ, вывозимомъ изъ Китая.

Купцы вымѣниваютъ отъ нихъ пушпой товаръ, добытый въ теченіе лѣта и осени; товаръ этотъ покупаютъ у нихъ, какъ выше сказано, пріѣзжающіе сюда на ярмарку въ іюлѣ иркутяне, перепродаютъ на нижегородскую и ирбитскую ярмарки, или въ Кяхту, оттуда въ Китай и т. д.

Вотъ вамъ происхожденіе горностаевыхъ муфтъ и боа, бѣличьихъ тулуповъ и лисьихъ салоновъ, собольихъ шубъ и воротниковъ, медвѣжьихъ полостей — всего, чѣмъ мы щеголяемъ за уральскимъ хребтомъ! Купцы отправляются въ ноябрѣ и возвращаются въ апрѣлѣ. Имъ сопутствуютъ иногда жены — и все переносятъ: ѣздить верхомъ, спать, если не въ поварняхъ, такъ подъ открытымъ небомъ, и жить по многимъ мѣсяцамъ въ пустынныхъ, глухихъ уголкахъ, и не рассказываютъ объ этомъ, не тщеславятся. А американецъ, или англичанинъ какой-нибудь, съѣздитъ, съ толпою слугъ, дикарей, съ ружьями, съ палаткой, куда-нибудь въ горы, убьетъ медвѣдя — и весь свѣтъ знаетъ и кричить о немъ!

Купцы, однако, жаловались мнѣ, что торгъ пушными товарами идетъ гораздо тише прежняго, такъ что едва стѣитъ ѣздить въ отдаленные края. Они искали разныхъ причинъ

этому, приписывая упадокъ торговли частью истребленію звѣрей, отчего звѣроловы возвышаютъ цѣны на мѣха, частью безпокойствамъ, возникшимъ въ Китаѣ, отчего будто бы мѣха сбываются съ трудомъ и дешево.

Но, кажется, причина тутъ другая: на нѣкоторыхъ пунктахъ по Ленѣ открылись золотые прииски: золотопромышленники основали тамъ свое пребываніе, образовавъ около себя новые центры дѣятельности. Туда потянулось народонаселеніе, понадобились руки, тамъ и товаръ находить сбытъ. Вскорѣ, можетъ-быть, загремятъ имена мѣстечекъ и городковъ, теперь едва извѣстныхъ по имени: Олекминска, Витима и другихъ. Здѣсь имена эти начинаютъ повторяться чаще и чаще. Люди тамъ жмутся тѣснѣе въ кучу; пустынная Лена стала живымъ, неумолкающимъ, ни лѣтомъ, ни зимою, путемъ. Это много отвлекло рукъ и капиталовъ отъ Якутска.

Я такъ думалъ вслухъ, при купцахъ, и они согласились со мною. Съ общей точки зрѣнія оно очень хорошо; а для этихъ пяти, шести, десяти человекъ—нѣтъ. Торговля въ этой малонаселенной части имперіи обращается, какъ кровь въ жилахъ, помогая распространенію народонаселенія. Одно мѣсто гложетъ, другое возникаетъ рядомъ, потомъ третье, и такъ далѣе, а между тѣмъ люди разбредутся въ разныя стороны, оснуются въ глуши и, вмѣсто золота, начнутъ добывать изъ земли что-нибудь другое.

Но довольно. Какъ ни хорошо отдохнуть въ Якутскѣ отъ труднаго пути, какъ ни любезны его жители, но пробыть два мѣсяца здѣсь—утомительно. Боже сохрани отъ лютости скуки и сорока-градусныхъ морозовъ! Пора, пора, морозы уже трещать: 32, 35 и 37°; скоро *дышать будетъ тяжело*. Въ прошедшемъ году морозъ здѣсь достигалъ, говорятъ, до 48°.

А я все хожу въ петербургскомъ байковомъ пальто и въ резиновыхъ калошахъ. Надо мной смѣются и пророчатъ

простуду, но ничего: только брови, рѣсницы, усы, а у кого есть и борода, *куржесветють*, т.-е. покрываются льдомъ, такъ что брови срастаются съ рѣсницами, усы съ бородой и образуютъ на лицѣ ледяное забрало; отъ мороза даже зрачкамъ больно.

Вотъ и повозка на дворѣ, щи, въ замороженныхъ кускахъ, уже готовы, мороженые пельмени и струганина то же; бутылки съ виномъ обшиты войлокомъ, ржаной хлѣбъ и бѣлыя булки—все обращено въ камень.

Я простился со всѣми: кто хочетъ проводить меня широмъ, кто прислалъ рыбу на дорогу, и всѣ просятъ непременно выкушать наливочки, холодненькаго... Бѣда съ непривычки! Добрые пріятели провожаютъ съ открытой головой на крыльцо и ждутъ, пока сядешь въ сани, съѣдешь со двора—имъ это ничего. Пора, однако, *шибко* пора.

Якутскъ, ноябрь, 1854.

IX.

ДО ИРКУТСКА.

Городъ Олекма.—Лена.—Станціи по ней.—Сорокъ градусовъ мороза.—Вино и щи въ кускахъ.—Юрты съ чужалами.—Лѣса.—Тунгусы.—Витима.—Киренскъ.—Лошади и ямщики.

Я выѣхалъ изъ Якутска 25-го ноября, при 36° мороза; воздухъ чистъ, сухъ, остръ, рѣжетъ легкія, и горе страждущимъ грудью! но за то не приобрѣтешь простуды, флюса, какъ, напримѣръ, въ Петербургъ, гдѣ стоитъ только распахнуть для этого шубу. Замерзнуть можно, а простудиться трудно.

И какое здѣсь прекрасное небо, даромъ что якутское: чистое, съ радужными отбѣнками! Даха, т.-е. козлиная мягкая шкура (дикаго горнаго козла), рѣшительно защищаетъ отъ всякаго мороза и не надо никакого тулупа подъ нее: только тяжести прибавить. Она легка, пушиста и грѣетъ въ 40°. Не защититъ лишь отъ вѣтра, отъ котораго ничто не защититъ. Какъ же тогда? Опустите замечъ у новозки, или спрячьтесь, или, наконецъ, какъ знаете. Лошади отъ вѣтра воротятъ морды назадъ, ямщики тоже, и сѣдоки прячутъ лицо въ подушки—напрасно: такъ и рѣжетъ шею,

спину, грудь и непременно доберется до носа. У меня даже пятка озябла—эта самая безчувственная часть у всякаго, кто не съ родни Ахиллесу.

Ну, такъ вотъ я въ дорогѣ. Какъ же, спросите вы, послѣ тропиковъ показались мнѣ морозы? А ничего. Сижу въ своей открытой повозкѣ, какъ въ комнатѣ; а прежде боялся, думалъ, что въ 30° не пройдешь тридцати верстъ; теиерь узналъ, что пройдешь лучше при 30° и скорѣе, потому что ямщики мчатъ что есть мочи; у нихъ зябнуть руки и ноги, зябѣ бы и носъ, но они надѣваютъ на шею боа.

Бду я все еще по пустынѣ и долго буду ѣхать: дни, недѣли, почти мѣсяцы. Это не поѣздка, не путешествіе, это особая жизнь: такъ длиненъ этотъ путь, такъ однообразно тянутся дни за днями, мелькають станціа за станціями, стелются безконечныя снѣжныя поля, идутъ по сторонамъ Лены высокія горы, съ красивымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Еще однообразиѣ всего этого лежитъ глубокая ночь двѣ трети сутокъ надъ этими пустынями. Солнце поднимается невысоко, выглянетъ изъ-за горъ, протечетъ часа три, не отрываясь отъ ихъ вершинъ, и спрячется, оставивъ послѣ себя продолжительную огнистую зарю. Звѣзды въ этомъ прозрачномъ небѣ блещутъ такъ же ярко, лучисто, какъ подъ другими, не столь суровыми небесами.

По Ленѣ живутъ все русскіе поселенцы и кромѣ того много якутовъ: оттого все русскіе и здѣсь говорятъ по-якутски, даже между собою. Все ихъ сношенія ограничиваются якутами, да рѣдкими проѣзжими. Лѣтомъ они занимаются хлѣбопашествомъ, сѣютъ рожь и ячмень, больше для своего употребленія, потому что сбывать пекуда. Тѣ, которые живутъ выше по Ленѣ, могутъ сплавлять свои избытки по рѣкѣ на золотые прииски, находящіеся между городами Киренскомъ и Олекмой.

Зимой крестьяне держатъ лошадей на станціяхъ. Лошади

не сильны, хотя и рѣзвы; кормъ ихъ одно сѣно, и потому, если разгощъ великъ, лошади теряютъ силу и едва выдерживаютъ гоньбу по длиннымъ разстояніямъ между станціями. Всѣ станціи расположены на пригоркахъ, оттого при подъемѣ и спускѣ всегда берутся предосторожности. Экипажи спускаютъ на Лену на одной лошади, или *коть*, какъ здѣсь всѣ говорятъ, и уже внизу подпрягаютъ другихъ, и тутъ еще держатъ ихъ человекъ пять ямщиковъ, пока садится очередной ямщикъ; и когда онъ заберетъ вожжи, всѣ разступятся и тройка или пятерка помчитъ что есть мочи, но скоро утомится; снѣгъ глубокъ, бѣжать вязко, или, по здѣшнему, *убродно*.

Мнѣ странно показалось, что ленскіе мужички обращаютъ вниманіе на такую мелочь, спускаютъ съ горъ на одномъ конѣ: это не въ нашемъ характерѣ. Ну, какъ бы не махнуть на тройкѣ! Вѣрно начальство притѣсняеть, велитъ остерегаться! Впрочемъ, я радъ за шею ближняго, и въ томъ числѣ за свою.

Многимъ нравится дорога, не какъ путешествіе, т.-е. наблюденіе нравовъ, переменна мѣсть и проч., а просто какъ дорога. Есть же охотники переѣзжать съ квартиры на квартиру; гулять по осенней слякоти и т. п. Славно, говорятъ любители дороги, когда намерзнешься, заиндивѣшь весь и потомъ ввалишься въ теплую избу, наполнивъ холодомъ, и избу, и чуланчикъ, и полати, и даже подъ лавку дунетъ холодъ, такъ что сидящіе по лавкамъ ребятишки подождутъ голыя ноги, а котъ уйдетъ изъ-подъ лавки на печку...—«Хозяйка, самоваръ!» И пойдетъ суматоха: на сцену является извѣстный погребецъ, загремятъ чашки, повалитъ дымъ, съ *душистой струей*, отъ маленькаго графинчика, въ печкѣ затрещитъ огонь, на сковородѣ, отъ поливаемого масла, раздается неистовое шипѣнье; а на столѣ поставлена ужъ водка, икра, тарелки etc., etc. Если спутникъ не одинъ, идетъ шумный разговоръ, а одинъ, такъ

онъ выбереть какого-нибудь старика и давай экзаменовать его: «сколько хлѣба, да какой, куда сбываете? А ты что спрягалась, красавица?» тутъ же скажетъ дѣвкѣ мимоходомъ: «поди сюда?» Или дастъ разинувшему ротъ, не совѣмъ умытому мальчишкѣ, кусокъ сахару: все это называется «удовольствіемъ». Пожалуй, почему и не такъ? Но когда это удовольствіе тянется такъ долго, какъ мое, тогда дашь ему и другое названіе.

Здѣсь идетъ правильнѣйшій почтовый трактъ, и весьма исправнѣйшій, но дорога не торная, по причинѣ малой ѣзды. Проѣдетъ почта, или кто-нибудь изъ служащихъ, и опять замолкнетъ надолго путь, а дорогу замететь первымъ вѣтромъ. Приходится проѣзжему вповѣ пролагать ее по снѣжнымъ буграмъ: отъ этого здѣсь дорога постоянно тяжела для лошадей. Ѣдутъ и рѣкой, гдѣ можно, лугами, островами и берегомъ. На одной станціи случается ѣхать по берегу, потомъ спуститься на протокъ Лены, потомъ переѣхать островъ, выѣхать на самую Лену, а отъ нея опять на берегъ, въ лѣсъ. Иногда же, напротивъ, ѣдешь по Ленѣ отъ станціи до станціи, любишь, то горами, то тѣросомъ, т.-е. буграми льда, гдѣ Лена встала неровно: иногда видишь въ одномъ мѣстѣ стоять паръ надъ рѣкой. — «Что такое?» спросишь. — «Наледи», говорятъ, т.-е. проступающая сквозь ледъ вода, или вытекающіе на ленскій ледъ горные ключи, вѣроятно, минеральные, которые иногда вовсе не замерзаютъ, можетъ-быть, отъ присутствія въ нихъ газовъ. Къ веснѣ, въ февралѣ и мартѣ, дорога по Ленѣ, говорятъ, очень хороша, укатана.

Какія развлеченія на такомъ длинномъ переѣздѣ? Приѣдешь на станцію: «скорѣй, скорѣй дай *кусочекъ* вина и *кружокъ* щей». Все это заморожено и везется въ твердомъ видѣ; цѣльмени тоже, рябчики, которыхъ здѣсь множество, и другая дичь. Надо имѣть замороженный черный и бѣлый хлѣбъ. На станціяхъ есть молоко, кое-гдѣ яйца, мѣстами

овоши, но на это нельзя рассчитывать. Жители, по малому числу проезжихъ, держатъ все это только для себя, или отправляютъ, если близко, на прииски, которые много поддерживаютъ здѣшнія мѣста, доставляя работу. Туда стекается народъ: предметовъ потребленія надобится все больше и больше, обозы идутъ чаще изъ Иркутска на прииски и обратно—и формируется центръ сильнаго народонаселенія и дѣятельности. Та же исторія, что въ Калифорніи, въ Австраліи. Это напоминаетъ басню о кладѣ, завѣщанномъ старикомъ своимъ дѣтямъ. Дѣло—не въ золотѣ.

Первые дни морозъ былъ ужъ очень силенъ. Высунешь на минуту руку поправить что-нибудь — и пальцы озябнуть до костей; дотронешься даже до дерева, и то жжется какъ желѣзо. На одной станціи я спросилъ, сколько считаютъ они градусовъ такого мороза. — «Градусовъ пятьдесятъ, батюшка», сказала мнѣ старуха. Человекъ мой усмѣхнулся. — «Градусовъ пятьдесятъ не бываетъ», сказалъ онъ. — «И! родимый! у насъ и семьдесятъ бываетъ», отвѣчала она. — «Когда же кончаются эти морозы?» — «А въ апрѣлѣ, кормилецъ; въ маѣ все таетъ, а ужъ въ іюнѣ, въ половинѣ, и высохнетъ все». — «Какъ вы это живете тутъ?» спросилъ я. — «Да мы ужъ *обнатуренные*», сказала она. — «А лѣто у васъ хорошо?» спросилъ я. — «*Годявое*, да только коротко: съемъ ярицу, да озябаешь, не каждый годъ родится, а когда родится, такъ хорошо».

Въ другомъ мѣстѣ станціонный смотритель позабавилъ меня ужъ другимъ языкомъ. Онъ предложилъ обѣдать у него. — «А что у васъ есть?» — «Налимы имѣются». — «А мясо есть?» — «Имѣется баранина». — «Да скоро ли все это посябеть?» — «Быстро соорудимъ».

Откуда этотъ языкъ, да и *обнатуренные* — кто завезъ сюда?

Хороши камельки или чубалы на станціяхъ и вообще въ юртахъ. Какъ войдешь съ морозу, охватить васъ и въ ми-

нугу согрѣтъ тепло, которое такъ и пышетъ отъ цѣлаго костра стоймя горящихъ полъньевъ лиственницы. Она лучше даже березы на дрова: славно горитъ и долго держитъ жаръ. Толпа крестьянъ, женщинъ, мальчишекъ, въ минуту похватываютъ у васъ, кто шарфъ, кто шапку, рукавицы, и тотчасъ высушатъ, держа у камина. Тотъ вамъ подвигаетъ скамью, другой — стулъ. На ставнцяхъ большею частью опратно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати — все выстругано изъ чистаго бѣлаго дерева. Вѣтхія избы предположено весной перестроить по новому, лучшему образцу. Тѣсниться въ духотѣ уже не позволено. Со мной въ одно время ѣхалъ посланный изъ Якутска офицеръ, для осмотра старыхъ строеній.

Пустьвѣя имѣетъ ту выгоду, что здѣсь нѣтъ воровства. Кибитка стоитъ на улицѣ, около нея толпа ямщиковъ, и ничего не пропадаетъ. По дорогѣ тоже все тихо. Нѣтъ даже волковъ, или рѣдко водятся гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ. Медвѣди зимой всѣ почиваютъ.

Мнѣ, по случаю трудной дороги, подпрягаютъ пять и шесть лошадей, хотя повозка у меня довольно легка, но у нея есть подрѣзы, а здѣсь ѣздить безъ нихъ: онѣ много прибавляютъ тяжести по рыхлому снѣгу. Еще верстъ двѣсти, триста, и потомъ уже будутъ запрягать лошадей гусемъ, по семи, восьми, и даже десяти лошадей, смотря по экипажу. Тамъ глубоки снѣга и дорога узенькая, такъ что тройка не умѣстится въ рядъ.

Каменская станція. 7-го декабря.

Морозъ не смягчается ни на минуту: вездѣ по станціямъ говорятъ, что онъ свыше 40°. Я думалъ гораздо больше объ этомъ морозѣ; я его легко переношу. Сегодня попались плохія лошади, и мы ѣхали тридцать верстъ 4^{1/2} часа — мнѣ и горя мало! Еще подъ Якутскомъ одинъ ямщикъ предложилъ мнѣ «проѣхать за разъ, вмѣсто двадцати, сорокъ пять верстъ». — «Что ты, любезный, съ ума сошелъ: не-

льзя ли, вмѣсто сорока пяти, проѣхать только двадцать?»— «Сдѣлайте божескую милость», началъ онъ умолять: «на станціи гора крута, мои кони не всташатъ, такъ нельзя ли вамъ остановиться внизу, а ямщики сведутъ коней внизъ и тамъ заложатъ, и вы поѣдете еще двадцать пять верстъ?»— «Однако не хочу», сказала я: «если озябну, какъ же быть?»— «Да какъ-нибудь ужъ...» Я сдѣлалъ ему милость— и ничего. Только съ носа кожа лупится.

Сегодня я проѣхалъ мимо полыньи: несмотря на лютый морозъ, вода не мерзнетъ и облако черного пара, какъ дымъ, клубится надъ ней. Лошади хрюкать и пятятся. Ямщикъ франтъ попался, въ дахѣ, въ шапкѣ съ кистью, и везетъ плохо. Лицо у него нерусское. Вообще здѣсь смѣсь въ народѣ. Жители по Ленѣ состоятъ и изъ крестьянъ, и изъ сосланныхъ на поселеніе изъ разныхъ націй и сословій: между ними есть и жида, и поляки, есть и изъ якутовъ. Жидовъ здѣсь любятъ: они торгуютъ, даютъ движеніе краю.

Сегодня я ночевалъ на *Ноктуйской* станціи; это центръ жительства золотоприскателей. Тутъ и дорога получше, и все живѣе, потому что много проѣзжихъ. Лена дѣлается уже; въ широмъ мѣстѣ и версты нѣтъ, только здѣсь выдался плѣсъ, версты въ двѣ. Берега, крутые оба сплошь покрыты лѣсомъ.

Скоро ѣхать нѣтъ возможности, какъ ѣздить, на примѣръ, въ европейской Россіи. Тамъ можно, не выходя изъ экипажа, перемѣнить лошадей и ѣхать далѣе. Можно даже закусить въ экипажѣ, и выйти на пять минутъ, съѣсть кусочекъ сыру, ветчины, холодной телятины: а здѣсь все замерзаетъ до того, что надо щи рубить топоромъ, или ждать часъ, пока у камина отогрѣются. Вотъ и остановка. Вы съ морозу, вамъ хочется выпить рюмку вина, бутылка и вино составляютъ одну ледяную глыбу: поставьте къ огню— она лопнетъ, а въ обыкновенной комнатной температурѣ не растаетъ и въ часъ; захочется напиться чаю— это ко-

роче всего, хотя хлѣбъ тоже обращается въ камень, но онъ отходить скорѣе всего; но вынимать одно что-нибудь, т. е. чай—сахаръ—нельзя: на морозѣ нѣтъ средства разбирать что взять, надо тащить все: и вотъ опять возни на цѣлый часъ—собрать все!

Бѣда еще, когда столкнется много проѣзжихъ — лошадей мало. Вотъ насъ ѣдетъ четыре экипажа, мы и сидимъ теперь: я здѣсь, на Каменской станціи, чиновникъ съ женой и инженеръ — на Жербинской, другой чиновникъ — гдѣ-то впереди, а ѣдущій сзади купецъ сидитъ, говорятъ, не на станціи, а на дорогѣ. Лошади устали или *пристали*, какъ здѣсь говорятъ. Всему этому причина почта, которая настигла насъ. Я забылъ сказать, что мы сутки пробыли въ Олекмѣ. Это маленькій, бѣдный городокъ. Тамъ живетъ исправникъ, почтмейстеръ, окружной лѣсгарь, да нѣсколько купцовъ. Намъ указали квартиру у одного изъ послѣднихъ. Остановливаться бы не зачѣмъ, да надо возобновить запасъ хлѣба. Добрый купецъ и старушка, мать его, угощали насъ какъ родныхъ, отдали весь домъ въ распоряженіе, потому ни за что не хотѣли брать денегъ. «Мы ради добрымъ людямъ», говорили они: «ни за что не возьмемъ: вы насъ обидите». Мы не мало смѣялись надъ м-ше К., которая, въ увѣренности, что возьмутъ деньги, командовала въ домъ, требуя того, другого.

На Каменской станціи оканчивается Якутская область, начинающаяся у Охотскаго моря — это двѣ тысячи верстъ: до Иркутска столько же остается — что за разстоянія! Какой дѣтской игруппкой покажутся намъ послѣ этого поѣздки по европейской Россіи!

Къ удивленію моему, здѣшніе крестьяне недовольны пріисками; все стало дороже: пудъ сѣна теперь стѣитъ двадцать пять, а иногда и пятьдесятъ, хлѣбъ девяносто коп. — и такъ все. Якутамъ лучше: они здѣсь природные хозяева, нанимаются въ рабочіе и выгодно сбываютъ на пріиски

хлѣбъ; притомъ у нихъ есть много луговъ и полей, а у русскихъ нѣтъ.

Поледуйская станція. 13-го декабря.

Все еще пустыня, все Лена! Я сейчасъ изъ лѣса: какъ онъ хорошъ, осыпанный, обремененный снѣгомъ! Столѣтнія сосны, или лиственницы, толпятся группами, или разбросаны врозь. Взошелъ молодой мѣсяцъ и освѣтилъ лѣсъ, чего тутъ нѣтъ? Какой разгулъ для фантази: то будто женщина стоитъ на колыняхъ, окруженная малютками, и о чемъ-то умоляетъ: все это деревья и кусты съ нависшимъ снѣгомъ; то будто танцующія фигуры; то медвѣдь на заднихъ лапахъ; а мертвецовъ какая пропасть! Особенно когда заснешь — бѣда: у шапки образуются сосульки и идутъ къ бровямъ, отъ бровей другія къ рѣсницамъ, а отъ рѣсницъ къ усамъ и къ шарфу. Сквозь эту ледяную рѣшетку лѣсъ кажется совсѣмъ фантастическимъ. Это природная декорация Нормы.

Пока я носился мыслью такъ далеко, повозка моя вдругъ заѣхала въ ямъ, въ вымерзнувшей рѣчкѣ: эта яма изъ ямъ. Я вышелъ вонъ и сталъ на холмѣ. Пней множество, настоящій храмъ друидовъ: я только хотѣлъ загнѣть *Casta diva*, какъ меня пригласили въ совѣтъ, какъ поступить. Лошади не могутъ вытащить. Тимооией совѣтоваль бѣить передовыхъ лошадей (мы ѣхали гусемъ), я посоветоваль запрячь тройку рядомъ и ушелъ опять на холмъ пѣть, наконецъ ямщикъ нарубилъ колебевъ, и мы стали поднимать повозку съади, а онъ кричалъ на лошадей. — «Эй, ну, дружки, чтобъ васъ задавило, проклятые!» Но дружки ни съ мѣста. Къ счастью, морозу было всего какихъ-нибудь 31, много 32°, а не 41, какъ на Николинъ день.

Но прочъ романтизмъ, и лѣсъ тоже! Замѣчу только на случай, если вы поѣдете по этой дорогѣ, что лѣсъ этотъ находится между *Крестовской* и *Поледуевской* станціями. Но черезъ лѣсъ не настоящая дорога: по ней ѣздить,

когда нѣтъ дороги по Лень, т. е. когда выпадаютъ глубокіе снѣга, аршина на полтора, и когда проступаетъ снизу, отъ тяжести снѣга, вода изъ-подъ льда, которую здѣсь называютъ *черной водой*.

Отъ Жербинской станціи начинается Иркутская губернія и *Киренскій округъ*. Здѣсь выпадаютъ ужасные снѣга и оттого везутъ гусемъ вереть на шестьсотъ, т. е. почти отъ *Олекмы* до *Киренска*, и даже далѣе. На Жербинской станціи я засталъ безпорядокъ. Староста умеръ и всѣ ямщики отказывались ѣхать, подъ предлогомъ, что не ихъ очередь. «А если я опоздаю въ городъ, да меня спросятъ, отчего...» началъ я было свою угрозу, которая такъ помогала за Якутскомъ: но здѣсь не помогла. Ямщики разбѣжались по избамъ и сирятались. Я самъ пошелъ отыскивать ихъ. Вошелъ въ одну избу — ямщики всѣ сидѣли по печкамъ съ завязанными ногами и охали. «Батюшки!» стонали они: «смерть пришла, ноженьки, ой, ноженьки, мочи нѣтъ!» — «Что у васъ?» спросилъ я. — «Горячка», говорятъ.

Наконецъ одного здороваго я засталъ врасплохъ и потребовалъ, чтобы онъ ѣхалъ. Онъ отговаривался тѣмъ, что недавно воротился и что надо лошадей кормить и самому поѣсть. «Сколько тебѣ нужно времени?» спросилъ я. — «Три часа». — «Корми четыре, а потомъ запрягай», сказалъ я и принялся, не помню въ который разъ, пить чай.

Ямщикъ пообѣдалъ, задалъ корму лошадямъ, потомъ легъ спать, а проснувшись объявилъ, что ему ѣхать не слѣдуетъ, что есть мужикъ Шеннъ, который живетъ особнякомъ на юру, что очередь за его сыновьями, но онъ богатъ и все отдѣляется. Я послалъ за Шеннымъ, но онъ рапортовался больнымъ. Что дѣлать? вооружиться терпѣніемъ, резигнаціей? такъ я и сдѣлалъ. Я прожилъ полторы сутки, наконецъ созвалъ ямщиковъ, и Шенна тоже, и сталъ записывать имена ихъ въ книжку. Они такъ перепугались, а чего — и сами не знали, что сейчасъ же привели лошадей.

Я проѣхалъ мимо принсковъ, т. е. резиденціи золотоискателей, или «разведенціи», какъ называлъ ямщикъ, указывая цѣлую колонію домиковъ на другомъ берегу Лены.

«Какова дорога впереди?» спрашиваю.—«Торосовато, или убродно», отвѣчалъ ямщикъ. По Ленѣ свирѣпствуетъ теперь, и часто, повальная горячка, единственная мѣстная болѣзнь. Она много похитила жертвъ, и я на каждой станціи встрѣчаю блѣдныя, больныя лица. Еще чаще встрѣчаю людей съ знаками на лбу, щекахъ, и особенно на носу... Mais honni soit qui mal у pense! Это слѣды озноба. Съ любопытствомъ всматриваюсь и вслушиваюсь во все. На Жербинской станціи мнѣ понравилась одна женщина, наполовину русская, наполовину якутская по родителямъ, больше всего тѣмъ, что любитъ мужа. Когда я записалъ и его имя въ книжку за перадѣіе, она ужасно начала хлопотать, чтобъ мнѣ *изладить* коней: сама взнуздывала, завязывала упряжь, помогала запрягать, чтобъ только меня успокоить, чтобъ я не жаловался на мужа, и дѣлала это съ своего рода граціей. Она не дурна собой.

Встрѣтилъ еще несчастливца. «Я не старъ», говорилъ ямщикъ Дормидонъ, который попробовалъ—было бѣжать рядомъ съ новозкой во всю конскую прыть, какъ дѣлаютъ прочіе, да не могъ: «но горе меня одолѣло». Ну, начнется обыкновенная пѣсня, думалъ я: всѣ они несчастливы, если слушать ихъ. «Что же съ тобой случилось?» спросилъ я небрежно. «Что? да сначала, лѣтъ двадцать-пять назадъ, отца убили...» Я вздрогнулъ. «Тогда не то, что теперь: не открыли убійцы...» Я боязливо молчалъ, не зная, что сказать на это. «Потомъ моя хозяйка умерла: ну, Богъ съ ней! Божья власть, а все горько!»—Да, въ самомъ дѣлѣ онъ несчастливъ, подумалъ я: что же еще послѣ этого назвать несчастьемъ? «Потомъ сгорѣла изба», продолжалъ онъ, «а въ ней восьмилѣтняя дочь... Женится я вдругорядъ, прижилъ два сына; жена тоже умерла. Съ

рѣвшею избой у меня пропало все имущество, да еще украли у меня однажды тысячу рублей, въ другой разъ тысячу-шестьсотъ. А какъ наживаль-то! какъ копил! Вотъ какъ трудно было!» Мнѣ стало жутко отъ этого мрачнаго разсказа. «Это страданія Іова!» думаль я, глядя на него съ почтеніемъ. Дормидонъ претерпѣлъ всѣ людскія скорби—и не унываетъ, еще возитъ проѣзжихъ, сбываетъ сѣно на ірински—и ничего. А мы-то: палець обрѣжемъ, ступимъ неосторожно... «Вонъ, слышите *колоколецъ?*» спросилъ онъ меня. «Это мой Васютка засѣдателя везетъ.— Эй, малый, вези по старой дорогѣ», крикнулъ онъ весело (слышите—весело!): «что намъ новую-то проминать своими богами!»

Сегодня наткнулись мы на кочевье тунгусовъ. Паря оледей отдѣлилась и бросилась отъ нашихъ лошадей впередъ и все мчалась по дорогѣ и забѣжала версть за семь отъ кочевья, а наши лошади пятились отъ нихъ. Здѣсь сѣютъ рожь, ярицу и ячмень; но первая вызябаетъ, вторая, по краткости лѣта, тоже не всегда удается, но зато ячмень очень хорошъ. Берега Лены утесисты и красивы. Острова тутъ почти нѣтъ; рѣка становится все уже. По-якутски почти никто не говоритъ и станціи пошли русскія; есть старинныя названія, данныя, конечно, казаками при занятіи Сибири.

Чуйская станція. 13 декабря. Витима.

Лена, Лена и Лена! Но все еще пустая Лена; кое-гдѣ на лугахъ видны большія кучи снѣгу—это стога сѣна; кое-гдѣ три, четыре двора, есть хижины, буквально заваленныя снѣгомъ, съ отверстіями, т. е. оконками, въ которыхъ вставлены льдины вмѣсто стеколъ: ничего, тепло, только на улицу ничего не видать. Въ другихъ избахъ, и это большею частію, окна затянуты бычачьими пузырями. На каждой станціи кучи ямщиковъ толнятся у экипажа. Деревеньки ссѣрѣжатъ гоньбу всѣмъ міромъ, т. е. съ каждаго мужика

требуется пара лошадей. Всѣ ямщики «ладятъ коней» и толпой идутъ спускаться съ горы. Двое везутъ.

Витима — слобода, съ церковью Преображенья, съ сотней жителей, съ приходскимъ училищемъ, и ямщики почти всѣ грамотные. Кромѣ извоза, они промышленяютъ ловлей зайцевъ, и тулушы у всѣхъ заячьи, какъ у насъ бараньи. Они сѣютъ хлѣбъ. Отъ Витимы еще около четырехсотъ верстъ до Киренска, уѣзднаго города, да оттуда девятьсотъ-шестьдесятъ верстъ до Иркутска. Теперь постъ, и въ Витимѣ толпа постниковъ, окружавшая мою повозку, утащила у меня три рыбы, два омуля и стерлядь, а до рябчиковъ и другого скоромнаго не дотронулись: грѣхъ!

Кажется, я миновалъ дурную дорогу и не «хлѣбныхъ» лошадей. «Тутъ ужъ пойдутъ *натуральные* кони и дорога торная, особенно отъ Киренска къ Иркутску», говорятъ мнѣ. «Натуральные» — значить — привыкшіе, приученные, а не сборные. «Гдѣ староста?» спросишь, приѣхавъ на станцію... Коней ладить, баринъ. «Эй, ребята! *заревите* или *гаркните* (т. е. позовите) старосту», говорятъ потомъ.

Смотрители здѣсь не вездѣ: они завѣдываютъ пятью станціями. Изъ нихъ одинъ на *Мухтуйской* станціи — франтъ. Онъ двумя пальцами граціозно взялъ подорожную, согнувъ мизинецъ въ кольцо. Форменный сюртукъ у него въ рюмочку; самъ расчесанъ. *Мухтуй* — называютъ здѣсь Парижемъ, потому что крестьяне (изъ ссыльныхъ) ходятъ въ пальто и танцуютъ кадрили. Но я пробылъ на ней четверть часа и ничего этого не видалъ. Одинъ проѣзжій мнѣ сказывалъ, что, выѣхавъ рано утромъ, послѣ проведенной здѣсь ночи, и взглядываясь въ лицо своего ямщика, онъ увидѣлъ знакомое лицо, но не могъ вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ. «Я гдѣ-то видѣлъ тебя?» спросилъ онъ наконецъ ямщика. «А вчера я былъ вашимъ визави въ кадрили, на вечеринкѣ», отвѣчалъ тотъ. Это ужъ не «натуральный» ямщикъ, говоря по-здѣшнему.

Вчера ночью я проѣхалъ такъ-называемыя *щели*, одну изъ достопримѣчательностей Лены. Это—огромные, величественные утесы, какихъ я мало видалъ и на морскихъ берегахъ. Ёдешь у подошвы и повозка съ лошадьми похожи на ползающихъ насекомыхъ. Они ужасно изрыты, диги, страшны, такъ что хочется скорѣй миновать ихъ. Щели эти находятся между *Пьянобыковской* и *Частинской* станціями, верстахъ въ тысячѣ-двухстахъ отъ Иркутска. Какія названія станцій! Всею есть мѣстные причины, до которыхъ археологу не трудно добраться, по молодости края. Напримѣръ, *Пьянымъ быкомъ* прозвали утесъ, о который когда-то разбилась барка съ виномъ. Спѣшу сообщить вамъ это археологическое свѣдѣніе, опасаясь, что оно погибнетъ отъ времени. Деревень еще мало: скоро пойдутъ, говорятъ, чаще, чѣмъ ближе къ Иркутску. Встрѣчаются часто прискатели, приказчики ихъ, возы. Дорога уже лучше, торнѣе, морозы возобновились, да еще съ вѣтромъ: несносно, спрятаться некуда.

Киренскъ. Рѣшительно пельзя ѣхать: скоро очень везутъ. Только приѣдешь куда-нибудь, только скинешь съ себя все и расположишься у теплой печки, какъ ужъ говорятъ, что лошади готовы. А все отъ того, что кони *натуральные*, и ямщики тоже. Не могу нахвалиться расторопностью и радшіемъ здѣшнихъ ямщиковъ: они не знаютъ, какъ принять проѣзжаго, гдѣ посадить, и угощаютъ, чѣмъ богаты—сальной свѣчкой, лучиной, скамьей. Потомъ (это ужъ такой обычай) идутъ все спускать лошадей на Лену: «на рукахъ спустимъ», говорятъ они, и каждую лошадь берутъ человека четыре, начинаютъ вести съ горы и ведутъ, пока лошади и сами смирно идутъ, а когда начинается самое крутое мѣсто, они все разсыпаются и лошади мчатся до тѣхъ поръ, пока захотятъ остановиться.

Слава Богу! все стало походить на Россію: являются частыя селенія, деревеньки. Лена течетъ излучинами, и ям-

щики, чтобъ не огибать ихъ, ѣдутъ черезъ мыски и *замки*, какъ называютъ небольшія слободки. Въ деревняхъ по улицѣ бродятъ лошади: онѣ или загрызаютъ съ нашими лошадьми, или, испуганныя звукомъ колокольчиковъ, мчатся, что есть мочи, вмѣстѣ съ рыжимъ поросенкомъ, въ сторону. Летаютъ воробьи и грачи, поютъ лѣтужи, мальчишки свищутъ, машутъ на проѣзжающую тройку, и дымъ столбомъ идетъ вертикально изъ множества трубъ—дымъ отечества! Всѣмъ знакомыя картины Руси! Недостаетъ только помѣщичьяго дома, лакея, открывающаго ставни, да соннаго барина въ окнѣ... Этого никогда не было въ Сибири: и это, т. е. отсутствіе слѣдовъ крѣпостного права, составляетъ самую замѣтную черту ея фізіономіи.

Киренскъ—городъ небольшой. «Гдѣ остановиться?» спросилъ меня ямщикъ: «есть у васъ знакомые?» — «Нѣтъ». — «Такъ управа отведетъ». — «А кто живетъ по дорогѣ?» — «Живетъ Сеницынъ, Марковъ, Лаврушинъ». — «Поѣзжай къ Сеницыну».

Повозка остановилась у хорошененькаго домика. Я послалъ спросить, можно ли остановиться часа на два погрѣться? Можно. И меня приняли, сейчасъ угостили чаемъ и завтракомъ—и опять ничего не хотѣли брать.

Въ Киренскѣ я запасся только хлѣбомъ къ чаю и уѣхалъ. Тутъ ужъ я помчался быстро. Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ ямщики и кони *натуральнѣе*. Только подѣзжаешь къ станціи, ямщики ведутъ уже лошадей, здоровыхъ, сильныхъ и дюжихъ на видѣ. Ямщики позажиточнѣе здѣсь ходятъ въ дахахъ изъ собачьей шерсти, въ щегольскихъ шапкахъ. Тутъ ѣхалъ присекатель съ семействомъ, въ двухъ экипажахъ, да я—и всѣмъ доставало лошадей. На станціяхъ уже не съ боязнью, а съ интересомъ спрашивали: *бѣгутъ ли за нами еще подводки?*

Стали встрѣчаться села, съ большими запасами хлѣба, сѣна, лошади, рогатый скотъ, домашняя птица. Дорога все—

Лена, чудесная, проторенная частой ѣздой между Иркутскомъ, селами и присеками. «А что, смирны ли у васъ лошади?» спросилъ на станціи. «Чего не смирны? словно овцы: видите, запряжены, никто ихъ не держитъ, а стоятъ». — «Какъ же такъ? а мнѣ надо бы лошадей побойчѣе», говорилъ я, сбивая ихъ. — «Лошадей тебѣ побойчѣе?» — «Ну, да». — «Да эти-то вѣдь настоящіе черти: ихъ и не удержишь ничѣмъ». И оно дѣйствительно такъ.

Верстахъ въ четырехстахъ отъ Иркутска, начиная отъ Жегаловской станціи, лошади на взглядъ сухи, длинношеи, длинноплечи и не обѣщаютъ силы. Онѣ уныло стоятъ въ упряжи, привязанныя къ пустымъ санямъ, или бочкѣ, преграждающей имъ самовольную отлучку со двора: но едва проѣзжіе начнутъ садится, онѣ наострятъ уши, ямщики обступятъ ихъ кругомъ, по-двое держатъ каждую лошадь, пока ямщикъ садится на козлы. «Ты, парень, говорятъ ему: пошевеливайся, *коренникъ*-то больно торопится». Въ самомъ дѣлѣ, коренная поворачиваетъ морду то направо, то налево, стараясь освободиться, пристяжныя переминаются и встряхиваютъ головой. Вотъ ямщикъ усѣлся, забралъ вожжи, закрутилъ ихъ около рукъ... «Ну!» говоритъ онъ. Всѣ мгновенно раздаются въ сторону, и тройка разомъ выпорхнеть изъ воротъ, какъ птица, и мчитъ версты двѣ, три, вскачь, очертя голову, мотая головами, потомъ сажень сто рѣзвой рысью, а тамъ опять вскачь—и такъ до станціи. Сѣдокъ не имѣетъ надобности побуждать ямщика, а ямщикъ—лошадей. Чуть лошади немного задумаются—ямщикъ подниметъ надъ ними только руку, или гикнетъ—и опять пошли. И не увидишь, какъ мелькнуть двадцать-пять верстъ.

Къ Иркутску все живѣе: много попадается возовъ: села большія, многолюдныя; станціонные дома чище. Крестьянскія избы очень хорошія, во многихъ мѣстахъ съ игопочки.

На послѣднихъ пятистахъ верстахъ у меня начало пухнуть лицо отъ мороза. И было отчего: у носа постоянно торчалъ обледенѣлый шарфъ: кто-то будто держалъ за носъ ледяными клещами. Боль невыносимая! Я сиѣшилъ добраться до города, боясь разнеметься, и гналъ болѣе двухсотъ-пятидесяти верстъ въ сутки, нигдѣ не отдыхалъ, не обѣдалъ.

Отъ слободы Качуги пошла дорога степью; съ Леной я распрощался. Сиѣгу было такъ мало, что онъ не покрылъ траву; лошади паслись и щипали ее, какъ весной. На послѣдней станціи все горы; но я ѣхалъ ночью и не видалъ Иркутска съ «Веселой горы». Хотѣлъ-было доѣхать бодро, но въ дорогѣ сонъ неодолимъ. Какое неловкое положеніе ни примете, какъ ни сядьте, задайте себѣ урокъ не заснуть, пугайте себя всякими опасностями — и все-таки заснете и проснетесь, когда экипажъ остановится у слѣдующей станціи.

Я проснулся однако не на станціи. «Что это?» спросилъ я, замѣтивъ строенія: «деревня, что ли?»—«Нѣтъ, это Иркутскъ».—«А Веселая гора?»—«Э, ужъ давно проѣхали!»

Въ самую заутреню Рождества Христова я въѣхалъ въ городъ. Опухоль въ лицѣ была нестерпимая. Вотъ ужъ третій день я здѣсь, а Иркутска не видалъ. Теперь уже—до свиданія.

ЧЕРЕЗЪ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ *).

I.

11-го декабря 1873 г. и 6-го января 1874 года, небольшое общество морскихъ офицеровъ собралось отпраздновать дружескимъ обѣдомъ двадцатилѣтнюю годовщину избавленія ихъ отъ гибели въ означенныя числа на морѣ, при крушеніи въ 1854 году въ Японіи, фрегата «Діана».

На второмъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовали и я, ласково приглашенный главнымъ лицомъ этой группы, въ которой было нѣсколько офицеровъ, перешедшихъ на фрегатъ «Діана» съ фрегата «Паллада».

Многое возобновилось въ памяти плавателей за этимъ обѣдомъ, много приведено было забытыхъ подробностей путешествія, особенно при крушеніи «Діаны». Японская экспедиція была тутъ почти вся въ сборѣ, въ лицѣ главныхъ ея представителей, кромѣ бывшаго командира «Паллады» (теперь вице-адмирала и сенатора И. С. У.), и я въ этомъ знакомомъ мнѣ кругу, сталъ какъ будто опять плавателемъ и секретаремъ адмирала. Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лѣтъ назадъ и доскажу, между прочимъ, о томъ,

---

*) Эти главы были помѣщены въ литературномъ сборникѣ: «Складчина», изданномъ въ пользу голодающихъ самарцевъ.

что случилось съ «Палладой» и какъ заключилось дальнѣйшее плаваніе моихъ спутниковъ, послѣ того, какъ я разстался съ ними.

А заключилось оно грандіозной катастрофой, именно землетрясеніемъ въ Японіи и гибелью фрегата «Діаны», о чемъ въ свое время газеты извѣщали публику. О томъ же подробно доносили великому князю, генералъ-адмиралу, начальникъ экспедиціи въ Японію, генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Е. В. Путятинъ.

Бываютъ нерѣдко страшныя и опасныя минуты въ морскихъ плаваніяхъ вообще: было нѣсколько такихъ минутъ и въ нашемъ плаваніи до береговъ Японіи. Но такіе ужасы, какіе испытали наши плователи съ фрегатомъ «Діана», почти безпримѣрны въ лѣтописяхъ морскихъ бѣдствій.

Обязанность—изложить событіе въ донесеніи—лежала бы на мнѣ, по моей должности секретаря при адмиралѣ, если бы я продолжалъ плаваніе до конца. Но я не жалѣю, что не мнѣ пришлось писать рапортъ: у меня не вышло бы такого капитальнаго произведенія, какъ рапортъ адмирала (Морской Сборникъ, іюль, 1855).

Я могу только жалѣть, что не присутствовалъ при эффектно́мъ заключеніи плаванія и что мнѣ не суждено было сдѣлать иллюстрацію этого событія, подъ вліяніемъ собственнаго впечатлѣнія, на ряду со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось самому видѣть и описать.

Въ то самое время, какъ мои бывшіе спутники близки были къ гибели, я, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проѣзжалъ десять тысячъ верстъ по Сибири, отъ Аліа на Охотскомъ морѣ до Петербурга, и, въ свою очередь переживалъ, если не страшныя, то трудныя, иногда и опасныя въ своемъ родѣ минуты.

Я совершенно случайно избѣжалъ участи, постигшей моихъ товарищей. Открылась крымская кампанія. Это измѣнило первоначальное назначеніе фрегата и цѣль его пре-

быванія на водахъ Восточнаго океана. Дѣло, начатое съ Японіей о заключеніи торговаго трактата и объ опредѣленіи нашихъ съ нею границъ на островѣ Сахалинѣ, должно было, по необходимости, прекратиться. Адмиралъ, въ послѣднее наше пребываніе въ Нагасаки, рѣшилъ идти сначала къ русскимъ берегамъ Восточной Сибири, куда, на смѣну «Палладѣ», долженъ былъ прибыть посланный изъ Кронштадта фрегатъ «Діана»; потомъ зайти опять въ Японію, условиться о возобновленіи, послѣ войны, начатыхъ переговоровъ. Далѣе нельзя было предвидѣть, какое положеніе пришлось бы принять по военнымъ обстоятельствамъ: оставаться ли у своихъ береговъ, для защиты ихъ отъ непріятели, или искать встрѣчи съ нимъ на открытомъ морѣ. Можетъ быть пришлось бы, по неимѣнію извѣстій о непріятелѣ, оставаться праздно въ какомъ-нибудь нейтральномъ портѣ, напримѣръ въ Санъ-Франциско, и тамъ ждать исхода войны.

Я испугался этой перспективы неизвѣстности и «ожиданія» на неопредѣленный срокъ, гдѣ бы то ни было, у нашихъ ли пустынныхъ азіатскихъ береговъ, или хотя бы и въ такомъ новомъ для меня и занимательномъ мѣстѣ, какъ Санъ-Франциско. Что тамъ дѣлать мѣсяцы, можетъ быть годъ или годы — ибо какъ было предвидѣть конецъ войны? Тогда Pacific Rail Road еще не было, чтооь пробраться черезъ американскій материкъ домой — и мнѣ пришлось бы отдать себя на волю случайныхъ обстоятельствъ, т.-е. оставаться тамъ безъ цѣли, празднымъ и лишнимъ лицомъ.

Притомъ два года плаванія, не то что утомили меня, а утолили вполне мою жажду путешествія. Мнѣ хотѣлось домой, въ свой обычный кругъ лицъ, занятій и образа жизни.

Я намекнулъ адмиралу о своемъ желаніи воротиться. Но онъ, озабоченный начатыми успѣшно и не оконченными переговорами и открытіемъ войны, которая должна была

поставить его въ неожиданное положеніе участника въ ней, думалъ, что я считалъ конченнымъ самое дѣло, приведшее насъ въ Японію. Онъ замѣтилъ мнѣ, что не совсѣмъ потерялъ надежду продолжать съ Японіей переговоры, несмотря на войну, и что слѣдовательно и мои обязанности секретаря нельзя считать конченными.

А того, что кончилось мое желаніе путешествовать, онъ не замѣтилъ, несмотря на мой глубокой вздохъ, которымъ я встрѣтилъ его отвѣтъ.

Да я и не путешествовать, а плавать по «казенной надобности». Я былъ «командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ, во время экспедиціи къ нашимъ американскимъ владѣніямъ»: такъ записано было у меня въ формулярномъ спискѣ. Слѣдовательно, у меня и не было никакого права на «хочу» или «не хочу» оставаться, или воротиться. Но потомъ, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ адмираломъ объ этомъ, онъ самъ сжался. Я видимо сталъ скучать, да, можетъ-быть, онъ и самъ сомнѣвался, удастся ли ему идти въ Японію, такъ какъ на первомъ планѣ теперь была у него обязанность не дипломата, а война. — И вотъ онъ, неожиданно для меня, съ свойственной ему добротой, однажды рѣшилъ: «Богъ съ вами, поѣзжайте: я знаю, что здѣсь вамъ скучно будетъ теперь».

Я не заставилъ повторять себѣ этого приглашенія, и ни одну бумагу, въ качествѣ секретаря, не писалъ такъ усердно, какъ предписаніе себѣ самому, отъ имени адмирала, «слѣдовать до С.-Петербурга, и чтобы мнѣ вездѣ чинили свободный пропускъ и оказываемо было въ пути, со стороны начальствующихъ лицъ, всякое содѣйствіе» и т. д.

Все это происходило въ устьяхъ Амура. Фрегатъ «Діана» уже пришелъ на смѣну «Палладъ», которая отслужила свой срокъ, состарѣлась, и притомъ избита была вытерпѣнными нами штормами, особенно у мыса Доброй Надежды, и ураганомъ въ Китайскомъ морѣ. Сначала ее хотѣли ввести въ

устье Амура, но по мелководью это оказалось невозможно. Ее оставили в Татарском проливе, в «Императорской бухте». Ее разоружили, т.-е. сняли с нея пушки, порохъ, такелажъ, все, что можно было снять, а ветхий остовъ ея былъ оставленъ подъ надзоромъ моряковъ и казаковъ, составлявшихъ нашу постъ в этой бухте, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ прихода туда французовъ и англичанъ, его затопили, не давая неприятелю случая похвастаться захватомъ русскаго судна.

Такъ «Паллада» и кончила свое существованіе в этой бухте: отъ нея оставалось одно днище, которое вѣроятно пригодилось на что-нибудь нашимъ людямъ, содержавшимъ тамъ постъ.

Во время этихъ хлопотъ разоруженія, перехода съ «Паллады» на «Диану», смѣны одной команды другою, отправленія сверхкомплектныхъ офицеровъ и матросовъ сухимъ путемъ въ Россію, я и выпросился домой. Это было въ началѣ августа 1854 года.

Тогда же пріѣхалъ къ намъ съ Амура бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ, и пробывъ у насъ дни два на фрегате, уѣхалъ въ Николаевскъ, куда должна была идти и шкуна «Востокъ», для доставленія его со свитою въ Аянъ, на Охотскомъ морѣ. На этой шкунѣ я и отправился съ фрегата, и съ радостью, что возвращаюсь домой, и не безъ грусти, что долженъ разстаться съ этимъ кругомъ отличныхъ людей и товарищей.

Помню еще теперь минуту комическаго страха, которую я испыталъ, впрочемъ напрасно, когда, отойдя на шкунѣ съ версту отъ фрегата, мы стали на мель въ устьѣ Амурскаго лимана. Онъ весь усыпанъ мелями, такъ что даже и легкая шкуна наша, и до Николаевска, и послѣ него до Охотскаго моря, безпрестанно становилась на мель. Но это ей, и всякому маленькому судну, ни почемъ. Она такъ же легко снималась съ мелей, какъ и становилась на нихъ. Я былъ

внизу въ каютѣ и располагался тамъ съ своими вещами, какъ вдругъ бывшій наверху командиръ ея, покойный В. А. Римскій-Корсаковъ, крикнулъ мнѣ съ верху: «адмиралъ ѣдетъ къ намъ: не за вами ли?» Я на минуту остолбенѣлъ, потомъ побѣжалъ наверхъ, думая, что Корсаковъ шутить, пугаетъ нарочно. Нѣтъ, не шутить: вонъ синяя гичка и въ ней адмиралъ! «Да, вѣрно передумалъ!» съ ужасомъ думалъ я, глядя на гичку.

Но адмиралъ пріѣхалъ за какимъ-то другимъ дѣломъ, а болѣе, кажется, взглянуть, какъ мы стоимъ на мели, или просто захотѣлъ прокатиться и еще разъ пожелать намъ счастливаго пути—теперь я уже забылъ. Тутъ мы окончательно разстались до Петербурга.

II.

Обращаюсь къ вышесказаннымъ мною словамъ о страшныхъ и опасныхъ минутахъ, испытанныхъ нами въ плаваніи.

«Страшныя» и «опасныя» минуты—это не синонимы, какъ не синонимы и самыя слова «страхъ» и «опасность» вообще, на морѣ особенно. Страшныхъ минутъ для иныхъ вовсе не существуетъ, для другихъ—ихъ множество. Это зависитъ отъ привычки или непривычки къ морю, т.-е. отъ знакомства или незнакомства съ его характеромъ, съ устройствомъ и управленіемъ корабля, и наконецъ отъ нервозности характера, или отъ воспитанія плователя. Новичку все кажется страшно или сомнительно на кораблѣ. «Попелъ всѣ наверхъ!» скомандуетъ боцманъ, и четыреста человѣкъ бросятся, какъ угорѣлые, точно спасать кого-нибудь или сами спастись отъ гибели, затопаютъ по палубѣ, полѣзутъ на ванты: незнающій дѣла или нервозный человѣкъ вздрогнетъ, подумаетъ, что случилась какая-нибудь бѣда. Ничего не бывало: надо прибавить или убавить парусовъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. А тамъ загремитъ бѣгущій

по роульсамъ (колесцамъ) канатъ. Не то такъ отъ качки, какъ будто съ отчаянія, распахнетъ свои дверцы какой-нибудь шкалъ въ каютѣ, и вся его внутренность, т.-е. посуда—съ трескомъ и звономъ полетитъ во всѣ стороны и разобьется вдребезги. Чего не представится испуганному воображенію новаго плователя при этомъ трескѣ! Минута—«страшная», но только развѣ для буфетчика, который не заперъ крѣпко дверцы и которому за это достанется.

Такъ и мнѣ, не ходившему дотолѣ никуда въ море, далѣе Кронштадта и Петергофа, приходилось часто впадать въ сомнѣніе при этихъ, по непривычкѣ, «страшныхъ», но вовсе не «опасныхъ» шумахъ, трескахъ, бѣготнѣ, пока я не ознакомился съ правилами и обычаями морского быта.

Другое дѣло «опасныя» минуты: онѣ не часты, и даже иногда вовсе не замѣтны, пока опасность не превратится въ прямую бѣду. И мнѣ случалось забывать, или, по невѣдѣнію, прозѣвать испугаться тамъ, гдѣ бы къ этому было больше повода, нежели при паденіи посуды изъ шкапа, иногда самага шкапа, или дивана.

О многихъ «страшныхъ» минутахъ я подробно писалъ въ своемъ путевома журналѣ, но почти не упомянулъ объ «опасныхъ»: онѣ не сдѣлали на меня впечатлѣнія, не потревожили нервъ—и я забылъ ихъ, или, какъ сказать сейчасъ, прозѣвалъ испугаться, оттого вѣроятно прозѣвалъ и описать. Упомяну теперь два-три такихъ случая.

Идучи на фрегатѣ «Паллада» изъ Кронштадта въ Англію, мы проходили Зундъ.

Я писалъ тогда, какъ неблагопріятно было наше плаваніе по Балтійскому морю, въ октябрьскую холодную погоду, при противныхъ вѣтрахъ и туманахъ. Кромѣ того, какъ я тоже писалъ, у насъ умерло три человека отъ холеры. И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня, отъ осенняго холода, возобновились жестокіе

припадки, которыми я давно страдаю, невралгии съ головными и зубными болями. Въ каютѣ, отъ вѣшняго воздуха, съ дождемъ, отчасти съ морозомъ, защищала одна рама въ маленькомъ огнѣ.

Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ, при этихъ боляхъ, я выдержу двухъ или трехъ-годичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя мыслью, что, добравшись до Англій, вернусь назадъ. И къ этому еще туманы, качка и холодъ!

Съ приближеніемъ къ Даніи, воздухъ сталъ гораздо мягче, теплѣе, но туманы продолжались. При входѣ въ Зундъ, мы, какъ всегда дѣлается въ узкихъ проходахъ, вызывали лоцмана, чтобы провести насъ проливомъ. Вызываютъ обыкновенно лоцманскимъ флагомъ, а если флагъ не виденъ, палятъ изъ пушки. Но вѣроятно флага, за туманомъ, съ берега не было видно (я теперь забылъ эти подробности), а пушка могла палить и по другой причинѣ: что бы тамъ ни было, но лоцманъ не явился. Мы шли, такъ сказать, ощупью, подвигаясь тихо, осторожно, но все же подвигались: нельзя стать въ открытомъ морѣ на одномъ мѣстѣ. Когда туманъ прояснился, мы были уже въ проливѣ.

Было тепло, мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу. И теперь еще помню, какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня, картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго.

Обаяніе, производимое величественною картинностью моря и береговъ, возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ сомнѣніямъ: привыкну ли къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море, и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ, пока не привыкнешь къ нему. Такое состояніе духа, очень наивно, но вѣрно, выразила мнѣ одна французенка, во Франціи, на морскомъ берегу, во время сильнѣйшей грозы, въ своемъ отвѣтѣ на мой вопросъ: «любить ли она грозу?» «Oh, monsieur, c'est ma passion», восторженно сказала

она: «mais... pendant l'orage je suis toujours mal à mon aise!»

Капитанъ, и такъ-называемый «дѣдъ», хорошо знакомый читателямъ «Паллады», старшій штурманскій офицеръ (нынѣ генералъ)—оба были наверху и о чемъ-то горячо и заботливо толковали. «Дѣдъ» безпрестанно бѣгалъ въ каюту, къ картѣ, и возвращался. Затѣмъ оба зорко смотрѣли на оба берега, на море, въ напрасномъ ожиданіи лоцмана. Я все любовался на картину, особенно на цѣлую стаю купеческихъ судовъ, которыя, какъ утки, плыли кучей и все жались къ шведскому берегу, а мы шли почти посрединѣ, нѣсколько ближе къ датскому.

Тревожился поминутно капитанъ, тревожился и дѣдъ, и не разъ, конечно, назвалъ лоцмана за неявку «каторжнымъ». Онъ побѣждалъ въ двадцатый разъ внизъ. Вдругъ капитанъ послалъ поспѣшно за нимъ.

Они, казалось, оба были чѣмъ-то поражены.

— Мы на мели!—дошли до моего слуха тихія слова.

Я пощупалъ ногой палубу: она перестала двигаться, ноги стояли будто на землѣ.

Я смотрѣлъ на все это разсѣянно и слушалъ съ большимъ равнодушіемъ, что говорили кругомъ. Меня убаюкивали тихій плескъ моря, теплая погода и поглощала картина новыхъ береговъ, а еще болѣе радовала затихшая головная и зубная боль.

— Какая благодать! — говорилъ я себѣ, ощутивъ подъ ногами неподвижныя доски палубы.

Но что за суматоха поднялась на фрегатѣ— «изъ-за такихъ пустяковъ!» думалъ я.

Засвистали всѣхъ наверхъ, поднялась возня, шумъ: «спустать шлюпку! завозить верпы!» только и слышалось. Офицеры, кто спалъ, кто читалъ или писалъ, всѣ принялись за дѣло.

«Верпы»—маленькіе якоря, которые, завезя на нѣсколько

десятковъ сажень отъ фрегата, бросаютъ на дно, а канать отъ нихъ наматываютъ на ишиль, и вертятъ послѣдній, чтобы такимъ образомъ сдвинуть судно съ мѣста. Это — своего рода домашній способъ тушить огонь, до прибытія пожарной команды.

Но тяжелый нашъ фрегатъ, съ грузомъ, не на одну сотню тысячъ пудъ, точно обрадовался случаю и легъ прочно на песокъ, какъ иногда добрый пьяница, тоже «нагрузившись» и долго шлепая невѣрными стопами по грязи, вдругъ возьметъ да и ляжетъ средь дороги. Напрасно трезвый товарищъ толкаетъ его въ бока, приподнимаетъ то руку, то ногу, иногда голову. Рука, нога и голова падаютъ снова, какъ мертвыя. Гуляка лежитъ, тяжело, неподвижно и безнадежно, пока не придутъ двое «городовыхъ» на помощь.

И фрегатъ, потрогиваемый слабыми верпами, какъ будто подается, поползетъ, крикнетъ, раздадутся радостныя восклицанія, — а онъ ни съ мѣста. Нѣтъ, надо послать за «городовымъ». И послали.

Смотрѣлъ я на всю эту суматоху и дивился: «вотъ привычные люди, у которыхъ никакихъ «страшныхъ» минутъ не бываетъ, а теперь какъ будто боятся! На мели: великая важность! Постоимъ да и сойдемъ, какъ задуетъ вѣтеръ по свѣжѣе, заколеблется море!» думалъ я, твердо шагая по твердой палубѣ. Неопытный слѣпецъ!

— Подступитесь развѣ къ нимъ и спросить, чтò ихъ такъ тревожитъ? — Приступу нѣтъ: и не глядятъ!

Я помню только, что одинъ изъ офицеровъ, баронъ Ш. одѣлся въ полную форму и послѣднимъ посланъ былъ въ Копенгагенъ за пароходомъ, помочь намъ сняться съ мели.

Пока моряки переживали свою «страшную» минуту, не за себя, а за фрегатъ, конечно, — я и другіе, неприкосновенные къ дѣлу, пили чай, ужинали, и, какъ у себя дома, легли спать. Это въ первый разъ послѣ тревогъ, холода, качки!

— «Какая благодать!» твердилъ я, ложась, какъ на бе-

регу, дома, на неподвижную постель. «Завозите себѣ тамъ верпы, а я усну, какъ давно не спалъ!»

Чуть ли не грезилось мнѣ тогда во снѣ, что мы дальше не пошли, а такъ на мели и остались, что морское начальство въ Петербургѣ соскучилось ждать, когда мы сдвинемся, и отложило экспедицію, и что мы всѣ воротились домой безмятежно спать на незыблемыхъ ложахъ.

Но подѣ утро, сквозь сонъ, я услышалъ звукъ боцманскихъ свистковъ, почувствовалъ, какъ моя койка закачалась подо мной, и какъ насъ потащилъ могучій «городовой», пароходъ изъ Копенгагена. Тогда, кажется, явился и лощманъ.

На другой день, когда вышли изъ Зунда, я спросилъ, отчего всѣ были въ такой тревогѣ, тѣмъ болѣе, что средство, т.-е. Копенгагенъ и пароходъ, были подѣ рукой? Тогда только объяснили мнѣ техническую сторону дѣла: что значить, когда судно «приткнется» къ мели. Прежде всего, даже легкое приткновеніе что-нибудь попортить въ килѣ, или въ обшивкѣ (у нашего фрегата дѣйствительно, какъ оказалось при осмотрѣ въ Портсмутскомъ докѣ, оторвалось нѣсколько листовъ мѣдной обшивки, а безъ обшивки плавать нельзя, ибо-де къ дереву пристають во множествѣ морскія инфузоріи и точатъ его), а главное: если бы задулъ свѣжій вѣтеръ и развелъ волненіе, тогда фрегатъ не сошелъ бы съ мели, какъ я, по младенчеству своему въ морскомъ дѣлѣ, полагалъ, а разбился бы въ щепы!

— «И опять-таки мы всѣ воротились бы домой!—думалъ я, дополняя свою грёзу:—берегъ близко, рукой подать: не утонули бы мы, а я еще немного и плавать умѣю»—Опять неопытность! Умѣть плавать въ тихой водѣ, въ рѣчкахъ, да еще въ купальняхъ, и плавать по морскимъ, расходившимся волнамъ—это неизмѣримая, какъ я убѣдился послѣ, разница. Въ послѣднемъ случаѣ рѣдкій матросъ, привычный пловецъ, выплываетъ.

Такимъ образомъ «опасная» минута, продолжавшаяся ночь, была мною вовсе не замѣчена.

Но не на морѣ только, а вообще въ жизни, на всякомъ шагу, грозятъ намъ опасности, часто, къ спокойствію нашему, не замѣчаемыя. Зато, какъ будто для уравновѣшенія хорошаго съ дурнымъ, всюду разбѣяно много «страшныхъ» минутъ, гдѣ воображеніе подозрѣваетъ опасность, которой нѣтъ. На море въ этомъ отношеніи много клепятъ напрасно, благодаря «страшнымъ», въ глазахъ непривычныхъ людей, минутамъ. И я бывалъ въ числѣ послѣднихъ, пока не былъ на морѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и сами моряки были вовсе нечувствительны ко всѣмъ случайностямъ, постигающимъ плователей. Не изъ камня же они: люди—вездѣ люди, и искренній морякъ, — а моряки почти всѣ таковы, — всегда откровенно сознается, что онъ не бываетъ вполне равнодушенъ къ труднымъ или опаснымъ случаямъ, переживаемымъ на морѣ. Бываетъ у моряка—и тяжело и страшно на душѣ, и онъ нерѣдко, подъ вліяніемъ такихъ минутъ, рѣшается про себя—не ходить больше въ море, лишь только доберется до берега. А проживши недѣлю, другую, мѣсяць на берегу—его неудержимо тянетъ опять на любимую стихію, къ извѣстнымъ ему испытаніямъ.

Но морякъ, конечно, не потревожится никогда пустыми страхами воображенія и не поддастся мелочнымъ и малодушнымъ опасеніямъ на каждомъ шагу, по привычкѣ къ морю съ ранней молодости.

III.

По приходѣ въ Англію, забылись и страшныя, и опасныя минуты, головная и зубная боли прошли, благодаря неожиданно хорошей для тамошняго климата погодѣ, и мы, проживъ тамъ два мѣсяца, пустились далѣе. Я забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмираль, узнавъ

о моей болѣзни, соглашался-было отпустить меня. Впередь, дальше, манило новое. Тамъ, въ заманчивой дали, было тепло и ревматизмы невѣдомы.

Упомяну кстати о пережитой мною въ Англии морально-страшной для меня минутѣ, которая, не относясь къ числу морскихъ тревоженій, касается, однакоже, все того же путешествія, и она задала мнѣ тревоги больше всякой качки.

Адмирала съ нами не было: онъ прежде фрегата уѣхалъ одинъ въ Англiю дѣлать разныя приготовленія къ продолжительному плаванію, и между прочимъ пріобрѣлъ тамъ шкуну «Востокъ», для плаванія вмѣстѣ съ «Палладой», и занимался снаряженіемъ ея, и разными другими дѣлами. Въ Петербургѣ я видѣлъ его мелькомъ, и уже на Портсмутскомъ рейдѣ явился къ нему въ качествѣ секретаря и послѣдовалъ за нимъ въ Лондонъ. Онъ сейчасъ же поручилъ мнѣ написать нѣсколько бумагъ въ Петербургѣ, между прочимъ изложить кратко исторію нашего плаванія до Англии, и вмѣстѣ о томъ, какъ мы «приткнулись» къ мели, и о необходимости ввести фрегатъ въ Портсмутскій докъ, отчасти для осмотра поврежденія, а еще болѣе для приспособленія къ фрегату, тогда еще новаго, водо-опрѣснительнаго парового аппарата.

Онъ мнѣ показалъ бумаги, какія самъ писалъ до моего пріѣзда въ Лондонъ. Я прочиталъ и увидѣлъ, что... ни за что не напишу такъ, какъ онѣ написаны, т.-е. такимъ строгимъ, точнымъ и сжатымъ стилемъ: просто не умѣю!

«Зачѣмъ ему секретарь?» въ страхѣ думалъ я: «онъ пишетъ лучше всякихъ секретарей: зачѣмъ я здѣсь? Я—лишний!» Мнѣ стало жутко. Но это было только начало страха. Это опасеніе я кое-какъ одолѣлъ мыслью, что если адмиралу не недостаетъ умѣнья, то неостанетъ времени самому писать бумаги, вести всю корреспонденцію и излагать на бумагу переговоры съ японцами.

Самое худшее было впереди, когда я вернулся изъ Лон-

дона въ Портсмуть, и когда надо было излагать въ рапортѣ исторію плаванія до Англїи и причины ввода фрегата въ докъ. Я думалъ, что это ровно ничего не значигь. Я помнилъ каждый шагъ и каждую минуту — и вотъ только взять перо и строчить привычной рукой: было, молъ, холодно, вѣтеръ дулъ, качало, или было тепло, вотъ *приѣхали* въ Данію... (Боже васъ сохрани сказать когда-нибудь при морякѣ, что вы на кораблѣ «приѣхали»: покраснѣютъ! «Пришли», а не приѣхали!) Нѣтъ—вижу не клеится. Ничего не выходитъ. — «А вы возьмите», говорятъ мяѣ: «шканечный журналъ, гдѣ шагъ за шагомъ описывается все плаваніе». Кромѣ того, я взялъ еще книги и бумаги подобнаго содержания. Погляжу въ одну, въ другую бумагу, или книгу, потомъ въ шканечный журналъ и читаю.

«Положили марсель на стенгу», — «взяли гротъ на гитовы», — «ворочали оверштагъ», — «привели фрегатъ къ вѣтру», — «легли на правый галсъ», — «шли на фордевиндъ», «обрасопили реи»... вѣтеръ дулъ NNO или SW. А тамъ слѣдуютъ «утлегарь», «ахтеръ-штевень» — «шкоты», «брассы», «фалы» и т. д., и т. д.

Этими фразами и словами, какъ бисеромъ, унизанъ былъ весь журналъ. — «Боже мой, да я ничего не понимаю!» думалъ я въ ужасѣ, цараная сухимъ перомъ по бумагѣ, «зачѣмъ я поѣхалъ!»

Мнѣ припомнилась школьная скамья, гдѣ, сидя, бывало, мучаешься до пота надъ «мудренымъ» переводомъ съ латинскаго или нѣмецкаго языковъ, а учитель, какъ теперь адмиралъ, торонить, спрашиваетъ: «скоро ли? готово ли? Покажите», говоритъ, «мнѣ, прежде нежели дадите переписывать»...

— «Что я покажу?» ворчалъ я въ отчаяніи, глядя на бѣлую бумагу. Среди этихъ терминовъ, изъ живого слова только и остаются нѣсколько глаголовъ, и между ними еще вспомогательный: много помощи отъ него!

Въ трехнедѣльный переѣздъ до Англии, я, конечно, слышала часть этихъ выраженій, но пропускала мимо ушей, не предвидя, что они, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, будутъ моею, почти единственной литературой.

«Зачѣмъ я здѣсь? А если ужъ понесло меня сюда, то зачѣмъ я не воспользовался минутнымъ расположеніемъ адмирала отпустить меня и не уѣхалъ? Ахъ, хоть бы опять заболѣли зубы и голова!» мысленно вопилъ я про себя, отвращая взглядъ отъ нѣганечнаго журнала.

Кромѣ этихъ терминовъ, цѣликомъ перенесенныхъ къ намъ при Петрѣ Великомъ изъ голландскаго языка и усвоенныхъ нашимъ флотомъ, выработалось въ морской практикѣ еще свое особое, русское нарѣчіе. Напримѣръ, моряки говорятъ и пишутъ: «приглубый берегъ», т.-е. имѣющій достаточную глубину для кораблей. Это очень хорошо выходитъ по-русски, такъ же, какъ, напримѣръ, выраженіе: «стойчивый», «стойчивость», т.-е. прочное, надлежащее сидѣнье корабля въ водѣ; — «навѣтренная» и «подвѣтренная» сторона, или еще «отстояться на якорѣ», т.-е. воспротивиться напору вѣтра и т. д. И такихъ очень много. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, и подобныя имъ, напримѣръ, «вытравливать (вмѣсто выпускать) канатъ или веревку», — и т. п. просятся въ русскую рѣчь и не въ морскомъ быту.

Но зато мелькаютъ между ними — очень рѣдко, конечно, и другія — съ натяжкой, съ насиліемъ языка. Напримѣръ, моряки пишутъ: «такой-то фрегатъ гдѣ-нибудь въ бухтѣ стоялъ «мористо»: это уже не хорошо, но еще хуже выходитъ «мористѣ», въ сравнительной степени. Не морскому читателю, конечно, въ голову не придетъ, что «мористо» значитъ близко, а «мористѣ» — ближе къ открытому морю, нежели къ берегу.

Это «мористо» напоминаетъ двустипіе какого-то произжаго (не помню, отъ кого я слышала), написанное имъ на

сгнѣ, послѣ ночлега въ такъ-называемой «чистой горницѣ» постоялаго двора: «дѣйствительно, здѣсь чисто», написалъ онъ: «но тараканисто, блохисто и клописто!»

Жаль Греча нѣтъ, усерднаго борца за правильность русскаго языка!

Не помню, какъ я раздѣлался съ первымъ рапортомъ: вѣроятно, я написалъ его береговымъ, а адмиралъ украсилъ морскимъ слогомъ — и бумага пошла. Потомъ и я ознакомился съ этимъ языкомъ и многое не забылъ и до сихъ поръ.

IV.

Теперь перенесемся въ Восточный океанъ, въ двадцатые градусы сѣверной широты, къ другой «опасной» минутѣ, пережитой у Ликейскихъ острововъ, о которой я ничего не сказалъ въ свое время. Я не упоминаю объ ураганѣ, встрѣченномъ нами въ Китайскомъ морѣ, у группы острововъ Баши, когда у насъ зашаталась гротъ-мачта, грозя рухнуть и положить на бокъ фрегатъ. Объ этомъ я подробно писалъ.

Въ путешествіи своемъ, въ главѣ «Ликейскіе острова», я вскользь упомянулъ, что два дня, передъ приходомъ нашимъ на Ликейскій рейдъ, дулъ крѣпкій вѣтеръ, мѣшавшій намъ войти — и больше ничего. Вотъ этотъ вѣтеръ чуть не надѣлалъ намъ большой бѣды.

Мы подходили къ островамъ около вечера. На глазомѣрь оставалось версты три, и намъ слѣдовало зайти за коралловый рифъ, кривой линіей опоясывавшій все видимое пространство главнаго, большого острова. Издали чуть-чуть видно было, какъ буруны перекатывались, играя пѣной, черезъ каменную гряду. Въ этой грядѣ было два входа на рейдъ, одинъ узкій съ сѣвера, другой еще уже — съ юга. Фрегату входить надо было очень вѣрно, какъ каретѣ въѣзжать въ тѣсныя ворота, чтобы не наткнуться на рифъ.

Адмиралъ не рѣшился въ сумерки рисковать и предпочелъ подождать разсвѣта. Отдали якорь при тихомъ, ласковомъ вѣтрѣ, въ теплой южной ночи—и заранѣе тѣшились надеждой завтра погулять по новымъ прелестнымъ мѣстамъ. Наши суда: «Князь Меншиковъ» и шкуна «Востокъ», кажется, оба—(забыль теперь) уже пришли прежде насъ и проскользнули въ узкости легко. Небольшимъ судамъ, неглубоко сидящимъ въ водѣ—это ни по чемъ. Офицеры оттуда пріѣзжали къ намъ повидаться и уѣхали.

Вдругъ около полуночи задулъ вѣтеръ, не съ берега, а съ океана къ берегу—а мы въ этомъ океанѣ стояли на якорѣ! Отдали другой якорь—и готовились бороться съ неожиданнымъ и внезапнымъ врагомъ. Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежиѣ всѣхъ—я. По своему береговому, не совсѣмъ еще въ морскомъ дѣлѣ окрѣпшему понятію, я все думалъ, что стоять на мѣстѣ все-таки лучше, нежели ходить по морю. Оно, пожалуй, и такъ, если стоять во время шторма въ закрытомъ портѣ, но мы стояли въ океанѣ! Такъ провели ночь, безпокойно, т.-е. она, моряки, слѣдя за успѣхами вѣтра. На другой день, около полудня, вѣтеръ сталъ стихать: начали сниматься съ якоря—и только что второй якорь «всталъ» (со дна) и поставлены были марселя (паруса), какъ раздался крикъ вахтеннаго: «Дрѣйфуетъ!» (тащитъ).—«Отдать якорь!» вслѣдъ за тѣмъ немедленно раздалась команда.

Все это, т.-е. команда и отдача якорей, уборка парусовъ, продолжалось нѣсколько минутъ, но фрегатъ успѣло «подрѣйфовать», силой вѣтра и теченія, версты на полторы ближе къ рифамъ. А вѣтеръ опять задулъ крѣпче. Отданъ былъ другой якорь (ихъ всѣхъ четыре на большихъ военныхъ судахъ)—и мы стали въ виду каменной гряды. До насъ достигалъ шумъ перекатывающихся буруновъ.

Я—ничего себѣ: всматривался въ открывшіяся теперь совсѣмъ подробности новаго берега, глядѣлъ не безъ удо-

вольствия, какъ скачуть черезъ камни, точно бѣшенныя бѣлыя лошади, буруны, кипя пѣной; наблюдалъ, какъ начальство беспокоится, какъ появляется иногда и задумчиво поглядываетъ на рифы адмиралъ, какъ всѣ примолкли и почти не говорятъ другъ съ другомъ. Да и нечего говорить, развѣ только спрашивать: «выдержать ли якорныя цѣпи и канаты напоръ вѣтра, или нѣтъ?» Вопросъ, похожій на гоголевскій вопросъ: доѣдетъ, или не доѣдетъ колесо до Казани?— Но для насъ онъ былъ и гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть? — Чуть вѣтеръ тише — ну, надежда: выдержать; а заревѣлъ и натянулъ канаты—сомнѣнiе и злоба. А фрегатъ такъ и возить взадъ и впередъ, насколько позволяютъ канаты обонхъ якорей—и вотъ-вотъ, немножко еще—трахъ... и...

— «И что?» — допытывался я уже на другой день на рейдѣ, ибо тамъ, за рифами, опять ни къ кому пристуну не было: такъ всѣ озабочены. Да почему-то и неловко было спрашивать, какъ бываетъ неловко заговаривать, гдѣ есть трудный больной въ домѣ, о томъ: выздоровѣетъ онъ, или умретъ?

— «Какъ «что!» Лопни канаты—и черезъ нѣсколько минутъ фрегатъ наваливаетъ на рифы: пу—и въ щепы!»

— «Сейчасъ и въ щепы! хорошо, положимъ — и въ щепы. Конечно, это огромная бѣда, но все же люди спаслись бы...»

— «Гутъ, у этихъ рифовъ, при этомъ волненiи? Подите!»

Я не унывалъ нисколько, отчасти потому, что мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы цѣпи — канаты двухъ, наконецъ, трехъ, и даже четырехъ якорей, не выдержали, а главное — берегъ близко. Онъ, а не рифы, былъ для меня «каменной стѣной», на которую я безконечно и возлагалъ все упованiе. Это совершенно усыпляло всякiй страхъ, и даже подозрѣнiе опасности, когда она была очевидна. И я

смотрѣлъ на всю эту «опасную» двухъ-дневную минуту, какъ на дѣло, до меня нисколько не касающееся.

И только на другой день на берегу вполнѣ вникнулъ я въ опасность положенія, когда въ разговорахъ объ этомъ объяснилось, что между берегомъ и фрегатомъ, при этихъ огромныхъ, какъ горы, волнахъ, сообщенія на шлюпкахъ быть не могло; что если бъ фрегатъ разбился о рифы, то ни наши шлюпки, а ихъ шесть — семь, и большой баркасъ, — ни шлюпки съ другихъ нашихъ судовъ, не могли бы спасти и пятой части всей нашей команды. При волненіи, онѣ, т.-е. шлюпки, имѣли бы полный комплектъ гребцовъ, и мѣста для другихъ почти не было бы совсѣмъ, развѣ для какихъ-нибудь десяти человѣкъ на шлюпку, а насъ всѣхъ было болѣе четырехъ сотъ. И тѣ десять человѣкъ стѣснили бы свободныя дѣйствія гребцовъ — и не при этомъ океанскомъ волненіи. — «И просто не выгresti бы на такихъ волнахъ!» говорили мнѣ.

Бывшіе на берегу офицеры съ американскаго судна сказывали, что они ожидали уже услышать ночью съ нашего фрегата пушечные выстрѣлы, извѣщающіе о критическомъ положеніи судна, а англійскій миссіонеръ говорилъ, что онъ молился о нашемъ спасеніи.

Однако лейтенантъ Савичъ, чуть ли не на двойкѣ (двухъ-весельной шлюпкѣ) съ двумя гребцами, изволилъ оттуда прокатиться до насъ по этимъ волнамъ — «посмотрѣть, что вы тутъ дѣлаете», сказалъ онъ. И посидѣвши съ нами, также отправился назадъ. И теперь помню, какъ скорлунка-двойка вдругъ пропала изъ глазъ, будто проваливалась въ глубину между двухъ водяныхъ горъ, и долго не видно было ея, и потомъ всползала опять бокомъ на гребень волны. Я не спускалъ глазъ съ Савича, пока онъ не скрылся за рифъ — и, конечно не у него, а у меня сжималось сердце страхомъ: — «вотъ-вотъ кувырнется и не появится больше!»

Провели мы еще, что называется, mauvais quart d'heure въ Татарскомъ проливѣ, гдѣ мы медленно подвигались къ устьямъ Амура. Офицеры на шлюпкахъ посылались впередъ для измѣренія глубины — и по ихъ слѣдамъ шель тихо и фрегатъ, безпрестанно останавливаясь, иногда въ ожиданіи прилива. И вотъ въ одинъ вечеръ стали на якорь на хорошей глубинѣ. Но сторонамъ видны были оба берега, Манджурскій и острова Сахалина, — и очень близко. Мы расположились покойно. Утромъ стали сниматься съ якоря, поставили гротъ-марсель, и въ это время фрегатъ потащило нѣсколько десятковъ сажень впередъ. Якорь опять отдали. Глубины подъ килемъ все-таки оказалось достаточно, но далѣе подвигаться не рѣшились, ожидая, что съ приливомъ воды прибудетъ. Но оказалось, что мы стоимъ уже на большой водѣ, на приливѣ, и вскорѣ вода начала убывать, и когда убыла, подъ килемъ оказалось всего футовъ три, четыре воды.

Вотъ тутъ и началась опасность. Вѣтеръ немного засвѣжѣлъ и, помню я, какъ фрегатъ стало бить объ дно. Сначала было два-три довольно легкихъ удара. Затѣмъ такъ треснуло, что затрещали шлюпки на боканцахъ и марсы (балконы на мачтахъ). Всѣ, бывшіе въ каютахъ, выскочили въ тревогѣ, а тутъ еще ударъ, еще и еще. Потонуть было трудно: оба берега въ какой-нибудь верстѣ; мѣстами, на отмеляхъ, вода была по поясъ человѣку.

Но если бы удары продолжались чаще и сильнѣе, то корпусъ тяжело-нагруженнаго и вооруженнаго фрегата, конечно, могъ бы раздаться, и рангоутъ, т.-е. верхнія части мачтъ и реи, полетѣтъ внизъ. А такъ какъ эти деревья, кажущіяся снизу лучинками, всѣятъ, которое двадцать, которое десять пудъ, — то всѣмъ намъ приходилось тоскливо стоять внизу и ожидать, на кого они упадутъ.

Послѣ смѣшно было вспоминать, какъ, при каждомъ ударѣ и трескѣ, всѣ мы проворно переходили одни на мѣ-

сто другихъ на палубѣ. — «Страшновато» было! какъ говорить, бывало, я въ подобныхъ случаяхъ спутникамъ. Впрочемъ все это продолжалось, можетъ-быть, часа два, пока не начался опять приливъ, подбавившій воды, и мы снялись и пошли дальше.

V.

Мы подвергались опасностямъ и другого рода, хотя не морскимъ, но весьма вѣроятнымъ тогда, и обязательнымъ, такъ сказать, для военнаго судна, которыхъ не только нельзя было избѣгать, но должно было на нихъ направиваться. Это встрѣча и схватка съ непріятельскими судами.

Сколько помню, адмиралъ и капитанъ неоднократно рѣшались на отважный набѣгъ къ берегамъ Австраліи, для захвата англійскихъ судовъ, и кажется, если не ошибаюсь, только неувѣренность, что наша старая, добрая «Паллада» выдержитъ еще продолжительное плаваніе отъ Японіи до Австраліи, удерживала ихъ, а еще, конечно, и неувѣренность, по неизмѣнно никакихъ извѣстій, застать тамъ чужія суда. Въ послѣднее наше пребываніе въ Шанхаѣ, въ декабрѣ 1853 г., и въ Нагасаки, въ январѣ 1854 г., до насъ еще не дошло извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Турціей и Англіей; мы знали только, изъ запоздавшихъ газетъ и писемъ, что близко къ тому — и больше пока ничего. Я помню, что въ Шанхаѣ ко мнѣ все приставалъ лейтенантъ англійскаго флота, кажется Скоттъ, чтобъ я поддержалъ съ нимъ пари о томъ, будетъ ли война или нѣтъ? Онъ утверждалъ, что не будетъ, я былъ противнаго мнѣнія. Пари не состоялось, и мы ушли, сначала въ Нагасаки, потомъ въ Маниллу — все еще въ невѣдѣніи о томъ, въ войнѣ мы уже, или нѣтъ — и съ каждымъ днемъ ждали извѣстія, и въ каждомъ встрѣчномъ суднѣ предполагали непріятели.

Въ этой неизвѣстности о войнѣ пришли мы и въ Ма-

ялилу и застали тамъ на рейдѣ военный французскій па-роходъ. Ни мы, ни французы, не знали, какъ намъ держать себя другъ съ другомъ, и визитами мы не мѣнялись, какъ это всегда дѣлается въ обыкновенное время. Пробывъ тамъ недѣли три, мы ушли, но передъ уходомъ узнали, что тамъ ожидали англійскую эскадру.

Такъ какъ мы могли встрѣтить ее, или французскія суда въ морѣ, и можетъ-быть уже съ извѣстіями объ открытіи военныхъ дѣйствій,—то у насъ готовились къ этой встрѣчѣ и приводили фрегатъ въ боевое положеніе. Капитанъ поговаривалъ о томъ, что, въ случаѣ одолѣнія превосходными непріятельскими силами, необходимо-де поджечь пороховую камеру и взорваться.

Всѣ были болѣе или менѣе въ ожиданіи, много говорили, готовились къ бою, смотрѣли въ зрительныя трубки во всѣ стороны.

Одинъ только о. Аввакумъ, нашъ добрый и почтенный архимандритъ, относился ко всѣмъ этимъ ожиданіямъ, какъ почти и ко всему, невозмутимо-покойно; и даже скептически. Какъ онъ самъ лично не имѣлъ враговъ, всѣми любимый, и самъ всѣхъ любившій, то и не предполагалъ ихъ нигдѣ и ни въ комъ: ни на морѣ, ни на сушѣ, ни въ людяхъ, ни въ корабляхъ. У него была вражда только къ одной большой пушкѣ, какъ совершенно ненужному въ его глазахъ предмету, которая стояла въ его каютѣ и отнимала у него много простора и свѣту.

Онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ идей, знаній, добрыхъ чувствъ—и въ сношеніяхъ со всѣми нами былъ одинаково дружелюбенъ, привѣтливъ. Мудреная наука жить со всѣми въ мирѣ и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвѣщенной религіи. Это давалось ему легко: ему не пужно было умѣнья — онъ инымъ быть не могъ. Онъ не вмѣшивался никогда не въ свои дѣла, никому ни въ чемъ не навязывался, былъ скро-

ментъ, не старался выставить себя и не претендовалъ на право даже собственныхъ, неотъемлемыхъ заслугъ, а сказывалъ ихъ молча и много—и своими познаніями, и нравственнымъ вліаніемъ на весь кружокъ плователей, не поученіями и проповѣдями, на которыя не былъ щедръ, а просто примѣромъ ровнаго, покойнаго характера и кроткой, почти младенческой души.

Въ бесѣдахъ умъ его приправлялся часто солью легкаго, и всегда добродушнаго юмора.

Кажется, я смѣло могу поручиться за всѣхъ моихъ товарищей плаванія, что ни у кого изъ нихъ не было съ этою прекрасною личностію ни одной непріятной, даже досадной минуты... А если бывали, то вотъ какого комическаго свойства. Напримѣръ, помню, однажды, гуляя со мной на шканцахъ, онъ вдругъ... плюнулъ на палубу. Ужасъ!

Шканцы—это нѣчто въ родѣ корабельной скинп, самое парадное, почти священное мѣсто. Палуба — скоблится, трется кирпичомъ, моется почти каждый день и блеститъ, какъ стекло.

А о. Аввакумъ — разчихался, разморкался и — плюнулъ, я помню взглядъ изумленія вахтеннаго офицера, брошенный на него, потомъ на меня. Онъ сдѣлалъ такое же усиліе надъ собой, чтобъ воздержаться отъ какого-нибудь замѣчанія, какъ я — отъ смѣха. — «Какъ жаль, что онъ — не матросъ!» шепнулъ онъ мнѣ потомъ, когда о. Аввакумъ отвернулся. Долго помнилъ эту минуту офицеръ, а я долго веселился ею.

Въ другой разъ, гдѣ-то въ поясахъ силошного лѣта, при безвѣтріи, мы прохаживались съ о. Аввакумомъ все по тѣмъ же шканцамъ. Вдругъ ему вздумалось взобраться по трехъ-ступенной лѣсенкѣ на площадку, съ которой обыкновенно, стоя, командуетъ вахтенный офицеръ. Отецъ Аввакумъ обозрѣлъ море и потомъ, обернувшись спиной къ

нему, вдругъ... сѣлъ на эту самую площадку «отдохнуть», какъ онъ говаривалъ.

Опять скандалъ! Капитана на верху не было—и вахтенный офицеръ смотрѣлъ на архимандрита — какъ будто хотѣлъ его сѣсть, но не рѣшился замѣтить, что на шканцахъ сидѣть нельзя. Это, конечно, зналъ и самъ о. Аввакумъ, но по разсѣянности забылъ, не приписывая этому никакой существенной важности. Другіе, кто тутъ былъ, улыбались—и тоже ничего не говорили. А самъ онъ не догадывался и, «отдохнувъ», сталъ опять ходить.

При кротости этого характера и невозмутимо-покойномъ созерцательномъ умѣ, онъ не легко поддавался тревогамъ. Преслѣдованіе на морѣ враговъ нами, или погоня враговъ за нами, казались ему больше фантазією адмирала, капитана и офицеровъ. Онъ равнодушно глядѣлъ на всѣ военныя приготовленія и продолжалъ, лежа или сидя на постели у себя въ каютѣ, читать книгу. Ходилъ онъ въ обычное время гулять для моціона и воздуха наверхъ, не высматривая непріятеля, въ котораго не вѣрилъ.

Вдругъ однажды раздался крикъ: — «пароходъ идетъ! Дымъ виденъ!»

Поднялась суматоха. — «Повиелъ по орудіямъ!» scomандовалъ офицеръ. Всѣ высыпали на верхъ. Кто-то позвалъ и отца Аввакума. Онъ, петоропливо, какъ всегда, вышелъ и равнодушно смотрѣлъ, куда всѣ направили зрительныя трубы и въ напряженномъ молчаніи ждали, что окажется.

Скоро всѣ успокоились: это оказался не пароходъ, а китоловное судно, поймавшее кита и вытапливавшее изъ него жиръ. Отъ этого и дымъ. Непритель все не показывался.— «Вѣгаетъ нечестивый, ни единому же ему гонящу!» слышу я голосъ сзади себя.

Это о. Аввакумъ выразилъ такъ свой скептическій взглядъ на ожидаемую встрѣчу съ врагами. И засмѣялся, и онъ

тоже. — «Да право такъ!» замѣтилъ онъ, спускаясь неторопливо опять въ каюту.

VI.

Но какъ все страшное и опасное, испытываемое многими плователями, а также испытанное и нами въ плаваніи до Японіи, кажется блѣдно и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что привелось испытать моимъ спутникамъ въ Японіи! Все, что произошло тамъ, представляетъ рядъ страшныхъ, и опасныхъ, и гибельныхъ вмѣстѣ, — не минутъ, не часовъ, а дней и ночей.

Много ужасныхъ драмъ происходило въ разныя времена съ кораблями и на корабляхъ. Кто ищетъ въ книгахъ сильныхъ ощущеній, за неимѣніемъ послѣднихъ въ самой жизни, тотъ найдетъ большую пищу для воображенія въ «Исторіи кораблекрушеній», гдѣ въ нѣсколькихъ томахъ собраны и описаны многіе случаи замѣчательныхъ крушеній у разныхъ народовъ. Погибали на морѣ отъ бурь, отъ жажды, отъ холода и голода, отъ болѣзней, отъ возмущеній экипажа.

Но никогда гибель корабля не имѣла такой грандіозной обстановки, какъ гибель «Діаны», гдѣ великолѣпный спектакль былъ устроенъ самой природой. Но разъ на судахъ бывали ощущаемы колебанія моря отъ землетрясенія,—но, сколько помнится, большихъ судовъ отъ этого не погибло.

Пересѣвъ на «Діану» и выбравъ изъ команды «Паллады» надежныхъ и опытныхъ людей, адмиралъ все-таки рѣшилъ попытаться зайти въ Японію, и если не окончить, то закончить на время переговоры съ тамошнимъ правительствомъ и условиться о возобновленіи ихъ по окончаніи войны, которая уже началась, о чемъ получены были наконецъ извѣстія.

Передъ отплытіемъ изъ Татарскаго пролива, время, съ

августа до конца ноября, прошло въ приготовленіяхъ къ этому рискованному плаванію, для котораго готовились припасы на непредвидѣнный срокъ, въ виду ожиданія встрѣчи съ непріятелемъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, адмиралъ, въ концѣ ноября, вдругъ рѣшился на отважный шагъ: идти въ центръ Японіи, коснуться самаго чувствительнаго ея нерва, именно въ городъ Оосаки, близъ Міако, гдѣ жилъ микадо, глава всей Японіи, сынъ неба, или, какъ неправильно прежде называли его въ Европѣ, «духовный императоръ». Тамъ, думалъ не безъ основанія адмиралъ, японцы струсятъ неожиданнаго появленія иноземцевъ въ этомъ закрытомъ и священномъ мѣстѣ и скорѣе согласятся на предложенныя имъ условія.

Такъ и сдѣлалъ. «Діана» явилась туда — и японцы дѣйствительно струсили, но, къ сожалѣнію, это средство не повело къ желаемымъ результатамъ. Они стали просить удалиться, и всѣ берега свои заставили рядами лодокъ, такъ что сквозь нихъ надо бы пробиваться силою, а къ этому средству адмиралъ не имѣлъ полномочія прибѣгать.

Японцы тутъ ни о какихъ переговорахъ не хотѣли и слышать, а приглашали немедленно отправиться въ городъ Симодо, въ бухтѣ того же имени, лежащей въ углу огромнаго залива Іеддо, при выходѣ въ море. Туда, по словамъ ихъ, отправились и уполномоченные для переговоровъ японскіе чиновники. Туда же чрезъ нѣсколько дней направилась и «Діана». Въ этой бухтѣ предстояло ей испытать страшную катастрофу.

Здѣсь я кладу перо, какъ путешественникъ и авторъ. Далѣе меня не было съ плавателями, и я являюсь только редакторомъ нѣкоторыхъ ихъ воспоминаній, рассказовъ и допесеній о крушеніи «Діаны» и о возвращеніи въ Россію.

Постараюсь сдѣлать это въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ, какъ можно короче, чтобы не лишать большого интереса

тѣхъ изъ читателей, которые пожелаютъ ознакомиться съ событіемъ изъ самаго рапорта адмирала, гдѣ все изложено — полно, подробно и весьма просто и удобопонятно, несмотря на обиліе морскихъ терминовъ.

Все это событіе и послѣдствія его принадлежатъ исторіи нашего мореплаванія, а теперь пока они теряются на страницахъ мало доступнаго большинству публики спеціальнаго морского журнала.

«Однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ, рѣдкихъ явленій въ природѣ, случающихся однако чаще въ Японіи, нежели въ другихъ странахъ, совершилась гибель фрегата «Діана». Такъ начинается рапортъ адмирала къ великому князю генераль-адмиралу, — и затѣмъ, шагъ за шагомъ, минута за минутой, повѣствуетъ о грандіозномъ событіи и его разрушительномъ дѣйствіи на берегахъ и на фрегатѣ.

Прочитавъ это повѣствованіе и выслушавъ изустные рассказы многихъ свидѣтелей, — можно наглядно получить вульгарное изображеніе событія, въ миниатюрѣ, такимъ образомъ: возьмите большую круглую чашку, налейте до половины водой и дайте чашкѣ быстрое, круговращательное движеніе — а на воду пустите личную скорлупу, или представьте себѣ на ней миниатюрное суденышко, съ полнымъ грузомъ и людьми. Вотъ положеніе судна и людей. Но въ чашкѣ нѣтъ ни скаль, стоящихъ въ видѣ острововъ посерединѣ, ни угловатыхъ береговъ, — а это все было въ бухтѣ Симодо.

Надо замѣтить, что бухта Симодо не закрыта съ моря, и слѣдовательно не можетъ служить безопаснымъ мѣстомъ для стоянки судовъ.

11 декабря, въ 10 часовъ утра (разсказывалъ адмиралъ), онъ и другіе, бывшіе въ каютахъ, замѣтили, что столы, стулья и прочіе предметы нѣсколько колеблются, посуда и другія вещи прискакиваютъ, и успѣли выйти на верхъ. Все повидимому было еще покойно. Волненія

въ бухтѣ не замѣчалось, но вода какъ будто бурлила или клокотала.

Около городка Симодо течетъ довольно быстрая горная рѣчка: на ней было нѣсколько джонокъ (мелкихъ японскихъ судовъ). Джонокы вдругъ быстро понеслись, не по теченію, а назадъ, вверхъ по рѣчкѣ. Тоже необыкновенное явленіе: тотчасъ послали съ фрегата шлюпку съ офицеромъ, узнать, что тамъ дѣлается. Но едва шлюпка подошла къ берегу, какъ ее водою подняло вверхъ и выбросило. Офицеръ и матросы успѣли выскочить и оттащили шлюпку дальше отъ воды. Съ этого момента начало разыгрываться страшное и грандіозное зрѣлище.

Вотъ рисунокъ этой картины въ двухъ-трехъ главныхъ штрихахъ.

Вслѣдствіе колебанія морского дна у береговъ Японіи, въ бухту Симодо влился громаднѣйшій валъ, который коснулся берега и отхлынулъ, но не успѣлъ уйти изъ бухты, какъ навстрѣчу ему, съ моря, хлынулъ другой валъ, громаднѣе. Они столкнулись, и не вмѣстившаяся въ бухтѣ вода пришла въ круговоротное движеніе и начала полоскать всю бухту, хлынувъ на берега, вплоть до тѣхъ высотъ, куда спасались люди изъ Симодо. Второй валъ покрылъ весь Симодо и смылъ его до основанія. Потомъ еще валъ, еще и еще. Круговращеніе продолжалось съ возрастающей силой и ломало, смывало, топило и уносило съ береговъ все, что еще уцѣлѣло. Изъ тысячи домовъ осталось шестнадцать и погибло около ста человѣкъ. Весь заливъ покрылся обломками домовъ, джонокъ, трупами людей и безчисленнымъ множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ: жилищъ, утвари и проч.

Все это прибило къ одному изъ береговъ въ такой массѣ, что образовало, по словамъ рапорта адмирала, «какъ бы продолженіе берега».

А что дѣлалось съ фрегатомъ въ это время?

По изустнымъ рассказамъ свидѣтелей, поразительнѣе всего казалось переменное возвышеніе и пониженіе берега: онъ то приходилъ вровень съ фрегатомъ, то вдругъ возвышался сажень на шесть вверхъ. Нельзя было рѣшить, стоя на палубѣ, поднимается ли вода, или опускается самое дно моря? Вращеніемъ воды кидало фрегатъ изъ стороны въ сторону, прижимая на какую-нибудь сажень къ скалистой стѣнѣ острова, около котораго онъ стоялъ, и грозя раздробить какъ орѣхъ, и отбрасывая опять на середину бухты.

Потомъ стало ворочать его то въ одну, то въ другую сторону съ такой быстротой, что въ тридцать минутъ, по словамъ рапорта, было сдѣлано имъ сорокъ два оборота! Наконецъ начало бить фрегатъ, по причинѣ переменной прибыли и убыли воды, объ дно, о свои якоря, и класть то на одинъ, то на другой бокъ. И когда во второй разъ положило — онъ оставался въ этомъ положеніи съ минуту...

И страхъ, и опасность, и гибель—все уложилось въ одну эту минуту!

Всѣ уцѣпились, кто за что могъ. Все оцѣнено въ молчаніи. Потомъ раздались слова молитвы: всѣ молились, кто словами, и всѣ, конечно, внутренно, такъ усердно, какъ, по пословицѣ, только молятся на морѣ!

Богъ услышалъ молитвы моряковъ и «провидѣнію», говорить рапортъ адмирала, «угодно было спасти насъ отъ гибели». Вода пошла на прибыль, и фрегатъ всталъ, но въ какомъ положеніи!

Не всѣ, однако, избавились и отъ гибели: одинъ матросъ заплатилъ жизнью, а двое искалѣчены. Двѣ неприкрѣпленныя пушки, при наклоненіи фрегата, упали и убили одного матроса, а двумъ другимъ, и между прочимъ боцману Терентьеву, раздробили ноги.

Помню я этого Терентьева, худоцаваго, рыбаго, лихого

боцмана, всегда съ свисткомъ на груди и съ линькомъ или допаремъ въ рукахъ. Это тотъ самый, о которомъ я упоминалъ въ началѣ путешествія и который угощалъ моего Оаддеева то линькомъ, то допаремъ по спинѣ, когда этотъ послѣдній, радѣя мнѣ (безъ моей просьбы, а всегда сюрпризомъ), таскалъ украдкой прѣсную воду на умыванье, сверхъ положеннаго количества, изъ систернъ, во время плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ.

Нѣсколько часовъ продолжалось это возмущеніе воды при безвѣтріи и наконецъ стихло. По осмотрѣ фрегата, онъ оказался весь избитъ. Трюмъ былъ наполненъ водой, подмочившей провизію, амуницію и все частное добро офицеровъ и матросовъ. А главное, не было болѣе руля, который, оторвавшись, вмѣстѣ съ частью фальшь-киля, проплылъ, въ числѣ прочихъ обломковъ, мимо фрегата — «продолжать берегъ», по выраженію адмирала.

Фрегатъ разоружили: свезли всѣ шестьдесятъ орудій на берегъ и отдали на сохраненіе японцамъ, объяснивъ имъ, какъ важно для насъ, чтобы орудія не достались непріятелю. И японцы укрыли и сохранили ихъ тщательно, построивъ для того особые сарай.

Вообще они, несмотря на то, что потерѣли сами отъ землетрясенія, оказали нашимъ всевозможную помощь и послуги. Японскія власти присылали провизію и снабжали всѣмъ нужнымъ.

Нашъ государь оцѣнилъ ихъ услуги и, въ благодарность за участіе къ русскимъ плавателямъ, подарилъ всѣ 60 орудій японскому правительству.

Но и наши не оставались въ долгу. Въ то самое время, когда фрегатъ крутило и било объ дно, на него нанесло напоромъ воды двѣ джонки. Съ одной изъ нихъ сняли съ бѣльшимъ трудомъ и привяли на фрегатъ двухъ японцевъ, которые не охотно дали себя спасти, подъ вліяніемъ строго еще тогда запрещенія отъ правительства сноситься съ

иноземцами. Третій товариць ихъ рѣшительно побоялся, по этой причинѣ, послѣдовать примѣру первыхъ двухъ и тотчасъ же погибъ, вмѣстѣ съ джонкой. Сняли также съ плившей мимо крыши дома старуху.

Когда утихло, адмираль послалъ на развалины Симодо К. Н. Посыета и доктора, подать помощь раненымъ. Но, ради все того же страха, раненыхъ спрятали и объявили, что ихъ нѣтъ. Но наши успѣли мелькомъ замѣтить ихъ.

Такъ кончился первый актъ этой морской драмы, — первый потому, что «страшныя», «опасныя» и «гибельныя» минуты далеко не исчерпались землетрясеніемъ. Второй актъ продолжался съ 11-го декабря 1854 г. по 6-е января 1855 г., когда плователи покинули фрегатъ, или, вѣрнѣе, когда онъ покинулъ ихъ совсѣмъ, и они буквально «выбросились» на чужой, отдаленный отъ отечества берегъ.

Фрегатъ повели, придѣлавъ фальшивый руль, осторожно, какъ носятъ раненаго въ госпиталь, въ отысканную въ другомъ заливѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Симодо, закрытую бухту «Хеда», чтобы тамъ повалить на отмель, чинить — и опять плавать. Но всѣ надежды оказались тщетными. Дня два плователи носимы были бурнымъ вѣтромъ по заливу, и наконецъ, должны были, съ немовѣрными усиліями, перебраться всѣ (при морозѣ въ 4⁰), сквозь буруны, на шлюпкахъ, по канату, на берегъ, у подошвы японскаго Монблана, горы Фудзи, въ противоположной сторонѣ отъ бухты Хеда.

Съ наступленіемъ тихой погоды хотѣли, наконецъ, посредствомъ японскихъ лодокъ, дотащить кое-какъ пустой остовъ до бухты — и все-таки чинить. Если фрегатъ держался еще на водѣ въ тогдашнемъ своемъ положеніи, такъ это, сказывалъ адмираль, происходило между прочимъ отъ того, что систерны въ трюмѣ, обыкновенно наполнены прѣсной водой, были тогда пусты, и эта пустота и мѣшала ему погрузиться совсѣмъ.

Сто японскихъ лодокъ тянули его; оставалось верстъ

пять, шесть до мѣста, какъ вдругъ налетѣлъ шквалъ, развелъ волненіе: всѣ лодки бросили внезапно буксиръ и едва успѣли, и наши офицеры, провожавшіе фрегатъ, тоже, укрытыя по маленькимъ бухтамъ. Пустой, покинутый фрегатъ качало волнами съ боку на бокъ...

Ночью нельзя было слѣдить за нимъ, а на утро его уже не было видно...

Когда читаешь донесенія и слушаешь рассказы о томъ, какъ погибала «Діана», хочется плакать, какъ при разсказѣ о медленной агоніи человѣка.

Вотъ эти два числа — 11-е декабря, день землетрясенія, и 6-е января, высадки на берегъ, какъ знаменательные дни въ жизни плователей, и были поводомъ къ собранію нашему за двумя вышеупомянутыми обѣдами.

Наконецъ, третье дѣйствіе — это возвращеніе путешественниковъ, тоже подъ страхомъ и опасностями своего рода, разными путями, въ Россію...

Такъ кончилось крушеніе «Діаны», которое займетъ самое видное мѣсто въ лѣтописи морскихъ бѣдствій.

VII.

Къ этому остается прибавить немного, что еще рассказывали мнѣ мои бывшіе спутники о дальнѣйшихъ своихъ пожденіяхъ и о заключеніи этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ экспедиціи.

Отъ подошвы Фудзи наши герои, «по образу нѣшаго хожденія», черезъ горы, направились въ ту же бухту «Хеда», куда намѣревались-было ввести фрегатъ, и расположились тамъ на бивуакахъ (при 4⁰ мороза, не забудьте!), пока готовились бараки для ихъ помѣщенія, временнаго и, по возможности недолгаго, потому что въ положеніи Робинсоновъ Крузе пяти стамъ человѣкамъ долго оставаться нельзя. Надо было изыскать средство уйти оттуда какимъ бы то ни было образомъ. Дождаться отвѣта на рапортъ, пока

онъ придетъ въ Россію, пока оттуда вышлютъ другое судно, чего въ военное время и нельзя было сдѣлать, — значить нести всѣ тягости какого-то плѣна. Не затѣмъ прошли сквозь всѣ гибели, чтобы кинуть на полудикомъ побережьи, сложивъ руки, когда «наши тамъ... дерутся!» думали плаватели.

Рѣшились искать помощи въ самихъ себѣ — и для этого, ни больше, ни меньше, положилъ адмиралъ, построить судно собственными руками, съ помощью, конечно, японскихъ услугъ, особенно по снабженію всѣмъ необходимымъ матеріаломъ: деревомъ, желѣзомъ и проч. Плотники, столяры, кузнецы были свои; въ команду всегда выбираются люди знающіе всѣ необходимыя въ корабельномъ дѣлѣ мастерства. Такъ и сдѣлали. Черезъ четыре мѣсяца уже готова была шкуна, названная въ память бухты, пріютившей разбившихся плавателей, «Хеда».

Изъ донесеній извѣстно, что наши плаватели раздѣлились на три отряда: одинъ отправился, на нанятомъ американскомъ суднѣ, къ устьямъ Амура, другой на бременскомъ суднѣ былъ встрѣченъ англійскимъ военнымъ судномъ. Но англичане пріняли нашихъ не за военно-плѣнныхъ, а за претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и, раздѣливъ по своимъ судамъ, доставили ихъ, кругомъ мыса Доброй Надежды, въ Европу.

Наконецъ самъ адмиралъ, на самодѣльной шкунѣ «Хеда», съ остальною партією около сорока человекъ, прибылъ тоже, едва избѣжавъ погони англійскаго военнаго судна, въ устья Амура и по этой рѣкѣ поднялся вверхъ до русскаго поста Усть-Стрѣлки, на слияніи Шилки и Аргуни, и достигъ Петербурга.

Чего стоило одно странствованіе по этой пустынной, тогда еще неизслѣдованной нашей Миссисипи!

Самъ адмиралъ, капитанъ (теперь адмиралъ) Посеть, капитанъ Лосевъ, лейтенантъ Пещуровъ и другіе, да человекъ восемнадцать матросовъ, составляли эту экспедицію, рѣшившуюся въ первый разъ, со времени присоединенія

Амура къ нашимъ владѣніямъ, подняться вверхъ по этой рѣкѣ на маленькомъ пароходѣ, на которомъ въ первый же разъ спустился по ней генераль-губернаторъ восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ.

Послѣдній воротился тогда въ Иркутскъ сухимъ путемъ (и я примкнулъ къ его свитѣ), а пароходъ, и при немъ баржу, открытую большую лодку, гдѣ находились неумѣщавшіеся на пароходѣ люди и провизія, предоставилъ адмиралу. Предполагалось употребить на это путешествіе до Шилки и Аргунн, къ мѣсту сліянія ихъ, въ мѣстечко Усть-Стрѣлку, мѣсяца полтора, и провизіи взято было на два мѣсяца, а плаваніе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ.

И чего не случалось съ нашими странниками! То вдругъ воды въ рѣкѣ нѣтъ и плыть нельзя, то сильно несетъ теченіемъ. То дровъ въ избыткѣ, то одинъ мелкій хворостъ по берегамъ, негодный и на лучину, нечѣмъ пищу варить и топить пароходъ! Въ иныхъ мѣстахъ у туземцевъ: мангу, орочанъ, гольдовъ, гыляковъ и другихъ, о которыхъ европейскіе этнографы, можетъ-быть, еще и не подозрѣваютъ, можно было вымѣнивать сушеное оленье мясо, просо, на бисеръ, гвозди и т. п. А въ другихъ мѣстахъ было, или совсѣмъ пусто по берегамъ, или жители, завидѣвъ, особенно ночью, извергаемый пароходомъ дымъ и міриады искръ, въ страхъ бѣжали дальше и прятались, такъ что приходилось голоднымъ плавателямъ самимъ входить въ ихъ жилища и хозяйничать, брать провизію и оставлять бусы, зеркальца и т. п. предметы взаменъ. Самы ловили рыбу и иногда роскошничали за стерляжьей ухой, особенно въ первой половинѣ плаванія.

Когда не было лѣса по берегамъ, плователи углублялись въ стороны, для добыванія дровъ. Матросы рубили дрова, офицеры таскали ихъ на пароходъ. Адмиралъ порывался раздѣлять ихъ заботы, но этому все энергически воспротивились, предоставивъ ему болѣе легкую и почетную работу, какъ-то: накрывать на столъ, мыть тарелки и чашки.

Въ послѣднія недѣли плаванія всѣ средства истощились: по три раза въ день пили чай и ѣли по горсти пшена—и только. Достали-было однажды кусокъ сушеного оленьяго мяса, но не свѣжаго, съ червями. Сначала поусомнились ѣсть, но потомъ подумали хорошенько, вычистили его, вымыли и... «стали кушать», «для примѣра, между прочимъ, матросамъ», прибавилъ К. Н. П., рассказывавшій мнѣ объ этомъ странствіи. «Полно, такъ ли, думалъ я, слушая: для примѣра ли: не по пословицѣ ли: «голодь не тетка»?

За два дня до прибытія на Усть-Стрѣлку, гдѣ былъ нашъ постъ, начальникъ послѣдняго, узнавъ отъ посланнаго впередъ орочанина, о крайней нуждѣ плователей, выслать имъ навстрѣчу все необходимое въ изобиліи, и между прочимъ теленка. Вотъ только гдѣ, пройдя тысячи три верстъ, эти не блудные, а блуждающіе сыны, добрались наконецъ до упитаннаго тельца!

Такъ кончилась эта экспедиція, въ которую укладываются вся Одиссея и Энеида—и ни Эней, съ отцомъ на плечахъ, ни Одиссей, не претерпѣли и десятой доли тѣхъ злоключеній, какія претерпѣли наши аргонавты, изъ которыхъ *«иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!»*

Однихъ унесла могила: между прочимъ архимандрита Аввакума. Этотъ скромный ученый, почтенный человѣкъ ѣздилъ потомъ съ графомъ Путятинымъ въ Китай, для заключенія Телятинскаго трактата, и по возвращеніи продолжалъ оказывать пользу по сношеніямъ съ китайцами, по знакомству съ ними и съ ихъ языкомъ, такъ какъ онъ прежде прожилъ въ Пекинѣ лѣтъ пятнадцать при нашей миссіи. Онъ жилъ въ Александро-Невской лаврѣ и скончался тамъ лѣтъ восемь или десять тому назадъ.

Нѣтъ болѣе въ живыхъ также капитана (потомъ генерала) Лосева, В. А. Римскаго-Корсакова, бывшаго долго директоромъ морского корпуса, обоихъ медиковъ, Арефьева

и Вейриха, лихого моряка Савича, штурманскаго офицера Попова *).

Изъ остающихся въ живыхъ — старшіе занимають высокіе посты въ морской и въ другихъ службахъ, осыпаны отличіями,—младшіе на пути къ отличіямъ.

Съ самыми лучшими чувствами симпатіи и добрыхъ воспоминаній обращаюсь я постоянно къ этой эпохѣ плаванія по морямъ, къ кругу этихъ отличныхъ людей, и встрѣчаюсь съ ними всегда, какъ будто не разставался никогда.

Мнѣ поздно желать и надѣяться плыть опять въ дальнія страны: я не надѣюсь и не желаю болѣе. Лѣта охлаждають всякія желанія и надежды. Но я хотѣлъ бы перенести эти желанія и надежды въ сердца моихъ читателей—и—если представится имъ случай идти (помните «идти», а не «ѣхать») на корабль въ отдаленныя страны — предложить совѣтъ: ловить этотъ случай, не слушая никакихъ преждевременныхъ страховъ и сомнѣній. Читатель, можетъ-быть, возразитъ на этотъ совѣтъ, что довольно и того, что написано въ этой главѣ, чтобы навсегда отбить охоту къ морскимъ путешествіямъ. Напротивъ, именно этотъ рассказъ и подтверждаетъ мой совѣтъ. Какъ же: въ то время, когда отъ землетрясенія падали города и селенія, валились скалы, гибли дома и люди на берегу, фрегатъ все держался, и изъ нятисотъ человекъ погибъ одинъ! И послѣ, потерявъ корабль, плователи отдѣлались благополучно и все добрались домой, и большая часть живуть и здравствуютъ донныѣ.

Русскій священникъ въ Лондонѣ посѣтилъ насъ передъ отходомъ изъ Портсмута и послѣ обѣдни сказалъ рѣчь, въ которой остерегалъ отъ этихъ страховъ. Онъ исчислилъ

---

*) Къ этому скорбному списку надо прибавить скончавшихся въ послѣдніе годы Н. П. Вѣлavenеца, служившаго въ магнитной обсерваторіи въ Кроунштадтѣ, и А. А. Халезова, извѣстнаго подъ названіемъ «дѣда» въ этихъ очеркахъ плаванія.

опасности, какія можемъ мы встрѣтить на морѣ — и напу-
гавъ сначала порядкомъ, заключилъ тѣмъ, что «и жизнь
на берегу кишитъ страхами, опасностями, огорченіями и
бѣдами, — слѣдовательно, мы мнѣяемъ только однѣ бѣды и
страхи на другія».

И это правда. Обыкновенно ссылаются на то, какъ много
погибаетъ судовъ. А если счесть, сколько поѣздовъ сталки-
вается на желѣзныхъ дорогахъ, сваливается съ высотъ,
сколько гибнетъ людей въ огнѣ пожаровъ и т. д., то на
какой сторонѣ окажется перевѣсъ? И сколько вообще рас-
ходуется бѣднаго человѣчества по мелочамъ, въ одиночку,
не всегда въ глуши какихъ-нибудь пустынь, лѣсовъ, а въ
многолюдныхъ городахъ!

«А все же «страшиновато» какъ-то на морѣ: сомнѣнія,
неувѣренность, одни ожиданія опасностей чего стѣять!..»
скажутъ на это.

Да, тутъ есть правда: но человѣку врожденна и муже-
ственность: надо будить ее въ себѣ и вызывать на помощь,
чтобы побуждать робкія движенія души и закалять нервы
привычкою. Самые робкіе характеры кончаютъ тѣмъ, что
свыкаются. Даже женщины служатъ хорошимъ примѣромъ
тому: сколько англичанокъ и американокъ пускаются въ
дальнія плаванія и выносятъ, даже любятъ большіе морскіе
перевѣды!

Зато какія награды! Дальнее плаваніе населить память,
воображеніе, прекрасными картинами, занимательными эпи-
зодами, обогатитъ умъ нагляднымъ знаніемъ всего того,
что знаешь по слуху, — и кромѣ того введетъ плователя
въ тѣсное, почти семейное сближеніе, съ цѣлымъ кругомъ
моряковъ, отличныхъ, своеобразныхъ людей и товарищей.

И этого всего потомъ изъ памяти и сердца нельзя вы-
жить во всю жизнь: и не надо — какъ рѣдкихъ и дорогихъ
гостей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОГО ТОМА:

„Фрегатъ Паллада“. Очерки путешествія въ двухъ
томахъ.

Томъ II.

V.

Манилла.

отъ лю-чу до маниллы.

Манильскій заливъ.—Островки *Боррехидоръ*, *Конъ* и *Монахи-ня*.—Входъ на рейдъ.—Рѣка *Пассигъ*.—Улицы, лавки, отсель.—Предмѣстье *Биондо* и старый городъ.—*Тагалы*, *китайцы*, *метисы* и *испанцы*.—Окрестности.—Растительность.—Плантаціи.—*Кальсадо*.—Французскіе миссіонеры.—Издѣлія изъ соломы и ананасныхъ волоконъ.—Церкви *Санта-Круцъ* и *Мигель*.—Ученье солдатъ.—Женщины.—Ящерицы въ домахъ.—Ванны.—Визиты къ испанцамъ.—Табачная фабрика.—Французскій епископъ.—Испанскій монастырь.—Соборъ.—Богомольцы и проповѣдники.—Иштуны бои.—Породы деревьевъ.—Канатная фабрика.—Запасъ сигаръ.—Дамы на фрегатѣ.—Происхожденіе словъ *Люсонъ* и *Манилла*.—Красота природы.—Географическая, историческая и статистическая замѣтка о Филиппинскихъ островахъ. . . .

VI.

Отъ Маниллы до береговъ Сибири.

Качающаяся мачта.—Островъ *Батанъ*.—*Радге* и *алькадь*.—*Сулой*.—Островъ *Камигуинъ*, портъ *Шю-квинто*.—Красное дерево.—Птицы и наѣкомыя.—*Бананы*.—*Драконъ*, пожирающій утокъ.—Обѣдъ въ тропическомъ лѣсу.—*Китъ*.—*Акула*.—Островъ *Гамильтонъ*.—*Камели*.—*Корейцы*.—Вѣсти изъ *Шанхая*.—*Нагасаки*.—Второй губернаторъ.—Подарки.—Провизія.—Острова *Гото*.—Берега *Кореи*; опись ихъ и повѣрка картъ.—Заливъ

151

Лазарева.—Прогулки по берегу.—Сильные туманы.—Змѣя.—
 Сношенія съ жителями.—Непріятность.—Рѣка Тайманьга.—
 Историческая замѣтка о Корей.—Гатарскій проливъ.—Шкваль.—
 Большой заливъ.—Жители.—Тунгусъ Авонька.—Гиляки. 79

VII.

Обратный путь черезъ Сибирь.

Плаваніе по Охотскому морю.—Китоловъ.—Петровское зимовье.—
 Аянскіе утесы и рейдъ.—Сборы въ путь.—Верховая ѣзда.—
 Восхожденіе на Джукджуръ.—Горы и болота.—Нелькангъ и рѣка
 Мая.—Якуты и русскіе поселенцы.—Опять верхомъ.—Лѣса и
 болота.—Юрты.—Телѣги. 142

VIII.

Изъ Якутска.

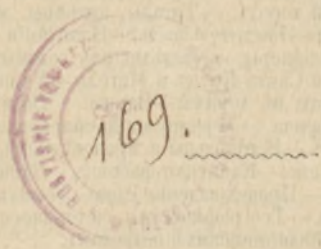
Ураса.—Станціонный смотритель.—Ночлежь на берегу Лены.—
 Перевозъ.—Якутскъ.—Сборы въ дорогу.—Мѣховое платье.—
 Русскіе миссіонеры.—Переводъ св. писанія на якутскій языкъ.—
 Якуты, тунгусы, карагаули, чукчи.—Чиловники, купцы.—Проводы. 190

IX.

До Иркутска.

Городъ Олекма.—Лена.—Станція по ней.—Сорокъ градусовъ
 мороза.—Вино и щи въ кускахъ.—Юрты съ чувалами.—Лѣса.—
 Тунгусы.—Витима.—Клренскъ.—Лошади и ямщики. 235

Черезъ двадцать лѣтъ. 252

О СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССИИ“

соч. К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

въ двухъ объемистыхъ томахъ XX+XII+1064 страницы большого 8°, съ двумя картинами съвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Вслѣдствіе исключительно благопріятныхъ условій, въ которыхъ находился авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ наиболѣе выдающимися достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстъ и видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ рѣдко бываетъ доступно. Благодаря этому книга К. К. Случевского заключаетъ въ себѣ чрезвычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этнографическаго и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой, интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ.

Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно исполненныхъ гравюрахъ и автогипсияхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ.

ИЗДАНИЕ РЕКОМЕНДОВАНО:

I. Учебнымъ Комитетомъ при СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ—для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ, духовныхъ семинарій и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

II. Ученымъ Комитетомъ МИНИСТЕРСТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ — для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также для раздачи воспитанникамъ учебн. заведеній въ видѣ награды.

III. Главнымъ Управленіемъ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ—для пріобрѣтенія въ библиотеки военныхъ и юнкерскихъ училищъ и въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ.

IV. Для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, а 1 томъ, кромѣ того, и для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста этихъ заведеній.

Цѣна за оба тома 7 р., съ перес. 8 р., въ двухъ изящныхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

ИСТИНКА И ПРАВЫ НАСЪКОМЫХЪ.

Изъ энтомологическихъ воспоминаній ФАБРА.

Съ 213 рисунками.

Перев. съ французскаго, подъ редакцію Ученого Секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества **Ив. Я. ШЕВЦЕВА.**

Въ книгѣ Фабра, живымъ и общедоступнымъ языкомъ, излагаются многолѣтнія наблюденія автора надъ любопытными проявленіями истинки насѣкомыхъ. Наблюденія эти, служащія цѣннымъ вкладомъ въ науку, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ большой интересъ и для читателей, незнакомыхъ специально съ энтомологіей, для которыхъ, главнымъ образомъ, и предназначена предлагаемая книга Фабра, дающая множество интереснѣйшихъ свѣдѣній о нравахъ, образѣ жизни, борьбѣ, размноженіи и вообще о своеобразной жизни въ томъ маленькомъ мірѣ насѣкомыхъ.

Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными, превосходно исполненными рисунками изъ сочиненій наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ энтомологовъ. Книга издана очень изящно и отпечатана на лучшей бумагѣ четкимъ шрифтомъ. Большой томъ въ VIII—590 страницъ большого 8°, съ 213 рисунками. СПб. 1898 г.

Цѣна книги, переплетенной въ прочную папку съ коленкоровымъ корешкомъ,—3 руб., съ перес. 3 р. 75 к., а въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ—3 р. 75 к., съ пересылк. 4 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербурѣ, М. Морская, № 22.—Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, 12)

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Новое изданіе въ пяти томахъ,

вновь пересмотрѣнное и очень значительно дополненное, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Я. П. Полонскаго (въ юношескомъ возрастѣ и по послѣднему снимку), гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. СПб. 1896 г.

Собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго, вошедшее въ составъ полного собранія его сочиненій изданія 1885—1886 гг., совершенно распродано и, составляя библиографическую рѣдкость, продавалось въ послѣдніе годы по 20 руб. и дороже.

Кромѣ стихотвореній прежняго изданія въ трехъ томахъ, въ настоящее новое изданіе вошли всѣ стихотворенія Я. П. Полонскаго за послѣдніа десять лѣтъ. Вслѣдствіе этого, новое изданіе возросло до пяти томовъ и представляетъ собою первое по полнотѣ собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго, заключающее въ себѣ всѣ поэтическія произведенія маститаго поэта до времени выхода настоящаго изданія.

Изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и заключаетъ въ себѣ 2415 страницъ in 8°.

Изданіе разсмотрѣно Военно-Ученымъ Комитетомъ, и о выходѣ его въ свѣтъ объявлено въ циркулярѣ Главн. Штаба отъ 17 декабря 1896 г., № 284.

Цѣна всѣмъ 5-ти томамъ 6 р., съ перес. 7 р. 50 к., въ 5-ти роскошн. коленкор. перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ,

подъ редакцію академика-профессора П. С. Тихонова.

Новое 14-е изданіе, въ 5-ти томахъ, 2730 стр. in 8°, съ біографіею Н. В. Гоголя и съ приложеніемъ двухъ его портретовъ, гравирован. на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двухъ автографовъ Гоголя и нѣсколькихъ его собственноручныхъ рисунковъ. СПб. 1898 г.

Въ 14-мъ изданіи помѣщенъ составленный извѣстнымъ изслѣдователемъ и собирателемъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, В. И. Шенрокомъ, біографическій очеркъ, въ которомъ живо и интересно, въ сжатой формѣ, очерчены главнѣйшія обстоятельства какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни Гоголя въ разные періоды.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ доселѣ напечатанныя «сочиненія» Гоголя, причѣмъ не было сдѣлано никакихъ отступленій отъ плана, начертаннаго самимъ Гоголемъ для полного собранія его сочиненій. Мелкіе варианты текста, напечатанные въ десѣтомъ изданіи „Сочиненій Гоголя“, въ настоящее изданіе не включены, но отдѣльныя мѣста и цѣлыя страницы, переѣланные или по личнымъ соображеніямъ автора, или по требованію старой цензуры, помѣщены въ «примѣчаніяхъ редактора».

Новое изданіе отпечатано въ томъ же форматѣ, на такой же прекрасной бумагѣ и такимъ же красивымъ, четкимъ шрифтомъ, какъ предыдущее 13-е изданіе. Цѣна за пять томовъ—6 р., съ перес. 7 р. 50 к., а въ пяти роскошныхъ коленк. перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

Сочиненія Гоголя: 1) рекомендованы Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и 2) разсмотрѣны Военно-Ученымъ Комитетомъ, и о выходѣ ихъ въ свѣтъ объявлено въ цирк. Гл. Штаба отъ 17 ноября 1895 г., № 229.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22. — Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

